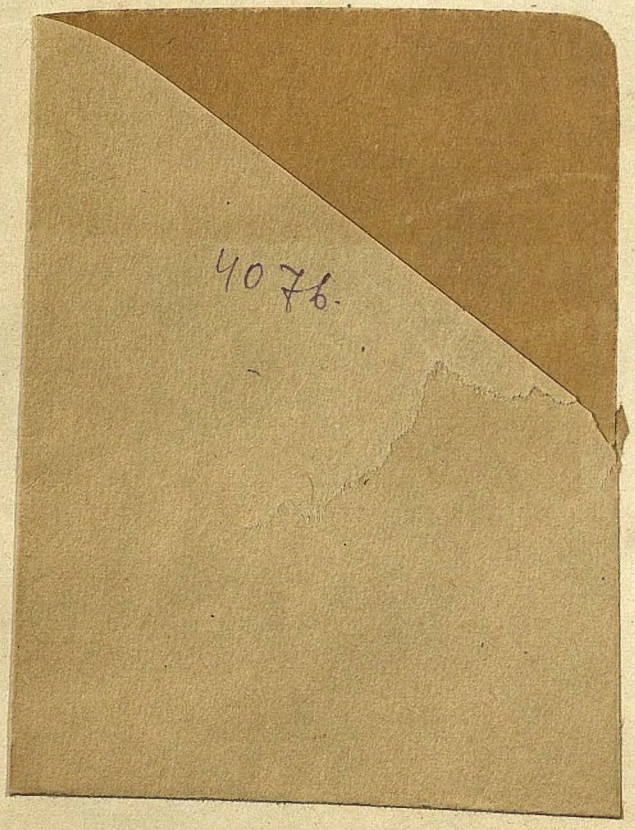
К(С)21
Р17

И. РАЗГОН

ОРДЖОНИКИДЗЕ и КИРОВ *и борьба* ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ *на Северном Кавказе*

76586н



КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

11/XII

68

32-9/VI02

Колич. предыд. выдач

60

63

76

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СЕКРЕТАРИАТ ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИИ
«ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ в СССР»

Г. К. Орджоникидзе и С. М. Киров

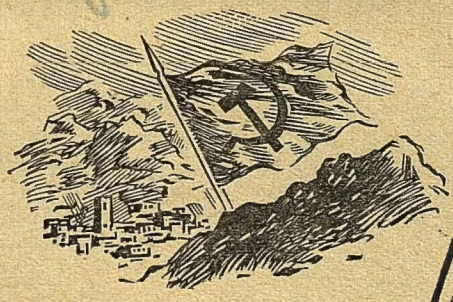
9(С)21
Р17
1944
К
1946?
53г 47 48 51.
9(47)
Р—17

Профессор
И. РАЗГОН

ОРДЖОНИКИДЗЕ и КИРОВ
и борьба
ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ
на Северном Кавказе

1917—1920 г.г.

ЦКХ
76586к
4076
711225
Управление культ-т-предприятий
Библиотека
№ 25
им. Сур. Коми
Коминтерн. р-на
МОСКОВСКАЯ



ОГИЗ • ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1941

41 г.

БЕЛГОРОДСКАЯ
Областная
БИБЛИОТЕКА

ОТ АВТОРА

Книга явилась результатом работы автора над историей Октябрьской социалистической революции и гражданской войны на Северном Кавказе. Работа эта проводилась по поручению секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР».

Автор не ставил перед собой задачу дать исчерпывающую картину гражданской войны на Северном Кавказе в 1917—1920 гг. Основная цель книги—рассказать о той огромной роли, которую играли на Северном Кавказе крупнейшие деятели большевистской партии—Орджоникидзе и Киров в годы Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР.

Материал для книги автор собирал как в московских архивах (Центральный архив Октябрьской революции, Центральный архив Красной Армии), так и в местных партийных и советских архивах (Ростов, Пятигорск, Краснодар, Орджоникидзе и другие города).

Не малую роль в восстановлении истории этой героической эпохи сыграли сотни воспоминаний активных участников гражданской войны, собранные и записанные автором на Северном Кавказе и в Москве и хранящиеся в фонде воспоминаний секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР».

Автор выражает глубокую благодарность научному коллективу секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны» и его руководителю — члену-корреспонденту Академии наук СССР профессору И. И. Минцу за помощь, оказанную в работе над данной книгой.

ВВЕДЕНИЕ

Героическая борьба рабочих, крестьян, казачьей бедноты и трудовых горских масс Северного Кавказа под руководством большевиков против буржуазно-помещичьей и националистической контрреволюции имела большое значение в общем ходе гражданской войны в СССР. Трудовые народы Северного Кавказа, руководимые большевиками, в самые тяжелые для страны периоды сдерживали наступление контрреволюционных сил юга России и принимали на себя сильнейшие удары врагов.

Отрезанные больше полугода от Советской России кольцом контрреволюционных восстаний, разобщенные между собой возникавшими внутренними фронтами, трудящиеся Северного Кавказа, неся тяжелые потери, сражались не только за свою свободу, но и за лучшее будущее всей Советской страны.

Г. К. Орджоникидзе и С. М. Киров, руководители и вдохновители борьбы за власть советов на Северном Кавказе, в тяжелейших условиях сумели создать сильные духом большевистские организации и объединить вокруг большевиков многонациональные народы Северного Кавказа.

Борьба за победу Октябрьской социалистической революции и гражданская война на Северном Кавказе проходили в особо сложных и тяжелых условиях. Не случайно юго-восточная окраина бывшей царской России была избрана капиталистами и помещиками как база создания основной контрреволюционной силы — «добровольческой» армии, как арена борьбы с советской властью. Буржуазно-помещичья контрреволюция и ее хозяева—империалисты всех стран, а в особенности англо-французские империалисты,

имели здесь много союзников и друзей. Это было контрреволюционное офицерство казачьих районов Дона, Кубани и Терека, кулацко-зажиточная часть казаков, кулачье из так называемых иногородних. Им всячески помогала, вместе с ними и под их руководством боролась против советской власти буржуазно-националистическая и феодально-клерикальная верхушка горских народов.

Наконец, на Северном Кавказе в тылу у белых находились меньшевистское правительство Грузии и муссаватистское правительство Азербайджана, занимавшие позицию доброжелательного «нейтралитета» по отношению к «добровольческой» армии и, наоборот, враждебную позицию в отношении Советской страны.

Немецкие оккупанты, а затем англо-французские империалисты помогали южной контрреволюции боеприпасами, обмундированием, самолетами, танками и т. д. Велика была сила врагов советской власти на Северном Кавказе, но еще сильнее было сопротивление трудящихся белогвардейщине и интервентам. Грозной стеной встали рабочие, крестьянская и казачья беднота, угнетенные ранее царизмом горские народы на защиту своей родной советской власти. Вокруг знамени советов, вокруг большевиков и их руководителей на Северном Кавказе—Орджоникидзе и Кирова объединились все, кто мог держать оружие.

Это была подлинно народная война. Она захватила все слои трудового населения без различия народности, пола и возраста. Борьба шла не на жизнь, а на смерть — и советский народ победил. Уже с июня 1918 г. Северный Кавказ был почти полностью отрезан от Советской России. Единственный путь, соединявший Северный Кавказ со всей страной, — линия железной дороги Тихорецкая — Царицын была перерезана белыми в конце июня 1918 г. Товарищ Сталин, находившийся в Царицыне, придавал огромное значение борьбе, развернувшейся на Северном Кавказе. Он требовал посылки на Северный Кавказ свежих частей, боеприпасов и оказания всемерной помощи героическим борцам Северокавказской, впоследствии XI, армии.

Но предатель Троцкий оставался глух к той огромной борьбе, которая развернулась на Северном Кавказе и имела колоссальнейшее значение для судеб гражданской войны. Более полугода Красные армии Северного Кавказа сражались, не получая боеприпасов, обмундирования, медикаментов. Предатели и враги задерживали все посылаемое на Северный Кавказ. Патроны приходилось покупать по пяти рублей штука, — сообщал в одной из своих телеграмм Серго Орджоникидзе Ленину. И все же красные бойцы Северного Кавказа решили лучше погибнуть в неравном бою, чем опозорить честь своей партии, честь советской власти.

XI Северокавказская армия не была разгромлена врагом, — она растаяла под ударами эпидемии сыпного тифа, поразившего две трети армии. Она вынуждена была отойти, потому что полностью иссякли патроны, снаряды. Бойцы героически сражались и умирали.

Товарищ Орджоникидзе, руководитель борьбы за власть советов на Северном Кавказе, находившийся все время в рядах красных бойцов, защищавших Северный Кавказ от интервентов и белогвардейцев, резко выступил против гнусных измышлений врагов народа, направленные против XI армии. В своем докладе Совнаркому в июле 1919 г. он писал:

«XI-ю армию в России не знают. Не знают ее наши партийные товарищи и, что печальней всего, не знают даже руководители военного ведомства нашей XI-й армии. Принято вообще ругать XI-ю армию как сброд всевозможных партизан и бандитов. Лично я никогда не был поклонником ее, я видел все ее недостатки и недостаточную организованность. Но Советская Россия должна знать, что XI-я армия в продолжение целого года, как раз в тот момент, когда у Советской России не было еще организованной армии, когда на нее напирали Краснов, чехо-словаки и Колчак и когда нашим с большим трудом удалось задержать наступление Краснова в прошлом году, в то самое время, когда напирала самая сильная, самая организованная, сплоченная дисциплиной контрреволюционная «добровольческая» армия во главе с Алексеевым, Деникиным, Покровским и др., имевшая несколько всевозможных офицерских полков, насчитывающих каждый по 5 тыс. офицеров, — XI-я армия приковывала к себе внимание «добровольческой» армии и вела с ней смертельный бой».

...Если бы не было того игнорирования Северного Кавказа, в частности XI-й армии, если бы мы сохранили армию на Северном Кавказе, нас Деникин не осмелился бы с такой силой теснить, — писал в своем докладе Серго Орджоникидзе, — ...ибо он все время имел бы в тылу ту самую XI-ю армию, которая, по его же словам, уничтожила его лучшие офицерские полки. И к тому же Северный Кавказ, Ставропольская губерния и Кубанская область с ее колоссальным количеством хлеба, мяса, нефти, шерсти и бензина были бы в наших руках, а к тому же можно было из горцев создать великолепную кавалерийскую дивизию, которая могла сыграть большую роль в борьбе против Деникина» [1].

Лишенные артиллерийского, вещевого и санитарного снабжения, северокавказские войска не могли одержать полную победу над врагом и вынуждены были отойти. Белые заняли в начале 1919 г. Северный Кавказ. Но борьба не кончилась. Она продолжалась в горах Кавказа, в плавнях Кубани, Терека, Маныча, Кумы. Против деникинцев выступили партизанские отряды «красно-зеленых», партизанские отряды горцев, организованные и руководимые Орджоникидзе и Кировым.

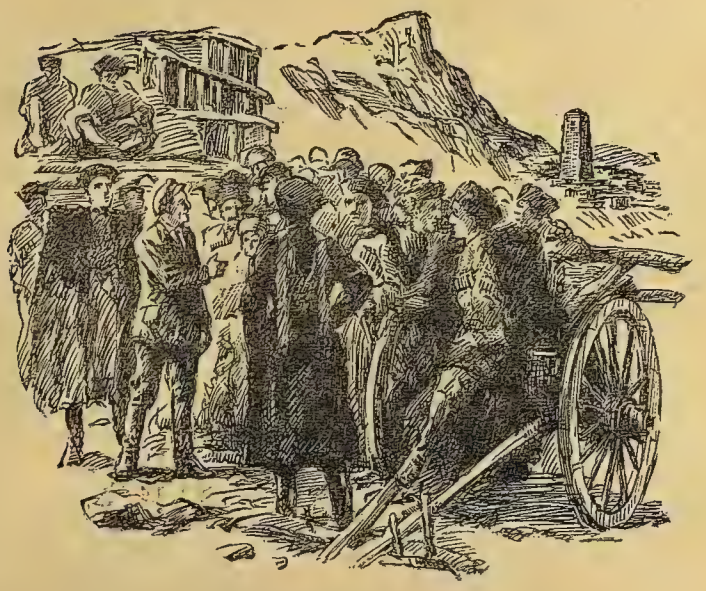
Целый год продолжалась партизанская борьба в глубоком тылу у Деникина. Она оттягивала лучшие силы белых, она помогала Красной Армии громить врага, и вместе с ней красные партизаны разгромили и выгнали белых с Северного Кавказа. Героическая

[1] «Пролетарская революция» № 1 за 1939 г., стр. 220 и 221.

борьба народов Северного Кавказа под руководством Орджоникидзе и Кирова, осуществлявших ленинско-сталинскую национальную политику, привела к победе. Из рук товарища Сталина 17 ноября 1920 г. горские трудовые народы получили свою автономию.

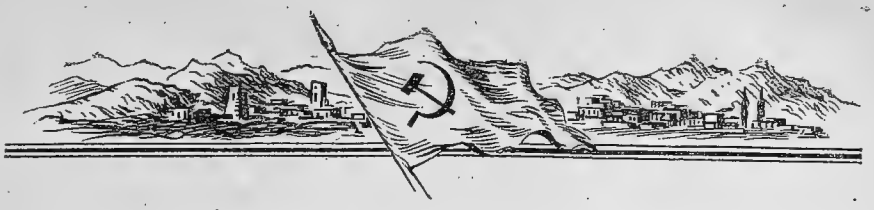
Из рук своего вождя освобожденные горские народы Северного Кавказа получили право на самостоятельное государственное существование, были приняты равноправными членами в великую братскую семью советских народов.

Под руководством Сталина, Орджоникидзе и Кирова была создана горская автономная республика. Там, где в течение столетий проливалась кровь трудящихся в интересах русских и местных помещиков и капиталистов, там сейчас мирно и счастливо под солнцем Сталинской Конституции живут народы Северного Кавказа.



I

БОРЬБА ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ ВЛАСТИ СОВЕТОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ ОРДЖОНИКИДЗЕ И КИРОВА



ГЛАВА ПЕРВАЯ

РАЗГРОМ КАЛЕДИНЩИНЫ И УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА ДОНУ[1]

☆

ОСОБЕННОСТИ ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ПЛАЦДАРМА КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Свободно и зажиточно живет ныне советское казачество. Вместе со всей Советской страной оно строит социалистическое хозяйство. Расцветает советский Дон под солнцем Сталинской Конституции. Советские казаки, руководимые большевистской партией, с каждым годом добиваются все новых и новых достижений в хозяйстве и культуре.

За прошедшие двадцать лет со времени окончания гражданской войны большевистская партия и советское правительство провели огромную созидательную работу для того, чтобы превратить советский Дон в один из замечательных уголков нашей социалистической родины. В ходе этой гигантской работы пришлось преодолеть не мало трудностей, коренившихся в прошлом донского казачества.

В период иностранной военной интервенции и гражданской войны казачьи районы юго-востока России, и в первую очередь Донская область, не случайно стали районами формирования сил контрреволюции, плацдармом мятежей против советской власти.

В географическом размежевании между революцией и контрреволюцией, в географическом распределении борющихся сил России нет ничего неестественного,—указывал товарищ Сталин в статье «К военному положению на Юге» в декабре 1919 г.

«В самом деле: кому же еще быть базой советского правительства, как не петроградско-московскому пролетариату? Кто же дру-

[1] Все даты первой части даны по старому стилю.

гой мог быть оплотом деникинско-колчаковской контрреволюции, как не исконное орудие русского империализма, пользующееся привилегиями и организованное в военное сословие — казачество, издавна эксплоатирующее нерусские народы на окраинах?» [1]

Своеобразные особенности районов казачества: резко выраженная сословная обособленность казаков от окружающего населения, лучшая земельная обеспеченность их, большая прослойка офицерства и огромное влияние этой прослойки на рядовое казачество — все это дало возможность контрреволюции использовать казачество в борьбе против победившей социалистической революции.

Немало обманутых казаков было в войсках белых генералов, в корпусах Мамонтова, Коновалова, Фицхелаурова, Павлова, Гусельщикова. Конечно, далеко не все казачество стало на сторону контрреволюции. Донская казачья беднота смело выступила на защиту власти советов, сражалась под знаменами Первой Конной армии.

Сложность борьбы на Дону в годы революции и гражданской войны объяснялась всей предыдущей историей донского казачества. Из одиннадцати казачьих войск старой России донское казачество было старейшим и наиболее многочисленным.

Длительный процесс формирования донского казачества, как военного сословия крепостнической России, завершился положением «об устройстве Донского войска», введенным при Николае I, в 1835 г. По положению доступ в казачье сословие прекращался. Была введена поголовная военная служба казаков, установлен размер земельного казачьего пая. Земельный пай давался только казакам-мужчинам и являлся натуральной платой за военную службу казака.

Длительность действительной военной службы, установленная в 20 лет, позднее была снижена до 15. Казак должен был являться на царскую службу в полном вооружении, со строевым конем, в экипировке, приобретение которых ложилось на его плечи. Стоимость вооружения, экипировки, строевого коня увеличивалась с каждым десятилетием и являлась тяжелым бременем для большинства казаков.

Явно выраженная феодальная «служба с земли» все больше приходила в противоречие с развивающимся в стране капитализмом, захватившим и Донскую область. Эта «служба с земли» была одним из крепостнических остатков, сохранившихся в царской России вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

К 1916 г. в Донской области было 3 401 350 человек населения. Из них казаков — 1 589 484 [2]. Таким образом, казаки составляли 47% населения области. Большую часть населения Донской области составляли крестьяне, так называемые коренные и иногородние. «Коренных» было около 900 тыс., «иногородних»—около 800 тыс. человек [3].

[1] «Правда» № 318 от 19 ноября 1934 г.
[2] Памятная книжка Войска донского за 1915 г.
[3] *Там же.*

Из 15 с лишним миллионов десятин земли в Донской области свыше 12 млн. принадлежало казачеству. Таким образом, меньшинство населения области владело 85% всей земельной площади Дона. Это обстоятельство было решающим в ходе Октябрьской социалистической революции и гражданской войны на Дону. Оно в основном определило расстановку сил революции и контрреволюции и придало классовой борьбе в донских станицах особую остроту.

Однако, несмотря на то, что у казаков было в пять раз больше земли, чем у коренного крестьянства («иногородние» вовсе не имели своей надельной земли), большая часть казачества не могла быть довольна своей жизнью. Начавшийся в далеком прошлом процесс обезземеливания рядового казачества и постепенного перехода земли в руки казачьей, дворянской и кулацкой верхушки к началу XX века зашел уже довольно далеко. Этот процесс особенно усилился после реформы 1861 г.

К концу XIX — началу XX века сельское хозяйство Донской области прочно стало на капиталистический путь. Сложилась значительная кулацкая прослойка казаков. В станицах появилась многочисленная казачья беднота, лишенная собственного хозяйства. По всей Донской области (по материалам переписи 1917 г.) оказалось 16% беспосевных казачьих хозяйств, 7% — без рабочего скота и 10,7% — без коров. В отдельных районах процесс разложения казачьего хозяйства зашел еще глубже. Так, в ряде станиц 1 и 2-го Донских округов имелось 27% хозяйств без посева, 30,9% — без рабочего скота, 31% — бескоровных. Из года в год росла также задолженность казачьей бедноты, вынужденной итти в кабалу к кулаку, чтобы раздобыть средства на вооружение и снаряжение своих сыновей-казаков, отправлявшихся на военную службу.

Тяжелым было положение и так называемого «коренного» крестьянства. Надел земли этого слоя крестьянства, полученный по реформе 1861 г., колебался от 0,4 до 4,5 десятины на душу. К 1917 г. на 900 тыс. «коренных» крестьян приходилось около 550 с лишним тысяч десятин надельной земли. Такое же количество земли находилось в руках 4 730 дворян-помещиков на Дону.

Чтобы как-нибудь просуществовать, «коренному» крестьянству приходилось арендовать землю у казачества. К 1917 г. большинство «коренных» крестьян представляло собой бедноту, главным образом безземельную или безлошадную. В этой группе крестьян была и кулацкая прослойка, владевшая от 25 до 100 десятин покупной земли, применявшая в хозяйстве наемную рабочую силу. Кулацкая группа, несмотря на то, что правовое положение ее было хуже, чем казаков, была союзницей казачьей верхушки в ее борьбе против пролетарской революции.

В еще худшем и более бесправном положении находились так называемые «иногородние» крестьяне, пришедшие на Дон после реформы 1861 г. Гонимые нуждой, крестьяне центрально-черноземной полосы устремились на Дон. Здесь они попали в лапы

казаку-кулаку, богатею. Живя впроголодь, 800-тысячная масса «иногородних» арендовала у казаков-богатеев за очень высокую цену около полутора миллионов десятин земли. Кроме того, за жалкий усадебный участок «иногородние» вносили посаженную плату. Ютились они на окраинах казачьих станиц и хуторов, находясь в полной зависимости от казачьей верхушки, заправлявшей станичными делами. Огромные денежные и натуральные повинности тяжелым бременем ложились на хозяйство «иногородних» крестьян.

Правовое положение «иногородних» было еще хуже, чем «коренных» крестьян. Это были настоящие парии. Единственным выходом для подавляющего большинства крестьянского населения Дона — «коренного» и «иногороднего» — была борьба за новый общественный порядок, который разрешил бы главный для них вопрос — аграрный.

К числу «иногородних» относили также очень незначительную прослойку местных фабрикантов, заводчиков, купцов и вообще предпринимателей. Это были союзники контрреволюционной казачьей верхушки в борьбе против социалистической революции.

Крупнейшей ведущей, организующей силой социалистической революции на Дону был рабочий класс. Немногочисленный по своему составу, он был сосредоточен в трех основных пунктах: Ростове-на-Дону, Таганроге и в части Донецкого бассейна, входившей в состав Донской области.

Шахтеры Александрово-Грушевских угольных копей, железнодорожники и металлисты Ростова и Таганрога имели богатый опыт классовой борьбы, славные традиции борьбы с царизмом. Знаменитая стачка в Ростове в 1902 г., стачки в Александрово-Грушевском районе в 1903 г. и, наконец, вооруженное восстание рабочих в Ростове-на-Дону и шахтеров угольного бассейна в дни первой русской революции — все это было незабываемым этапом в жизни и борьбе пролетариата Донской области.

Сильная большевистская организация в течение почти полутора десятилетий руководила рабочим и революционным движением в Ростове-на-Дону, боролась с меньшевиками и другими соглашательскими партиями. Все это делало рабочий Ростов центром борьбы за социалистическую революцию на Дону.

КАНУН ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ. НАЧАЛО КАЛЕДИНЩИНЫ

После победы Февральской буржуазно-демократической революции казачья верхушка Дона быстро сорганизовалась. Вместо старого наказного атамана графа Граббе был выбран новый войсковой атаман Волошинов. В конце мая последний был заменен генералом Калединым.

В лице Каледина казачья верхушка получила видного представителя контрреволюционных сил, одного из организаторов всероссийской контрреволюции. Каледин и донское войсковое прави-

тельство, возглавляемое помощником Каледина М. П. Богаевским, поставили перед собой задачу полного сохранения царских порядков в Донской области и борьбу за такие же «порядки» во всей России. Еще летом 1917 г. началась подготовка Дона как плацдарма борьбы с нараставшей социалистической революцией. В лице соглашательских партий на Дону — меньшевиков и эсеров — Каледин нашел себе верных помощников в организации контрреволюционных сил.

Большевистские организации Донской области, в особенности ростовская организация, вели упорную борьбу против войскового правительства и его соглашательских союзников. Опираясь на рабочих и революционных солдат, большевистская организация успешно боролась за влияние на крестьянство и казачью бедноту. В мае 1917 г. в Ростове-на-Дону была создана большевистская газета «Наше знамя», выпускались листовки, большевистские агитаторы ездили по селам и станицам, проводили митинги и т. д.

Огромный вред большевистской организации Ростова нанесла группа правых во главе с Сырцовым и группа троцкистов во главе с Васильченко. Обе эти антипартийные группки яростно боролись против ленинской линии. Они были по существу замаскированными союзниками контрреволюционного войскового правительства. Они предлагали большевикам объединиться с меньшевиками на платформе поддержки войскового правительства. Они боролись против Апрельских тезисов Ленина. Вместе с эсерами и меньшевиками они выступали за продолжение империалистической войны. Они добивались отправления на фронт революционных частей ростовского гарнизона, чтобы ослабить большевистскую организацию в ее борьбе за власть советов. Они выступили против решений VI съезда большевистской партии, нацелившего партию на вооруженное восстание.

Большевики Ростова решительно боролись против предательской политики правых и троцкистов. Правые и троцкисты были изгнаны из Ростово-Нахичеванского комитета, но свою антибольшевистскую деятельность они не прекратили. Разоблачая соглашателей и их подпевал из лагеря право-троцкистских предателей, большевистская организация успешно формировала политическую армию перед Октябрем. Она вела за собой не только рабочих городов, но и трудовое крестьянство и казачество. Под влиянием большевиков казачьи части в области все больше революционизировались.

Заговор Корнилова и открытая поддержка его казачьей верхушкой Дона во главе с Калединым резко усилили большевизацию масс на Дону. В городах создавалась Красная гвардия. 6 сентября в Ростове был образован центральный штаб Красной гвардии. Революционный подъем захватил и казачество.

Полевение трудовых казачьих масс шло параллельно с активизацией контрреволюционных казачьих верхов. Верхушка казачьих войск, объединенная в «Союз казачьих войск», выступала организатором сил контрреволюции. Совет союза находился

711225
БЕЛГОРОДСКАЯ Областная БИБЛИОТЕКА
Библиотека № 23 им. Сурикова Коминтерн. р-н МОССОВЕТ
76586 4076

в Петрограде. Фактически заправляли советом Каледин, Дутов и другие руководители казачьих войск.

В дни корниловщины совет «Союза казачьих войск» всеми мерами пытался содействовать успеху контрреволюционного мятежа. То же повторилось и в Октябрьские дни. Спровоцированные представителями совета «Союза казачьих войск», отдельные казачьи части вместе с контрреволюционными войсками Керенского—Краснова пошли на Петроград, но были разбиты. 29 ноября по решению совещания представителей донских и кубанских полков северного фронта и казачьего комитета при ВЦИК совет «Союза казачьих войск» был распущен и члены его арестованы.

Еще за несколько дней до Октябрьского переворота, 20 октября 1917 г. во Владикавказе был создан «Юго-восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей»[1]. Этим пышным названием прикрывалось объединение контрреволюционных верхов донского, кубанского, терского и астраханского казачества, горцев Северного Кавказа, Дагестана, калмыков Астраханской и Ставропольской губерний. 31 октября к «Юго-восточному союзу» присоединилась и верхушка уральского казачества [2].

«Юго-восточный союз» был одной из плотин, созданных на окраинах буржуазно-националистическими и буржуазными областными правительствами, дабы приостановить у своих границ победный ход пролетарской революции. Эти «правительства» и слышать не хотели о социалистической революции. «Буржуазные по природе,—говорит Сталин, — они вовсе не хотели разрушать старый буржуазный мир, — наоборот, они считали своим долгом сохранять и укреплять его всеми силами. Империалистические по существу, они вовсе не хотели рвать с империализмом, — наоборот, они никогда не были прочь захватить и подчинить себе куски и кусочки «чужих» национальностей, если представлялась к тому возможность. Неудивительно, что «национальные правительства» на окраинах объявили войну социалистическому правительству в центре. Объявив же войну, они, естественно, стали очагами реакции, стягивавшими вокруг себя все контрреволюционное в России. Ни для кого не тайна, что туда, в эти очаги, устремились все вышибленные из России контрреволюционеры, что там, вокруг этих очагов, формировались они в белогвардейские «национальные» полки» [3].

Объединенное правительство «Юго-восточного союза» начало функционировать 16 ноября. Местопребыванием правительства был объявлен Екатеринодар. В декларации правительства «Юго-восточного союза» совершенно недвусмысленно заявлялось, что как идея создания самого союза, так и направление деятельности «правительства» носят антибольшевистский характер.

---

[1] ЦАОР, ф. 1255, оп. 1, д. 63, л. 14.

[2] *Там же*, д. 91, л. 247.

[3] *Сталин*, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 72—73, Госполитиздат, 1939 г.

Одним из инициаторов и руководителей союза был генерал Каледин. Все остальные организаторы союза были такими же матерыми контрреволюционерами, как и Каледин. Чеченец-нефтепромышленник Тапо Чермоев, кабардинский коннозаводчик Пшемахо Коцев, «святейший» имам Северного Кавказа и Дагестана Нажмуддин Гоцинский, религиозный фанатик чеченский шейх Узун-Гаджи — все они охотно объединились с казачьей верхушкой, столетиями угнетавшей горские народы. Всех их объединяла ненависть к социалистической революции, стремление сохранить свое господство.

25 октября 1917 г. в Новочеркасске войсковым атаманом Дона генералом Калединым была получена телеграмма от министра юстиции Временного правительства Малянтовича. По поручению Временного правительства министр взывал к Каледину о помощи. Малянтович в телеграмме сообщал, что в Петрограде началось восстание и что «впредь до особых указаний не подлежат исполнению приказы, которые могут облегчить победу большевиков» [1].

В тот же день вечером войсковое правительство по предложению Каледина объявило захват власти большевиками «преступным» и высказалось за поддержку Керенского. Войсковое правительство приняло на себя всю полноту исполнительной государственной власти в Донской области [2].

Телеграмма с текстом принятого решения была немедленно отправлена Временному правительству, совету «Союза казачьих войск», председателю общефронтового казачьего съезда в Киеве, войсковым правительствам всех казачьих войск России, главнокомандующему в ставку и командирам всех донских казачьих частей.

Так, генерал Каледин, которого недавно Временное правительство хотело арестовать и отдать под суд за участие в корниловском мятеже, первым выступил на защиту этого правительства. Мало того, в телеграмме Керенскому в Гатчину Богаевский от лица атамана и войскового правительства пригласил Временное правительство и членов совета Российской республики (Предпарламента) прибыть в Новочеркасск для того, чтобы возглавить борьбу с большевиками [3].

Одновременно Каледин связался с контрреволюционными организациями в Петрограде, организовавшими выступления против советской власти. В результате раскрытия одного из офицерских заговоров в Петрограде в ночь на 5 ноября по предписанию Петроградского военно-революционного комитета были арестованы: известный деятель черносотенной организации «Союз русского народа» В. М. Пуришкевич, некий капитан Кованько, прикомандированный к французской миссии, герцог Лейхтенбергский и ряд других. При аресте Пуришкевича у него было найдено

---

[1] ЦАОР, ф. 1255, д. ВВД, 1—91, 1917 г., л. 3.
[2] ЦАОР, ф. 1255, оп. 1, д. 92, 1917 г., л. 75.
[3] ЦАОР, ф. 102, д. 340, л. 19—20.

письмо к генералу Каледину. Вместе с бароном де-Боде, офицером военно-авиационного отряда, он писал Каледину об организуемой заговорщиками контрреволюционной работе:

«...Организация, во главе коей я стою, работает не покладая рук над спайкой офицеров и всех остатков военных училищ и над их вооружением. Спасти положение можно только созданием офицерских и юнкерских полков; ударив ими и добившись первоначального успеха, можно будет затем получить и здешние воинские части... Мы ждем вас сюда, генерал, и к моменту вашего подхода выступим со всеми наличными силами» [1].

Распоясавшийся старый погромщик ждал прихода в Петроград карательных отрядов генерала Каледина.

У арестованных Пуришкевича и де-Боде были обнаружены подложные паспорта, множество незаполненных бланков удостоверений различных войсковых частей, которые раздавались офицерам, отправлявшимся на Дон. У них же нашли винтовки, патроны, револьверы, банки с ядом. В комнате, занимаемой бароном де-Боде, оказался даже пулемет.

Особые надежды организаторы всероссийской контрреволюции возлагали на казачество.

В Новочеркасск по поручению лесопромышленников Царицына приезжал известный владелец лесозаводов Максимов. От имени царицынской буржуазии он просил включить весь царицынский железнодорожный узел в район «Юго-восточного союза» [2]. Царицынская буржуазия настоятельно требовала прислать войска для разгрома революционных сил Царицына и захвата города калединцами.

Каледину, руководителю донской контрреволюции и «Юго-восточного союза», буржуазия верила и активно его поддерживала. На Дон потянулись контрреволюционные силы со всей России.

ОБЩЕФРОНТОВОЙ СЪЕЗД КАЗАКОВ

За несколько дней до Октябрьского переворота в Киеве открылся общефронтовой казачий съезд. Выбор Киева для созыва съезда был не случаен. Временное правительство не пошло на то, чтобы собрать общефронтовой съезд в Петрограде. Керенский боялся влияния революционных организаций Петрограда на казаков. Этого же опасалась и казачья контрреволюционная верхушка, предпочитавшая созвать съезд в Киеве, под крылышком Центральной рады и поближе к Донской области.

Общефронтовой казачий съезд открылся 22 октября под председательством одного из сподвижников Каледина, члена донского войскового правительства П. Агеева. В составе съезда имелась группа трудового казачества во главе с донским казачьим офицером Автономовым, кубанским казаком Гуменным и др.

---

[1] «Правда» № 182 от 20 (7) ноября 1917 г.
[2] ЦАОР, ф. 1255, д. ВВД, 1—92, 1917 г., л. 106.

Получив известие о событиях 24—25 октября в Петрограде, съезд большинством голосов высказался за поддержку Временного правительства, против советской власти.

Съезд избрал исполнительный комитет, который должен был стать руководящим органом в борьбе с пролетарской революцией. Ближайшей задачей исполнительного комитета было предотвращение восстания рабочих и борьба против установления советской власти в Киеве. Исполнительный комитет связался с Центральной радой, также отказавшейся признать победу социалистической революции. В тот же день руководители съезда установили контакт с советом «Союза казачьих войск» и юнкерскими училищами в Петрограде для совместной борьбы против советской власти [1].

Общефронтовой казачий съезд пытался заставить казачьи полки петроградского гарнизона также выступить против власти советов. Но осуществить это не удалось.

Контрреволюционные казачьи верхи возлагали большие надежды на общефронтовой съезд. К этому времени ясно определилась и позиция Украинской центральной рады. 26 октября был установлен полный контакт Рады с командованием Киевского военного округа, с общефронтовым казачьим съездом, с местным городским самоуправлением. В тот же день Рада приняла резолюцию против вооруженного восстания рабочих и солдат в Петрограде. Было решено «бороться со всякими попытками поддержать восстание на Украине» [2].

Единение казачьей контрреволюции с контрреволюционной Украинской радой было поддержано агентом Антанты профессором Массариком, руководителем чехословацкого национального комитета, будущим главой правительства Чехо-Словакии. Массарик во время Октябрьского восстания был в Киеве. Здесь же находился штаб сформированного чехословацкого корпуса. Массарик выступил на заседании казачьего съезда с предложением совместно бороться против «надвигающейся анархии». Через некоторое время в исполнительный комитет казачьего съезда явился представитель одной из дипломатических и военных миссий Антанты, находившихся в Киеве, и повторил предложение Массарика. Как и Массарик, он предложил казакам начать борьбу с большевиками. Чехословацкий корпус должен был немедленно примкнуть к этой борьбе.

Начались закулисные переговоры, которые, правда, не увенчались полным успехом в связи с быстро развивавшимися событиями. Обстановка в городе ухудшалась для контрреволюции с каждым днем. Рабочие Киева готовились к захвату власти. Восстание началось 29 октября. Оно могло бы окончиться победой рабочих, если бы Центральная рада, поддержанная чехословаками и казачьим съездом, не захватила полностью власть в свои руки и

[1] ЦАОР, ф. 1255, д. ВВД, 1—91, 1917 г., л. 65.
[2] «Киевская мысль» № 131 от 27 октября 1917 г. Вечерний выпуск.

не выступила на борьбу с рабочими, разгромившими органы Временного правительства в Киеве.

Общефронтовой казачий съезд по приглашению Каледина переехал для продолжения работы в Новочеркасск. Смысл этого маневра был очевиден. Казачьи войска, разбросанные на юго-востоке и востоке страны, должны были поддержать общероссийское контрреволюционное правительство, которое пытался организовать Каледин, опираясь на «Юго-восточный союз». Общефронтовой казачий съезд, представлявший все 11 казачьих войск, должен был поддержать Каледина и содействовать осуществлению его целей.

Ко времени прибытия съезда в Новочеркасск здесь уже находились генерал Алексеев, Родзянко и другие организаторы контрреволюции. Они возлагали большие надежды на казачество, рассчитывая использовать его в борьбе с советской властью.

Направляемый Калединым, общефронтовой съезд на первом же своем заседании в Новочеркасске, 6 ноября, принял решение о концентрации казачьих частей в крупные боевые соединения. На съезде был также поставлен доклад «правительства» «Юго-восточного союза». Съезд обещал ему поддержку. Отсутствие полного единства на съезде, сказавшееся уже во время работы съезда в Киеве, еще больше дало себя знать в Новочеркасске. Около полутора десятка делегатов, объединенных в так называемую «левую группу», вели борьбу с контрреволюционными заправилами съезда. «Левая группа», хотя и не являлась однородной по своим политическим взглядам, была бельмом на глазу у заправил съезда. Уже самый факт выделения из войсковых фракций, на которые делился состав съезда, «левой группы» единомышленников говорил о настроениях, зревших в рядах трудового казачества всей России.

7 ноября «левая группа» приняла декларацию, в которой прямо говорилось о недопустимости отделения казачьих областей от России. Этот пункт декларации прежде всего был направлен против войскового правительства Дона.

Руководители съезда не дали представителю «левой группы» огласить декларацию, хотя она говорила о поддержке центральной власти, организуемой «Комитетом спасения родины и революции», т. е. врагами социалистической революции и большевиков. Не был также оглашен и протест «левой группы». Против нее был организован поход. Без разрешения Каледина или председателя съезда Агеева ей было запрещено предоставлять помещение для заседаний. Попытка созвать заседание группы в делегатском общежитии чуть было не закончилась расправой над членами группы.

«Левая группа» вынуждена была перейти на полулегальное положение. От нее откололись колеблющиеся, нерешительные элементы. Оставшиеся члены «левой группы» установили связь с новочеркасскими большевиками и открыто повели борьбу с руководителями съезда, разоблачая контрреволюционные казачьи верхи.

«Левая группа» выступила против предложения об отводе всех казачьих частей с фронтов «на отдых». Это решение было принято в момент начала мирных переговоров с немцами. Оно могло принести Советской стране большой вред. Уход около полумиллиона казаков с фронтов еще более ослабил бы фронт. Не знать об этом немцы не могли. Воспользовавшись этим обстоятельством, немцы могли предъявить еще более тяжелые условия мира.

Таким образом, уже тогда, в ноябре 1917 г., казачья верхушка ставила вопрос об открытии фронта для интервентов, чтобы с их помощью задушить молодое Советское государство.

Другой, не менее существенной целью этого решения было стремление создать из казачьих частей вооруженный оплот для борьбы с советской властью. Съезд принял решение отвести с фронтов казачьи части на Дон и Кубань «на отдых» и дал об этом телеграфное распоряжение [1].

Трудовое казачество, участвовавшее на съезде, начинало внимательно прислушиваться к голосу «левой группы». Это сильно обеспокоило контрреволюционных заправил съезда. Решено было ликвидировать «левую группу», избрав для этого подходящий случай.

Такой случай скоро представился.

19 ноября на помощь пролетариям Ростова и Таганрога подошли военные суда Черноморского флота. Съезд заслушал сообщение об этом. Председатель съезда Агеев прямо поставил вопрос перед «левой группой»: с кем она пойдет — с большевиками или с казачеством?

Вопрос об отношении к назревавшему конфликту с черноморскими моряками был перенесен на обсуждение казачьих войсковых фракций. Делегация дальневосточной казачьей фракции (Забайкальского, Амурского, Уссурийского и Сибирского казачьих войск) запросила донское войсковое правительство, намерено ли оно мирно разрешить вопрос. Ответ был дан отрицательный. Войсковое правительство заявило, что оно начнет военные действия против матросов. По предложению одного из членов «левой группы» дальневосточная фракция приняла решение о посылке от имени съезда мирной делегации к матросам. Когда об этом было объявлено на съезде, поднялся шум, крики: «позор», «изменники», «долой большевиков» и т. д.

Выступившие представители «левой группы» (Поздеев, Автономов) разоблачили деятельность контрреволюционной верхушки казачества. Их пытались лишить слова, но по настоянию большинства съезда они были выслушаны. К ужасу и негодованию заправил съезда, большинством голосов было решено послать мирную делегацию к черноморским матросам. Под предлогом неясности итогов голосования президиум съезда пытался добиться пере-

---

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», фонд воспоминаний № 1602. Воспоминания Поздеева, члена исполнительного комитета общефронтового казачьего съезда, стр. 16.

голосования. Возмущенная откровенным произволом, бóльшая часть съезда во главе с «левой группой» покинула зал заседаний.

Раскол съезда и выросшее влияние «левой группы», шедшей за большевиками, ясно указывали, что надежды на единый общеказачий контрреволюционный фронт для борьбы с большевиками рухнули. Контрреволюционная верхушка перешла к открытой военной диктатуре. Съезд был поспешно закрыт, а руководители «левой группы» арестованы.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ

Крах попытки объединения казачества на борьбу с советской властью во всероссийском масштабе, явно обнаружившийся на съезде в Новочеркасске, несомненно, был связан с событиями в Ростове в октябре—ноябре 1917 г. Борясь против предательской группы Сырцова—Васильченко, ростовский пролетариат во главе с большевиками быстро шел к завоеванию власти советов на Дону. Он вел за собой крестьян, одетых в солдатские шинели. Гарнизон Ростова большевизировался. Рабочие и солдаты выходили на улицу с требованиями передачи всей власти советам. 1 октября состоялся многолюдный митинг ростовских рабочих и солдат на Софиевской площади, прошедший под большевистскими лозунгами.

После этого эсеровско-меньшевистский совет вынужден был сложить свои полномочия, усмотрев в демонстрации 1 октября выражение недоверия совету. Были назначены новые выборы в совет. Массы быстро левели. Никакие репрессии не могли остановить рост их революционной сознательности.

Даже в Новочеркасске, где калединское контрреволюционное офицерье особенно свирепствовало, где преследовалась всякая попытка организации революционных сил, солдаты шли за большевиками. 25 октября, в день победоносного Октябрьского восстания в Петрограде, состоялся многочисленный митинг солдат новочеркасского гарнизона. Солдаты по предложению большевиков выставили следующие требования: передача всей власти советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, конфискация помещичьих земель, передача их крестьянским комитетам и т. д.

Состоявшийся на другой день митинг рабочих и солдат в Ростове-на-Дону приветствовал рабочих и революционных солдат Петрограда и потребовал немедленной передачи всей власти на Дону советам. В тот же день, 26 октября, Ростовский совет постановил признать новую, революционную власть в Петрограде. При совете был создан Военно-революционный комитет, руководимый большевиками. ВРК немедленно начал подготовку к вооруженному восстанию.

Враги революции тоже переходили в наступление. Меньшевики и эсеры стали сколачивать контрреволюционную студенческую дружину «спасения родины и революции».

9 ноября генерал Каледин подчинил своему ставленнику, генералу Потоцкому, все войсковые части, расположенные в Ростове и его окрестностях. На другой день была конфискована большевистская газета «Наше знамя».

Так начался поход контрреволюции против большевиков в Ростове-на-Дону.

В другом крупнейшем пролетарском центре юга — в Таганроге борьба за власть советов к этому моменту также вступила в решающую фазу. На выборах в совет большевики одержали блестящую победу. Начались стачки рабочих. 4 октября объявили забастовку портные, предъявив требование о повышении заработной платы. 11 октября вспыхнула всеобщая забастовка печатников.

На рудниках Александрово-Грушевского района рабочие шли за большевиками. И здесь советы, руководимые большевиками, становились фактической властью. Создавались отряды Красной гвардии.

Предатели из право-троцкистского лагеря в Ростове во главе с Сырцовым и Васильченко попытались обезглавить начинавшееся восстание. 13 ноября они созвали совещание партийных и общественных организаций, чтобы договориться с меньшевиками и эсерами о разоружении революции. Совещание длилось три дня. Сырцов и Васильченко согласились с требованием меньшевиков о роспуске Военно-революционного комитета. Вместо него был создан «Комитет объединенной демократии», куда вошли не только меньшевики и эсеры, но и кадеты. Представители контрреволюционного меньшевистско-эсеровского блока составили большинство в этом комитете.

16 ноября 1917 г. «Комитет объединенной демократии» объявил себя властью. 21 ноября начались переговоры комитета с войсковым правительством. Переговоры дали возможность Каледину выиграть время. Он усиленно продолжал формировать контрреволюционные силы, стягивая войска к Ростову и другим пролетарским центрам.

В результате переговоров генерал Потоцкий согласился снять военное положение в Ростове при условии разоружения Красной гвардии. «Комитет объединенной демократии» пошел на это предложение. Но красногвардейцы, возглавляемые большевиками, отказались разоружиться. Красная гвардия заняла важнейшие стратегические пункты города.

Ростово-Нахичеванский большевистский комитет продолжал вести ожесточенную борьбу с изменниками — троцкистами и правыми. Большевики разоблачали предательство «Комитета объединенной демократии». Они неустанно организовывали отряды Красной гвардии из рабочих и бедноты, мобилизовали на борьбу революционно настроенные воинские части. Была установлена связь с Черноморским военным флотом. На помощь ростовским и таганрогским рабочим прибыло несколько военных судов Черноморского флота во главе с яхтой «Колхида».

Чтобы окончательно разоблачить перед массами предательский характер «Комитета объединенной демократии», большевики 24 ноября на совещании, созванном этим комитетом, предложили ему отвергнуть притязания войскового правительства на власть в области, объявить о снятии военного положения, раздать оружие разоруженным по приказу Каледина революционным частям ростовского гарнизона, вывести белогвардейские войска из рабочих районов.

Вместо этого эсеро-меньшевистское большинство комитета, поддержанное право-троцкистским блоком Сырцова—Васильченко, приняло резолюцию, в которой просило войсковое правительство снять военное положение, освободить арестованных, а войска на рудниках и в промышленных центрах оставить для поддержания порядка.

Возмущенные этим предательством, красногвардейцы и революционные солдаты потребовали роспуска калединского придатка, каким оказался на деле «Комитет объединенной демократии». На другой день, 25 ноября, комитет был распущен. При совете рабочих и солдатских депутатов был создан новый Военно-революционный комитет, возглавляемый большевиками. Создание большевистского Военно-революционного комитета в Ростове совпало с днем закрытия так неудачно закончившегося для казачьих верхов общефронтового казачьего съезда в Новочеркасске. Последнее обстоятельство еще более развязало руки калединской клике. В ночь с 25 на 26 ноября офицеры и юнкера по приказу генерала Потоцкого совершили нападение на Ростово-Нахичеванский большевистский комитет и совет рабочих депутатов. Они разгромили редакцию большевистской газеты «Наше знамя», убили нескольких большевиков и красногвардейцев, в том числе члена штаба Красной гвардии Казбирюка и члена совета Кунду. Ростов захватить им не удалось. После нескольких дней боев Красная гвардия и революционные воинские части выбили противника из города. Штаб белых во главе с генералом Потоцким был взят в плен.

27 ноября в Таганроге был также создан Военно-революционный комитет, руководимый большевиками. Таганрогский ВРК выпустил воззвание с призывом поддержать восставших рабочих Ростова.

На помощь рабочим Ростова пришли красногвардейцы города Азова. Рабочие-железнодорожники Новочеркасска потребовали прекращения движения по железнодорожной линии Новочеркасск — Ростов, чтобы помешать переброске казачьих частей и юнкерских отрядов из Новочеркасска в Ростов.

Пролетарский Ростов стал центром сплочения революционных сил, борющихся за власть советов на Дону. Крестьянская и казачья беднота донских сел и станиц явно сочувствовала ростовским рабочим и солдатам.

Каледин мог опереться далеко не на все казачьи части. 26 ноября казаки 46-го полка отказались отправиться по приказу калединского командования в Ростов для усмирения рабочих.

В тот же день командир другого казачьего полка сообщал, что

«одна из сотен, расположенная на станции Шептуховка, воспрепятствовала принять меры против вторжения большевиков в область и заявила, что она принимает их сторону; на 3-ю сотню, расположенную в Мальчевской, надежды нет».

Крестьянская и казачья беднота собирала хлеб, картофель, сало и отправляла в распоряжение Военно-революционного комитета для Красной гвардии.

Каледин и войсковое правительство приняли все меры для разгрома ростовских рабочих. На борьбу с большевиками было ассигновано 30 млн. руб. В рабочие районы были посланы карательные отряды. К городу стягивались казачьи полки. Против рабочих Ростова были отправлены офицерские отряды из создаваемой генералом Алексеевым «добровольческой» армии. Генерал Каледин лично руководил наступлением контрреволюционных отрядов на Ростов. Красная гвардия ни по своей численности, ни по вооружению не могла выдержать длительной борьбы и вынуждена была отступить. Банды Каледина 2 декабря ворвались в город. Начался безудержный белый террор. В городах, селах, станицах свирепствовали карательные отряды. Но виселицы, расстрелы и другие карательные мероприятия не могли приостановить рост революционного движения.

Под руководством большевиков, ушедших в подполье, началась подготовка к новому вооруженному восстанию. Ноябрьские события в Ростове-на-Дону ярко показали изменническую роль кучки троцкистов и правых, своим предательством подготовивших условия для разгрома вооруженного восстания рабочих и солдат.

ДОН — ПЛАЦДАРМ ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Разгромив ростовских рабочих и захватив Ростов, генерал Каледин еще более расширил свою деятельность по собиранию сил контрреволюции.

Ближайшим союзником его была буржуазная Украинская центральная рада, также выступившая против советской власти. 9 ноября секретариат Центральной рады обратился к генералу Духонину в ставку, к войсковому правительству Дона и к атаману Каледину с предложением об организации совместной борьбы с советской властью. Отказываясь признать Совет Народных Комиссаров, секретариат Центральной рады призывал к созданию «крепкой» власти силами белых правительств Украины, Кубани, Дона, Кавказа и других областей.

14 ноября предложение Центральной рады обсуждалось на закрытом заседании войскового правительства. Было решено принять предложение Центральной рады и образовать «Союз юго-восточных областей и Украины» для борьбы «с существующим (ленинским) правительством» [1]. Центром нового «государства» был намечен Харьков.

---

[1] ЦАОР, ф. 1255, оп. 1, д. 63, 1917 г., л. 2.

При Центральной раде обосновался так называемый «представитель «юго-восточного союза» при генеральном секретариате», подъесаул Черемшанский. При нем находился штат «представителей» Донского и Кубанского казачьих войск.

Правительство Центральной рады и в первую очередь «генеральный секретарь по военным делам» Симон Петлюра охотно пошли навстречу требованиям этих «представителей». Требования их сводились к стягиванию с юго-западного и румынского фронтов казачьих частей в глубокий тыл, к границам Донской и Кубанской областей, что полностью отвечало интересам украинской контрреволюции. На крупных узловых станциях и в промышленных центрах всегда стояли наготове казачьи эшелоны для расправы с украинскими рабочими и крестьянами. Между представителями калединщины и Центральной радой было достигнуто соглашение о совместных действиях по снятию также казачьих частей и украинских формирований с северного и западного фронтов и переброске их на Украину [1].

Центральная рада предложила своим представителям в Севастополе силой оружия помешать дальнейшей посылке Черноморским флотом помощи революционным рабочим и крестьянам Дона.

Чтобы быть готовыми к совместной борьбе против большевиков в районе Украины, все казачьи части, снятые с фронтов и направлявшиеся на Дон и Кубань, подчинялись командующему войсками Центральной рады генералу Скоропадскому, «атаману вольного казачества Украины» [2].

Центральная рада стремилась всеми средствами помочь Алексееву, Корнилову и Каледину. Ее «генеральный секретариат», прикрываясь лозунгами «самоопределения наций», «невмешательства» во внутренние дела России, фактически помогал Каледину собирать вооруженные силы на Дону для борьбы с Советской Россией. В то же время Центральная рада стягивала свои войска вокруг Одессы и Харькова с целью разоружения советских войск. Там, где это было возможно, Рада разоружала советские части. «Таким образом Генеральный Секретариат Рады поставил себе целью осуществить программу Корнилова и Каледина, Алексеева и Родзянко о разоружении советов» [3].

Другой крупнейшей силой, выступившей против большевиков и через некоторое время ставшей во главе всей борьбы с советской властью на юге России, была созданная на Дону генералами Алексеевым, Корниловым, Деникиным и др. так называемая «добровольческая» армия.

В ночь с 19 на 20 ноября 1917 г. по поручению бывшего верховного главнокомандующего генерала Духонина, отказавшегося подчиниться советскому правительству и смещенного с должности, в город Быхов, где содержались «под арестом» мятежный генерал

[1] ЦАОР, ф. 1255, оп. 1, д. 56, л. 6.
[2] *Там же.*
[3] *Сталин*, Ответ товарищам украинцам в тылу и на фронте, «Правда» № 213 от 13 декабря 1917 г.

Корнилов и его сообщники, прибыл полковник Кусонский. Полковник немедленно отправился в здание бывшей женской гимназии, очень мало напоминавшее тюрьму, где находился Корнилов. Кусонский сообщил арестованным генералам, что завтра, 20-го, город Могилев-на-Днепре (местопребывание ставки) будет занят советскими войсками и что генералы могут попасть в руки большевиков. Генералы решили немедленно бежать. Уговорились встретиться на Дону, в Новочеркасске.

Переодетые генералы, под видом крестьян и солдат, в одиночку пешком добрались до ближайшей станции железной дороги и двинулись в путь. Генерал Корнилов, став во главе охранявшего его текинского полка, отправился на Дон походным порядком.

Путь предстоял долгий и нелегкий. Но Корнилов выбрал именно этот путь: он надеялся по дороге усилить свой отряд. В прифронтовой полосе Белоруссии и на Украине можно было собрать вокруг текинского полка контрреволюционное офицерство, кулачье. Приход на Дон с вооруженной антибольшевистской силой должен был повлиять на донское казачество, склонить его на борьбу с большевиками. Но замысел Корнилова до конца не удался.

20 ноября советский отряд, заняв ставку, узнал о бегстве генералов, отъявленнейших врагов рабочего класса. Возмущенные матросы убили организатора побега — генерала Духонина. Немедленно были приняты меры к аресту бежавших генералов. По телеграфу было сообщено в районы прохождения текинского полка о его задержании.

Удалось установить путь текинского полка. В погоню за ним был послан бронепоезд и красногвардейские отряды. Около станции Унеча Западной железной дороги генерал Корнилов был настигнут. Завязался бой. Корниловский полк понес большие потери, но все же ему удалось уйти от погони. К красногвардейским отрядам присоединились крестьянские отряды. Корнилов и его полк были загнаны в болото, откуда выбрались лишь немногие. Генерал бросил остатки полка на произвол судьбы, переоделся крестьянином и с подложным паспортом, сев на ближайшей станции железной дороги в поезд, отправился на Дон.

В Новочеркасск он прибыл 6 декабря 1917 г. На месяц раньше туда же приехал и старый царский генерал, бывший верховный главнокомандующий Алексеев. В Новочеркасске он начал формировать офицерский отряд. В Петроград, Москву и в другие крупные города были посланы в адреса тайных контрреволюционных организаций шифрованные телеграммы об отправке на Дон контрреволюционного офицерства.

Так под крылышком контрреволюционных верхов донского казачества и их атамана генерала Каледина вырастала крупная боевая сила, основной задачей которой была борьба с советской властью, борьба за реставрацию старой царской России. Формирование генералом Алексеевым офицерских частей в Новочеркасске вызвало вначале опасение части казачьих верхов, но после того как офицерский батальон принял активное участие в пода-

влении вооруженного восстания рабочих Ростова-на-Дону, генерал Алексеев получил широкую возможность развернуть свою деятельность.

Дон несколько разочаровал белых генералов. Казачество не было настроено драться с большевиками. Больше того, генерал Каледин, ближайший друг и единомышленник корниловцев, вынужден был с прискорбием им посоветовать для широкой работы по формированию контрреволюционных отрядов искать другие базы, помимо Донской области.

С первых шагов своей деятельности сбежавшие генералы решили объединить контрреволюционные силы на юго-востоке России. Решено было послать своих представителей на Кубань и Терек.

В Екатеринодар поехали генералы Деникин и Марков, а за ними — генерал Эрдели. Они должны были сговориться с кубанским атаманом полковником Филимоновым и кубанским войсковым правительством об объединении контрреволюционных сил и выработать общий план борьбы с советской властью. Во Владикавказ с этой же целью был послан генерал Лукомский. Он повел переговоры с терским атаманом Карауловым и главой «горского правительства», известным нефтепромышленником-чеченцем Тапо Чермоевым.

Чермоев предложил генералу Лукомскому принять на себя руководство по организации армии «горского правительства», предназначенной для борьбы с назревавшими восстаниями народных масс на Тереке [1]. Но не за этим приехал во Владикавказ сподвижник Корнилова. Он отказался от предложения Чермоева, стараясь склонить «горское правительство» дать средства и людей для организуемой в Новочеркасске и Ростове «добровольческой» армии. Но «горское правительство», как и войсковое терское правительство, со дня на день ждало вооруженного восстания рабочих. Провоцируемая ими межнациональная война разгоралась все сильней, и они боялись расстаться со своими немногочисленными отрядами, состоявшими из остатков «дикой» дивизии и терских казачьих полков, стянутых с фронтов и из глубины страны на Терек. Пока шел торг между Лукомским, с одной стороны, и Карауловым и Чермоевым — с другой, во Владикавказ приехал один из приближенных генерала Корнилова, автор патриотических легенд о Корнилове — Завойко. Он сообщил Лукомскому о приезде в Новочеркасск генерала Корнилова.

В середине декабря генерал Корнилов вызвал в Новочеркасск своих единомышленников. Туда же прибыли из Москвы представители контрреволюционной организации «Московский центр», образовавшийся в Москве в конце 1917 г., после победы пролетарской революции. В нем объединились для борьбы против советской власти кадеты, эсеры, меньшевики, ряд буржуазных и помещичьих организаций. Руководящую роль в нем играли кадеты. «Московский центр» прекрасно понимал, какую роль в орга-

---

[1] *Лукомский*, Архив русской революции, т. V, стр. 138, Берлин, 1922 г.

низации антибольшевистских сил может играть контрреволюционный генералитет. Для переговоров с ним и были посланы из Москвы в Новочеркасск М. М. Федоров, А. С. Белецкий, князь Г. Н. Трубецкой, П. Б. Струве, А. А. Хрипунов [1]. Позже приехали из Москвы П. Н. Милюков и Борис Савинков.

Приехавшие представители «общественности» должны были разрешить назревавший конфликт между генералами Алексеевым и Корниловым.

Генерал Корнилов пытался играть роль всероссийского Наполеона. По мнению такого крупного военного специалиста, как генерал Брусилов, под командованием которого генерал Корнилов служил на юго-западном фронте в годы империалистической войны, «полководцем генерал Корнилов не был по свойству своего характера и быть им не мог. Полководец должен прежде всего иметь хладнокровную и вдумчивую голову, чего у него никогда не было. Это начальник лихого партизанского отряда, и больше ничего. Политическим деятелем его также считать нельзя. Если бы не было революции, он, добившись звания командира корпуса, спокойно доживал бы свой век в каком-нибудь корпусном штабе...» [2]

Эта уничтожающая и справедливая характеристика Корнилова может быть дополнена лишь чертами, которые еще сильнее подчеркивают истинную натуру героя российской буржуазии. Мелкое тщеславие, желание выдвинуться во что бы то ни стало вели к тому, что он всегда интриговал против своего начальства, стремясь занять его пост. Так, с помощью Бориса Савинкова, комиссара VIII армии, которой Корнилов командовал летом 1917 г., он добился отставки главнокомандующего юго-западным фронтом генерала Гутора и занял его место. Проведя ряд драконовских мер против солдат на фронте, крестьян и рабочих в тылу, завоевав этим доверие помещиков и буржуазии, Корнилов добился смещения с поста верховного главнокомандующего генерала Брусилова и своего назначения на его место. Приехав в Новочеркасск, где он застал генерала Алексеева формирующим воинские части, и боясь, что генерал Алексеев окажется во главе этих сил, Корнилов немедленно начал интриговать против Алексеева. Между ними начались столкновения. Корнилов заявил о своем желании уехать в Сибирь для «самостоятельной работы».

Уладить этот конфликт должна была приехавшая из Москвы делегация. Делегация на состоявшемся совместно с генералами совещании потребовала совместной работы Алексеева и Корнилова.

Контрреволюционная буржуазия не хотела терять генерала Корнилова, она не могла отказаться и от генерала Алексеева. «Союзники», т. е. правительства Англии и Франции, с которыми русская буржуазия была связана борьбой за передел мира, а теперь и борьбой против советской власти, заявили, что они будут

---

[1] *Деникин*, Очерки русской смуты, т. II, стр. 188, Париж, 1922 г.
[2] *Брусилов*, Мои воспоминания, стр. 238, Гиз, Москва, 1929 г.

субсидировать «добровольцев» только в том случае, если во главе их будет стоять Алексеев. Генерала Алексеева они хорошо знали как начальника штаба верховного главнокомандующего, как офицера, выполнявшего их волю; ему они вполне доверяли. Вмешательство Антанты вынудило генерала Корнилова пойти на уступки.

Было решено создать триумвират: Алексеев — Корнилов — Каледин. Эти три генерала распределили между собой обязанности следующим образом:

«1. Генералу Алексееву — гражданское управление, внешние сношения и финансы.

2. Генералу Корнилову — власть военная.

3. Генералу Каледину — управление Донской областью.

4. Верховная власть — триумвират. Он разрешает все вопросы государственного значения, причем в заседаниях председательствует тот из триумвиров, чьего ведения вопрос обсуждается» [1].

При триумвирате был создан совет с участием представителей «общественности», приехавших из Москвы, и местной донской буржуазии, но этот совет фактически не работал. Да и сам «триумвират» просуществовал всего несколько месяцев — до отступления «добровольческой» армии на Кубань и смерти генерала Корнилова.

Началось усиленное формирование боевых частей. Формировались они главным образом из съезжавшихся на Дон офицеров. Попытка привлечь донских казаков в «добровольческую» армию дала ничтожные результаты. Казаки-фронтовики в эту армию не шли. Трудности формирования были вызваны и отсутствием нужных денежных средств.

«Московский центр» с присылкой обещанных денег не торопился. Ростовская буржуазия тоже не особенно верила в офицерские полки и воздерживалась от больших «пожертвований». На помощь контрреволюции юга спешила Антанта.

С первого момента выступления Каледина против советской власти ему стали оказывать помощь бывшие союзники России в империалистической войне. На Дон были командированы офицеры союзных военных миссий. Американский посол Френсис через белогвардейского полковника Колпашникова пытался переправить на Дон Каледину 80 автомобилей и много военных материалов [2]. Но Колпашников был арестован. Отобранная у него переписка с представителями американского посольства и офицерами американской военной миссии изобличала открытую помощь американского посольства калединскому мятежу. Через некоторое время американское посольство командировало на Дон одного из своих сотрудников, Пуля, с целью выяснить на месте обстановку и оказать конкретную помощь контрреволюционным мятежникам. Пуль прибыл в Новочеркасск 21 декабря. Через два дня туда же прибыл представитель французской военной миссии пол-

---

[1] *Деникин*, Очерки русской смуты, т. II, стр. 189, Париж, 1922 г.

[2] «Солдатская правда» № 100 от 9 декабря 1917 г.

ковник Ачер. Последний сообщил генералу Алексееву, что французское правительство предоставляет в его распоряжение миллионные средства «для восстановления порядка в России» и для продолжения войны с центральными державами.

Представитель американского посольства Пуль встретился с генералами Алексеевым, Корниловым и Калединым. В пространном докладе Френсису он изложил положение на Дону, ход формирования антисоветских сил. В этом докладе, написанном в конце января 1918 г., Пуль предлагает «немедленно установить связь с контрреволюцией на Дону через... Сибирь, для чего необходимо тщательно изучить ситуацию Сибири».

Таким образом, ко времени декабрьского совещания 1917 г. в Яссах, на котором было принято решение о начале организованной интервенции Антанты в Россию и о разделе сфер оккупации, уже зародилась мысль и об американской интервенции в Сибирь. Интервенция Антанты и Америки, как известно, была вскоре осуществлена. Но к этому времени калединщина была уже разгромлена.

ОРГАНИЗАЦИЯ СИЛ НА БОРЬБУ С КАЛЕДИНЩИНОЙ

Вооруженная борьба с Калединым началась на другой день после победы пролетарской революции. Военно-революционный комитет Петроградского совета неоднократно обсуждал доклады представителей от Донской области и Донецкого бассейна. Делегаты приезжали с требованием помощи. Им выдавали оружие, боеприпасы. Революционные элементы казачьих полков, находившихся в Петрограде, держали связь с ВРК Петроградского совета.

После разгрома мятежа Керенского—Краснова штаб ВРК начал формировать вооруженные силы для посылки на Дон. Отрядам, сформированным в Петроградской и Новгородской губерниях, было приказано сосредоточиться в Брянске. Из Могилева был направлен отряд в Гомель для продвижения дальше, на Дон. Петроградские отряды, находившиеся в Москве, получили предписание следовать через Тулу на Харьков.

Уже в пути красногвардейские отряды столкнулись с эшелонами корниловцев, пробиравшихся на Дон.

Чтобы объединить разрозненные отряды, направлявшиеся из разных районов страны для борьбы с Калединым, Совнарком 8 декабря назначил единое командование всеми военными силами, действующими против Каледина.

К 8 декабря против Каледина действовали следующие силы:

По линии Гомель—Бахмач—1-й Минский отряд. Отряд состоял из 17, 19, 60 и 132-го стрелковых полков, Брянского отряда Красной гвардии (700 человек), батареи, зенитной батареи, 2 самолетов и 2 бронемашин.

Кроме того, прибыл еще отряд матросов Балтийского флота в 500 человек.

По линии Белгород—Харьков — «Резервный летучий отряд» (командующий Сиверс). Отряд состоял из 178-го пехотного запасного полка, 18-го гусарского Нежинского полка, Дновского гарнизона, батареи, самокатной команды. Всего 1 165 штыков, 97 сабель, 14 пулеметов, 6 орудий, 3 броневика, 14 самокатов, 9 мотоциклов.

В Смоленске формировалась «вторая колонна» в составе 1 100 штыков, 20 пулеметов и 2 орудий.

В Харькове находился Петроградский отряд в 300 человек с бронеплощадкой.

Несколько отрядов небольшой численности находилось в резерве.

Ближайшей задачей всех действовавших против Каледина отрядов было занятие железнодорожных магистралей, идущих на юг. Осуществив эту задачу, советские отряды начали разоружать многочисленные эшелоны казаков, юнкеров, направлявшиеся на Дон.

Путь к Донской области лежал через Украину. Центральная рада объявила войну советской власти; она активно поддерживала все мероприятия Каледина. Конфликт между Советом Народных Комиссаров и Центральной радой начался с того, что «военный министр» Центральной рады Петлюра отдал приказ о снятии со всех фронтов украинских частей и стягивании их на Украину. Этот предательский приказ не только дезорганизовал транспорт страны, и без того плохо работавший, но и открывал фронт врагу, срывал дело мира. Кроме того, по приказу Центральной рады в Киеве были разоружены советские войска. С этой же целью Центральная рада стягивала войска вокруг Одессы и Харькова. Наконец, она наотрез отказалась пропустить советские войска, направлявшиеся на борьбу с Калединым. В то же время Центральная рада беспрепятственно пропускала на Дон, к генералу Каледину, казачьи части, белогвардейские отряды, контрреволюционное офицерство. Все это делалось под маской «нейтралитета». Центральная рада, связанная с французской военной миссией, находившейся в Киеве, и Калединым, включилась в антисоветский фронт. Под руководством французских империалистов, а затем германского империализма Центральная рада боролась за капиталистическую Украину. Центральная рада — это «правительство изменников социализма, для обмана масс, называющих себя социалистами» [1].

Советское правительство вынуждено было начать борьбу против Центральной рады.

«Совет Народных Комиссаров не может отказаться от борьбы против Каледина. Контрреволюционное гнездо Каледина должно быть разрушено. Это неизбежно, — говорил товарищ Сталин на заседании ЦИК 14 декабря 1917 г. — Если Рада будет препятствовать нашему продвижению против Каледина, заслоняя его собою,

[1] *Сталин*, Что такое рада? «Правда» № 215 от 15 декабря 1917 г.

то удары, направленные против Каледина, падут на Раду. Совет Народных Комиссаров не остановится перед решительной борьбой против Рады, ибо для него не тайна, что Рада состоит с Калединым в тайном союзе» [1].

В ночь на 19 декабря отряд Сиверса прибыл в Харьков, 20 декабря он захватил бронедивизион из состава войск Рады.

В Харькове командование всеми советскими войсками, брошенными на борьбу против Каледина, решило:

1. Овладеть южной магистралью, пересекая все пути, ведущие с Украины на Дон. Это даст возможность нарушить связь Дона с фронтами и с Центральной радой. Советские войска должны были контролировать все движение между Украиной и Донбассом.

2. Расчистить путь в Донбасс, прежде всего через Лозовую—Славянск.

3. Установить связь Харькова с Воронежем через Купянск—Лиски.

4. Наладить связь с Царицыном и Северным Кавказом.

Для занятия Лозовой был направлен из Харькова красногвардейский отряд (700 штыков) под командованием одного из будущих героев обороны Царицына — Николая Руднева.

Отряд Руднева, вытеснив гайдамаков, 14 декабря занял Лозовую и двинулся к Славянску. В тот же день на Чугуев, а оттуда на Купянск выступил из Харькова отряд Ховрина. Выполнив задачу лишь частично, он самовольно вернулся в Харьков и поэтому был расформирован.

17 декабря в Харьков прибыл Московский отряд Красной гвардии. Отряд был двинут к Лозовой на соединение с отрядом Руднева. Командиру отряда было приказано объединить все советские силы, вступить в командование ими, занять железнодорожную магистраль до Синельниково, станцию Синельниково, установить связь с Красной гвардией Екатеринослава и Донбасса.

Продвигался вперед и отряд Сиверса. 22 декабря он соединился с донбасскими красногвардейцами. Рабочим Донбасса было передано несколько тысяч винтовок, пулеметы.

Сиверсу было предложено с помощью Красной гвардии Донбасса закрепить за собой район Никитовки — Горловки, продвигаться на соединение с другими отрядами, чтобы совместно выступить к Лихой против основных калединских частей. До этого времени борьба шла главным образом с гайдамацкими отрядами Центральной рады. Большого сопротивления они не оказывали. Теперь красногвардейские части вплотную подошли к границам Донской области и вошли в соприкосновение с казачьими отрядами.

К 25 декабря красные отряды занимали следующее положение:

В районе Люботина — заградительный отряд в 250 штыков.

В Лозовой — Московский отряд Красной гвардии численностью до 1 300 штыков с блиндированным поездом. Передовые части отряда заняли Синельниково.

---

[1] «Правда» № 218 от 19 декабря 1917 г.

Отряд Сиверса численностью до 2 тыс. штыков и 400 сабель, имея 40 пулеметов и 6 орудий, занял Никитовку. Здесь к нему присоединилось около 2 тыс. местных красногвардейцев.

Части Минского отряда растянулись от Белгорода до Донбасса. В отряде было около 1 тыс. штыков, 19 пулеметов, 4 орудия. Штаб отряда находился в Луганске, где имелось до 8 тыс. бойцов Красной гвардии.

Отряд Петрова (из Воронежа), назначенного командующим всеми силами миллеровского направления[1]. Штаб отряда находился на станции Лиски. Отряд насчитывал до 3 тыс. штыков, 40 пулеметов, 2 батареи. Передовые части отряда стояли у станции Чертково.

Отряд Сиверса был усилен двумя эскадронами и батареей, выделенными из расформированной в Донбассе 3-й кавалерийской дивизии.

В борьбе с калединщиной активное участие принимали рабочие Донбасса. Представители ревкомов и советов Донбасса создали Центральный военно-революционный комитет Донбасса. При нем был создан центральный штаб Красной гвардии Донецкого бассейна. Красногвардейские отряды Донбасса вместе с советскими воинскими частями, пришедшими с севера, принимали участие в боевых действиях против калединских банд.

К 25 декабря был отдан приказ об общем наступлении.

Перед каждым отрядом были поставлены свои задачи.

Однако это первое наступление не удалось. Неудача наступления объяснялась рядом причин. Основная причина — отсутствие единого командования. Штаб, организованный для борьбы с корниловщиной, явно не справлялся с задачей объединения отдельных отрядов и с общим руководством борьбой. Между отрядами часто не было необходимой связи. Это давало возможность калединским войскам вклиниваться между ними и срывать задуманные объединенные операции. Немалую роль играла разношерстность состава отрядов. Тут были и красногвардейские отряды из рабочих и остатки частей самодемобилизующейся и демобилизуемой царской армии. Отряды Красной гвардии дрались геройски, но они были совершенно не знакомы с условиями ведения полевой войны. Да и стрелять-то многие из рабочих-красногвардейцев учились в боях.

В составе частей, выделенных из старой армии, были отдельные элементы, стремившиеся использовать наступление на Дон, чтобы вместе с красными войсками пробраться к себе домой. Было много случаев, когда, заняв какую-либо станцию, отряд терял десятки и сотни бойцов, которые расходились по домам. Плохо обстояло дело с обмундированием и снабжением красногвардейских отрядов и особенно с обмундированием рабочих отрядов, пришедших на фронт в летней одежде, плохой обуви. А зима выдалась суровая.

---

[1] Петров погиб в сентябре 1918 г. в числе 26 бакинских комиссаров, зверски расстрелянных английскими интервентами в Закаспии.

Наступление отряда Сиверса в Донбассе сначала проходило успешно. Были заняты Ясиноватая, Макеевка, Горловка, Мушкетово. Но вскоре наступление приостановилось.

28 декабря отряд Красной гвардии в Дебальцево был застигнут врасплох белогвардейским отрядом есаула Чернецова. После короткого боя Чернецову удалось захватить станцию. Взятые в плен красногвардейцы были расстреляны. После разгрома вокзала и пьяного погрома Чернецов в тот же день ушел к Лихой.

Со стороны станции Зверево наступали белоказачьи эшелоны, которые 29 декабря заняли станцию Колпаково. 30 декабря на рассвете калединские казачьи части, гайдамацкие отряды и отряды юнкеров из состава «добровольческой» армии, сосредоточив крупные силы в районе Зуевки, перешли в наступление на Ханжонково. Небольшие части Красной гвардии без артиллерии, без запаса патронов были разбиты и отступили. Взяв Ханжонково, белые перешли в наступление на Криничную, но были отброшены. Отряд Сиверса отступил на линию Дебальцево—Горловка.

На правом фланге продолжалась борьба с войсками Центральной рады, спешившими на помощь Каледину. 26 декабря против Центральной рады восстали рабочие Екатеринослава. Гайдамаки начали артиллерийский обстрел Брянского завода — центра восстания. На помощь восставшим рабочим Екатеринослава из Синельниково поспешили отряды московских красногвардейцев. Восстановив под артиллерийским и пулеметным огнем разобранный гайдамаками путь, бронепоезд красных 28 декабря в 2 часа дня прорвался в Екатеринослав. В жестоком уличном бою московские красногвардейцы и екатеринославские рабочие разбили гайдамаков и захватили всю их артиллерию.

В Харькове в ночь на 28 декабря после боя, в котором участвовали прибывшие из Петрограда красногвардейцы, был разоружен 2-й Украинский полк. Было взято 65 пулеметов и около 10 тыс. винтовок. Активное участие в разгроме этой крупной военной части Центральной рады приняли большевистские организации солдат 2-го Украинского полка, поддерживавшие связь с советским командованием. Разоружены были также Чигиринский украинский полк и Польский отряд.

В Екатеринослав был направлен первый отряд петроградских красногвардейцев. Ему было приказано взять Александровск, установить связь с Крымом, Юзовкой и сосредоточить свои силы для действий в направлении Мариуполь—Таганрог—Ростов.

На поддержку отряда Сиверса был направлен 2-й Петроградский отряд Красной гвардии в количестве до тысячи человек, прибывший в Харьков 27 декабря.

В помощь Минскому отряду (район Луганска) был послан третий отряд петроградских красногвардейцев, подошедший к Харькову 29 декабря.

2-му гвардейскому корпусу, стоявшему в районе Жмеринка—Боры, было приказано продвинуться к Знаменке.

Начали прибывать и другие подкрепления. С северного фронта

пришла 4-я кавалерийская дивизия. Формировались батареи. Из Курска прибыли броневики, захваченные у английской миссии. Из Москвы приехала группа летчиков.

Была установлена связь с Царицыном и Северным Кавказом. Через революционный Царицын двигались против Каледина отдельные части 5-й Кубанской дивизии. Царицынские рабочие спешили на помощь Донбассу. Части 39-й дивизии кавказского фронта заняли Тихорецкую и Торговую и двигались к Батайску. Вместе с ними шли на Ростов красногвардейские отряды Кубани и Ставрополья.

Мероприятия советского правительства, принятые для разгрома Каледина, не могли не сказаться на настроении казачества, в первую очередь фронтового. 25 ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров выпустил обращение «Ко всему населению» о борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина и Дутова, поддержанным Центральной радой. В этом обращении Совнарком указывал, что политическим штабом контрреволюционного мятежа является центральный комитет кадетской партии.

«Рабочие, солдаты, крестьяне, революция в опасности, — говорилось в обращении Совнаркома. — Нужно народное дело довести до конца. Нужно смести прочь преступных врагов народа. Нужно, чтобы контрреволюционные заговорщики, казачьи генералы и их кадетские вдохновители почувствовали железную руку революционного народа. Совет Народных Комиссаров распорядился двинуть необходимые войска против врагов народа. Контрреволюционное восстание будет подавлено, и виновники понесут кару, отвечающую тяжести их преступления» [1].

В тот же день Совнарком опубликовал специальное обращение «От Совета Народных Комиссаров — трудовым казакам». В обращении говорилось:

«Братья-казаки!

Вас обманывают. Вас натравливают на остальной народ. Вам говорят, будто Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов — ваши враги, будто они хотят отнять вашу казацкую землю, вашу казацкую «вольность». Не верьте, казаки! Вам лгут. Вас преступно обманывают. Ваши собственные генералы и помещики обманывают вас, чтобы держать вас во тьме и в кабале...

Казаки! От вас зависит теперь, будет ли дальше еще литься братская кровь. Мы вам протягиваем руку. Объединитесь со всем народом против его врагов. Объявите Каледина, Корнилова, Дутова, Караулова и всех их сообщников и пособников врагами народа, изменниками и предателями. Арестуйте их собственными силами и передайте их в руки советской власти, которая будет их судить гласным и открытым революционным судом.

Казаки! Объединяйтесь в Советы Казацких Депутатов! Берите в свои трудовые руки управление всеми делами казачества. Отбирайте земли ваших собственных помещиков-богачей. Передавайте

[1] Декреты Октябрьской революции, стр. 189, Партиздат, 1933 г.

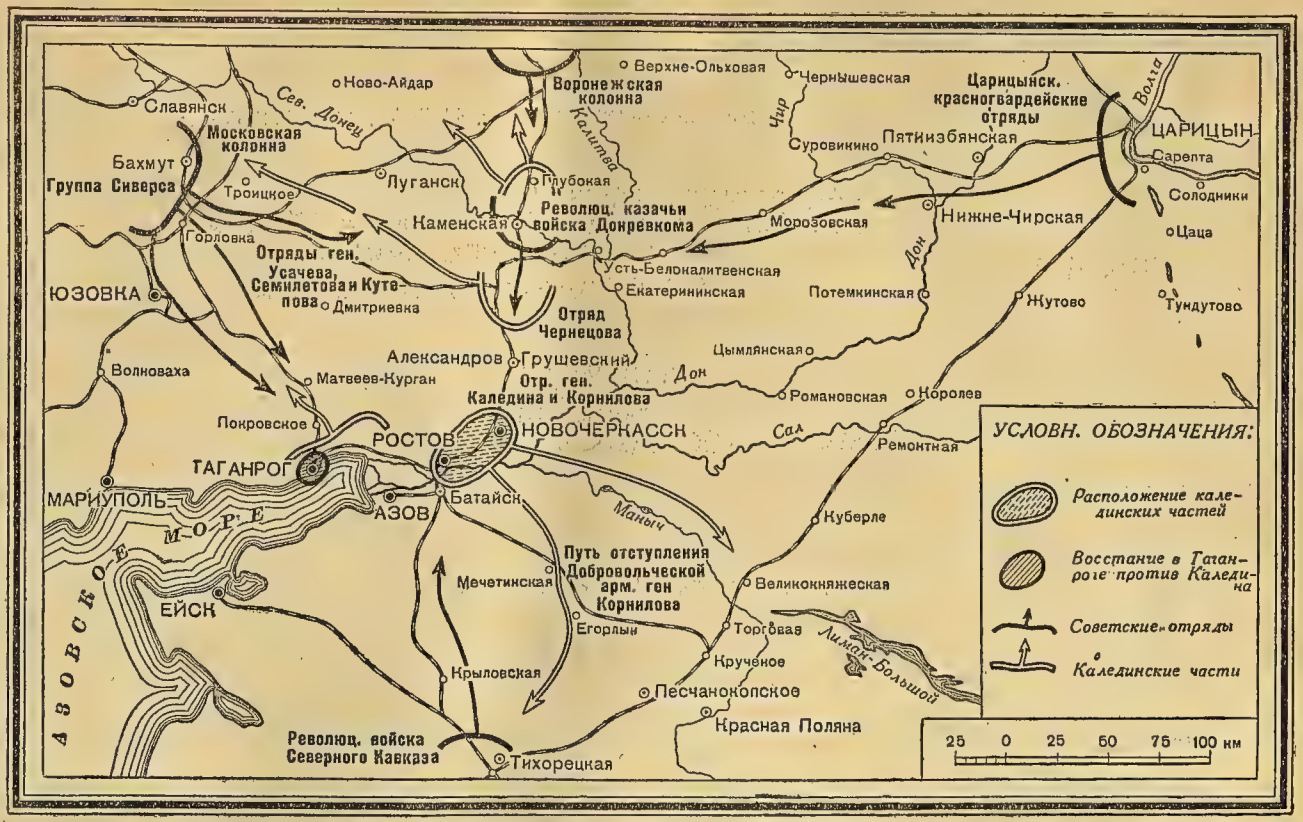


Схема № 1. Борьба с калединщиной

их зерно, их инвентарь на обработку земель трудового казачества, разоренного войною.

Вперед, казаки, на борьбу за общенародное дело!

Да здравствует трудовое казачество!

Да здравствует союз казаков, солдат, крестьян и рабочих!

Да здравствует власть Советов Казацких, Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов!

Долой войну! Долой помещиков и генералов-корниловцев!

Да здравствует мир и братство народов!

Совет Народных Комиссаров» [1].

Через три дня, 28 ноября, был принят написанный Лениным декрет об аресте врагов народа, вождей гражданской войны против революции. По декрету члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежали аресту и преданию суду революционных трибуналов.

Местным советам поручался особый надзор за кадетской партией «ввиду ее связи с корниловско-калединской гражданской войной против революции» [2].

Совнарком поддержал инициативу казачьего отдела ВЦИК по выработке законопроектов, направленных к обеспечению экономических и политических интересов казачества.

10 декабря 1917 г. Совнарком постановил:

«1) Отменить обязательную военную повинность казаков и заменить постоянную службу краткосрочным обучением при станицах.

2) Принять на счет государства обмундирование и снаряжение казаков, призванных на военную службу.

3) Отменить еженедельные дежурства казаков при станичных правлениях, зимние занятия, смотры и лагери.

4) Установить полную свободу передвижения казаков.

5) Вменить в обязанность соответствующим органам при Народном комиссаре по военным делам по всем перечисленным пунктам представить подробные законопроекты на утверждение Совета Народных Комиссаров» [3].

Это важнейшее решение, в корне изменившее положение казачества, было доведено до сведения всего трудового казачества страны в виде воззвания «Ко всему трудовому казачеству», опубликованного в «Правде» 13 декабря 1917 г. Воззвание было подписано Лениным.

От имени Совета Народных Комиссаров Ленин объявлял всему трудовому казачеству страны:

«...Рабочее и Крестьянское Правительство ставит своей ближайшей задачей разрешение земельного вопроса в казачьих областях в интересах трудового казачества и всех трудящихся на основе советской программы и принимая во внимание все местные и бы-

---

[1] Декреты Октябрьской революции, стр. 190—194, Партиздат, 1933 г.

[2] «Правда» № 202 от 30 ноября 1917 г.

[3] Декреты Октябрьской революции, стр. 261—262, Партиздат, 1933 г.

товые условия и в согласии с голосом трудового казачества на местах» [1].

Решение и воззвание Совнаркома были широко распространены через казачий отдел ВЦИК во всех казачьих районах и содействовали революционизированию казачества.

В первых рядах революционного казачества были 1, 4 и 14-й казачьи донские полки, входившие в состав петроградского гарнизона. Будучи непосредственными свидетелями революционных событий в Петрограде, они стали рассадниками революционных настроений в казачьих частях северного фронта. Они держали тесную связь с Военно-революционным комитетом Петроградского совета, полностью подчиняясь ему. Эти полки неоднократно ставили вопрос о посылке их на Дон для борьбы с калединщиной. Но сразу отправить их было нельзя. С помощью казачьего отдела при ВЦИК, во главе которого стоял рядовой казак 14-го полка Лагутин, продолжалась революционная работа среди казачьих частей Петрограда и северного фронта, с тем чтобы в нужный момент их можно было вместе с красногвардейскими отрядами двинуть против мятежных генералов.

Настроение казачьих частей петроградского гарнизона ярко проявилось в их наказе делегатам на 3-й войсковой круг, созванный Калединым. Резко осуждая контрреволюционные выступления Каледина, Дутова и их сподвижников, казаки в своем наказе требовали немедленного отстранения их от власти.

«Мы приветствуем товарищей солдат, рабочих, матросов и крестьян за их действия против буржуазии, порабощающей трудовые массы, — говорилось в наказе. — ...Приветствуем новую власть Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов... в лице народных комиссаров» [2].

Казаки требовали немедленного перехода власти на Дону к советам и проведения в жизнь декретов о мире, о земле и о рабочем контроле.

Таково же в основном было настроение трудового казачества и в станицах Донской области. Все более росло недовольство контрреволюционным войсковым правительством. Вот один из наказов делегатам, выбранным на войсковой круг:

«Общее собрание граждан станицы Иловлинской 2-го Донского округа области Войска донского под председательством станичного атамана урядника Андрея Степановича Агеева постановило: уполномочить делегатов войскового круга от нашей станицы уряд. Д. В. Писарева, М. И. Уланова и Б. И. Авилова передать Войсковому кругу, что изданное постановление от 2 ноября с. г. за № 3328 Войсковым атаманом о состоянии области на военном положении мы, как свободные граждане свободной России, не понимаем, против кого быть на военном положении... против самих же себя мы военное положение не признаем и признать не можем

---

[1] Декреты Октябрьской революции, стр. 261, Партиздат, 1933 г.
[2] ЦАОР, ф. 1255, д. 56, 1917 г., л. 240.

и производить стрельбу в своих братьев и сынов не допустим... Наказ этот подтверждаем своими подписями...» [1]

Революционные настроения захватывали и казачьи части, двинутые Калединым на борьбу с советскими отрядами, подходившими к границам области.

Разложение калединских казачьих частей особенно усилилось к середине декабря. К этому времени на Дон из Петрограда прибыли делегаты 1, 4 и 14-го полков. Они были посланы казачьим отделом ВЦИК для агитационной работы среди калединских полков [2]. Делегаты разъехались по полкам и сотням с тысячами листовок, прокламаций, привезенных из Петрограда, призывавших к свержению контрреволюционного войскового правительства. Встречали делегатов в полках хорошо. Простой, правдивый рассказ о событиях в Петрограде и во всей стране, о решениях II Всероссийского съезда советов производил настоящий переворот в умах обманутых казаков. Целые части переходили на сторону советской власти.

Так, например, по требованию казаков 23-го казачьего полка армейский комитет I армии в начале декабря просил разрешения послать полк на Дон, чтобы «сместить правительство Каледина, ведущего ложную политику и толкающего казацкую рядовую демократию на братоубийственную войну с революционной Красной гвардией» [3].

Развертывавшаяся революционная борьба масс трудового казачества против войскового правительства являлась грозным предзнаменованием для казачьей верхушки.

ЛИКВИДАЦИЯ КАЛЕДИНЩИНЫ И ОБРАЗОВАНИЕ ДОНСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Решающую роль в усилении борьбы против калединщины сыграли ростовские события в конце ноября 1917 г. Несмотря на то, что Каледин вошел в Ростов победителем, все видели, что до настоящей победы ему далеко,—наоборот, ростовские бои всколыхнули всю область. Атмосфера все более накалялась, в особенности в районах Донбасса и в крестьянских районах.

Перед Калединым и войсковым правительством встал вопрос о необходимости расширения своей социальной опоры в начавшейся борьбе. С этой целью 5 января 1918 г. было создано так называемое «объединенное войсковое правительство Донской области». В нем кроме казаков участвовали также представители крестьян — «коренных» и «иногородних» — и, как сообщала декларация «объединенного правительства», «горожане и рабочие».

«Коренных» крестьян представляла в правительстве группа крепкого кулачья, «иногородних» — представители либерально-

---

[1] ЦАОР, ф. 1255, д. 56, 1917 г., л. 276.
[2] ЦАОР, ф. 1255, д. 57, 1917 г., л. 98.
[3] ЦАОР, ф. 375, д. 12, л. 6.

буржуазной интеллигенции, горожан — крупные торговцы Ростова и Таганрога. Что касается рабочих, то их там не было и быть не могло.

«Объединенное правительство» обещало создать областной законодательный орган, но даже предварительное обсуждение положения о нем отложило до лучших времен. Декларация «объединенного правительства» заявляла о том, что оно будет бороться самыми решительными мерами против попыток Совета Народных Комиссаров навязать свою волю населению Донской области [1].

Таким образом, новое правительство, во главе которого, как и раньше, остался единомышленник и ближайший сподвижник Каледина М. П. Богаевский, было контрреволюционным правительством, правительством борьбы против советской власти, против пролетарской революции на Дону.

Но маневр донской контрреволюции не удался. Трудовое казачество было резко настроено против казачьих верхов. Единственной силой, на которую могло опереться «объединенное правительство», была «добровольческая» армия.

Трудовое казачество становилось на сторону советской власти. 7 января в Воронеже должен был открыться съезд трудового населения Дона, созываемый Донским областным военно-революционным комитетом. Подготавливал съезд т. Щаденко.

Каледин пытался угрозами воспрепятствовать участию казаков в этом съезде. Он разослал телеграммы всем строевым частям, окружным и станичным атаманам с категорическим запрещением казакам ехать на съезд. Участие в съезде рассматривалось «как измена в условиях военного времени» [2].

На съезд в Воронеж почти не удалось привлечь казачьи части. Объяснялось это тем, что через несколько дней в станице Каменской по инициативе комитета 5-й казачьей дивизии собирался съезд фронтового казачества. Он открылся 10 января. Съездом руководили два казака-революционера — Федор Подтелков и Михаил Кривошлыков. На съезде участвовали представители почти всех донских казачьих полков и батарей.

Участники Воронежского съезда во главе с т. Щаденко решили соединиться со съездом казаков-фронтовиков в Каменской. Делегаты Воронежского съезда поехали в Каменскую. Здесь на съезде был выбран Донской казачий военно-революционный комитет. Он должен был организовать борьбу с калединщиной и взять власть в свои руки.

Выступая на Чрезвычайном Всероссийском железнодорожном съезде, Ленин рассказал о событиях на Дону, о съездах революционного казачества в Воронеже и в Каменской.

«Фронтовое казачество собрало свой съезд, — говорил Ленин, — потому что видит, что вокруг калединцев собираются офицеры,

---

[1] ЦАОР, ф. 1256, оп. 2, д. 1, 1918 г., л. 112.
[2] ЦАОР, ф. 1292, д. 1—3, л. 7.

юнкера и сынки помещиков, которые недовольны тем, что в России власть переходит к советам, и которые желали бы, чтобы самоопределился Дон»[1].

Для Каледина наступали критические дни. Отряд Сиверса подходил к Таганрогу. С Северного Кавказа двигались красногвардейские части под командованием Автономова. Рабочие отряды Донецкого бассейна и революционные казачьи части громили банду есаула Чернецова.

13 января в станицу Каменскую приехала делегация войскового правительства во главе с председателем войскового круга Агеевым. Агеев от имени Каледина и войскового правительства предложил казачьему Военно-революционному комитету послать в Новочеркасск делегацию для переговоров. Делегатам была обещана неприкосновенность. Отправка делегации войсковым правительством была не чем иным, как попыткой выиграть время.

Казачий Военно-революционный комитет решил принять предложение войскового правительства, чтобы лично потребовать от него передачи власти ВРК. В делегацию были выделены Подтелков, Кривошлыков и Лагутин.

16 января в громадном зале областного правления в Новочеркасске делегация казачьего ВРК встретилась с верхушкой донской контрреволюции. Зал во всю длину был перегорожен столом. По одну сторону его во главе с генералом Калединым расселось «объединенное войсковое правительство», донской генералитет, буржуазия. По другую — делегация казачьего Военно-революционного комитета во главе с Подтелковым, три скромные фигуры революционных казаков перед массой сверкающих офицерских погон, генаральских лампасов и множеством ненавидящих, вражеских лиц.

Подтелков говорил резко. Простым, ясным языком казак-фронтовик, вахмистр лейб-гвардии атаманского полка бросил войсковому правительству и генералу Каледину обвинение в измене казачеству. Вся политика правительства и атамана, говорил Подтелков, ввергла Дон в братоубийственную войну против трудовой России. Правительство находится на поводу у белогвардейских генералов. Большой войсковой круг подтасован. Окружные, станичные атаманы, царские чиновники и кулачье не выражают интересов казачества. Войсковое правительство не способно восстановить мир в области. Только мы, фронтовое казачество, восстановим мир, заключим братский союз с революционной Россией, — говорил Подтелков.

Подтелков потребовал, чтобы войсковое правительство немедленно отказалось от власти и передало ее Военно-революционному комитету.

Речь Подтелкова произвела впечатление взрыва бомбы. Никто не ожидал ни подобной смелости от рядового казака, ни речи такой силы, ни тем более ультимативных требований. В первый

[1] *Ленин*, т. XXII, стр. 231.

момент все опешили. Генерал Каледин растерялся. Он невнятно пробормотал, что его мечта—уйти от власти. Не окончив речи, он сел. Наступило тяжелое молчание. Какой-то офицерик исступленным, истерическим воем разорвал тишину. Он кричал на Подтелкова, грозил расправой делегатам, требовал, чтобы они стояли вытянувшись перед генералами, требовал немедленного их ареста.

После офицерика заговорили донские краснобаи — Митрофан Богаевский и Агеев. Они пытались доказать делегации, что теперешнее «объединенное войсковое правительство» якобы представляет «всю демократию» Дона, включая и «иногородних», что оно ведет правильную политику и т. п.

На утреннем заседании так ни до чего и не договорились. Во время перерыва Подтелков встретился с новочеркасскими большевиками. Они познакомили его с обстановкой, сложившейся в Новочеркасске.

Вечернее заседание было еще более бурным.

Подтелков обрушился на казачьих генералов. Он еще раз подтвердил ультиматум ВРК о сложении власти войсковым правительством. Разволновавшиеся белые генералы потребовали перерыва для созыва совещания войскового правительства. На этом совещании члены правительства от «иногородних» не участвовали: их не пригласили. Совещание затягивалось. Это становилось подозрительным. Только поздно ночью, часов в 12, в зал, битком набитый народом, ожидавшим результатов переговоров, вбежал сияющий Агеев и объявил,что есаул Чернецов перешел в наступление и занял станцию Зверево и что отряды революционных казаков отступили к северу.

Новый маневр калединцев стал ясен. Пока велись переговоры, карательному отряду Чернецова было приказано перейти в наступление. Маневр калединцев удался, но не предотвратил разгрома донской контрреволюции. Наступление контрреволюционных войск вскоре было приостановлено. Началась агония калединщины.

Делегацию казачьего ВРК пытались задержать в Новочеркасске и расправиться с ней. Но с помощью местных большевиков делегатам все же удалось бежать из города и соединиться с частями революционных войск.

Военно-революционный комитет немедленно обратился с воззванием к трудовому казачеству Дона. В воззвании говорилось о победившей пролетарской революции в стране, разоблачались попытки контрреволюционных казачьих верхов во главе с Калединым превратить Дон в оплот всероссийской контрреволюции. Воззвание призывало казаков восстать против контрреволюции, вступить в революционные отряды, чтобы вместе с движущимися из Москвы и Петрограда красногвардейцами «могучим ударом... сразу же сокрушить преступное контрреволюционное гнездо, свитое Калединым в Новочеркасске... Отстоять нам настоящую вольницу нашего славного Тихого Дона, ту воль-

ницу, что отобрали у нас когда-то наши новочеркасские угнетатели — генералы, помещики и капиталисты» [1].

23 января ВРК объявил мобилизацию казаков от 20 до 45 лет. Часть мобилизованных должна была на местах организовать отряды для защиты советской власти. Более молодые возрасты, до 35 лет, формировались в отряды для борьбы с Калединым.

25 января стало известно, что образовались советы в донских станицах — Котельниковской, Урюпинской, Усть-Медведицкой, Михайловской, Морозовской и др.[2] В окружных центрах образовывались окружные военно-революционные комитеты, которые брали власть в свои руки.

Дальнейшие события развивались быстро.

Начавшееся наступление советских частей и слабое сопротивление донских мятежных войск заставили Каледина просить помощи у кубанцев. 24 декабря 1917 г. Каледин телеграфно просил кубанского атамана срочно прислать ему на помощь не менее двух батальонов пластунов [3].

Но вооруженная борьба красногвардейских отрядов против войскового правительства, развернувшаяся на Кубани в январе 1918 г., помешала кубанским белогвардейцам бросить свои отряды на Дон.

Единственной надеждой Каледина была «добровольческая» армия. В середине января 1918 г. штаб «добровольческой» армии во главе с генералами Алексеевым и Корниловым перебрался из Новочеркасска в Ростов. Этот перевод штаба был вынужденным. Он вызывался растущей неприязнью казачества к «добровольческой» армии. Даже в самом Новочеркасске, оплоте донской контрреволюции, все чаще и чаще происходили столкновения казаков с офицерскими частями. Фронтовое казачество все более революционизировалось.

Начавшаяся вооруженная борьба революционных элементов донского казачества против донской контрреволюции, наступление красногвардейских отрядов с севера, растущее сопротивление рабочего класса в городах, приведшее к вооруженному восстанию в Таганроге и к разгрому находившегося в нем отряда «добровольческой» армии, — все это не сулило ничего хорошего не только донской контрреволюции, но и «добровольческой» армии и ее верхам.

Генерал Алексеев в конце января 1918 г. пытался добиться от представителей Антанты присылки на Дон частей чехословацкого корпуса, стоявшего в то время на Украине. С этой целью он отправил в Киев, где находилась французская миссия, письмо, которое было перехвачено в Новохоперске. Письмо настолько ярко характеризует общее положение на Дону, что мы приводим его полностью:

---

[1] ЦАКА, д. 884—583, л. 204.
[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 187, 1918 г., л. 2.
[3] ЦАОР, ф. 1292, д. ОВ, 1—3, л. 6.

«Дорогой генерал. Начальник французской миссии в Новочеркасске, полковник Гюше, вероятно, передавал вам в своих донесениях о положении дела в Донской области и вытекающие из сложившейся обстановки мои просьбы.

Я — генерал Алексеев. Донская область была избрана мной для формирования добровольческих армий, как территория, достаточно обеспеченная хлебом и входящая в состав, казалось, очень сильного своими средствами и своими богатствами юго-восточного союза.

Казалось, что эта мощная политическая организация защитит без труда свою самостоятельность от большевизма. Я предполагал, что при помощи казачества мы спокойно создадим новые прочные войска, необходимые для восстановления в России порядка и для усиления фронта. Я рассматривал Дон, как базу для действий против большевиков, зная, однако, что казаки сами не желали итти вперед для выполнения широкой государственной задачи водворения порядка в России. Но я верил в то, что собственное свое достояние и свою территорию казаки защищать будут и тем обеспечат безопасность формирования и время для обеспечения новых войсковых частей. Но я ошибся.

Казачьи полки, возвращающиеся с фронта, находятся в полном нравственном разложении. Идеи большевизма нашли приверженцев среди широкой массы казаков. Они не желают сражаться даже для защиты собственной территории ради спасения своего достояния. Они глубоко убеждены, что большевизм направлен только против богатых классов — буржуазии и интеллигенции, а не против области, где сохранился порядок, где есть хлеб, уголь, железо, нефть.

Уже 26 ноября 1917 г. мы принуждены были бросить в бой под Ростовом своих 400 человек, а с 12 января этого года мы бросили в бой все, что подготовили. Ведем мы эти бои с упорством до настоящей минуты. Так как казаки не хотят сражаться, вся тяжесть защиты Донской области, выполнение главнейших задач легли на плечи слабых числом добровольческих войск, и потому мы потеряли возможность развивать формирование и вести боевую подготовку. Мы не можем получить материального снаряжения и патронов, так как все наши сообщения с румынским и юго-западным фронтами отрезаны сильными по числу большевистскими отрядами. Мы могли бы уйти на Кубань. Но и кубанское войско выдерживает натиск большевизма только при помощи добровольческих частей, так как и кубанские казаки нравственно разложились.

Простой взгляд на карту подскажет, что Кубань не может служить выгодной базой для будущих действий. С уходом туда мы надолго отсрочим начало решительной борьбы с большевизмом для восстановления порядка на территории государства. Вот почему, изнывая в неравной борьбе за Дон, мы не отказываемся от борьбы. Но силы неравны, и без помощи мы будем вынуждены покинуть важную в политическом и стратегическом отношении территорию Дона, к общему для России и союзников несчастью. Предвидя

этот исход, я давно, но безнадежно добивался согласия направления на Дон если не всего чешско-словацкого корпуса, то хотя бы одной дивизии. Этого было бы достаточно, чтобы вести борьбу и производить дальнейшее формирование добровольческой армии. Но, к сожалению, корпус бесполезно и без всякого дела находится в районе Киева и Полтавы, а мы теряем территорию Дона. Сосредоточение одной сильной дивизии с артиллерией в районе Екатеринослав — Александровск — Синельниково уже оказало бы косвенную нам помощь хотя бы и далекой угрозы тылу большевистских войск. Обеспечение указанного района достигалось бы оставлением в нем трех батальонов, остальные силы дивизии следовало бы направить в район Никитовки, Дебальцево, Макеевки.

Это решило бы вопрос, и Донская область была бы освобождена от напора в наиболее опасном направлении, с запада. Удар с севера, даже с востока не столь опасен. Наконец, получив обеспечение с запада, мы могли бы нанести мощный удар большевизму в других направлениях и покончить местную борьбу в нашу пользу. Весь корпус сразу поставил бы на очередь решение широкой задачи.

Зная ваше влияние на генерала Макса и вообще на чехов, я обращаюсь к вам с просьбой принять изложенное мною решение. Быть может, еще не поздно, через несколько дней вопрос может решиться бесповоротно не в пользу Дона и русских интересов вообще. Уход добровольческих частей из Донской области ухудшит общее положение и уменьшит шансы борьбы с большевиками и достижения победы. Если вы признаете справедливость моих соображений и необходимость принятия решения, то я просил бы сообщить условной телеграммой полковнику Гюше, дабы знать время, когда будет начата перевозка войск. Я не говорю уже о том, что занятие чехами указанных районов сразу обеспечит подвоз угля для румынского фронта и оттуда к нам материальной части и патронов.

Прошу принять уверение в моем глубоком уважении и преданности.

Генерал *Алексеев*» [1].

Старый генерал был уверен, что получит просимую помощь. Но события назревали с такой быстротой, что если бы даже чехословацкий корпус двинулся на помощь «добровольческой» армии, он не нашел бы ее на Дону. Через несколько дней генералам Алексееву и Корнилову со своей «армией» пришлось удирать с Дона.

К Новочеркасску и Ростову все ближе и ближе подходили красные войска. С севера красные отряды двигались по железной дороге Воронеж — Ростов и подступали к Новочеркасску. У Матвеева Кургана находились отряды, шедшие из Донбасса и Царицына. К концу января красные части Северного Кавказа

[1] Документы по истории гражданской войны в СССР, т. I, стр. 45—47, под редакцией И. Минца и Е. Городецкого. Госполитиздат, 1940 г.

заняли Батайск, угрожая замкнуть круг и отрезать калединцам и «добровольческой» армии путь к отступлению по единственно возможной дороге — на Кубань. Руководители «добровольческой» армии понимали, что дни Каледина сочтены и что им предстоит разделить его участь. Было решено оставить Донскую область. В штабе «добровольческой» армии разработали план отступления к Тихорецкой. В дальнейшем было решено двигаться на Екатеринодар для соединения с кубанскими частями. Об этом было сообщено генералу Каледину.

На совещании, созванном Калединым 29 января для выработки мер по защите Новочеркасска и Ростова, выяснилось, что в распоряжении атамана имеется лишь... 147 штыков [1]. Представитель «добровольческой» армии генерал Лукомский еще раз подтвердил, что «добровольческая» армия решила покинуть территорию Дона, и заявил об отозвании офицерского батальона, защищавшего подступы к Новочеркасску. Для Каледина стало ясно, что наступил конец его авантюры. Он так и сказал об этом в своей речи:

«Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития; предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полномочия войскового атамана я с себя слагаю» [2].

В тот же день незадачливый атаман выстрелом из револьвера покончил с собой. Его преемник генерал Назаров пытался сформировать кое-какие новые казачьи части. С Украины был вызван стоявший там 6-й Донской полк, но и он отказался сражаться. Рушились последние надежды. Части Красной гвардии подошли к самому городу.

В ночь с 8 на 9 февраля 1918 г. генерал Корнилов во главе «добровольческой» армии выступил из Ростова по направлению к станице Аксайской. Переправившись через Дон, 10 февраля «добровольческая» армия сосредоточилась в районе станицы Ольгинской.

Красная гвардия с боями подходила к Новочеркасску и Ростову. В Таганроге укреплялась власть советов. 6 февраля Красной гвардией была занята станция Батайск, 4 февраля — станции Горная и Шахтная. Трудовое казачество выступало на поддержку казачьего Военно-революционного комитета, против войскового правительства.

Предвидя свой близкий конец, калединцы свирепствовали вовсю. 6 февраля они расстреляли одного из руководителей ростовских большевиков и Ростовского совета — Григория Васильева-Фадеева. По всему городу шли повальные обыски и аресты.

8 февраля советские войска окружили Новочеркасск. Красно-

---

[1] *Деникин*, Очерки русской смуты, т. II, стр. 220, Париж, 1922 г.
[2] *Там же*, стр. 220.

гвардейские отряды обстреливали Ростов со стороны Батайска, освобожденного ими еще 6 февраля.

Дни калединцев были сочтены. Ленин приветствовал красногвардейские отряды, громившие калединцев.

9 февраля советскими войсками была занята станция Гниловская, а на другой день, 10 февраля, Ленин телеграммой предложил:

«Сегодня во что бы то ни стало взять Ростов»[1].

Ленинский приказ был выполнен. В ночь на 11 февраля советские войска заняли Ростов, а через два дня — Новочеркасск. Белые бежали в Сальские степи.

С освобождением Дона от калединцев встал вопрос о создании органов советской власти. В Каменской находился областной Военно-революционный комитет во главе с Подтелковым, избранный на съезде революционного казачества в Каменской.

Еще до прихода советских войск Военно-революционный комитет предпринял шаги к созданию аппарата власти. Были созданы отделы во главе с членами ВРК, назначены комиссары в важнейшие учреждения. После занятия Новочеркасска областной Военно-революционный комитет переехал в Новочеркасск, а затем в Ростов.

Предстояло создать органы советской власти для всей области. Высказывалась мысль об автономии Дона, о необходимости учесть специфику области. Крестьян волновал вопрос о земле. Не менее беспокоил этот вопрос и казачество. Казачья контрреволюционная верхушка все время уверяла, что у казачества земля будет отнята.

Ленин и Сталин внимательно следили за происходившими на Дону событиями. Когда им стало известно о настроениях на Дону, они немедленно высказали свой взгляд на будущее политическое устройство Донской области. Их указания легли в основу строительства советской власти на Дону.

«Наш горячий привет всем беззаветным борцам за социализм, привет революционному казачеству, — писали Ленин и Сталин в телеграмме в Ростов от 28 февраля. — ...Пусть уполномоченный съезд городских и сельских советов всей Донской области выработает сам свой аграрный законопроект и представит на утверждение Совнаркома. Будет лучше. Против автономии Донской области ничего не имею. Географические границы этой автономии должны быть определены по соглашению с населением смежной полосы и автономной республики Донецкого бассейна... *Ленин, Сталин*»[2].

В соответствии с указаниями Ленина и Сталина областной Военно-революционный комитет объявил о создании Донской советской республики и образовал временное правительство республики во главе с Подтелковым.

---

[1] *Ленин*, т. XXIX, стр. 483.
[2] *Там же*, стр. 484.

Первые шаги советского правительства на Дону были направлены к закреплению победы над контрреволюцией. Это была сложная задача. Хотя казачьи генералы удрали, а часть их была арестована и расстреляна, но остались еще их единомышленники и союзники. Прежде всего это были меньшевики и эсеры. Продолжая легально существовать, они стали центром контрреволюционных сил на Дону. Они вели подрывную работу в рабочих массах, среди крестьянства и казачества, используя трения, которые в первое время имели место между местными органами власти и военным командованием, слабость советского аппарата, проявления бандитизма в Ростове, связанного с наплывом большого количества деклассированных элементов и скрывающихся контрреволюционеров. Они кричали на всех рабочих собраниях, в советах, в профсоюзах о неспособности советской власти навести порядок.

Особенно острый характер приняла борьба по вопросу о Брестском мире. Союзниками меньшевиков и эсеров здесь оказались пробравшиеся в ряды большевиков капитулянты и изменники. На объединенном заседании совета, фабзавместкомов и профсоюзов группки правых и троцкистов во главе с Сырцовым выступали против заключения мира с Германией. Они требовали ликвидации Военно-революционного комитета и передачи власти Учредительному собранию. Их всецело поддержали меньшевики и эсеры.

Большевики дали резкий отпор изменникам и соглашателям. Объединенное заседание одобрило деятельность Военно-революционного комитета. Было решено распустить городскую думу и закрыть меньшевистскую газету «Рабочее дело».

На предстоявшем в начале апреля областном съезде советов враги большевизма готовились дать генеральный бой. Но они были окончательно разгромлены большевиками, руководимыми приехавшим на Дон Серго Орджоникидзе.

Серго Орджоникидзе сыграл большую роль в борьбе за власть советов на Дону. Крупнейший революционер-большевик, ученик и соратник Ленина и Сталина, он стал организатором революционных сил для борьбы с интервентами и контрреволюционной казачьей верхушкой Дона, Кубани и Терека. На Дон Орджоникидзе прибыл в первых числах апреля 1918 г. вместе с красногвардейскими отрядами, отступавшими под напором интервентов с Украины на Северный Кавказ.

На Украине Орджоникидзе был чрезвычайным уполномоченным Совнаркома.

На Северном Кавказе власть советов было только что установлена. Буржуазно-помещичья контрреволюция, разбитая восставшими рабочими и крестьянами в открытом бою, притаилась по казачьим станицам. Молодая советская власть на юге России нуждалась в крепком руководителе.

9 апреля 1918 г. Совет Народных Комиссаров издал декрет об организации Чрезвычайного комиссариата Южного района:

«Чрезвычайному Комиссару Совета Народных Комиссаров, товарищу С. Орджоникидзе, поручается организовать под своим председательством временный Чрезвычайный Комиссариат Южного района, объединяющий деятельность Крыма, Донской Области, Терской Области, Черноморской губернии, Черноморского флота и всего Северного Кавказа до Баку.

Цель Комиссариата: неуклонное проведение директив Центральной советской власти на суше и на море, концентрированная борьба с буржуазной контр-революцией, упрочение Советской Власти в районе своей деятельности, поддерживание прямой связи областей с Советом Народных Комиссаров»[1].

Чрезвычайный комиссариат должен был контролировать деятельность всех советских учреждений на юге России. Местные совнаркомы, советы, ревкомы, революционные штабы районов, флот должны были действовать в полном контакте с Чрезвычайным комиссариатом как представителем центральной советской власти.

9 апреля 1918 г. в Ростове-на-Дону открылся съезд советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов Донской республики. Съезду предстояло разрешить вопрос о создании органов власти. Был также поставлен вопрос о Брестском мире. Против мира боролись эсеры, меньшевики и «левые коммунисты». «Левые» эсеры послали из Москвы в Ростов своих лидеров: Камкова, Карелина, Штейнберга и др., надеясь добиться протеста съезда против Брестского мира. После выборов президиума слово получил Серго Орджоникидзе.

«Я думаю, не будет преувеличением сказать, — говорил Серго,— что сегодняшний день есть день торжества советской власти. Здесь собралось трудовое казачество. А известно, что когда на севере буржуазия была разбита, то она бежала на Дон и здесь хотела воздвигнуть свой трон. Но Совет Народных Комиссаров верил, что трудовое казачество не пойдет против власти советов, и в этом Совет Народных Комиссаров и вся трудовая Россия не обманулись. Подтверждением этого является настоящий съезд, на котором почетным членом избран товарищ Ленин»[2].

Дальше Серго говорил о Брестском мире и начавшейся немецкой интервенции. Он призывал трудовое казачество твердо стоять на защите власти советов.

«В настоящее время, — закончил свою речь Серго, — перед нами стоят две задачи: дать отпор западноевропейским хищникам и построить новую жизнь внутри Советской республики. И я хотел бы, чтобы в этой борьбе мы шли вместе и чтобы мы вместе со всей Россией воскликнули: «Да здравствует власть советов!»[3]

---

[1] *Орджоникидзе*, Избранные статьи и речи, 1911—1937, Госполитиздат, 1939 г., стр. 31.

[2] *Там же*, стр. 31.

[3] *Там же*, стр. 32.

С содокладом по вопросу о войне и мире на съезде выступил «левый» эсер Камков. «Левых» эсеров поддерживали троцкисты и «левые коммунисты». Все они обрушились на большевиков, выступая против Брестского мира. Но Орджоникидзе разгромил этот блок врагов большевизма.

Вокруг резолюции по вопросу о войне и мире разгорелась жестокая борьба. Орджоникидзе предложил резолюцию, одобряющую заключение мира. Выступившего после него меньшевика, заявившего, что «власть должна принадлежать Учредительному собранию», делегаты прогнали с трибуны. Съезд пошел за большевиками. За резолюцию большевиков голосовало 340 человек, за резолюцию «левых» эсеров — 126, за меньшевистскую резолюцию — 2. Декларация «левых коммунистов» с призывом бороться против мира собрала всего 6 подписей[1]. Серго Орджоникидзе был избран в состав ЦИК Донской советской республики.

Съезд записал в своем решении:

«Свержение режима казачьих генералов является лишь началом победы революционного союза трудящихся крестьян и трудового казачества. Для полного торжества советского правительства необходимо победоносно закончить разрастающуюся на Дону борьбу с кулацкими элементами казачества.

Главной задачей рабоче-крестьянского правительства в данный момент является создание революционно-советской армии и привлечение всех сил к борьбе с хозяйственной разрухой. Советская власть должна быть готова к тому, что империализм всех стран не остановится перед новым нападением на нее, и ни одна минута не должна пропасть даром.

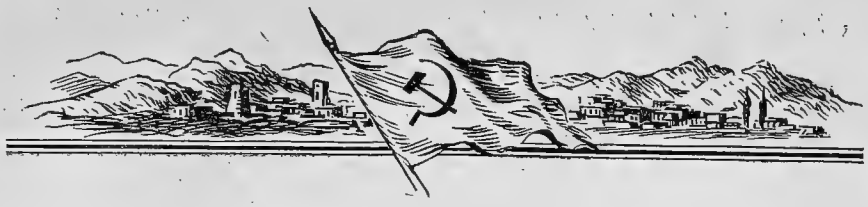
Съезд заявляет перед всем миром, что, признавая Брестский мирный договор, трудовое казачество, крестьяне и рабочие Дона не остановятся ни перед чем для защиты границ Донской республики и все, как один, с оружием в руках восстанут, в случае вторжения в пределы Донской республики чужеземных войск»[2].

В это время к Дону подходили чужеземные войска—немецкие оккупанты. В ожидании их помощи по станицам зашевелились и подняли головы попрятавшиеся контрреволюционеры. Кое-где уже зажглись пожарища антисоветских мятежей. Молодой Донской советской республике предстояла тяжелая борьба.

---

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 187, 1918 г., л. 17.

[2] «Революционное знамя» № 8 от 13 апреля 1918 г.



ГЛАВА ВТОРАЯ

БОРЬБА ЗА ПОБЕДУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ТЕРЕКЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ С. М. КИРОВА

☆

ОТ СВЕРЖЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ ДО КОРНИЛОВСКОГО МЯТЕЖА

Борьба за пролетарскую революцию на Тереке проходила в особенно сложных условиях.

Северный Кавказ был завоеван царизмом в результате кровавой войны, тянувшейся несколько десятилетий. Царизм сдавил угнетенные народы Северного Кавказа железным поясом казачьих поселений. Местное население — горцы в большинстве своем были лишены принадлежавшей им земли и загнаны в горы. Земли их были отданы русскому казачеству и горской феодальной верхушке, ставшей верным слугой царизма.

Согнанные со всей земли, горцы принуждены были брать ее в аренду у казачьих станиц. Из года в год количество сдаваемых в аренду земель уменьшалось. Непрерывно росла арендная плата. Это вело к еще большему усилению национально-классовых противоречий.

Тиски земельного голода особенно сильно сдавили горную Чечню, Ингушетию и горную Осетию. Накануне революции в горной Чечне на одного человека приходилось 0,3 десятины плохой, каменистой земли, в горной Осетии и Ингушетии — 0,2 десятины. В нагорной полосе, куда вытеснены были чеченцы и ингуши, земли хватало только для одной пятой населения.

Положение горцев ухудшало еще и то, что казаки были освобождены от налогов и вся тяжесть их падала целиком на горцев.

Колониальная политика царизма на Кавказе вела к задержке роста производительных сил. Почти отсутствовала промышленность, кадры местного пролетариата. Царская Россия стремилась сохранить политическую и культурную отсталость горских народов.

Во главе области стояло доверенное лицо русского царя — наказной атаман Терского казачьего войска. Атаман управлял областью с помощью казачьих нагаек, опираясь на горскую феодальную верхушку.

Царизм втягивал эту верхушку в среду русского дворянства. Горских князей, беков, ханов царизм привлекал в офицерский состав армии. Горской верхушке отдавали земли горской бедноты. Все эти генералы Алиевы, Мальсаговы, Халиловы верно служили царизму.

Административный центр области — Владикавказ был мещански-чиновничьим городом, почти не имевшим промышленных предприятий. Во Владикавказе были железнодорожные мастерские и небольшой Алагирский свинцово-серебряно-цинковый завод. На окраине города, в Осетинской, Молоканской и Курской слободках жили рабочие, кустари, мелкие торговцы. Среди жителей окраины было много горцев, главным образом осетин.

Во Владикавказе с 1909 г. нелегально жил и работал крупнейший революционер, один из руководителей нашей партии, ученик и ближайший соратник Ленина и Сталина — Сергей Миронович Киров.

Киров приехал во Владикавказ в период самой черной реакции. В горах Кавказа шла героическая борьба горцев-абреков против царской полиции и войск. Во Владикавказе царила военщина. Партийной организации в городе не было. Она была разгромлена в 1907—1908 гг. Были лишь отдельные социал-демократы.

Находясь в глубоком подполье, Киров начинает устанавливать связи с местными рабочими: он собирает одиночек-партийцев, сколачивает организацию, налаживает партийную работу в железнодорожных мастерских, на Алагирском заводе, устраивает «прогулки» за город, руководит выборами представителей рабочих в больничную кассу, почти единственную легальную организацию рабочих во Владикавказе.

В 1913 г. бакинские и грозненские рабочие-нефтяники провели массовую забастовку. Из Грозного во Владикавказ приезжали большевики-подпольщики и обращались за помощью и руководством к Кирову. Сергей Миронович сам выехал в Грозный, работал там в стачечном комитете, выступал на рабочих собраниях. Под его руководством удалось наладить одновременное выступление грозненских и бакинских рабочих, что обеспечило успех стачки.

Сергей Миронович устанавливает связь с горцами-революционерами. Под видом туриста он проникает в горы. 1912—1913 годы

были годами массовой борьбы трудящихся горцев Кабарды против князей, захвативших с помощью русского правительства общинные выпасные земли у подножья Эльбруса. Киров много путешествовал по горам, изучал положение горцев, их быт, нравы, способы хозяйствования, роль горской интеллигенции в ауле.

С наступлением империалистической войны работа Сергея Мироновича стала еще более напряженной. С самого начала он занял твердую большевистскую позицию. Когда перед отправкой на фронт к нему приходили мобилизованные подпольщики, он указывал им, что в армии предстоит большая революционная работа, подчеркивал ее первостепенное значение, давал советы, как ее проводить. Сам он в это время много работал по вовлечению рабочих в революционную борьбу, печатал и распространял большевистские прокламации.

Несколько раз его арестовывали, подвергали административным взысканиям за статьи в местной газете «Терек», отправляли по этапу в Томск, где он вновь привлекался к ответственности царскими властями. Но каждый раз, когда Киров возвращался из тюрьмы или из ссылки, он с новой силой принимался за партийную работу.

Февральская революция 1917 г. застала С. М. Кирова во Владикавказе.

В городе узнали о победе Февральской революции 4 марта 1917 г. «Гражданский комитет», в котором были представлены буржуазия, чиновничество, офицерство, духовенство, был создан 5 марта. Владикавказский совет рабочих депутатов, организованный 8 марта, плелся в хвосте событий. Председателем совета был избран эсер Гамалей, а с конца апреля — меньшевик Скрынников. Совет солдатских депутатов существовал отдельно.

Социал-демократическая партийная организация оформилась в первые же дни после революции. Ввиду местных особенностей, сложности борьбы с национальной и казачьей контрреволюцией было решено на первых порах организовать объединенный социал-демократический комитет. Оставаясь в рамках формально объединенной организации, большевики во главе с Сергеем Мироновичем сохранили свою самостоятельную партийную организацию в форме фракции и вели самостоятельную партийную работу. На заседаниях большевистской фракции было решено начать борьбу за завоевание рабочих Терека, чтобы через некоторое время поставить вопрос о создании самостоятельной большевистской организации.

Большевики вели с меньшевиками ожесточенную борьбу, застрельщиком и руководителем которой был Сергей Миронович.

В формально единой организации наметилось своеобразное разделение труда: меньшевики занялись «общественными организациями» — советом, «гражданским комитетом»; большевики под руководством Кирова повели работу в массах — на Алагирском заводе, на железной дороге, на рабочих окраинах. На рабочих собраниях принимались резолюции большевистской фракции.

Совет, которым руководили эсеры и меньшевики, работал слабо. 2 мая, когда на заседании совета обсуждался вопрос о реорганизации его деятельности, большевики внесли предложение объединить совет рабочих депутатов с советом солдатских депутатов. Им удалось добиться принятия этого решения.

17 мая в помещении Ольгинской гимназии состоялось первое объединенное заседание совета рабочих и солдатских депутатов. Киров прошел в члены совета как представитель большевиков. Меньшевик Скрынников был избран председателем совета. В объединенный исполнительный комитет, выбранный открытым голосованием, от совета рабочих депутатов первым был избран Киров. На этом же заседании совета рабочих и солдатских депутатов Кирова избрали делегатом на областной и кавказский съезды советов.

Кавказский краевой съезд советов открылся в Тифлисе 20 мая. С. М. Киров принял в нем активное участие. В Тифлисе он связался с местными большевиками и с большевиками Баку.

Началась полоса огромной, напряженной работы большевиков под руководством Кирова. Ведя упорную борьбу с меньшевиками, неустанно разоблачая их, Киров завоевал рабочих—членов организации — на сторону большевиков.

Под руководством Сергея Мироновича была создана газета «Красное знамя» — орган совета.

Ни одного митинга не проходило без выступления Кирова. Сила и яркость его выступлений были неотразимы. Лидеры меньшевиков и эсеров, прежде чем итти на митинги, справлялись, будет ли выступать Киров. И когда узнавали, что будет, — отказывались итти на митинг. После речей Кирова рабочие не хотели слушать меньшевиков — их просто выгоняли с собрания.

Не было ни одного заседания, ни одного собрания, ни одного митинга, где бы Киров не выступал с разоблачением меньшевиков. Яркие, пламенные речи, четкость большевистской мысли, способность захватывать разнообразнейшую аудиторию, задушевность его выступлений, их ясность и простота делали Кирова любимым оратором рабочих масс и горской бедноты Терека.

Этот невысокого роста, просто одетый, спокойный и уверенный человек приковывал к себе внимание слушателей. Ему верили, за ним шли.

В другом крупнейшем городе области — Грозном большевики также вели активную работу. Грозный—крупнейший пролетарский центр, известный своими нефтяными промыслами, — имел большой опыт революционной борьбы. Здесь еще в годы империалистической войны была небольшая группа большевиков. После свержения царизма большевистская организация, выйдя из подполья, начала быстро расти. К Апрельской конференции она насчитывала уже 800 человек, а после конференции, когда большевистские решения конференции попали к рабочим промыслов и заводов, приток рабочих в партию еще более усилился. Совет рабочих

и солдатских депутатов находился в руках эсеров и меньшевиков. Большевиков в первое время там было мало, но в рабочих районах большевики пользовались огромным авторитетом. Буржуазия имела в городе свои крупные организации. Эти организации опирались на буржуазно-техническую интеллигенцию, работавшую на промыслах и заводах Грозного.

Быстро нарастали классовые и национальные противоречия. Вокруг города были расположены казачьи станицы и чеченские аулы, резко враждовавшие между собой. Летом 1917 г. дело дошло уже до открытых столкновений. В городе был довольно крупный гарнизон: 111-й запасный полк, 21-й полк, 252-я Самарская дружина. Большевики вели большую работу в войсках гарнизона. Солдатская масса быстро большевизировалась. Из рабочих была создана «дружина безопасности», которая являлась фактически отрядом Красной гвардии. Большевики Грозного имели хорошую связь с Петроградом, Москвой, часто бывали во Владикавказе.

Большевистская работа велась в Пятигорске и в районе Минеральных Вод. Во главе пятигорской большевистской организации стоял молодой солдат местного гарнизона Григорий Анджиевский. Талантливый организатор и замечательный оратор, он был любимцем пятигорских рабочих и солдат. Скоро он стал одним из руководителей Пятигорского совета.

Большевики Пятигорска во главе с Анджиевским боролись против меньшевиков и эсеров, засевших в местных организациях и поддерживавших казачью верхушку.

Авторитет владикавказских большевиков рос среди трудящихся города, рос в объединенной парторганизации. 8 июня состоялось заседание вновь избранного партийного комитета. Председателем комитета был избран меньшевик Скрынников, товарищем председателя — большевик Киров. В комиссию для редактирования принципиальной программы партии вошли большевики Киров и Ильин [1]. К этому времени большевиков в комитете было уже большинство. Это ярко свидетельствовало о том, что задача, поставленная С. М. Кировым перед большевистской фракцией объединенной организации, — завоевать на сторону большевиков рабочих-партийцев — выполнялась успешно.

Чтобы отвлечь бедноту от поддержки революции, казачья и горская контрреволюция усиленно раздувала пламя национальной вражды. Темные, реакционные силы плели ядовитую паутину клеветы. По казачьим станицам прошли слухи, что большевики якобы призывают горцев грабить и уничтожать станицы. Муллы и кулаки, выполняя задание горской контрреволюционной верхушки, распространяли среди горцев слухи, что «шайтаны»-большевики уничтожают мечети, отнимают жен и детей.

6 июля во Владикавказе солдаты, спровоцированные темными силами, зверски расправились с безоружными горцами, приехав-

[1] «Терек» № 5805 от 10 июня 1917 г., Владикавказ.

шими на базар. Пламя межнациональной войны грозило захлестнуть город, станицы, аулы.

Киров отправился в ингушское селение Базоркино, в котором подготовлялось вооруженное нападение на город. Он раскрыл перед ингушами провокационные замыслы казачье-горской контрреволюции, пытавшейся утопить революционное движение в крови народных масс; он призывал к миру трудящихся всех национальностей, к совместной борьбе с растущей контрреволюцией. Появление Кирова среди тех, кто считал каждого русского врагом, его смелость, мужество, вдохновенная речь произвели на ингушей огромное впечатление и дали блестящие результаты. Кирову удалось предотвратить готовившееся нападение. Представители ингушей связались через Сергея Мироновича с советом рабочих и солдатских депутатов.

Огромное значение большевики придавали работе среди горской бедноты. В качестве приводного ремня от большевистской организации к горской крестьянской бедноте большевики использовали организовавшуюся летом 1917 г. революционную партию осетинской бедноты «Кермен». Названная по имени легендарного героя-раба, восставшего на защиту своих прав и предательски убитого поработителями, эта организация хотя и не имела четкой программы, фактически руководилась большевиками-осетинами и имела огромный успех среди крестьянской бедноты. Киров особенно внимательно относился к «Кермен», сыгравшей в дальнейшем большую роль в борьбе за социалистическую революцию в осетинской деревне. В мае 1918 г., после раскола и освобождения организации от националистических элементов, подавляющее большинство керменистов влилось в коммунистическую партию, составив осетинскую окружную коммунистическую организацию.

20—22 июля 1917 г. во Владикавказе собралась терская областная социал-демократическая конференция (объединенная). По ее инициативе было решено созвать 3 августа съезд социал-демократических организаций Северного Кавказа — Черноморской, Ставропольской губерний, Терской, Кубанской и Дагестанской областей. Программа съезда — отношение к Временному правительству, к советам рабочих и солдатских депутатов, подготовка к выборам в Учредительное собрание и создание Северокавказского краевого партийного центра. Съезд должен был работать в Пятигорске. 3 августа съезд не открылся из-за отсутствия кворума. Делегаты-большевики в эти дни собрались в Армавире, где предварительно провели свое отдельное совещание. Только 5 августа они прибыли на съезд.

В съезде приняли участие 14 организаций, пославших 24 делегата.

Среди организаций, принявших участие в съезде, 3 были объединенные (Владикавказ, Пятигорск, Туапсе), 4 — большевистские (Грозный, Ставрополь, Новороссийск, Екатеринодар), 7 — меньшевистские (Петровск, Грозный, Ставрополь, Екатеринодар, Тихорецкая, Армавир, Геленджик).

Среди делегатов было 14 меньшевиков, 9 большевиков и 1 интернационалист [1].

С. М. Кирова на съезде не было. Он находился в это время в Петрограде.

При выборе президиума большевики огласили декларацию, в которой говорилось, что съезд не имеет практического значения, так как Временное правительство откладывает созыв Учредительного собрания. Заниматься обсуждением организационных вопросов, и в частности вопросом об объединении с меньшевиками, большевики не собираются. Декларация резко протестовала против продолжающейся травли большевиков. В силу всего этого большевики заявили, что если съезд все же пожелает продолжать свою работу, они отказываются войти в президиум.

Декларация вызвала прения. Большевики согласились участвовать в работе съезда и президиума при условии, если первым на повестку дня будет поставлен вопрос о текущем моменте. Съезд принял предложение большевиков.

Меньшевистский докладчик Скрынников и меньшевистские ораторы развивали мысль о том, что советы уже сыграли свою роль. Они призывали к объединению партии на платформе «обороны революции».

Выступавшие большевики подвергли резкой критике меньшевистские положения. Но у самих большевиков, присутствовавших на съезде, не было достаточного единства. За меньшевистскую резолюцию по текущему моменту, предложенную Скрынниковым, голосовало 11 человек против 3; воздержавшихся было 6. Таким образом, часть большевиков, находившихся в объединенных организациях, «воздерживаясь» от голосования, продемонстрировала нежелание полного разрыва с меньшевиками. Между тем в этой меньшевистской резолюции события 3—5 июля назывались «бунтарскими», нашедшими благоприятную почву в «демагогической» деятельности большевиков, внесшей раскол в рабочий класс, и т. д. и т. п.

Резолюция призывала сохранить власть в руках Временного правительства, организовать контроль советов рабочих и солдатских депутатов над его деятельностью, оставляла власть в руках буржуазии, а пролетариат призывала «не препятствовать временному торжеству буржуазии».

Соглашательскую позицию эта группа заняла и по вопросу объединения. Она поддерживала предложение об объединении большевистских и меньшевистских организаций.

Большевики-ленинцы во главе с представителем большевистской организации Екатеринодара т. Карякиным огласили свою декларацию. В ней говорилось, что большевики, согласно решению своей партии, признают возможным объединяться только с последовательно-интернационалистическими течениями социал-демократии при полном их разрыве с так называемым револю-

[1] Северокавказский съезд РСДРП, изд. 1917 г.

ционным оборончеством. Ввиду того что эти условия не были приняты, они считают невозможным дальнейшее участие в работе съезда [1]. Внесшая это предложение часть большевиков ушла со съезда. Часть объединенцев осталась и продолжала принимать участие в работе съезда. Возглавлял эту небольшую группу М. Д. Орахелашвили, ныне разоблаченный ярый буржуазный националист и шпион одной из иностранных разведок.

После ухода большевиков Орахелашвили сделал доклад об Учредительном собрании. Орахелашвили и его группка сыграли предательскую роль в развитии пролетарской революции на Северном Кавказе. Меньшевики использовали решения съезда в своих контрреволюционных интересах. Видя растущее влияние большевиков на рабочий класс и крестьянство, меньшевики хотели примазаться к ним, чтобы использовать авторитет большевиков в своих целях. Поэтому меньшевики стремились сохранить «объединенную» организацию. По существу это был лишь новый маневр.

БОРЬБА БОЛЬШЕВИКОВ ТЕРЕКА ЗА ВЛИЯНИЕ НА МАССЫ

Наступили грозные дни августа и сентября 1917 г.

Натравливая осетин на ингушей, кабардинцев — на осетин, казаков и вообще «русских» — на горцев, контрреволюционные казачьи атаманы заключили блок с буржуазно-кулацкой, офицерской верхушкой горцев, с мусульманским духовенством. Все эти силы объединялись для совместной борьбы с революцией. На происходившем в первых числах мая первом съезде горцев Северного Кавказа состоялось «трогательное» объединение съезда со 2-м войсковым кругом казаков Терской области. Собравшись вместе, казачьи генералы, атаманы, казаки-кулаки и буржуазно-кулацкие, клерикальные верхи горцев клялись друг другу в лучших чувствах и договаривались о необходимости совместно «навести порядок» на Тереке. Казачий атаман Караулов и чеченец-нефтепромышленник Тапа Чермоев нашли общий язык.

В Грозном в начале августа по приказанию главнокомандующего кавказским фронтом был разоружен и расформирован большевистски настроенный 21-й полк. Разоружение и расформирование производил большой сводный отряд под командованием заместителя войскового атамана Терского казачьего войска есаула Медяника. Командование фронтом и местные власти придавали огромное значение разоружению большевистски настроенного полка. Об этом свидетельствует состав сводного отряда: в него вошли гвардейский конный дивизион, пулеметная команда Сунженско-Владикавказского полкового округа, две запасные сотни Кизляро-Гребенского полкового округа, артиллерия, осетинская сотня [2]. Эти части действовали решительно. Весь город

[1] Северокавказский съезд РСДРП, изд. 1917 г.

[2] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», документы V тома, д. 61, л. 1.

был окружен добровольческими казачьими отрядами, сформированными в близлежащих станицах [1]. 21-й полк был разоружен и расформирован. Разоружение полка послужило сигналом к еще большему усилению погромной деятельности контрреволюционных казачьих верхов, распоясавшихся после июльских дней в Петрограде. 17 августа банда казачьих офицеров напала на Грозненский совет рабочих и солдатских депутатов и разогнала его. Из казачьих станиц насильственно выселяли большевиков. «Бей чеченцев», «бей ингушей», «бей большевиков» — этот контрреволюционный клич разносился по Тереку.

После июльских событий объединенная казачье-горская контрреволюция еще больше внимания уделила консолидации своих сил.

В августе под председательством одного из руководителей Центрального комитета объединенных горцев — кабардинского коннозаводчика Пшемахо Коцева открылся ингушско-казачий съезд. Он должен был символизировать «мир» между ингушами и казаками. Выступавший на съезде атаман Терского казачьего войска Караулов заявил, что все беды происходят от безвластья, а безвластье получается в результате деятельности всяческих комитетов. Необходима сильная единая власть. Такой властью, по его мнению, может быть только войсковое правительство. Требование некоторых делегатов-ингушей признать властью в области Терский областной исполнительный комитет вызвало резкий протест со стороны казачьих офицеров [2].

Контрреволюция по всей стране пыталась кровавыми мерами предотвратить надвигавшуюся пролетарскую революцию. Корнилов повел полки на революционный Петроград и Москву, чтобы на трупах революционных рабочих восстановить диктатуру крепостников-помещиков. Среди его войск находилась так называемая «дикая» дивизия, состоявшая из нескольких национальных горских полков.

В это время Киров по поручению большевистской организации и совета рабочих и солдатских депутатов Владикавказа находился в Петрограде. Выступление генерала Корнилова застало его в Москве по пути во Владикавказ. По инициативе Кирова Московский совет обратился к Центральному комитету союза горцев, находившемуся во Владикавказе, с предложением отправить делегацию к горским частям «дикой» дивизии, чтобы не допустить ее участия в корниловской авантюре. ЦК союза горцев поручил организовать делегацию горцам, живущим в Петрограде. Делегация была создана, она ездила к горским частям «дикой» дивизии. Горцы отказались от поддержки Корнилова [3].

---

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», документы V тома, д. 3324, с копией рапорта есаула Медяника.

[2] «Горская жизнь» № 2 от 9 августа 1917 г.

[3] «История гражданской войны в СССР», т. I, стр. 345.

Вернувшись во Владикавказ, Киров вновь с головой окунулся в работу. Предстояли перевыборы советов. Авторитет большевиков рос с каждым днем. Это давало уверенность в успешном исходе перевыборной кампании. Киров ежедневно, а иногда и по нескольку раз в день, выступал на собраниях рабочих и солдат. 2 сентября, тотчас по приезде, он выступил на заседании совета рабочих и солдатских депутатов с обширным докладом о московском совещании и корниловском мятеже. 7 сентября на собрании солдат и офицеров владикавказского гарнизона Киров сделал доклад о текущем моменте.

8 сентября на заседании Грозненского совета большевик Иван Малыгин[1] выступил с докладом о корниловском мятеже. Он только что возвратился из Петрограда, куда ездил делегатом на Всероссийское совещание представителей областных советов. Малыгин был членом президиума Грозненского совета. В начале 1917 г. и в первые месяцы революции Малыгин, солдат 113-го пехотного запасного полка в Пятигорске, вместе с другим солдатом этого же полка Г. Анджиевским были организаторами большевиков Пятигорска и Пятигорского совета рабочих и солдатских депутатов. С лета 1917 г. Малыгин работал в Грозном. Он был одним из руководителей грозненских большевиков. Яркий доклад и предложенная им большевистская резолюция вызвали бурю аплодисментов присутствовавших на заседании совета рабочих и солдат. Вслед за Малыгиным выступил другой большевик — Николай Анисимов. Он тоже только что вернулся из Петрограда. Большевики Грозного посылали его своим делегатом на VI съезд партии. На съезде Анисимов делал сообщение о росте грозненской большевистской организации. Студент-большевик Анисимов являлся подлинным руководителем большевиков Грозного. Прекрасный организатор, он пользовался огромным авторитетом среди рабочих Грозного. Его выступление в Грозненском совете вызвало бурные возгласы одобрения. Меньшевики испугались. Председатель совета меньшевик Богданов попросил «гостей» — рабочих и солдат — не аплодировать, угрожая выпроводить их из зала. В ответ в зале раздался взрыв негодования. Большевики — делегаты совета шумно протестовали. Вместе с присутствующими рабочими и солдатами они демонстративно ушли. Заседание было прервано. После перерыва голосовались две резолюции: меньшевистская—от имени президиума и большевистская, внесенная Малыгиным. За большевистскую резолюцию голосовали 207 человек. Большинством в 44 голоса прошла меньшевистская резолюция, предложенная президиумом совета [2].

Меньшевистско-эсеровская верхушка совета в Грозном с каждым днем все больше восстанавливала против себя рабочих. Собрания рабочих на промыслах, на заводах открыто выражали

---

[1] *Малыгин* — один из 26 бакинских комиссаров, предательски расстрелянных англичанами в 1918 г.

[2] ЦАОР, ф. 1235, оп. 40, д. 55, л. 4—5.

недоверия исполкому совета. Меньшевиков и эсеров не желали слушать. В конце сентября исполком совета решил сложить свои полномочия. На заседании совета 29 сентября председатель совета меньшевик Богданов мотивировал решение исполкома тем, что «членам исполкома нельзя выступать ни на одном митинге среди рабочих... доверия со стороны рабочих никакого» [1]. Это откровенное признание лидера меньшевиков и председателя совета вызвало бурю аплодисментов рабочих-большевиков и взрыв ярости со стороны эсеро-меньшевистского блока. Зная о катастрофическом положении эсеро-меньшевистской верхушки, в помощь им из области были присланы члены областного исполкома эсеры Андреев и Мамулов. Они выступили в защиту исполкома совета. Большевики требовали переизбрания совета, разрыва соглашения с буржуазией и проведения в жизнь большевистских требований. Эсеры и меньшевики в предложенной ими резолюции протестовали против обвинения исполкома в «неблагонадежных» действиях. Все же под давлением рабочих они должны были внести в резолюцию пункт о необходимости в кратчайший срок произвести перевыборы совета. На этот раз эсеровско-меньшевистская резолюция прошла большинством всего в 6 голосов [2]. Это был конец господства эсеров и меньшевиков в Грозном.

В конце сентября руководство Владикавказским советом перешло в руки большевиков. 5 октября делегатом от Владикавказского совета на II Всероссийский съезд советов был избран Киров. Он уехал в Петроград. Мандат на съезд Киров получил и от Нальчикского совета рабочих и солдатских депутатов.

К осени 1917 г. в партийной организации Владикавказа произошли значительные изменения. Большевики осуществили формальный разрыв с меньшевиками. В своей борьбе они опирались на завоеванное под руководством Кирова пролетарское ядро организации — железнодорожные мастерские, Алагирский завод и т. д. Раскол организации произошел в конце октября 1918 г., после I Кавказского краевого съезда большевиков в Тифлисе.

Съезд состоялся 2—7 октября. Его решения имели огромное значение для большевиков всего Кавказа. Основываясь на решениях Апрельской партийной конференции и VI съезда партии, I Кавказский краевой съезд большевиков вынес решение по национальному и аграрному вопросам.

На съезде разбиралось внесенное Закавказским областным съездом меньшевиков предложение об объединении. Перепуганные корниловским мятежом и бурно растущим революционизированием трудовых масс, меньшевики пошли на маневр. Они неожиданно заговорили о власти революционной демократии, о разрыве с цензовой буржуазией. Это был, конечно, обман, попытка замаскировать свое подлинное лицо прислужников буржуазии, чтобы втереться в доверие к народу. Вся деятельность

---

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 40, д. 55, л. 7.
[2] ЦАОР, ф. 1235, оп. 40, д. 55, л. 12.

меньшевиков была направлена против революции. Их трусливая соглашательская политика по отношению к контрреволюционному центру на Кавказе — к «Закавказскому комитету», фактическая поддержка мероприятий Керенского, направленных против революционных организаций, наглядно показывала, что за революционной фразеологией Жордания и К⁰ скрывались защитники интересов буржуазии. На предложение меньшевиков об объединении краевой съезд ответил категорическим отказом.

Во Владикавказе на городском партийном собрании из присутствовавших пятисот человек только восемь оказались сторонниками меньшевистской платформы. Убедившись в своем поражении, меньшевики демонстративно покинули собрание.

Таким образом, к Великой пролетарской революции владикавказская организация пришла как монолитная большевистская организация. Этот факт сыграл большую роль в победе пролетарской революции на Северном Кавказе.

Влияние большевиков в городе и в горской деревне продолжало расти. Совет шел за большевиками. Гарнизон Владикавказа был также на стороне большевиков.

Усиление влияния большевиков в Грозном сильно беспокоило не только местные органы Временного правительства, но и само Временное правительство. Грозненская нефть нужна была русской буржуазии для войны до «победного конца».

Грозненский пролетариат с самого начала Февральской революции вел успешную борьбу с нефтепромышленными обществами грозненских промыслов и заводов. Рабочие с помощью революционных солдат захватили у совета терских нефтепромышленников 700 винтовок и 100 револьверов.

Они выгнали с промыслов заведующего восточными промыслами Челекен-Дагестанского общества Я. И. Пелевина. Союз инженеров и техников и союз заведующих промыслами объявили бойкот этим промыслам. Никто из них на место Пелевина не пошел. Правление Челекен-Дагестанского общества, находившееся в Петрограде, потребовало вмешательства Временного правительства. В ответ на наступление рабочих управляющий заводом Нобеля в Грозном инженер Дашевский отдал приказ обыскивать рабочих. По его распоряжению рабочих не только десятками выбрасывали на улицу, но и сажали в тюрьму. Рабочие ненавидели Дашевского, и, чтобы спасти его от самосуда, эсеро-меньшевистский совет вынужден был арестовать его [1]. За Дашевского вступились комиссар Временного правительства в области полковник Михайлов и министерство труда Временного правительства. Завод Нобеля был остановлен. Правление Челекен-Дагестанского общества также готовилось объявить локаут. Вопрос о Дашевском разбирался в совете. Большевики предлагали арестовать весь союз нефтепромышленников Грозненского района

[1] ЦАОР, ф. 398, оп. 2, д. 4, 1917 г., л. 108.

и вооружить рабочих. Совет освободил Дашевского. Тогда рабочие нефтяных промыслов объявили забастовку. О забастовке комиссар области Михайлов телеграфно сообщил министру внутренних дел Временного правительства Никитину. Никитин доложил о ней Временному правительству.

В области продолжались спровоцированные контрреволюционными элементами столкновения горцев с казаками и солдатами.

26 сентября со станции Наурской отходил воинский поезд с солдатами ударного батальона, направлявшегося в город Гжатск Смоленской губернии. Лишь только поезд дошел до стрелки, как с Наурской последовали сигналы о его остановке. Тут же какие-то неизвестные закричали, что горцы режут солдат. Солдаты под командой поручика Нольде бросились к находившимся на станции горцам, которые, спасаясь от преследования, побежали в станицу Мекенскую. Там они были настигнуты. Было убито 13 человек. Один случайно спасся и рассказал о происшедшем [1].

Даже комиссар области Михайлов в докладе министру внутренних дел о столкновении писал: «неоправдываемые убийства».

4 октября Временное правительство издало указ о введении военного положения в Грозненском, Веденском и Хасав-Юртовском округах Терской области, а 16 октября военное положение было распространено на всю Терскую область. Военное положение облегчало борьбу с растущей революцией.

Казачья и горская контрреволюция собирала свои силы. Ей оказывали помощь эсеры и меньшевики. Так, например, захватив в свои руки телеграф, они всячески пытались скрыть от большевиков сообщение о революционных событиях в Петрограде.

Весть о событиях в Петрограде пришла во Владикавказ 25 октября. Рано утром 26-го была получена телеграмма генерала Каледина, адресованная всем казачьим войскам. В ней Каледин заявлял о непризнании большевистской власти и о переходе всей полноты власти на Дону в руки войскового правительства. Генерал Каледин призывал к организации борьбы с большевиками. Терские казачьи верхи решили итти по стопам Каледина. Но на Тереке рядом с казаками жили горцы. Обезземеленные трудовые массы горцев страстно ждали разрешения аграрного вопроса. Каждую минуту могла вспыхнуть на всем Тереке кровавая борьба за землю. Понимая это, казачьи верхи были вынуждены в интересах сохранения единого фронта контрреволюции временно разделить свою власть с горскими националистическими верхами. Казачья контрреволюция надеялась, что при помощи горской националистической верхушки ей удастся удержать горские массы от революционных выступлений.

К октябрю 1917 г. в Чечне, Ингушетии, Кабарде, Осетии существовали «национальные советы». «Национальные советы»,

[1] ЦАОР, ф. 398, оп. 2, д. 4, л. 50—51.

конечно, не выражали действительных интересов трудовых горских масс. Они выражали интересы горской националистической буржуазии и буржуазной интеллигенции.

Одним из руководителей осетинского «национального совета» был Гаппо Баев, долгое время бывший владикавказским городским головой. Он прекрасно уживался и работал рядом с атаманом Терского казачьего войска. Понятно отношение этого «национального совета» к советской власти.

Осетинский «национальный совет» безуспешно пытался организовать силы осетинского народа на борьбу с советской властью. Такие же цели преследовал и ингушский «национальный совет», во главе которого стоял крупный царский чиновник Вассан-Гирей Джабагиев. Ингушский народ по сравнению с другими народами Северного Кавказа был наиболее обездоленным, он сильнее пострадал от колонизаторской политики царизма. Землю он мог получить только свергнув власть помещиков и буржуазии. Несмотря на это, ингушский «национальный совет» поддерживал Временное правительство.

Такой же облик имели и «национальные советы» Чечни и Кабарды.

6 ноября объединенное заседание войскового правительства и Центрального комитета союза горцев Кавказа приняло следующее постановление:

«Вся полнота государственной власти на территории Союза горцев Северного Кавказа переходит в руки Центрального комитета и Союза горцев. На территории Терского казачьего войска — Войсковому кругу и войсковому правительству».

Таким образом, во Владикавказе были созданы две власти: одна — для горцев и другая — для казаков. Многотысячное «иногороднее» крестьянство было отдано на съедение контрреволюционной казачьей верхушке.

Когда из Петрограда со II съезда советов приехал Сергей Миронович, он немедленно информировал большевистскую организацию о Великой пролетарской революции, начавшейся в Петрограде, и о настроениях в стране. 4 ноября Сергей Миронович выступил на заседании Владикавказского совета рабочих и солдатских депутатов с отчетным докладом. Городской театр был переполнен. Тысячи людей, затаив дыхание, слушали его вдохновенную речь. «Разрешите мне, не только как очевидцу, но и как участнику Октябрьского восстания, передать вам ту силу огромного, потрясающего момента...» — начал он свое выступление. Ярко обрисовав картину измены и подлости Временного правительства, эсеров и меньшевиков, предавших революцию, Киров рассказывал о беспримерном мужестве питерского пролетариата, который первым пошел на штурм капиталистической твердыни. Киров говорил о большевиках—руководителях борьбы за социалистическую революцию. «...третья великая русская революция,— закончил он свой доклад, — имеет своим основным отрядом те элементы, которые задачи социализма ставят в порядок сегодняшнего дня... Итак, да здравствует Второй Всероссийский съезд

Советов! Да здравствует третья великая русская революция!» [1] Доклад его вызвал бурю аплодисментов.

В эти исторические дни Киров все свое время и силы отдает агитационной работе. Он разъясняет массам смысл великой борьбы в Петрограде. По нескольку раз в день выступает он на собраниях рабочих, сплачивая и мобилизуя их под знамена борьбы за диктатуру пролетариата.

Массовая работа, развернутая партией большевиков под руководством С. М. Кирова, дала огромные результаты. Она нашла яркое выражение в итогах выборов в Учредительное собрание и в городскую думу во Владикавказе. Выборы в Учредительное собрание происходили 26—28 ноября. Всего было подано 18 610 голосов. Список № 7 — большевистский — получил 8 218 голосов. За ним следовал список № 5 — партии «народной свободы» (кадетов). Он собрал 4 408 голосов. Все остальные списки собрали еще меньше голосов. Список № 1 — Терского казачьего войска — собрал 3 062 голоса, № 8 — эсеров — 1 768 голосов, а № 4 — СДРП (объединенной), как называла себя небольшая группа меньшевиков после раскола владикавказской объединенной организации РСДРП и выхода из нее большевиков, — собрал смехотворное количество голосов — 458 [2].

Еще разительней был успех большевиков на выборах в городскую думу. Выборы происходили в начале декабря 1917 . В них принимало участие 7 792 человека. Предстояло выбрать 86 гласных. Большевики, выступавшие вместе с осетинской революционно-демократической партией «Кермен», получили 38 мест в думе. После них наиболее крупными фракциями были союз домовладельцев и торгово-промышленников, получивший 17 мест, партия народных социалистов — 16 мест. Эсеры и меньшевики потерпели еще большее поражение, чем на выборах в Учредительное собрание. Первые получили 6 мест, вторые — 1 [3].

Председателем городской думы был избран большевик. Городским головой — меньшевик Цырульников.

Объединенная казачья и горская контрреволюция начала усиленно готовиться к расправе с большевиками. Опираясь на вызванные с фронта части «дикой» дивизии и казачьи полки, она приступила к разгрому революционных сил Терека, отрезанного донской контрреволюцией от Советской России.

Спешно вооружались казачьи станицы. По распоряжению командующего войсками Терско-Дагестанского края генерала Половцева в промежуток времени с 21 по 31 декабря 1917 г. из Георгиевского артиллерийского склада было отпущено атаманам станиц и хуторов около одного миллиона патронов и 8 тыс. снарядов.

В это время во Владикавказе и в области твердой власти уже

---

[1] *Киров*, Статьи, речи и документы, т. I, стр. 14, Партиздат, 1936 г.
[2] «Горская жизнь» № 40 от 9 декабря 1917 г.
[3] *Там же.*

не было: совет рабочих и солдатских депутатов формально власти в свои руки еще не взял, хотя фактически ею являлся.

Ни войсковое правительство в казачьих районах, ни горское правительство в горских не могли предотвратить растущее революционное движение в области. Борьба вспыхивала то в одном, то в другом пункте. Организаторами этой борьбы были местные большевики и солдаты кавказского фронта, бросившие свои позиции и возвращавшиеся через Дагестан и Терек домой. Обе власти — казачья и горская — хотя и были объединены общей борьбой против большевизма, не доверяли друг другу, открыто друг с другом боролись. Но общая смертельная опасность толкала их к объединению. Для более успешной борьбы с революцией было решено кроме существующих двух властей создать в области еще и третью власть — «объединенную». 1 декабря 1917 г. войсковое правительство, Центральный комитет Союза горцев Кавказа и т. п., «объединенная демократия», т. е. эсеры и меньшевики, создали временное терско-дагестанское правительство, к которому должна была перейти вся власть в Терской области и в Дагестане. Создание объединенного правительства не изменило положения. Новое правительство не пользовалось авторитетом. Не только рабочие, горская и крестьянская беднота, шедшие за большевиками, но даже казачья и горская контрреволюция игнорировала «объединенную» власть.

В этих условиях Владикавказский совет решил перейти к активным действиям.

30 декабря Владикавказский совет рабочих и солдатских депутатов постановил: «Признать советскую власть и подчиниться распоряжениям Совета народных комиссаров». На другой день по приказанию горского правительства банды офицеров-горцев напали на совет, разгромили и арестовали президиум во главе с Ноем Буачидзе.

Старый большевик Ной (Самуил) Буачидзе был одним из активных участников первой русской революции в Грузии. Он организовывал и руководил вооруженными крестьянскими отрядами в Имеретии в 1905/06 г., работал в подполье на Северном Кавказе, был в эмиграции. Вместе с Лениным и другими большевиками вернулся в 1917 г. в Россию. Партия вновь его направила на Северный Кавказ. С мая 1917 г. он вместе с С. М. Кировым руководил работой большевиков Владикавказа.

Контрреволюция разгромила также большевистский партийный комитет. Сергей Миронович Киров в этот вечер случайно отсутствовал в партийном комитете. Ему пришлось скрываться. На улицах офицеры расклеивали плакаты: «Смерть большевикам!»

Арестованным большевикам—руководителям совета грозила смерть. Большевики-осетины с помощью вооруженных кермениствов освободили их, но оставаться в городе было опасно.

5 января 1918 г. в город вошли казаки. На улицах Владикавказа началась война. Казаки расстреливали ингушей.

Киров отправился в логово врага, в помещение горского правительства, чтобы добиться мер к прекращению дикой расправы. Он разговаривал с председателем правительства Капланом. Его окружили офицеры. По его адресу раздавались угрозы. Ему едва удалось скрыться.

Дальнейшее пребывание в городе стало для Кирова не только опасным, но и бесцельным. Во Владикавказе внутренних революционных сил для организации борьбы за советский Терек было недостаточно. 7 января 1918 г. Киров уехал в Пятигорск.

Владикавказская партийная организация ушла в глубокое подполье.

УСТАНОВЛЕНИЕ ВЛАСТИ СОВЕТОВ НА ТЕРЕКЕ

Вскоре после этих событий в одном из терских городов — Моздоке, находившемся в руках контрреволюционного казачества, был созван отдельский [1] съезд казаков и крестьян. Задачей съезда, по замыслу его организаторов, являлась выработка мер борьбы против горцев.

Большевики использовали этот съезд, чтобы не допустить затеваемой казачьими верхами войны против горской бедноты.

Представителю Георгиевского совета рабочих и солдатских депутатов большевику Михаилу Блоку удалось попасть на съезд. Он внес предложение о созыве областного съезда народов Терека. Это предложение было съездом принято.

Когда владикавказские большевики узнали о созыве областного съезда, они решили выяснить характер и задачи его. С этой целью в Моздок был командирован представитель владикавказских большевиков. Выполнив поручение, он заехал в Пятигорск, где в это время находился Киров, и информировал его о положении дел во Владикавказе и Моздоке. Киров высказался за участие в съезде.

Руководители казачьей контрреволюции надеялись использовать областной съезд для «законного» объявления войны ингушам и чеченцам. Открытие съезда было намечено на конец января 1918 г. К этому дню в Моздок стягивались вооруженные отряды казаков.

Киров приехал на съезд во главе делегатов группы Минеральных Вод. Приехали и владикавказские большевики с Буачидзе, представители большевистских организаций Грозного, Георгиевска, Кизляра. Вечером 25 января состоялось собрание большевистской фракции, которой руководил Киров. Сергей Миронович дал следующую установку: использовать съезд, чтобы не допустить выступления казаков, и всеми мерами дискредитировать руководителей казачьего совета — полковника Рымаря и его помощника Пятирублева.

---

[1] *Отдел* — административная единица в казачьей области, соответствовавшая примерно уезду.

На съезд прибыло около 600 делегатов. Были представлены казаки, «иногородние», осетины, карачаевцы, кабардинцы, балкарцы. Не было представителей ингушей и чеченцев, с которыми казаки воевали, против которых они собирались выступить объединенным походом с участием всех остальных народов Терека.

Большевистская фракция съезда была малочисленна. Задачей большевиков было не допустить превращения Терека в плацдарм контрреволюции, что чрезвычайно усилило бы общероссийскую контрреволюцию. Надо было прекратить национальную войну на Тереке, провоцируемую казачьими и горскими верхами, и противопоставить казачьей и горской контрреволюции все трудовое население Терека.

Большевистская фракция сразу стала организатором и руководителем всей левой части съезда. По ее инициативе на съезде был создан «социалистический блок» на основе борьбы с контрреволюцией. В состав блока вошли кроме большевиков «левые» и правые эсеры, меньшевики и меньшевики-интернационалисты. Во главе «социалистического блока» стояли большевики. «Социалистический блок» помогал созданию единого фронта против монархическо-помещичьей контрреволюции. Сила и значение блока заключались прежде всего в том, что, находясь во главе его, выступая от его имени, большевики изолировали от масс мелкобуржуазные партии. Душой блока, его руководителем и трибуном был Киров.

В президиум съезда из большевиков вошли Киров, Буачидзе и др.

На повестке дня съезда стояли три вопроса: 1) объединение народов Терека, 2) организация власти на Тереке и 3) земельный вопрос. Сейчас же после открытия съезда в своем «внеочередном» заявлении полковник Рымарь и есаул Пятирублев сообщили, что Моздокский совет отдал распоряжение об общем наступлении на чеченцев и ингушей. Они потребовали утверждения этого распоряжения съездом. Усилиями «социалистического блока» незначительным большинством предложение Рымаря и Пятирублева удалось провалить. Тогда контрреволюционная казачья верхушка попыталась сорвать съезд. Провокация сменялась провокацией. На каждом заседании выступали «очевидцы» зверств ингушей и чеченцев и требовали «помощи» против них.

Вечер. В темном зале моздокского кинематографа, освещенном двумя керосиновыми лампами, идет съезд. Пьяные казаки вооружены винтовками, ждут только сигнала своих руководителей.

Выступает Сергей Миронович Киров.

Он говорил часа полтора. Это была необычайная, потрясающая речь.

Перед съездом вставали жуткие картины междоусобной войны на Тереке, выгодной лишь казачьим и горским верхам. Киров призывал к миру, к посылке мирных делегаций к чеченцам и ингушам, настаивал на приглашении их на съезд.

В настроении съезда наступил резкий перелом: большинство пошло за «социалистическим блоком». Съезд принял предложение

о прекращении войны между трудовыми народами Терека. Было решено послать делегацию в Ингушетию и Чечню. В делегацию входил и Киров. Это было сделано для того, чтобы создать к ней больше доверия, так как имя Кирова было хорошо известно в горах. Был выработан «мирный наказ».

28 января на съезде обсуждался вопрос о признании власти Совета Народных Комиссаров. Это вызвало взрыв протеста со стороны верхушки казачества, сумевшей увлечь за собой и часть трудовых казаков. Было ясно, что в такой прямой форме вопрос о признании советской власти еще не время ставить. Масса крестьян, горцев, трудящихся казаков была к этому еще не подготовлена. Вопрос был снят. Однако на другой день сектантская группка, называвшая себя «левой» группой и считавшая ошибкой вступление в блок, добилась подачи заявления 132 делегатами съезда с требованием вновь рассмотреть вопрос о власти. Этим провокационным шагом она хотела взорвать единый фронт трудящихся. От имени «социалистического блока» по этому вопросу выступил Киров.

Его речь была прекрасным образцом борьбы за тактику единого фронта в целях объединения масс против контрреволюции, но это было сделано не в виде призыва к немедленному признанию власти Совета Народных Комиссаров РСФСР, что неизбежно вызвало бы в тех условиях раскол трудящейся части съезда. Киров призывал к объединению сил трудовых горцев, казачества и «иногородних» под руководством большевиков; он боролся с «левыми», сектантство которых толкало большинство съезда в объятия контрреволюционной казачьей верхушки.

«...наша задача, — начал свою речь товарищ Киров, — ...объединиться и создать прочный кулак, чтобы избежать нависшей опасности... Россия разбилась на два враждебных лагеря. Одни борются за утверждение в России народовластия, другие не останавливаются ни перед чем, чтобы набросить на свободный народ мертвую петлю.

...Для народа важно было удержать власть в лице Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. ...И у нас, как и в России, — продолжает он, — положение крайне запуталось. ...И если в России широкой волной разливается гражданская война, то у нас она представляет особенно грозную опасность. Если мы не создадим единого революционного крепкого фронта, то наше дело здесь будет погублено.

...Нам необходимо сказать на всю область, чтобы демократия объединилась, перестала заниматься перемыванием косточек друг друга.

Если мы этого не сделаем, то будем разбиты по частям»[1].

Обращаясь к «левым», выступавшим за немедленное признание Совета Народных Комиссаров и тем самым за раскол трудящегося большинства съезда, он говорил: «Нам нужно расчистить кро-

[1] *Киров*, Статьи, речи и документы, т. I, стр. 19, 20, 21, Партиздат, 1936 г.

вавую атмосферу, дать населению свободно дышать, чтобы делегаты, сидя здесь, не боялись, что в станицах их дома разрушаются...

В блоке смотрят на власть Совета Народных Комиссаров поразному. Но... мы боремся за республику демократическую: рабочих, солдат и крестьян. Пусть все, кому дороги интересы крестьян и рабочих мозолистых рук, скажут: «Да здравствует республика солдат, крестьян и рабочих!»[1] — кончает свою речь товарищ Киров. Речь его покрывается шумными аплодисментами.

Эта речь была, как и все выступления Кирова на съезде, подлинной пропагандой, правда, в особой, продиктованной обстановкой форме, за признание Великой пролетарской революции и власти Совета Народных Комиссаров.

В заключительном слове Киров обрушился на тех делегатов-казаков, которые призывали признать власть Совета Народных Комиссаров, так как «она русская и поможет нам разбить ингушей и чеченцев». «Наши задачи — объединение, объединение и объединение. И тогда каждый шаг нашей работы будет утверждением Советской власти. Объединение даст нам спокойную жизнь, и мы услышим свободную песнь радостной, мирной жизни» [2].

По предложению Кирова было решено:

«Новая власть должна поставить в плоскость практического разрешения все вопросы, выдвинутые революцией, как-то: земельный вопрос, правовой, рабочий, продовольственный, национальный, вопросы самоуправления и проч., проявить самую широкую инициативу в деле организации всей области» [3].

Резолюция была принята единогласно. Фактически она явилась актом признания советской власти, так как вслед за ней была принята декларация о разрешении национального, земельного и рабочего вопросов в духе решения Совнаркома РСФСР. Декларация была составлена Кировым.

Для большевиков было ясно, что создавать новую областную власть в Моздоке сейчас нельзя. Контрреволюционный Моздок мог повлиять на ход выборов, на состав областного правительства. По предложению «социалистического блока» было решено назвать съезд в Моздоке первой сессией Терского областного народного съезда трудящихся Терека, созвать вторую сессию в Пятигорске, пригласив на нее все народы Терека, в том числе ингушей и чеченцев.

Был избран Терский народный совет, в состав которого на пропорциональных началах вошли представители всех национальностей Терека. Для представителей Чечни и Ингушетии в совете были оставлены места. Киров был избран членом совета.

31 января состоялось заключительное заседание съезда, на котором Киров в страстной речи призывал трудящихся Терека

---

[1] *Киров*, Статьи, речи и документы, т. I, стр. 23, Партиздат, 1936 г.
[2] *Там же*, стр. 24.
[3] *Там же*, стр. 25.

до последней капли крови бороться за республику рабочих, солдат, крестьян, казаков и горцев.

Молодые и старые, горцы и казаки, рабочие вскакивали с мест, и сотни голосов на многих наречиях Северного Кавказа радостно выкрикивали свой привет большевикам и Ленину.

Большевики победили. Тактикой единого фронта они организовали народные массы против контрреволюции и стали во главе их на борьбу за власть советов на Тереке.

Моздокский съезд показал всю правильность политики большевиков, проводимой Кировым. Своей тактикой организации «социалистического блока» для борьбы с казачье-горской контрреволюцией Киров изолировал меньшевиков и эсеров от трудовых масс. Во главе блока и от имени его действовали большевики, державшие курс на создание условий для провозглашения власти советов на Тереке.

Моздокский съезд народов Терека показал, что руководителями трудовых масс Терека являются большевики, что подлинным вождем трудовых масс Терека является лучший большевик на Тереке — Сергей Миронович Киров.

16 февраля в Пятигорске открылась вторая сессия Терского областного народного съезда. Представители ингушей и чеченцев на съезде отсутствовали. К ним послали делегацию. Казачьи и горские верхи снова попытались сорвать съезд. Они распустили слухи, что большевики собирают в Пятигорск лучших людей Терека, чтобы перерезать их, а затем захватить власть. Но никто этому не поверил. Измученные, жаждущие мира станицы и аулы послали своих делегатов. Пятигорский народный дом едва вместил всех собравшихся. Руководил съездом «социалистический блок», фактически — большевики, стоявшие во главе его.

20 февраля с докладом о текущем моменте выступил Киров. Появление его на трибуне вызвало шумные аплодисменты. Он развил мысли, сказанные им в Моздоке.

В своем заключительном слове (21 февраля) Киров разоблачал контрреволюционную роль казачьих и горских верхов, пытавшихся сорвать съезд, раздувавших национальную войну.

«...я далек от мысли возлагать ответственность за все то, что происходит в области, на ту или иную национальную группу. И те, кто говорят, что в этом повинны ингушский и чеченский народы, — те творят политическое преступление, — заявлял Киров,—...преступно считать и все казачье население враждебным по отношению к туземным народам» [1].

Киров настаивал на необходимости скорейшего разрешения вопроса о власти и земельного вопроса. Главное — создать такую власть, которая сумеет разгромить все контрреволюционные силы и разрешить земельный вопрос.

В резолюции, предложенной Кировым, говорилось:

«Единственным выходом из создавшегося у нас в Терской области

[1] *Киров*, Статьи, речи и документы, т. I, стр. 36, Партиздат, 1936 г.

положения является путь, указанный на Моздокском съезде, т. е. объединение всей революционной демократии без различия национальностей вокруг лозунга борьбы за республику рабочих, солдат, крестьян, трудовых казаков и горцев.

Это положение должно быть руководящим при всех дальнейших шагах революционной демократии, как то: при организации местной власти и пр. и создании ответственных органов в области» [1].

22 февраля на съезд прибыли делегаты от ингушей во главе с Гапуром Ахриевым. С ними прибыл единственный представитель Чечни — Асланбек Шерипов. За ними поехал из Беслана специальный посланец съезда. Владикавказские железнодорожники сформировали для охраны делегации отряд. По дороге к Пятигорску — в Георгиевске и в Минеральных Водах — контрреволюционные казаки пытались расправиться с делегацией, но железнодорожники и охрана отстояли ее. Приехавшую глубокой ночью делегацию ингушей и чеченцев встречали торжественно, с музыкой. На вокзале выступили с приветственными речами Киров — от имени «социалистического блока» и Анджиевский — от Пятигорского совета. Делегатов поместили в «Бристоле» — лучшей гостинице города, недалеко от народного дома, где происходил съезд. Утром, когда они пришли на съезд, им устроили торжественную встречу, уступили первые места. Их приветствовал от «социалистического блока» Киров. От ингушей выступал Ахриев, а после него представитель Чечни — Асланбек Шерипов. В сильной речи Шерипов обрушился на провокационные элементы казачества, на горскую верхушку. Чеченский народ требует земли и свободы, за которые он будет бороться и умирать, — заявил Шерипов.

Асланбек Шерипов сыграл крупную роль в борьбе за советскую Чечню, за нее он и погиб. Жизнь этого талантливого молодого чеченского революционера, политически воспитанного большевиками Кировым и Орджоникидзе, была отдана борьбе за национальное и классовое освобождение трудовой Чечни.

Асланбек Шерипов родился в Чечне, в селении Ведено, в 1897 г., в семье чеченца-офицера. Семья готовила ему ту же карьеру. Мальчик был определен в Полтавский кадетский корпус. Близкое знакомство с положением горской бедноты, среди которой он вырос, тяжелое и бесправное положение горских народов — чеченцев, ингушей, осетин и др., изучение прошлой борьбы горцев за свою независимость привели к тому, что он отказался от намерений стать офицером царской армии.

Асланбек Шерипов перевелся из кадетского корпуса в Грозненское реальное училище. Здесь его застала Февральская революция 1917 г. Он активно участвует в политической жизни. Сперва он находился под влиянием буржуазно-национа-

---

[1] Вторая сессия Терского областного народного съезда в Пятигорске 16 февраля — 5 марта 1918 г., Стенографический отчет, стр. 49, Пятигорск, 1918 г.

листического Союза горцев, возлагавшего на него, как на талантливого представителя горской молодежи, большие надежды. Но Асланбек Шерипов не оправдал надежд горских националистов. Скоро он убедился, что Союз горцев, вступивший в блок с казачьей контрреволюцией, является врагом горской бедноты. Шерипов становится во главе чеченской бедноты, призывает ее к союзу с русскими рабочими и крестьянами против контрреволюционного казачества и контрреволюционной горской верхушки. С этого времени и до конца своей жизни он боролся за счастье своего народа, за победу социалистической революции и советской власти на Тереке.

Двенадцатый день съезда — 27 февраля — совпал с годовщиной свержения самодержавия. Киров как представитель Пятигорского совета рабочих и солдатских депутатов произнес на съезде речь, посвященную годовщине свержения царизма. Он говорил о колониальной политике царизма, угнетении и эксплоатации народностей, говорил о казачестве, приговоренном царизмом до последних лет своей жизни нести тяжелую обязанность... «профессиональных волков». Казаки и горцы сольются в одну семью. «Победа, товарищи, несомненно за нами, — закончил он свою речь. — ...Страшный пожар разгорелся год тому назад, и искры его разлетаются, как вестники Великой российской революции, по всему миру» [1].

В прениях один за другим выступали делегаты трудящихся горцев и по поручению своих избирателей требовали установления советской власти на Тереке и признания власти Совета Народных Комиссаров.

К зданию, где заседал съезд, подошли манифестации. Съезд прервал свою работу, президиум вышел на балкон. И снова выступил неутомимый Киров. Он поздравил трудящихся Пятигорска с днем свержения самодержавия и объявил, что вторая сессия съезда устами представителей всех народов, населяющих Терскую область, признала власть Совета Народных Комиссаров. Он призывал отдать все силы и жизнь делу победы революции.

Результатом работы большевиков было решение съезда народностей Терека установить власть советов и признать Совет Народных Комиссаров. «Социалистический блок» затрещал. Эсеры и меньшевики потеряли всякое влияние, особенно после приезда ингушей, которые безоговорочно пошли за большевиками. В первый же день приезда ингушей правый социалист-революционер Мамулов приходил к ингушской делегации и настойчиво советовал немедленно уехать из Пятигорска через Карачай. «Вас казаки здесь перережут», — говорил он ингушам.

Правые эсеры и меньшевики повели тайные переговоры с руководителями контрреволюционного казачества. 4 марта съезд обсуждал вопрос о признании власти Совета Народных Комиссаров.

---

[1] Вторая сессия Терского областного народного съезда в Пятигорске 16 февраля — 5 марта 1918 г., Стенографический отчет, стр. 49.

Представитель меньшевиков Маршак и правый социалист-революционер Мамулов выступили против признания власти Совета Народных Комиссаров. Голосование показало, что съезд пошел за большевиками. За признание власти Совета Народных Комиссаров было подано 220 голосов, против — 22, воздержалось — 44 [1].

Съезд бурно аплодировал результатам голосования. В протоколе было записано: «Власть народных комиссаров признана Терским народным съездом 4 марта в 11 часов 35 минут дня». Съезд послал приветственную телеграмму Ленину.

Был выбран новый состав народного совета и принят ряд решений. Работа съезда подходила к концу.

Но контрреволюционное казачество попыталось сорвать только что состоявшееся объединение трудящихся Терека. Казачья верхушка, покинувшая съезд, организовала с помощью контрреволюционного Моздока внезапный налет на горцев. Война вспыхнула вновь. Из Пятигорска, отдаленного от места борьбы, нельзя было непосредственно следить за действительным соблюдением мира в области и немедленно реагировать на его нарушение. Контрреволюция во Владикавказе разжигала национальную резню. Поэтому «социалистическим блоком» был поставлен вопрос о необходимости переезда съезда во Владикавказ. Киров настойчиво поддерживал это предложение. Занятие Владикавказа и создание в нем областного революционного центра имело бы огромное значение для полной победы революции на Тереке. Меньшевистско-эсеровская часть «социалистического блока» резко выступила против переезда. Блок к единому решению не пришел. Тогда т. Буачидзе от имени большевистской фракции поставил на съезде вопрос о немедленном переезде во Владикавказ. Съезд согласился. Киров предложил послать во Владикавказ комиссаров съезда, чтобы создать условия для дальнейшей работы. Комиссаром был выдвинут делегат съезда — правый социалист-революционер Мамулов. Но так как выполнить это решение он отказался, то Киров предложил от лица верховной власти области — съезда — послать телеграмму городской думе Владикавказа с требованием разоружения офицерских сотен. Телеграмма была послана. Перетрусившие «хозяева» города — городская дума — сообщили, что съезд может переехать.

Вечером 5 марта делегаты съезда уехали из Пятигорска. Особый поезд — целый состав товарных вагонов, разукрашенных красными флагами, — увозил их во Владикавказ. Провожал их весь трудовой Пятигорск. Гремела музыка. По пути руководители съезда организовывали митинги, разъясняя значение советской власти и решения съезда. В Георгиевске рабочие приветствовали делегатов. На станции Котляревской делегаты съезда были встречены красногвардейским отрядом, расставившим посты по всем

[1] Вторая сессия Терского областного народного съезда в Пятигорске 16 февраля—5 марта 1918 г., Стенографический отчет, стр. 140.

станциям до Владикавказа. На некоторых станциях, ближе к Владикавказу, офицеры пытались спровоцировать столкновение с делегатами съезда, но безуспешно.

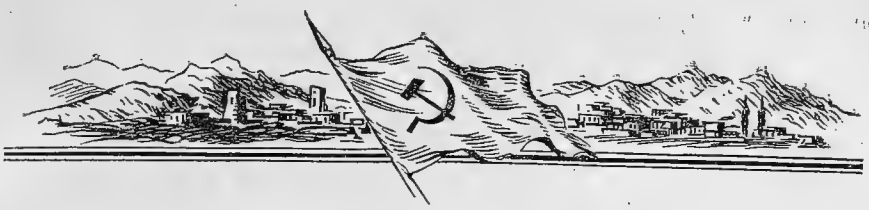
7 марта в 12 часов ночи делегаты приехали во Владикавказ. На вокзальной площади их встретили рабочие. Были поданы грузовики и вагоны трамвая, чтобы перевезти делегатов к месту заседания — к зданию бывшего кадетского корпуса, на другой конец города. На площади во время речи т. Буачидзе о решениях съезда делегаты были обстреляны офицерской сотней, засевшей в одном из зданий в районе станции.

На другой день съезд начал свою работу во Владикавказе. Положение было тяжелое. В самом Владикавказе находились контрреволюционные офицерские отряды. Национальная и классовая борьба усиливалась. Необходимо было принять энергичные меры для борьбы с контрреволюцией.

Офицерские сотни с боем были выгнаны из Владикавказа. Для ликвидации осетино-ингушской войны Киров предложил избрать делегацию, которая отправилась на осетино-ингушский фронт в район Базоркино — Ольгино мирить враждующие стороны. Сергей Миронович сам стал во главе делегации. Вместе с делегатом съезда балкарцем Калабековым он прибыл в район боев. Ведя переговоры с осетинами и ингушами, они переходили из окопов в окопы и в это время были обстреляны контрреволюционными элементами. Калабеков был убит.

Киров добился прекращения войны. Обе стороны избрали мирные делегации. Во Владикавказе на съезде они заключили между собой мир.

Во Владикавказе съезд избрал Терский Совнарком, во главе которого встал большевик Ной Буачидзе. После долгой и ожесточенной борьбы к началу марта 1918 г. на Тереке утвердилась советская власть.



ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОБЕДА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА КУБАНИ И В СТАВРОПОЛЬЕ

КУБАНЬ НАКАНУНЕ СВЕРЖЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ

На Кубани к началу XX века решающей экономической силой были казаки—кулаки. Эта группа, которой принадлежало около 15% всех хозяйств, вместе с крупными помещиками владела почти всей «войсковой» казачьей землей. В руках казачьего кулачества сосредоточивалось огромное количество рабочего скота — основы казачьего хозяйства — и весь сельскохозяйственный инвентарь. Тип хозяйства был полукапиталистический и капиталистический. Материалы анкет, составленных в 1899 г. комиссией для обсуждения экономического положения кубанского казачества, а также материалы специального статистического подворного обследования части станиц нагорной полосы Кубани дают наглядную картину расслоения казачества к началу XX века. В шести отделах Кубанской области, охватывающих 218 казачьих населенных пунктов с общим количеством 113818 казачьих хозяйств, по данным самих атаманов, было 10,9% богатых хозяйств, 41,1% середняцких и 48% бедняцких [1].

Данные эти вполне подтверждаются и результатами всероссийской переписи 1897 г. Необходимо принять во внимание, что в разных районах Кубани хозяйства одной и той же категории различаются между собой. Объясняется это особенностями территории Кубани и политикой царизма при ее заселении. Кубанская

[1] Труды Кубанского пединститута, т. IV, 1930 г.

область расположена по реке Кубани. Правый берег Кубани представляет собой равнинную степь. Левый ее берег, так называемый Закубанский край, — нагорный. До завоевания края русским царизмом это была цветущая, богатая местность, за свое плодородие названная живущими здесь горцами «Месир» (Египет). После «замирения», т. е. захвата царизмом этого края у местных горцев — черкесов-адыгейцев, Закубанский край был разорен. У населения нехватало средств для занятия хлебопашеством, приходилось заниматься подсобными работами и искать заработков на стороне. Не последнюю роль играло здесь неравномерное распределение удобных для обработки земель между отделами Кубани. В нагорном Закубанье было гораздо меньше удобной земли, чем в равнинных, степных отделах: Екатеринодарский и Майкопский отделы имели вдвое меньше удобной земли, чем отделы Ейский и Кавказский.

В последних двух отделах расслоение среди казачества проявлялось особенно резко.

Сравним два казачьих хозяйства. Богатый казак (станица Уманская Ейского отдела) имеет 45 десятин паевой земли, арендует под посев 150 десятин, под сенокос и попас скота — 110 десятин, имеет 16 рабочих волов, 18 рабочих лошадей, 12 строевых, 48 коров, гулевого скота и жеребят, 60 овец, 23 свиньи. Сельскохозяйственный инвентарь его хозяйства таков: 7 железных плугов различных систем, 14 железных борон, 1 сеялка, 4 сенокосилки и жатки, 1 конные грабли, 2 веялки и т. д. Это типичное капиталистическое хозяйство. Нужно добавить, что богатые казаки владели маслобойками, мельницами, крупорушками и т. д. Кроме производства хлеба, которое исчислялось в таких хозяйствах десятками тысяч пудов, они занимались также садоводством и пчеловодством. Богатый казак скупал и перепродавал шерсть, скот и т. п., нередко имел и свою лавку.

Совершенно иную картину мы наблюдаем в хозяйстве казачьей бедноты, которая большую часть своего «пая», а нередко и весь «пай», сдавала в аренду. Здесь были широко распространены «испольщина», «скопщина», т. е. отдача земли «иногороднему» — пришлому — крестьянству с правом получения одной пятой урожая. Бедному казаку приходилось работать поденно, батрачить, чтобы прокормить свою семью. Недостаток рабочего скота, отсутствие сельскохозяйственного инвентаря не давали ему возможности поднять необходимое количество земли, чтобы хватило хлеба до нового урожая. И бедняк часто был вынужден отбывать «сиделочную повинность» за богатого казака, за что тот платил ему деньгами или натурой. У неисправных плательщиков долгов в войсковую казну или неисправно снаряжавшихся на воинскую службу часть земли отбиралась и сдавалась в аренду казакам-кулакам.

Количество отбираемой земли росло с каждым годом. Стоимость воинского снаряжения была довольно высока, и часто паевой надел не покрывал ее. Часть бедного казачества постепенно пролетаризировалась.

В станице Павловской один казак — сам-пятый (он имел 4 сыновей, получающих паи) — при величине пая в 21 десятину имел в своем пользовании 105 десятин. Но у него не было никакого хозяйства. Его сыновья были батраками у казаков-кулаков, сам он ютился в хибарке. Он вынужден был сдавать всю землю в аренду, чтобы снарядить сыновей на службу. Когда пришла очередь младшего сына, станичный сбор чуть было не зачислил его в пешие, как одного из беднейших, так как он не мог выставить строевого коня и соответствующего снаряжения [1].

Часто у бедного казака полностью отбирали земельный пай. В счет денег, получаемых за аренду паевой земли, войсковая казна снаряжала казака на воинскую службу, давала ему строевую лошадь и т. д. Это вело к окончательному разорению его и без того слабого хозяйства. Недаром казачья беднота говорила о себе: «Слава казачья, а жизнь собачья». Сословные особенности только осложняли жизнь, прикрепляя казака-бедняка к станице, делая его батраком одностаничника-кулака.

Таким образом, причин для «расказачивания» было много. Это в свою очередь приводило к идеологическим сдвигам внутри казачества, создавало базу для революционной борьбы на Кубани. Еще в революционном 1905 году бедняки-казаки говорили, что они не желают оставаться слепым орудием царской политики, рабами офицеров, помещиков и казачьей верхушки. Восстание в 1905 г. Урупского казачьего полка на Кубани было явлением симптоматичным.

Крупных пролетарских центров на Кубани не было. Фабрично-заводская промышленность была слабо развита, преобладала мелкая, полукустарная промышленность. Первое место по числу промышленных предприятий и по количеству занятых в них рабочих занимал Екатеринодар. Накануне Февральской революции 1917 г. в Екатеринодаре было сосредоточено немногим больше трети всех предприятий и около половины всех рабочих Кубани. Капитализация всего края и самого казачества требовала квалифицированной рабочей силы. По линии железной дороги (Кубань имеет относительно богатую железнодорожную сеть), на станциях оседали группы рабочих-железнодорожников. В Майкопском нефтяном районе было сосредоточено большое количество рабочих-нефтяников. Но в общем рабочие были разбросаны по области небольшими группами.

В сельскохозяйственные районы края приезжало и оседало большое количество сезонных и квалифицированных рабочих, которые обслуживали капитализировавшееся сельское хозяйство и промышленность края.

Наряду с этим существовал ряд предприятий ремесленного, кустарного типа — крупные табачные плантации, садоводческие хозяйства, нуждавшиеся в рабочей силе. Хозяйства казаков-кулаков также требовали десятков тысяч рабочих рук. Сельскохо-

[1] «Кубанский сборник» XVI, стр. 228, Екатеринодар, 1911 г.

зяйственный пролетарий становится одной из основных сил революционного движения на Кубани. Квалифицированные рабочие, приезжавшие из Центральной России, привозили с собой опыт классовой борьбы. Они являлись организаторами сельскохозяйственных рабочих, «иногородней» и казачьей бедноты. Вместе с местными рабочими они руководили революционным движением на Кубани.

Неказачье население составляло огромное большинство жителей Кубани — 57%: в Баталпашинском отделе оно составляло 63,4%, в Майкопском — 60,8%, в Лабинском—58,6% (данные на 1910 г.).

За вычетом небольшого числа горцев — черкесов-адыгейцев, составлявших 4,6%, «вневойсковое население» Кубани составляли «иногородние» крестьяне. После реформы 1861 г. масса обезземеленных крестьян Воронежской, Полтавской и других губерний хлынула на Кубань. Земли они не получили, но зато казачье кулачье получило дешевую рабочую силу. Количество «иногородних» росло с каждым годом; в подавляющем большинстве это была беднота.

По экономически-правовому положению «иногородние» делились на три группы. Первая: «коренные» жители («вечняки») — наиболее состоятельная и хозяйственно крепкая группа, приближавшаяся к казачеству, составляла 22,1%. Среди них была значительная прослойка крупных земельных собственников — кулаков. Вторая группа: имевшие «оседлость» пришлые элементы, приобревшие усадьбы и землю в аренду, платившие посаженную плату за пользование усадьбой, составляли большинство в среде «иногородних»— 46,1%. Это были середняки и бедняки, часть из них занималась промыслами. Третья группа: «квартиранты», или «иногородние», не имевшие оседлости, составляли 31,8%. «Квартиранты» не имели своих усадеб и проживали на частных квартирах, батрачили у казаков и у зажиточных «иногородних» (данные на 1916 г.).

Составляя большинство населения на Кубани, «иногородние» не имели никаких экономических и политических прав. Они были стеснены в каждом шаге своей хозяйственной деятельности. Все натуральные повинности — подводная, постойная и др. — возлагались исключительно на них. На них же перекладывались и расходы по общественному управлению. «Иногородних» ограничивали в праве пользования общественными выгонами, за которые они обязаны были вносить значительную плату. «Иногородним» разрешалось иметь не более 4 голов крупного и до 6 голов мелкого скота. Дети «иногородних» допускались в школы лишь при наличии «свободных мест». Больницы тоже обслуживали только казачье население. На постройку собственных школ и лечебниц «иногородние» должны были иметь специальное разрешение станичных управлений.

Положение кулака-«иногороднего» было иное. По сравнению с казачьим кулачеством на него распространялись некоторые ограничения, но все же он жил в дружбе с атаманом станицы и со всей

казачьей верхушкой. Постепенно кулак-«иногородний» становился для казачества «своим», роднился с ним, выдавая своих дочерей (с богатым приданым) за казаков.

За 18 лет (с 1892 по 1910 г.) станичные и общественные капиталы, складывавшиеся главным образом из различных денежных взносов «иногородних», возросли на 898,6% — почти в девять раз. Самой крупной статьей дохода была сдача земли в аренду и посаженная плата: в 1910 г. из общей суммы дохода станичных обществ в 9 507 226 р. 29 к. сдача земли в аренду давала 5 753 953 р. 09 к., посаженная плата — 450 830 р. 72 к. [1]

К началу мировой войны проблема «иногородних» сильно занимала казачьи верхи. Переход к капиталистическому способу хозяйства делал излишним огромное количество рабочих рук. Поэтому казачьи верхи стремились к вытеснению крестьян-«иногородних» из сельского хозяйства Кубани и к захвату всей земли в свои руки. Они добивались отказа казаков — середняков и бедняков от сдачи земли в аренду крестьянской бедноте.

«Что касается иногородних, — писал один из казачьих публицистов, — то все они, кроме ремесленников, купцов, вообще лиц, не занимающихся полевым хозяйством, являются паразитами для казачьего благосостояния» [2].

Так как насильственно выселить «иногородних» с Кубани было невозможно, оставалось одно — вытеснить их из полевого хозяйства.

«Иногородние же за неимением свободной для аренды земли или бросят занятие полеводством или же уйдут из станиц вовсе: и в том и в другом случае станицы только выиграют» [3], — продолжает тот же автор. Естественно, что такое тяжелое положение «иногородних» на Кубани делало их союзниками пролетариата в борьбе за победу советской власти в крае.

БОЛЬШЕВИКИ КУБАНИ В БОРЬБЕ ЗА МАССЫ

После Февральской революции на Кубани, как и на Дону и на Тереке, весь аппарат прежней власти остался на месте. В казачьих станицах сидели старые атаманы, в центре области — в Екатеринодаре — у власти осталась та же казачья верхушка. Был сохранен весь бюрократический аппарат управления областью. Нетронутой осталась даже старая полиция. Комиссаром Временного правительства на Кубани был назначен кубанский казак, кадет Бардиж.

9 апреля 1917 г. в Екатеринодаре собрался областной съезд уполномоченных от населенных пунктов Кубанской области. Он должен был разрешить вопросы, связанные с организацией самоуправления в области. Но съезд не разрешил ни одного вопроса, кровно интересовавшего трудовое крестьянство и

---

[1] «Кубанский сборник» XVI, стр. 63, Екатеринодар, 1911 г.
[2] *Там же*, стр. 232.
[3] *Там же*, стр. 233.

казачью бедноту. Хотя съезду пришлось утвердить в качестве органов власти на местах бессословные гражданские комитеты, было решено, что вопросы казачьего хозяйства разрешаются казачьими станичными сходами и атаманами; гражданские комитеты не должны были вмешиваться в казачьи дела. Вопрос о посаженной плате, столь волновавший «иногородних», был признан слишком сложным, и с разрешением его было предложено повременить. Высшим органом власти в области съезд признал областной исполнительный комитет, выбранный на паритетных началах (от казаков и «иногородних» по одному от отдела и четыре делегата от горцев). Был также избран областной совет из 135 членов.

Казачья часть съезда, назвавшись Войсковой радой, 22 апреля избрала свое войсковое правительство [1]. Оно должно было заведывать областным казачьим хозяйством. Войсковая рада высказалась за организацию «союза казачьих войск» [2]. На заседании Войсковой рады был принят ряд решений, целью которых было сохранить землю и власть в руках казачьих верхов. Гражданский комитет, возглавляемый эсерами и меньшевиками, поддерживал «заем свободы» и высказывался за «энергичную борьбу» против большевиков [3].

Казачьи верхи стремились безраздельно управлять областью. Комиссар Временного правительства Бардиж «разъяснил», что гражданские комитеты не являются органами власти. Таким образом, власть не только фактически, но и юридически осталась в руках казачьих верхов.

Екатеринодарская большевистская организация была разгромлена в годы реакции и империалистической войны. В первые месяцы после Февральской революции она была еще слаба. Только с прибытием в Екатеринодар старых кубанских партийных работников партийная работа оживилась. В конце апреля состоялось партийное собрание, на котором стоял доклад об апрельских событиях в Петрограде. Присутствовало около 200 человек. Было решено произвести регистрацию членов партии, организовать выдачу партийных документов и прием членских взносов. До выборов нового партийного комитета был создан временный партийный комитет. Вокруг него начал сколачиваться партийный актив. Из ссылки съезжались старые кубанские работники. Приехала в Екатеринодар т. Вишнякова — старая кубанская работница. Она возглавила большевистскую организацию. В петроградскую большевистскую организацию была послана просьба об откомандировании в Екатеринодар старого кубанского работника Янковского; просьба была удовлетворена. Янковский вернулся в Екатеринодар. Из актива была создана организаторско-пропагандистская группа. Опираясь на нее, комитет развернул большую организационную и

---

[1] «Свободная Кубань» от 25 апреля 1917 г.
[2] «Свободная Кубань» от 21 апреля 1917 г.
[3] «Кубанский край» от 19 апреля 1917 г.

пропагандистско-агитационную работу. Большевики выступали на всех митингах. На первомайском празднике, к величайшему неудовольствию меньшевиков и эсеров, большевики оказались руководителями демонстрации.

Комитет организовал издание большевистской газеты «Прикубанская правда». Газета печаталась в небольшой типографии на Екатерининской улице. Члены партии распространяли ее на заводах, по аулам, станицам, хуторам. «Прикубанская правда» быстро завоевала авторитет среди трудового населения. Соглашательские партии — эсеры и меньшевики — еще задолго до июльских дней пытались разгромить газету и захватить типографию. Под их влиянием некоторые политически отсталые части екатеринодарского гарнизона 10 мая вынесли решение о закрытии «Прикубанской правды», чтобы «пресечь дальнейшее выступление большевиков» [1].

Меньшевики, пользовавшиеся влиянием среди печатников, добились от них отказа работать в большевистской газете. Но среди большевиков нашлись люди, знакомые с печатным делом; они сами начали набирать и печатать свою газету. Тираж газеты рос с каждым днем. Однажды ночью на типографию был произведен налет казачьей войсковой секции совета во главе с меньшевиками. Отпечатанный номер газеты был уничтожен, гранки рассыпаны.

Партийная организация очутилась в тяжелом положении: газета была разгромлена, денег для вторичной организации ее выпуска не было. Решено было провести подписку и сбор денег на издание газеты. Когда кончали работу ночные смены заводов, большевики организовывали митинги. Проводил их большевик Михаил Власов [2]. По окончании митинга он собирал деньги на газету. Партийный комитет сделал все возможное для возобновления газеты. Члены комитета жили в помещении комитета, спали на столах и стульях, плохо питались, плохо одевались, ходили в рваной обуви (рабочие-кожевники шили то ботинки, то сапоги членам комитета). Скоро «Прикубанская правда» начала выходить вновь.

Результаты работы большевиков быстро сказались. На митингах рабочие екатеринодарских заводов выносили резолюции, приветствующие решения Апрельской конференции [3], одобряющие большевистскую линию в аграрном вопросе, требующие передачи власти советам [4].

Деятельность большевиков, рост их влияния среди рабочих и солдат сильно беспокоили вождей кубанской контрреволюции и их приказчиков—эсеров и меньшевиков. Все они на страницах контрреволюционных кубанских газет всех направлений и толков дружно призывали к расправе с большевиками. С этой целью верхи кубанской контрреволюции организовали 20 мая антибольшевист-

---

[1] «Кубанский край» от 14 мая 1917 г.

[2] Власов, председатель Пятигорской ЧК, был предательски расстрелян изменником Сорокиным в октябре 1918 г.

[3] «Прикубанская правда» от 28 мая 1917 г.

[4] «Прикубанская правда» от 25 мая 1917 г.

скую демонстрацию под погромными лозунгами, направленными против большевиков.

Все это происходило при прямом попустительстве Екатеринодарского совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов, подавляющее большинство которого составляли эсеры и меньшевики. Большевиков в совете было лишь несколько десятков человек. Тем не менее им удалось в рабочем районе Дубинке провести комиссаром милиции большевика. Комиссар привлек к работе в милиции еще некоторых большевиков и близких к ним людей. Вскоре Дубинский район стал центром большевистской деятельности. Гражданский комитет постановил снять большевика-комиссара. 31 мая, как только об этом стало известно, рабочие заводов Буковского, Саломаса, Кубаноля, трамвайщики и железнодорожники вышли на улицу. Демонстранты несли знамена, плакаты с надписями: «Долой Бардижа!», «Долой гражданский комитет!», «Да здравствуют советы!», «Да здравствует Ленин!»[1] На митингах большевики призывали передать власть советам. Меньшевистские и эсеровские ораторы протестовали против «незаконной» демонстрации. Вместе с контрреволюционными офицерами они пытались натравить рабочих на большевиков. Это им не удалось. Возмущенные рабочие избили нескольких незадачливых ораторов из меньшевиков и эсеров.

Совет посвятил особое заседание большевистской демонстрации. Меньшевики и эсеры считали ее «контрреволюционной» и призывали к вооруженному отпору «насильникам свободы». В воззвании, выпущенном совместно с гражданским и областным исполнительным комитетами по поводу демонстрации 31 мая, говорилось: «Принимая во внимание происшедшие насилия... совещание находит, что каждое контрреволюционное выступление, сопровождающееся насилием над гражданами, должно будет вызвать, как естественное последствие, применение вооруженной силы, находящейся на страже свободы и неприкосновенности граждан» [2].

Так кубанская контрреволюция призывала к расправе с большевиками.

Большевики вели огромную работу в городской думе. Подготовительная работа к выборам в городскую думу протекала в трудной обстановке. Меньшевики и эсеры создали блок против большевиков. Поддерживаемые частью городской интеллигенции и городским мещанством, они широко развернули избирательную борьбу. Несмотря на это, большевики получили в думе 20 мест из 101. Это дало возможность большевикам с трибуны городской думы обращаться к трудовым массам города, главным образом к рабочим окраин Дубинки и Покровки. Большевистская фракция потребовала разрешения жилищного, санитарного и других вопросов. Бывали случаи, когда депутации от населения окраин, являясь в городскую думу, обращались непосредственно в боль-

[1] «Свободная Кубань» от 2 мая 1917 г.
[2] «Известия Екатеринодарского совета» от 2 июня 1917 г.

шевистскую фракцию. В результате активной работы большевиков в думе удалось добиться ряда практических мер, улучшивших положение рабочих и городской бедноты. Так, беднейшее население окраин города, занимавшееся сельским хозяйством, получило в аренду безвозмездно по три десятины. Рабочие-квартиронаниматели были освобождены от квартирного налога, его возложили на домовладельцев. Рабочие были освобождены от налога на воду. С бедноты окраин сняли и переложили на буржуазию подворные недоимки за 1916 г.

В августе 1917 г. руководство советом рабочих депутатов перешло в руки большевиков. Произошло это следующим образом. Большевики, поддержанные трудящимися массами, поставили вопрос о переизбрании исполкома совета. Меньшевистско-эсеровский блок выдвинул требование пропорционального представительства. Большевики отвергли предложение меньшевиков. Вопрос был перенесен на пленум совета, который и переизбрал исполнительный комитет.

В новом исполкоме большевики получили две трети мест, меньшевики и эсеры — по одному месту. Поражение соглашательских партий в совете вынудило их перенести свою работу из совета в городскую думу.

Опираясь на поддержку комиссара Временного правительства, кубанская казачья верхушка еще в июле 1917 г. пошла на открытый разрыв с «иногородними». На июльской сессии областного совета казаки вышли из состава совета и образовали свой «Кубанский войсковой совет»; они вышли также из областного исполнительного комитета. Кубанский войсковой совет объявил, что «так называемый Кубанский областной совет и областной исполнительный комитет отныне не существуют за выходом из них представителей всего казачьего населения области» [1].

Вся власть на Кубани перешла в руки кубанского войскового правительства. Комиссар Временного правительства кадет Бардиж санкционировал захват власти кубанским войсковым правительством. Временное правительство, рассчитывая на помощь казачьих верхов в борьбе против растущей пролетарской революции, утвердило создавшееся положение. Началась полоса ликвидации гражданских комитетов в станицах и селениях области.

Еще до корниловщины казачьи верхи высказывали недовольство даже теми ничтожными «демократическими» мероприятиями, которые под давлением масс вынуждено было ввести Временное правительство. После провала корниловщины, которую безоговорочно поддерживала казачья верхушка, недовольство Временным правительством еще больше усилилось. В сентябре на конференции представителей Донского, Кубанского и Терского казачьих войск атаманы, офицеры и кулаки выразили сожаление, «что избранный Временным правительством путь к возрождению страны, укреплению правового порядка и восстановлению былой мощи

[1] «Вольная Кубань» от 28 июня 1917 г.

ведет к разрухе и внутри страны подготовляет почву для анархии и контрреволюции. Из всех широких обещаний на государственном совещании Временное правительство ничего не выполнило, кроме провозглашения страны республикой, на что его никто не уполномочивал»[1].

Кубанский войсковой совет отказался послать своих делегатов на демократическое совещание, заявив о полной своей солидарности с советом казачьих войск.

Рост революционного настроения в стране и большевизация советов в пролетарских центрах все сильнее тревожили казачьи верхи. Убедившись в неспособности Временного правительства создать в центре «сильную власть» для расправы с революцией, казачьи верхи пытались создать «сильную власть» на местах.

24 сентября на открытии второй Кубанской краевой рады в Екатеринодаре член совета «союза казачьих войск» Новосильцев говорил в своей приветственной речи: «При создавшемся положении создать государственную власть в России невозможно. Власть должна быть создана в провинции, в областях, а уже отсюда она направится к центру и там образуется. Необходимо провести в жизнь, быть может, суровые и жестокие меры, но только это может спасти страну от гибели»[2].

Эту линию казачьих верхов выражали принятые Радой «Временные основные положения о высших органах власти в Кубанском крае». Половина населения Кубанской области — «иногородние» были признаны неправомочной частью населения и лишены гражданских прав. «Правомочное» население избирает Краевую раду, которая выделяет из своего состава Законодательную раду — высший законодательный орган области. Краевая же рада выбирает и войскового атамана. Войсковое правительство ответственно перед Законодательной радой. Таким образом, в конце сентября при фактической поддержке Временного правительства была создана база для развертывания сил контрреволюции на юго-востоке России. Краевая рада, продолжая взятую линию, утвердила решение о создании «Юго-восточного союза казачьих войск, горских народов Кавказа и вольных степных народов». По замыслу верхов российской контрреволюции Дон, Терек, Кубань, Ставрополье, Кавказ должны были стать барьером против надвигавшейся пролетарской революции, а в случае победы большевиков в центре страны — плацдармом для борьбы против власти советов.

БОРЬБА ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ ВЛАСТИ СОВЕТОВ НА КУБАНИ

О восстании в Петрограде и свержении Временного правительства в Екатеринодаре узнали утром 26 октября. Войсковое правительство немедленно постановило: не признавать власти большевиков, впредь до восстановления Временного правительства

[1] «Вольная Кубань» от 6 сентября 1917 г.
[2] «Вольная Кубань» от 26 сентября 1917 г.

принять на себя всю полноту власти в области. В этот же день была получена и телеграмма Каледина с призывом организовать совместную борьбу против большевиков. В области было введено военное положение. Меньшевики и эсеры полностью одобрили все мероприятия кубанского войскового правительства и активно помогали ему в борьбе против нараставшей на Кубани пролетарской революции.

С переходом совета в руки большевиков в Екатеринодаре друг против друга стали две силы: совет рабочих депутатов, возглавляемый большевиками, и комиссар Временного правительства Кубанской области Бардиж, опиравшийся на кубанскую казачью верхушку во главе с войсковым атаманом Филимоновым и поддерживаемый меньшевиками и эсерами. За ними шла также военная секция совета, объединявшая главным образом казачьи части, стоявшие в городе.

Важнейшей задачей большевиков было заручиться поддержкой воинских частей гарнизона. В городе кроме казачьих частей находился также артиллерийский дивизион, снятый с кавказского фронта как революционный. Здесь же были расквартированы части Самурского полка. В результате работы, проведенной большевиками, артиллерийский дивизион и Самурский полк пошли за большевиками, стали их вооруженной опорой. Бардиж и полковник Филимонов вызвали в помощь казачьим частям, стоявшим в городе и его окрестностях, одну из частей «дикой» дивизии. Меньшевики и эсеры через комиссара Временного правительства в Тифлисе вызвали с кавказского фронта 39-ю дивизию. Эта дивизия расположилась по линии железной дороги, на подступах к Екатеринодару (Кавказская, Тихорецкая, Армавир и др.). Хотя соглашатели зорко следили за тем, чтобы большевики не проникли в части дивизии, большевики быстро связались с последней. Опасаясь, что большевики увлекут за собой солдат дивизии, контрреволюция перешла в наступление: в ночь на 1 ноября всадники «дикой» дивизии напали на казармы артиллерийского дивизиона, без боя захватили все орудия и отправили их к атаманскому дворцу. Большевики узнали об этом 2 ноября в 9 часов утра. Накануне ночью Екатеринодарский большевистский комитет разработал план захвата власти: было решено захватить пороховые погреба, военные склады, учреждения. Заготовили уже приказ. Но осуществление намеченного плана сорвало разоружение и начавшийся арест членов комитета. Необходимо было принять срочные меры, чтобы воспрепятствовать начавшемуся разгрому революционных организаций.

По распоряжению войскового правительства были арестованы некоторые члены исполкома Екатеринодарского совета. Ожидали ареста большевистских руководителей и разгрома большевистских организаций. Совет призвал к всеобщей забастовке. На другой день собравшиеся на митинг бастующие рабочие были обстреляны солдатами войскового правительства. Были убитые и раненые. Большевистская и меньшевистская фракции городской думы

запросили Бардижа о случившемся. Бардиж ничего не ответил. Фракция меньшевиков во главе со своим лидером, городским головой Адамовичем решила ввести в город «свою» армию — 39-ю дивизию. Но она не смогла этого сделать. Командный состав дивизии был на стороне Бардижа и Филимонова, а рядовая солдатская масса шла за большевиками, держала постоянную связь с большевистским комитетом. Она и слушать не хотела меньшевиков.

В этот же день, 1 ноября, должен был открыться областной съезд «иногородних». Он был созван областным исполнительным комитетом, оказавшимся не у дел после захвата власти войсковым правительством. Основной целью съезда было протестовать против решений октябрьской сессии Краевой рады, лишавшей полуторамиллионное крестьянское население Кубани участия в органах управления областью. На съезд были делегированы большевики Янковский и Карякин.

На съезде ярко выявилась растерянность его руководителей, состоявших главным образом из правых эсеров и меньшевиков. Рядовые делегаты тянулись к большевикам. Большевики и «левые» эсеры составляли на съезде небольшую группу. Им выступать не давали, зато после заседания в общежитии делегатов съезда начинались горячие споры. Большевики агитировали за признание власти советов.

10 ноября при голосовании резолюции по текущему моменту, к полной неожиданности соглашательского президиума, большинством была принята резолюция, предложенная большевиками и «левыми» эсерами. Первым пунктом резолюции было признание Совета Народных Комиссаров. Соглашательский президиум сложил свои полномочия. Но победа большевиков не была использована ими до конца. При решении вопроса о новом президиуме соглашателям удалось расколоть съезд. Они потребовали переголосовать резолюцию. В знак протеста большевики, «левые» эсеры и часть делегатов покинули съезд. Этот несомненно ошибочный шаг местных большевиков был использован соглашателями. Была принята резолюция соглашательского блока, осуждавшая большевиков. Съезд объявил незаконным решение Кубанской краевой рады по вопросу об управлении областью. Было решено организовать неказачье население области и создать союз неказачьего населения Дона, Кубани и Терека. Постановили, что «иногороднее» население должно принять участие в управлении на основе царского положения об «иногородних» в казачьих областях. Так боролись соглашатели после Великой пролетарской революции за сохранение на Кубани царских законов.

Пролетарская революция напугала казачьи верхи. В борьбе против революции они хотели заручиться союзниками. Таким союзником прежде всего был кулак-«иногородний». Казачья верхушка решила пойти на уступки. С этой целью была создана согласительная комиссия из представителей съезда «иногородних» и Законодательной рады. Согласительная комиссия пыталась наметить проект нового положения об управлении областью. Проект предусматривал

участие «иногородних» в самоуправлении на местах и в краевом правительстве. Однако казачьи верхи не пошли на это, и соглашение не состоялось.

В декабре 1917 г. в Екатеринодаре одновременно заседали и Краевая рада и новый съезд «иногородних». Краевое правительство (созданное Законодательной радой взамен войскового) организовало совместное заседание Рады и съезда «иногородних», надеясь добиться объединения на базе общей борьбы против пролетарской революции [1]. Съезд раскололся. Правая часть съезда в составе казачьей Рады и кулацкой части «иногородних» во главе с правыми эсерами и меньшевиками объявила себя «II общеобластным съездом представителей казаков, иногородних и горцев». Отказавшись признать власть Совета Народных Комиссаров, она решила создать краевое правительство на паритетных началах. «Иногородним» был сделан ряд уступок. Так, Кубань была провозглашена самостоятельной республикой. Но это был лишь маневр. За спиной съезда верхи кубанского казачества принимали все меры, чтобы разгромить революцию.

Кубанская казачья контрреволюция к этому времени была связана не только с генералом Калединым. Она имела прямые связи с контрреволюционной организацией русских помещиков и буржуазии, с так называемой «добровольческой» армией. Представитель «добровольческой» армии генерал Эрдели находился в Екатеринодаре, где он формировал части «добровольческой» армии. Представители «добровольческой» армии играли видную роль в организации контрреволюционных сил на Кубани. Кроме того, кубанская контрреволюционная верхушка вела переговоры с контрреволюционной Украинской центральной радой о совместной борьбе против власти советов.

Борясь за трудовое крестьянство, большевики возглавили левую часть расколовшегося съезда «иногородних».

Отколовшаяся левая часть съезда во главе с большевиками перешла в помещение кинотеатра «Мон Плезир» и здесь продолжала свою работу. Было постановлено признать Совет Народных Комиссаров и передать власть на Кубани в руки советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Все постановления Краевой рады и краевого правительства были признаны не обязательными и не подлежащими исполнению для трудового населения, «как направленные против свободы и завоевания революции». 18 декабря съезд избрал Совет народных депутатов — временный центр советов области. Совету было поручено созвать в январе 1918 г. областной съезд советов. Председателем Совета народных депутатов был избран большевик Янковский. Совет народных депутатов приютился в помещении Екатеринодарского совета. Таким образом, в начале января 1918 г. в Екатеринодаре были две областные власти — краевое правительство и Совет народных депутатов.

[1] «Вольная Кубань» от 15 декабря 1917 г., Екатеринодар.

Большевики усиленно готовились к захвату власти. Члены совета разъехались на места, чтобы вести подготовку к созыву областного съезда советов. Представитель Екатеринодарского комитета большевистской партии поехал в Ростов-на-Дону и в Царицын для переговоров о присылке на Кубань советских войск. Из Царицына он привез в Екатеринодар два ящика бомб и большое количество агитационного материала. Для агитации по станицам были использованы солдаты разоруженного артиллерийского дивизиона. Около 120 солдат вместе с рабочими екатеринодарских заводов взяли листовки и отправились по кубанским станицам. В городе были организованы «десятки» Красной гвардии.

На случай длительных боев была создана продовольственная база. Контрреволюционное краевое правительство также перешло в наступление. Созыв областного съезда советов был запрещен. 7 января были арестованы руководители Совета народных депутатов и разгромлен екатеринодарский партийный комитет. Большевики—руководители совета и партийного комитета (Янковский, Карякин и др.) были арестованы. Но подготовка к восстанию не прекратилась. В глубоком подполье был создан новый партийный комитет. Два вагона с оружием были загнаны с железнодорожных путей в тупик, разгружены и оружие спрятано у рабочих на Дубинке. Один вагон с оружием был переправлен из Екатеринодара в станицу Крымскую, которая также была центром борьбы за власть советов. Представители партийного комитета выехали в Новороссийск, где они формировали отряды Красной гвардии и добывали оружие. Круглые сутки находились на пристани агитаторы-большевики, и как только из Трапезунда приходил пароход с демобилизованными солдатами кавказского фронта, начиналась агитация. Прибывший из Трапезунда Варнавинский полк целиком остался на Кубани, чтобы бороться за власть советов.

К середине января 1918 г. в области насчитывался не один десяток станиц и селений, где была установлена советская власть. В Новороссийске 1 декабря совет рабочих и солдатских депутатов взял власть в свои руки. Опираясь на рабочих цементных заводов и железнодорожных мастерских, молодая советская власть формировала красногвардейские отряды. В Армавире 7 января власть перешла в руки советов.

Огромное значение имело установление советской власти в Тихорецкой и Кавказской, так как теперь главная магистраль Владикавказской железной дороги находилась в руках советов. Станция Тихорецкая, крупный железнодорожный узел, связывала Кубань с пролетарским Царицыном и с Ростовом-на-Дону. До августа 1917 г. и в станице Тихорецкой и на станции господствовали эсеры и меньшевики: в эсеровской организации было 1 400 человек, в меньшевистской — около 200. В результате упорной агитации большевиков авторитет соглашателей падал: к январю 1918 г. меньшевики имели уже в своих рядах около 50 членов, эсеры—300. Большевистская же организация выросла до 355 человек, не считая огромного числа сочувствующих. В декабре в Тихорецкой

происходили перевыборы совета рабочих и солдатских депутатов. Паровозные мастерские послали в совет 15 депутатов, из них 10 большевиков; от депо было послано в совет 4 депутата, из них 3 большевика. Эсеро-меньшевистский блок послал всего 5 депутатов. Вновь переизбранный совет, в составе которого преобладали большевики, опираясь на 39-ю дивизию (ее называли «39-я большевистская дивизия»), решил взять власть в свои руки. Из представителей совета и 39-й дивизии был создан Военно-революционный комитет. ВРК обезоружил контрреволюционные части в городе и начал разоружать воинские части, проходившие через Тихорецкую с кавказского фронта на север. Таким образом, рабочие, крестьяне и казачья беднота получали оружие и боеприпасы. В Тихорецкой была создана Красная гвардия. Казачьи контрреволюционные отряды несколько раз пытались захватить Тихорецкую, но безуспешно.

В районе Тихорецкой с помощью большевиков, рабочих и солдат устанавливалась советская власть и создавались большевистские партийные организации. В станице Тихорецкой (в 7 километрах от станции Тихорецкой) к 1 января 1918 г. насчитывалось около 400 большевиков, в станице Архангельской—25, в Новопокровской—200, в Тимошевской—180, в Роговской—300, в Павловской — 150 [1].

В январе был создан Военно-революционный комитет в Темрюке. Занимавший пост начальника милиции большевик Дроздов разоружил работников милиции и передал их оружие членам ВРК и другим большевикам. Офицеры и контрреволюционные элементы также были разоружены. На общегражданском собрании 12 января был избран большевистский совет. Делегация, командированная в Севастополь за оружием, привезла 4 тыс. винтовок, 4 млн. патронов, 11 трехдюймовых орудий, 2 тыс. снарядов. Для борьбы за установление власти советов на Кубани был создан отряд в 3 тыс. человек. Отряд этот активно участвовал в борьбе с войсками краевого правительства [2].

В Приморско-Ахтырской станице еще в начале декабря был создан Военно-революционный комитет. Приморско-Ахтырская — торговый и крупный рыболовный пункт на берегу Азовского моря; кроме того, это место ссыпки и погрузки кубанской пшеницы на иностранные суда. Станица населена казачьим кулачьем и хлебными торговцами из «иногородних». Преобладающее население — беднота из «иногородних», либо работавшая в порту, либо рыбачившая в море. В ноябре 1917 г. здесь был организован большевистский комитет, который после утверждения подпольным комитетом Екатеринодара стал готовиться к захвату власти. Стремясь разгромить советы в Приморско-Ахтырской, кубанское краевое правительство выслало туда казачий отряд во главе с Бардижем. Маленький советский островок был окружен со всех сторон. Защи-

---

[1] ЦАОР, ф. 393, оп. 11, д. 23, л. 94—95.
[2] *Там же*, л. 99.

щаться было невозможно. Пришлось морем отступить в Ейск. Здесь ахтырцы соединились с прибывшим из Таганрога советским отрядом и повели борьбу за установление власти советов на Кубани. После разгрома белых и занятия красными Екатеринодара они возвратились в Ахтырск, где и избрали первый совет.

В станице Кореневской большевистская работа развернулась летом 1917 г. Была установлена связь с Екатеринодарским комитетом партии большевиков. Из Петрограда получали партийные газеты, большевистскую литературу. К осени из фронтовиков — солдат и казаков была создана боевая часть численностью около 200 человек. После разгрома Екатеринодарского комитета партии (в конце 1917 г.) был арестован и комитет в Кореневской.

Огромную работу провели большевики в станицах. Станица Отрадная Баталпашинского отдела — медвежий уголок Кубани — расположена в 70 километрах от железной дороги. Здесь находилось несколько моторных и водяных мельниц, вокруг были расположены помещичьи экономии. В станице жило много казачьей и крестьянской бедноты, жили и квалифицированные рабочие— механики, работавшие на мельницах. Среди них были одиночки-большевики. Во главе большевиков станицы стоял рабочий—механик одной из местных мельниц т. Пузырев. Летом 1917 г. в станице был организован совет рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. Гражданский комитет к этому времени потерял авторитет. Большевистская организация станицы добилась значительных успехов в своей работе. Она установила прочные связи с екатеринодарской организацией большевиков и с партийными организациями других городов Северного Кавказа. Численность партийной организации станицы была около 200 человек. Уже в августе 1917 г. совет организовал и осуществил захват помещичьих земель, инвентаря и зерна для посева. Около 30 тыс. десятин земли было передано в распоряжение земельного комитета станицы. Земельный комитет распределил землю. С каждой десятины земли, полученной крестьянами и казаками, с их согласия взимался один рубль на революционные цели. Таким путем было собрано 11 тыс. руб. Эти деньги были положены в кассу кредитного товарищества на имя совета крестьянских и казачьих депутатов. Когда началась запашка захваченной земли, атаман Баталпашинского отдела прислал казачью сотню, чтобы помешать запашке. Но крестьянство и казачество дружно встали на защиту захваченной ими земли, и казачья сотня ничего не могла сделать. Помещики обратились к войсковому правительству в Екатеринодар. Присланный из Екатеринодара представитель войскового правительства тоже ничего не добился. Отдаленность станицы от Екатеринодара и начавшиеся выступления на местах помешали кубанскому войсковому правительству расправиться с отрадненцами. Так под руководством большевиков уже в августе 1917 г. в казачьей станице фактически утвердилась власть советов и экспроприировалась помещичья земля. Отрадненцы активно участвовали в установлении советской власти во всей Кубани.

В станице Новороговской (на стыке Кубанской и Донской областей и Ставрополья) до осени 1917 г. власть находилась в руках атамана. 28 октября под руководством большевиков был создан совет крестьянско-казачьих депутатов. Совет установил связь с тихорецкой большевистской организацией. На многолюдном митинге выступил большевик-агитатор, присланный из Тихорецкой, который призывал свергнуть власть атаманов. В новороговскую партийную организацию вступило около 200 человек, почти половина из них были бедняки-казаки. В середине декабря парторганизация связалась с 39-й дивизией, части которой находились в Средне-Егорлыкской Ставропольской губернии. 27 декабря был организован грандиозный митинг, на котором местные большевики и представители 39-й дивизии призывали казачество признать советскую власть. После митинга состоялась демонстрация. Но казачество еще колебалось. Агенты кубанского войскового правительства угрозами и лестью старались помешать переходу казачества на сторону советов. Партийная организация вела огромную работу, и 8 января 1918 г. общее собрание жителей станицы выразило недоверие кубанскому краевому правительству [1].

В станице Ильской на собрании была принята резолюция с призывом не признавать кубанского краевого правительства, а «признать как в центре, так и на местах власть советов рабочих, солдатских депутатов» и организовать советскую власть в станице [2].

В селениях, где преобладала крестьянская «иногородняя» беднота, власть также перешла в руки советов. Село Филипповское Майкопского отдела (ныне село Вечное Белореченского района) и окружающие его хутора, аулы и станицы сыграли значительную роль в борьбе за пролетарскую революцию на Кубани. Село это было одним из самых малоземельных на Кубани. Населено оно было главным образом крестьянской беднотой—«иногородними». В Екатеринодаре еще находилось войсковое правительство, в Майкопе еще сидел атаман, а в Филипповском была уже объявлена советская власть и избран комиссар села. Это было 8 декабря 1917 г. Организаторами советской власти в Филипповском были солдаты-фронтовики. Был созван съезд делегатов ближайших к Филипповскому населенных пунктов. Делегатами были главным образом те же солдаты-фронтовики. Казачий отряд, высланный атаманом отдела, узнав о готовившемся сопротивлении, повернул обратно.

Через несколько дней, 14 декабря в селе Царский Дар (ныне село Великое), расположенном неподалеку от Филипповского, и в близлежащих селениях также была объявлена советская власть.

Новые советы немедленно приступили к формированию военных сил, так как вокруг них бушевала контрреволюция. В селах Филипповском, Царский Дар и Николаевском были организованы

---

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», фонд воспоминаний V тома, сборник кубанских материалов 1917—1918 гг.

[2] «Известия Новороссийского совета рабочих и солдатских депутатов» от 19 января 1918 г.

отряды Красной гвардии, состоявшие главным образом из солдат и казаков-фронтовиков. Захват власти большевиками в Майкопе в ночь с 8 на 9 января 1918 г. облегчил вооружение красногвардейских отрядов. Уже 10 января по распоряжению комиссара отдела в село Царский Дар было отправлено около тысячи винтовок. За оружием ездили в Туапсе, где к этому времени также установилась власть советов. Таким образом, к середине января 1918 г. на Кубани имелось уже значительное количество районов, установивших у себя власть советов.

17 января по поручению екатеринодарской большевистской организации в станице Крымской была созвана конференция советских станиц Таманского и Ейского отделов. На конференции был выбран Кубанский областной ревком и назначен срок созыва областного съезда. Решено было ускорить формирование революционных отрядов и готовить наступление на Екатеринодар. Для руководства наступлением создали боевой штаб. Командующим революционными силами был назначен бывший юнкер, большевик т. Яковлев. План наступления, назначенного на 24 января, предполагал совместное выступление с 39-й дивизией, находившейся в Тихорецкой. Но план выполнен не был. 39-я дивизия не выступила из Тихорецкой, так как ее представители, бывшие на съезде в Крымской, не успели своевременно прибыть в Тихорецкую и известить о начале выступления, а 20 января уже завязался бой. Советские отряды наступали на Екатеринодар от станции Крымской по полотну железной дороги. На рассвете 20 января они заняли станцию Энем. Позиция у Энема была неудобная, так как по обеим сторонам полотна железной дороги тянулись болота и плавни. А главное — советские отряды были еще недостаточно организованы. Белые обошли советские отряды со стороны аула Тахтамукая. Произошло это так: штаб красных во главе с командующим Яковлевым и командиром партизанского отряда Перовым расположился в ожидании подкрепления на платформе станции Энем. Было туманное утро. Из мглы показался отряд всадников. Он подъехал близко, к самой платформе. Всадников подпустили, предполагая, что это ожидаемое подкрепление. На вопрос Яковлева, кто идет, последовал ответ:

— Войсковой старшина Галаев из отряда полковника Покровского. А вы кто?

— Командующий большевистскими войсками юнкер Яковлев.

Галаев выхватил револьвер. Раздался выстрел, другой. Упал сраженный насмерть Перов, упал Яковлев. Третий выстрел последовал со стороны красных — был убит Галаев [1]. Началась паника. Обход белых и смерть командиров внесли замешательство в ряды красных. С большими потерями отряд отступил к Георгие-Афипской. 24 января в бою у Афипской красный отряд вновь потерпел поражение. Новый командующий Серадзе был смертельно ранен и попал в плен.

[1] «Вольная Кубань» от 24 января 1918 г.

Красные отряды отступили к Крымской. Разгром под Энемом и Афипской не приостановил дальнейшей борьбы. Был создан новый Военно-революционный комитет, распространивший свое влияние и на Черноморье. Кубано-Черноморский военно-революционный комитет вновь стал подготовлять наступление на Екатеринодар. Рабочие Новороссийских железнодорожных мастерских готовили бронепоезда; формировались новые отряды; был назначен новый командующий революционными силами.

Несмотря на официальное запрещение войсковым правительством созыва съезда советов, на местах велась усиленная подготовка к нему. В станицах производились выборы. К указанному сроку — к 20 января со всех концов Кубани в Екатеринодар отправились делегаты. По дороге они узнали о разгроме Совета народных депутатов и большевистского комитета. Несколько вагонов с делегатами собралось на станции Гулькевичи. Узнав о событиях в Екатеринодаре, делегаты решили провести съезд в Гулькевичах. Они напечатали воззвание о событиях в Екатеринодаре и о созыве экстренного съезда в Гулькевичах. Воззвание было разослано по линии железных дорог в сторону Екатеринодара, Тихорецкой, Владикавказа. Часть делегатов вызвалась доставить воззвание в занятые белыми районы Кубани и Черноморья. Через несколько дней в Гулькевичи съехалось около 30 делегатов. Было создано организационное бюро по проведению съезда. Съезд решили открыть в Армавире, о чем телеграфно сообщили в Новороссийск и Крымскую. На съезд из Новороссийска и Крымской была командирована группа большевиков.

4 февраля 1918 г. в Армавире в торжественной обстановке открылся I съезд советов Кубани. 300 делегатов представляли 5 отделов из 7, на которые тогда делилась Кубанская область. Единственным вопросом повестки дня съезда был вопрос о захвате власти и об организации власти советов на Кубани. Был выбран областной исполнительный комитет, в котором преобладали большевики; председателем облисполкома тоже был выбран большевик. Съезд в Армавире имел большое значение для дальнейшей борьбы за власть советов на Кубани. Основная деятельность первого облисполкома заключалась в организации борьбы против контрреволюционного кубанского краевого правительства, за установление и распространение власти советов по всей Кубани.

В Баталпашинске после Армавирского съезда атаман отдела созвал съезд. Казачья верхушка отдела решила противопоставить этот съезд советской власти. Областной исполком из Армавира командировал на съезд своих представителей. Против представителей облисполкома плелась сеть провокаций. Один из них, учитель Макеев, был предательски убит. Под влиянием агитации представителей совета было постановлено перевести съезд из Баталпашинска в советскую станицу Отрадную. На съезде было решено Баталпашинский отдел переименовать в Отрадненский. Был организован исполнительный комитет советов Отрадненского отдела.

В станицах начались митинги, которые не всегда проходили

мирно. Некоторые станицы, прежде чем установить советскую власть, посылали делегатов в Армавир поглядеть на советские порядки. Приезжали старики-бородачи, молодые казаки-фронтовики, фронтовики-солдаты. Исполнительный комитет указывал, какое огромное значение имеют подобные поездки. Один из членов исполнительного комитета в своих воспоминаниях рассказывал, как принимали таких делегатов.

Делегатов приглашали на заседание исполкома. Они задавали вопросы. Обычно первый вопрос задавал старик-казак:

— Из кого состоит исполком? Сколько в нем казаков, сколько мужиков? Кто еще есть?

Следовал ответ:

— В данном составе исполкома около 30 казаков, «иногородних» меньше.

Старик-казак доволен:

— А сколько у вас урядников?

— Урядников у нас 8.

Среди урядников были гвардейцы. На заседаниях они сидели в полной гвардейской форме. Старики часто не верили глазам своим. Спрашивали:

— Это гвардейцы?

— Да! Это гвардейцы.

Дальше следовали вопросы: как думает советская власть разрешить земельный вопрос? А что будет она делать с имениями? А будет ли она отбирать у казаков казачьи паи?[1]

Советскую власть приезжали «поглядеть» не только кубанцы, но и терцы и крестьяне из Ставрополья.

Советская власть распространялась все шире. Красные части дрались с контрреволюционными отрядами войскового правительства, фронт возник под самым Армавиром. Станица Прочноокопская, находящаяся километрах в десяти от Армавира, подняла восстание против советской власти. Мятеж был подавлен. Казачьи верхи Баталпашинска выступили против советов. Советский отряд под командованием бывшего прапорщика Балахонова двинулся на Баталпашинск. Вокруг Отрадной шла война, там подвизался небезызвестный впоследствии белый офицер-головорез Шкуро.

Кубанская контрреволюция, сконцентрированная в Екатеринодаре, готовила удар. Первое крупное столкновение с красными отрядами произошло в конце января, когда Черкесский полк «дикой» дивизии во главе с генералом Султан-Келеч-Гиреем был послан из Екатеринодара в район черкесских аулов. Весть о первом бое молниеносно разнеслась по окрестностям. Село Филипповское, куда потянулись вооруженные солдаты-фронтовики и казачья беднота, превратилось в военный лагерь. На грандиозном общем

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», фонд воспоминаний V тома, сборник кубанских материалов, 1917—1918 гг.

собрании было решено объединить все красные отряды единым руководством. Так 31 января 1918 г. возник Филипповский армейский военно-революционный совет. В него вошли представители всех сел западной части Кубани, провозгласившие советскую власть. Все отряды были сведены в три боевые единицы, разместившиеся в селах Филипповском и Николаевском и в станице Рязанской. Первоочередной задачей было разоружение черкесских аулов, где разместились части Черкесского конного полка «дикой» дивизии. В бою 17—18 января 1918 г. генерал Султан-Келеч-Гирей был разбит и ушел за реку Лабу. Трудовые казаки начали все большими группами переходить на сторону советской власти.

К концу февраля 1918 г. деятельность Филипповского армейского военно-революционного совета, представлявшего власть советов в одном из уголков Кубани, распространилась на станицы Старо-Корсунскую, Усть-Лабу, Петропавловскую, Дондуковскую, Апшеронскую, Бакинскую и др. Совет объединял около 10 тыс. бойцов. Он имел собственное хозяйство: 3 поташных завода, 2 мельницы, маслобойный завод и 11 экономий, захваченных у помещиков [1]. Огромные запасы хлеба и фуража шли на довольствие армии. Трудовое крестьянство и казачество делало много добровольных взносов и различного рода пожертвований. Вооружение и боевое снаряжение улучшилось. Была прислана помощь из Майкопа — 4 пушки, снаряды, пулеметы; из Туапсе — пушки и снаряды; из Армавира — полевые телефонные аппараты, 2 пушки, пулеметы. Из Луганска командированные за помощью люди привезли 300 тыс. патронов и 200 снарядов, а затем еще 1 млн. патронов и 300 снарядов [2].

В середине февраля началось наступление на Екатеринодар. Со стороны Новороссийска двигались объединенные советские отряды. Со стороны Тихорецкой наступали революционные отряды во главе с Автономовым. Советские части окружали Екатеринодар.

В Екатеринодаре подпольная партийная организация усиленно подготовляла восстание. Выходила подпольная большевистская газета.

Краевое правительство и Рада пытались защитить Екатеринодар. Но трудовое казачество и крестьянство всюду переходили на сторону советских войск, вступая в красные отряды.

Невозможность защиты города от красных отрядов была настолько ясной, что 28 февраля Рада и краевое правительство, охраняемые преданными им войсками, покинули Екатеринодар, уведя с собой в качестве заложников арестованных большевиков— Янковского, Карякина и др.

1 (14) марта в Екатеринодар вступили революционные войска. Кубань стала советской.

---

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», фонд воспоминаний V тома, сборник кубанских материалов, 1917—1918 гг.

[2] *Там же.*

УСТАНОВЛЕНИЕ ВЛАСТИ СОВЕТОВ В СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

В большой зависимости от событий в соседних — Донской, Кубанской и Терской — областях развертывалась борьба за установление власти советов на Ставропольщине.

В Ставропольской степной губернии было всего два города: Ставрополь (ныне. Ворошиловск) и Святой Крест (ныне Буденновск).

Ставропольская губерния в 1914 г. насчитывала 1 329 тыс. жителей, из которых только 7% жило в городах. Большинство земли было сосредоточено в руках так называемых тавричан — крестьян-кулаков. 23% крестьян совсем не имели земли, 17% имели только по 5 десятин. Таким образом, почти 40% крестьян в этой богатой губернии или вовсе не имели самостоятельного хозяйства или были бедняками. Процесс обезземеления крестьян шел до революции очень интенсивно. Около 25 тыс. батраков работало в помещичьих экономиях и у кулаков.

За годы войны вырос пролетариат Ставропольщины. До войны на предприятиях города Ставрополя, перерабатывавших главным образом продукты сельского хозяйства, работало всего 7 454 человека. За годы войны в Ставрополе был построен консервный завод на 1 000 рабочих, кожевенный завод, 2 суконные фабрики и мастерские сельскохозяйственных орудий.

Ставропольская губерния считалась одной из эсеровских вотчин. Значительная прослойка кулаков способствовала созданию эсеровских организаций в губернии.

Большевистская организация Ставрополя была немногочисленна. В годы империалистической войны была создана небольшая большевистская группа во главе с Михаилом Морозовым. Группа была связана с рядом сел, куда выезжали агитаторы.

После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. была создана объединенная организация РСДРП, но уже в апреле произошел разрыв большевиков с меньшевиками и была оформлена большевистская организация, во главе которой стал Михаил Морозов.

Первомайская демонстрация 1917 г. прошла в Ставрополе под большевистскими лозунгами.

Летом 1917 г. большевистская организация Ставрополья, еще малочисленная, опираясь на фронтовиков, развернула большую работу в губернии. К осени 1917 г. в Ставрополье солдат-фронтовиков насчитывалось около 90 тыс., так как Ставропольская губерния служила районом отдыха и переформирования для частей армии кавказского фронта. Большую кампанию большевики развернули в период выборов в Учредительное собрание. Кандидатами от большевиков по Ставропольской губернии были выдвинуты И. Сталин и С. Шаумян.

По Ставрополю большевики собрали более 50% голосов (7 598), но в губернии еще преобладало эсеровское влияние.

30 октября 1917 г. большевики на заседании совета поставили

вопрос об установлении советской власти. После бурных прений 4 ноября был создан так называемый «Комитет спасения революции». Большевики вошли в его состав и после длительной борьбы превратили его в Военно-революционный комитет по подготовке захвата власти.

Союзы металлистов, кожевников и строителей поддерживали большевиков, выносили резолюции за передачу власти советам.

В первых числах декабря в Ставрополь прибыли эвакуированные из Грозного, вследствие спровоцированного столкновения с чеченцами, рабочие организации и 3-й запасный пехотный полк. В полку была своя большевистская организация, возглавлявшаяся одним из руководителей и организаторов грозненских большевиков, председателем грозненского ВРК — т. Анисимовым. Большевистски настроенный 3-й полк сыграл большую роль в борьбе за власть советов на Ставропольщине. 3 декабря по докладу т. Анисимова о положении дел в Ставропольской губернии полк принял резолюцию:

«Всеми мерами поддержать нашу дорогую и долгожданную свободу с оружием в руках вплоть до последней капли крови» [1].

Кроме 111 и 112-го запасных пехотных полков в Ставрополе стоял 2-й Карский пехотный полк и 118-я команда выздоравливающих; в Медвеженском уезде — батарея и ряд других подразделений 39-й дивизии; в селении Воронцово-Никольское — Елизаветпольский полк в 2 500 штыков; в селении Песчаноокопском — Дербентский полк 66-й дивизии в 2 500 штыков; в селении Белая Глина — 3-й Бакинский полк в 2 тыс. штыков. Все эти части уже не подчинялись главному командованию кавказского фронта, находившемуся в Тифлисе.

Развернулась борьба за созыв народного съезда, который должен был решить вопрос о власти. Контрреволюционные силы пытались не допустить на съезд представителей трудящихся — крестьян, рабочих и фронтовиков. Вместо этого они разослали приглашения «Юго-восточному союзу», Закавказской республике и другим буржуазным и буржуазно-националистическим правительствам и союзам. Большевики предлагали пригласить представителя Совнаркома РСФСР, но комиссия по созыву съезда отказалась принять это предложение. Чтобы добиться нужных ей депутатов на съезде, контрреволюция не брезговала никакими средствами. Эсеры организовали раздачу крестьянам спирта. Офицеры и юнкера пытались захватить в свои руки оружие. 11 декабря в Среднем Егорлыке банда офицеров напала на артиллерийский дивизион и захватила три орудия.

Военно-революционный комитет во главе с т. Анисимовым в своем воззвании к солдатам писал:

«Контрреволюция подняла голову по всему Северному Кавказу: начинает господствовать нагайка. Корнилов, Каледин и Караулов душат революцию. Военно-революционный комитет будет

[1] «Заря свободы» № 114 от 12 декабря 1917 г.

бороться с явными и тайными контрреволюционными выступлениями. Пусть же каждый из вас не покидает своего тяжелого поста в такую минуту. Никаких выступлений без ведома ВРК».

По всей губернии разъехались большевистские агитаторы, разъясняя решения II Всероссийского съезда советов. В Александровском уезде на съезде земельных комитетов развернулась борьба между эсерами и большевиками. Эсеры предлагали отложить разрешение земельного вопроса до созыва Учредительного собрания. Резолюция большевиков, принятая с энтузиазмом огромным большинством съезда, требовала признать правильными действия рабочих Петрограда, считать советы единственными органами власти, национализировать без выкупа и передать в руки трудящихся все земли — помещичьи, монастырские, церковные со всем живым и мертвым инвентарем.

29 декабря в Ставрополе открылся IV губернский крестьянский съезд. Он был созван эсерами с целью противопоставить его созываемому губернскому народному собранию. Большевики во главе с Анисимовым участвовали на съезде как представители совета.

Эсеры и меньшевики пытались убедить крестьян отложить решение земельного вопроса и вопроса о власти до созыва Учредительного собрания. Они прятали наказы крестьянских сходов, требовавшие установления советской власти.

Крестьянское большинство съезда решило участвовать в губернском народном собрании, чтобы окончательно разрешить на нем вопрос о власти и о земле. Резолюция крестьянского съезда гласила:

«Всю власть в губернии передать как в центре, так и на местах советам крестьянских и рабочих депутатов, впредь до открытия Учредительного собрания, с защитой этого права с оружием в руках» [1].

Эсеры и меньшевики на крестьянском съезде потерпели поражение. Работа большевиков дала свои результаты. Ко дню открытия губернского народного съезда, 31 декабря 1917 г., съехалось до 500 делегатов.

В наказах крестьяне требовали признания советской власти и разрешения земельного вопроса, согласно декрету о земле, принятому на II съезде советов.

Вечером 31 декабря 1917 г. открылся губернский народный съезд. Перед открытием съезда фракция большевиков под руководством Морозова и Анисимова обсуждала вопрос о немедленном захвате власти. В случае сопротивления власть должна была быть взята насильственным путем, для чего решено было подготовить наиболее преданные части гарнизона. Были среди большевиков и колеблющиеся. Они предлагали отказаться от насильственного захвата власти, но большинство фракции согласилось с тт. Анисимовым и Морозовым.

Съездом руководил т. Морозов.

---

[1] «1917 год в Ставропольской губернии», стр. 87, Ставрополь, 1927 г.

Первые же выступления делегатов с крестьянскими наказами показали, что трудовое крестьянство идет за большевиками. Наказы требовали немедленного признания Совнаркома. Меньшевики и эсеры пытались сорвать съезд. Когда это им не удалось, они покинули съезд. За ними почти никто не пошел.

Ровно в полночь на 1 января 1918 г. по предложению большевиков вопрос о власти был поставлен на голосование. Подавляющим большинством голосов была провозглашена советская власть в Ставропольской губернии. Зал огласился бурными рукоплесканиями и пением «Интернационала». Под несмолкаемые овации была послана приветственная телеграмма Ленину.

Утром 1 января съезд принял декрет о власти и избрал высшие органы губернии — исполнительный комитет и Совет народных комиссаров. Председателем губисполкома был избран стоявший близко к большевикам максималист Мещеряков, членами президиума — большевики Морозов, Анисимов, Петров и др., председателем Ставропольского Совнаркома — большевик Пономарев.

В тот же день во все важнейшие учреждения — на почту, телеграф, железнодорожную станцию, в банк были посланы комиссары. ВРК поставил во всех учреждениях караулы.

В уезды были посланы губернским исполкомом уполномоченные. Они организовывали на местах органы советской власти. Губернский Совнарком начал налаживать снабжение деревни товарами (в обмен на хлеб).

7 января 1918 г. советская власть была провозглашена во всех селах Медвеженского уезда. 29 января собрался уездный съезд советов. Съезд одобрил договор губисполкома с Москвой на поставку хлеба и выдвинул предложение дополнительно послать хлеб в Баку. Был избран уездный исполком, возглавивший организацию отрядов самообороны и партизанских частей. В марте 1918 г. эти отряды выдержали ряд столкновений с корниловцами, двигавшимися на Кубань. В Благодарненском уезде организаторами советской власти стали солдаты-фронтовики во главе с Петром Максимовичем Ипатовым.

Ипатов — сын плотника из селения Кевсалы Благодарненского уезда. Он родился в 1887 г. и с детства работал батраком у помещиков. В 1905 г. Ипатов организовал в селении Кевсалы группу бедняков для борьбы с царскими чиновниками. За это он был арестован. Во время империалистической войны Ипатов попал на фронт, где был ранен и как плотник отослан на Ижевский завод. Здесь он встретился с большевиками и целиком отдался революционной работе. В 1916 г. при его близком участии на заводе была организована забастовка. Преследования полиции заставили Ипатова уехать на родину.

В 1917 г. Ипатов возглавил борьбу за власть советов в Благодарненском уезде. В декабре 1917 г. трудящиеся Кевсалы послали его на губернское народное собрание.

Ипатов провел в селе Благодарном уездный съезд советов, где

со всей резкостью поставил вопрос о борьбе с эсерами и меньшевиками и о создании отрядов Красной Армии.

В Благодарненском уезде было немало революционных сил, выдвинувших славных командиров и преданных борцов революции. Селение Митрофановка с первых же дней революции стало на сторону власти советов. Руководителем и организатором трудящихся Митрофановки, а впоследствии и всех сил Красной Армии Ставрополья был батрак, внук крепостного крестьянина Иосиф Родионович Апанасенко.

После многих лет работы на кулаков и помещиков Апанасенко в 1911 г. был взят на военную службу. С 1914 по 1917 г. Апанасенко беспрерывно участвует в боях на фронтах империалистической войны в составе 208-го Лорийского полка 3-го Кавказского корпуса. За исключительные боевые заслуги и храбрость Апанасенко из простого солдата был последовательно произведен в унтер-офицеры, подпрапорщики и прапорщики и награжден всеми четырьмя солдатскими георгиевскими крестами.

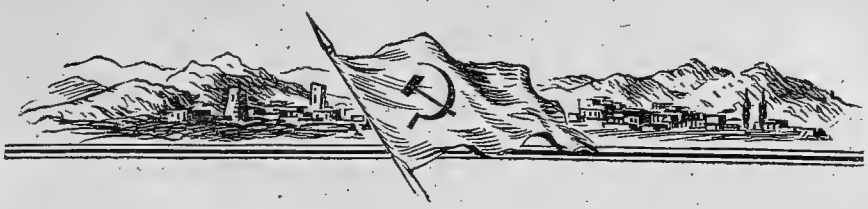
В начале февраля 1917 г., находясь на юго-западном фронте, Апанасенко под влиянием солдат-большевиков вступает в военную организацию партии и принимает активное участие в ее революционной работе. В конце 1917 г. вместе с группой товарищей, захватив оружие, он приезжает в родное село и становится организатором совета и военным комиссаром села.

В других селах уезда такие же фронтовики, как Апанасенко, становятся во главе борьбы трудящихся крестьян за советы и организаторами партизанских отрядов.

К началу марта 1918 г. власть в Ставропольской губернии была в руках советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, руководимых партией большевиков.

II

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1918 года



ГЛАВА ПЕРВАЯ

БОРЬБА ЗА УКРЕПЛЕНИЕ ВЛАСТИ СОВЕТОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И РАЗГРОМ «ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ» АРМИИ ПОД ЕКАТЕРИНОДАРОМ[1]

☆

ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА КУБАНИ

Кубанские советские войска, разгромив белые отряды контрреволюционного кубанского войскового правительства, 14 марта 1918 г. вошли в Екатеринодар. В освобожденном городе оказались три органа областной власти: 1) областной исполнительный комитет, выбранный на I Кубанском областном съезде советов в Армавире; 2) Черноморско-Кубанский военно-революционный комитет, созданный в конце января 1918 г. в станице Крымской, и 3) Военно-революционный комитет юго-восточной армии, которая первой вступила в город и создала в нем органы советской власти. Приехавший позже из Армавира областной исполнительный комитет принял решение «влиться в состав объединенного Военно-революционного комитета Екатеринодара. Комиссары, назначенные Военно-революционным комитетом, остаются на местах и продолжают работу. Всем комиссиям или членам комиссий, выделенным Кубанским областным исполнительным комитетом советов, войти в комиссариаты»[2].

Объединенный ревком должен был продолжать работу впредь до избрания нового областного исполнительного комитета на созываемом II съезде советов Кубани.

За две недели существования советской власти — с момента

---

[1] Начиная с этой главы все даты даны по новому стилю.

[2] Ростовский облпартархив, фонд документов, д. 125, л. 38.

занятия Екатеринодара до съезда советов — было сделано немало для укрепления власти советов. Вновь начала выходить «Прикубанская правда» — орган екатеринодарской большевистской организации. Начала издаваться газета «Известия областного исполнительного комитета советов». Были восстановлены профсоюзы, помогавшие органам советской власти в практической работе.

26 марта объединенный Военно-революционный комитет опубликовал приказ об обложении владельцев торговых и промышленных предприятий налогом в сумме 10 млн. руб.

Эти средства были нужны для продолжения борьбы с остатками контрреволюционных войск на Кубани. Их решили изыскать путем обложения буржуазии.

Областной исполком начал работу среди горцев. Комиссаром по горским делам был назначен адыгеец-большевик Шовгенов [1].

Но если в Екатеринодаре советская власть укреплялась, то в области картина была иная. На открывшемся 1 апреля II областном съезде советов Кубанской области выявилась слабость органов советской власти на местах. На съезде присутствовал 591 делегат. Из них большевиков было 450, «левых» социалистов-революционеров — 96 [2].

Съезду пришлось разрешать множество вопросов — крупных и мелких, важных и второстепенных. Съезд проходил неорганизованно. В результате оказалось множество выступлений непринципиальных, с взаимными упреками, обидами. Участвовавшая в работах съезда небольшая группа анархистов выступала по всякому поводу и срывала его работу. Съезд обсуждал важнейший вопрос — об отношении к Брестскому миру. «Левый» эсер Фишман, приехавший с Украины, требовал отказа от Брестского мира. Но «левые» эсеры в их борьбе за срыв мира не получили поддержки съезда. За резолюцию большевиков, одобрявшую Брестский мир, голосовало 422 делегата, против 63, воздержалось 83 [3]. Но и среди большевиков была группа «левых коммунистов», которые вместе с «левыми» эсерами боролись против линии партии. Они немало помешали борьбе за укрепление власти советов на Кубани. Еще до областного съезда «левые коммунисты» и троцкисты вместе с меньшевиками и эсерами выступили на заседании Кубанского областного исполнительного комитета против Брест-Литовского мира. Им не удалось повести за собой областной исполком. Большинство исполкома поддержало линию партии и одобрило заключение Брестского мира [4].

Особенно остро стоял на съезде вопрос о защите власти советов на Кубани.

---

[1] «Известия Кубанского областного исполнительного комитета» № 8 от 26 марта 1918 г.

[2] «Известия Кубанского областного исполнительного комитета» № 15 от 3 апреля 1918 г.

[3] «Известия Кубанского областного исполнительного комитета» № 26 от 16 апреля 1918 г.

[4] «Прикубанская правда» от 12 марта 1918 г.

Во время работы съезда объединившиеся белые войска «добровольческой» армии и кубанского войскового правительства подошли к Екатеринодару и попытались захватить его. Защищать Екатеринодар должны были красные войска Северного Кавказа. Считалось, что на Кубани есть какая-то стройная военная организация, возглавляемая центральным штабом во главе с главнокомандующим Автономовым. На деле оказалось иначе: многочисленные отряды красных войск, расположенные в различных районах области, были мало связаны между собой. Во главе их стояли выборные, часто сменявшиеся начальники. Связь штаба с подчиненными ему боевыми частями нередко прерывалась. Отряды партизанили. Общие боевые задачи выполнялись плохо. Часто отряд, сформированный в одном районе, не хотел выполнять приказа о переходе в другой район, соглашаясь защищать только свои родные места. Структура вооруженных сил была хаотическая. Отряды были разной численности: были отряды в 15—20 штыков, были и в 5—7 тыс. И те и другие рассматривались тогда, как равнозначащие боевые единицы. Случалось, что одинаковые боевые участки занимали отряды в 10—12 тыс. бойцов и в 2—3 тыс. Эта неразбериха, сумятица, вредная делу партизанщина уживались с огромным революционным подъемом масс, с беззаветной преданностью революции и храбростью на поле сражения. Героическим бойцам на Кубани недоставало настоящего боевого организатора, выросшего из народных масс и тесно связанного с ними. Главнокомандующий советскими войсками на Северном Кавказе Автономов и его помощник Сорокин такими боевыми организаторами не были.

Александр Исидорович Автономов — молодой донской казачий офицер из интеллигентов — причислял себя к «левым» эсерам. На фронте после свержения царизма он активно боролся против контрреволюционного офицерства. На Всероссийском казачьем съезде в Киеве, переехавшем потом в Новочеркасск, Автономов вместе с Подтелковым и другими выступал против казачьих контрреволюционеров. Известие о Великой пролетарской революции Автономов встретил сочувственно. В Новочеркасске Автономов был арестован и посажен в тюрьму. Под давлением казаков-фронтовиков генералу Каледину пришлось выпустить Автономова из тюрьмы, и он бежал на территорию, занятую советскими войсками.

Вскоре Автономову поручили организовать красногвардейские отряды на Северном Кавказе. В Тихорецкой, пролетарском гнезде Кубани, он начал формирование красных вооруженных сил Кубани и возглавил их борьбу против контрреволюционного кубанского войскового правительства.

Автономов, скромный, недостаточно волевой, но безусловно честный и преданный пролетарской революции человек, как политический и военный руководитель допускал ряд крупнейших ошибок. Эти ошибки иногда приводили к отдельным столкновениям с органами советской власти на Кубани, потому что помощ-

ником Автономова, часто прикрывавшимся его именем, был авантюрист и предатель Сорокин.

Подавляющее большинство армии не любило Сорокина. Сорокин сумел впоследствии пробраться на пост командующего армией и принести огромный вред революции только в результате преступной деятельности Троцкого, кубанских троцкистов и «левых коммунистов» во главе с предателем Яном Полуяном.

Сорокин был типичным представителем кубанской казачьей интеллигенции, крепко связанной с богатым казачеством и защищавшей его интересы. Поднятый волной революции на большую высоту, он по существу оставался рядовым казачьим офицером, которому были чужды интересы кубанской казачьей бедноты, а тем более интересы рабочих и крестьян.

Сорокин — казак станицы Петропавловской Лабинского отдела. В молодости он окончил военно-фельдшерскую школу. В годы войны Сорокин служил в Лабинском казачьем полку офицером. Так же как и другие казачьи офицеры, он пьянствовал, играл в карты, безобразно буянил, удивляя своими дикими выходками даже «господ офицеров». Нрава был властного, вспыльчивого.

После Февральской буржуазно-демократической революции, заставшей Сорокина на кавказском фронте, он примкнул к партии эсеров. Хороший оратор и демагог, Сорокин, прикидываясь «левым», сумел расположить к себе известные круги казачества. Он избирался в исполком, на съезды. Участвовал и на Киевском фронтовом казачьем съезде, перебравшемся затем в Новочеркасск. На этом съезде Сорокин поддерживал группу казаков, выступавших против казачьего генералитета, против генерала Корнилова.

После съезда Сорокин вернулся на Кубань, где у власти находилась офицерско-буржуазная клика атамана Филимонова. Это было после победы Великой пролетарской революции в центре России. По всей Кубани под руководством большевиков поднималась рабочая, казачья и крестьянская беднота на борьбу за власть советов.

Кубань кипела. Область раскалывалась на два резко враждующих лагеря. В это время Сорокин отсиживался в родной станице, выжидая исхода борьбы между красными и белыми.

К февралю 1918 г. бо́льшая часть Кубани стала советской. Вокруг Екатеринодара, где находилась Кубанская рада и правительство атамана Филимонова, теснее сжималось кольцо красногвардейских отрядов, шедших из Армавира, Тихорецкой, Новороссийска и Тамани.

Всем было ясно, что дни контрреволюционного кубанского войскового правительства сочтены.

Тогда и «самоопределился» Сорокин.

В середине февраля 1918 г. он организовал из казаков станицы Петропавловской и близлежащих к ней станиц и селений отряд численностью около 150 штыков и сабель.

Отряд Сорокина двинулся на Тихорецкую. Здесь он установил связь с Тихорецким революционным комитетом. В Тихорецкой

он встретился с командовавшим красными частями Автономовым, который поручил ему наступление на Екатеринодар.

Отряд Сорокина к этому времени насчитывал уже около полутора тысяч человек.

В первых же боях отряд Сорокина начал бить белых. Одним из первых Сорокин вошел 14 марта в Екатеринодар, освобожденный от белых. После занятия Екатеринодара Сорокин был избран помощником командующего всеми советскими войсками Северного Кавказа (командующим был Автономов).

На нового помощника главкома обратили внимание прежде всего кубанские «самостийники». Со многими руководителями кубанской белогвардейщины он был ранее близок: с Рябоволом, председателем Кубанской войсковой рады, Сорокин учился в войсковой фельдшерской школе; с другими он служил вместе в полку, был на войне. Они знали его тщеславие, стремление к власти и пытались использовать его слабости в интересах контрреволюции. Вскоре им удалось завербовать Сорокина на свою сторону.

Таким образом, в результате недостаточного руководства довольно многочисленные советские войска Северного Кавказа оказались слабыми в боевом и техническом отношении. Им предстояло столкнуться с десятитысячной отборной, преимущественно офицерской по составу, объединенной армией — «добровольческой» и кубанской.

Бежавшие 13 марта 1918 г. из Екатеринодара под натиском советских отрядов Красной гвардии кубанское войсковое правительство во главе с атаманом полковником Филимоновым, Кубанская рада и остатки разгромленных контрреволюционных войск под командованием полковника Покровского, перейдя Кубань по железнодорожному мосту, решили уйти в Закубанье.

Разгромленная контрреволюция отступила по направлению к аулу Тахтамукай. Уже на другой день они были в ауле Шенджий, а 16 марта контрреволюционные кубанские отряды двинулись к горам, к станице Пензенской. По дороге они неоднократно подвергались обстрелу со стороны местного населения. Станица Пензенская также недружелюбно встретила белых. Ее население явно сочувствовало большевикам, и оставаться в ней хотя бы и с трехтысячным отрядом было небезопасно. Разбитая кубанская контрреволюционная верхушка решила спасаться, уйти глубже в горы. Было решено продолжить путь к Баталпашинскому отделу и остановиться где-либо на стыке с Терской областью.

Но отступавшим было известно, что к Екатеринодару движется «добровольческая» армия во главе с генералом Корниловым. По агентурным сведениям, она находилась всего в 50 верстах от Екатеринодара. Эти сведения побудили штаб белых кубанских войск повернуть обратно к Екатеринодару.

19 марта они выступили из станицы Пензенской и вернулись в аул Шенджий, а оттуда пошли к Екатеринодару двумя

колоннами: одна — с востока, со стороны станицы Пашковской; вторая — с юго-запада, через Шенджий и Тахтамукай [1].

Два дня — 21 и 22 марта — шли бои под Екатеринодаром. Кубанские белогвардейцы были в тревоге. Корнилов не шел, и вестей от него не было. Неся большие потери от огня красных и боясь быть окруженными, белые отступили. В боях была разбита одна из лучших белых частей — конный казачий отряд под командованием полковника Кузнецова. Отряд Кузнецова был отрезан красными от аула Шенджий и от основного ядра белой кубанской армии. Кузнецов бросился в сторону Черноморского побережья. Но уйти далеко ему не удалось: отряд был окружен и уничтожен.

Отступая, войсковое правительство захватило с собой в качестве заложников 36 человек из арестованных ими ранее активных борцов за власть советов. Среди них были тт. Янковский, Карякин, Асаульченко и другие виднейшие руководители большевистской организации Екатеринодара. По выходе из города один из заложников, т. Семенов, у которого была повреждена нога, был пристрелен, так как он якобы «мешал» отступлению. 21 марта в ауле Чащи было расстреляно еще 21 человек. Враги мстили за свое поражение [2].

Белые отступали к станице Суздальской. Положение их ухудшалось. Против них подымалось не только крестьянское население, но и казачество. 24 марта было опубликовано обращение группы казаков ко всему кубанскому казачеству с призывом стать под ружье, под красные знамена советов, на борьбу с контрреволюцией [3]. Казачья беднота пошла в партизанские отряды. К этому времени огнестрельные припасы у белых были почти все израсходованы. Попытка пробраться в горы сулила кровопролитные бои. 24 марта развернулся сильный бой под станицей Калужской. Белым удалось взять станицу, и здесь они узнали, что поблизости находится «добровольческая» армия.

НАСТУПЛЕНИЕ «ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ» АРМИИ ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА НА КУБАНЬ

Силы «добровольческой» армии к моменту отступления из Ростова составляли около 4 тыс. штыков и сабель. В армию вошли следующие части:

1. Офицерский полк под командованием генерала Маркова — из трех офицерских батальонов, Кавказского дивизиона и морской роты.

2. Юнкерский батальон под командованием генерала Боровского, сформированный из прежнего батальона и Ростовского полка.

3. Корниловский ударный полк под командой одного из бли-

---

[1] ЦАОР, ф. 446, оп. 1, д. 25, л. 4, 5.

[2] «Известия Кубанского областного исполнительного комитета» № 15 от 3 апреля 1918 г.

[3] «Известия Кубанского областного исполнительного комитета» № 7 от 24 марта 1918 г.

жайших сподвижников и друзей генерала Корнилова—подполковника Неженцева. В Корниловский полк были влиты части бывшего Георгиевского полка и партизанского отряда полковника Симановского.

4. Партизанский полк из пеших казачьих донских отрядов под командой генерала Богаевского.

5. Артиллерийский дивизион под командой полковника Икишева — из четырех батарей по два орудия.

6. Чехословацкий инженерный батальон под командой капитана Неметчика.

7. Конные отряды:

а) полковника Глазенапа,

б) полковника Гершельмана,

в) полковника Корнилова [1].

За генералом Корниловым в обозе «добровольческой» армии ехали «общественные деятели» старой России. Тут были и братья Суворины — издатели известной газеты «Новое время», и бывший министр Временного правительства и сподвижник Корнилова Н. Н. Львов, и последний председатель последней Государственной думы М. В. Родзянко, Л. В. Половцев, и многие другие. Вместе с ними ехал небезызвестный авантюрист, «матрос 2-й статьи» Федор Баткин — эсер, корниловец, которого контрреволюционные генералы использовали в качестве «агитатора». Офицеры из «добровольческой» армии хотели расправиться с ним, но генерал Корнилов сдал его под охрану своего личного конвоя и на остановках выпускал «с речами» перед населением.

От Ольгинской «добровольческая» армия, не встречая препятствий, двигалась на Хомутовскую, Мечетинскую, Егорлыкскую.

Первое крупное столкновение между «добровольческой» армией и красными силами произошло у селения Лежанка. Небольшой заслон красных войск, поддержанный местной крестьянской беднотой, пытался остановить белых. После короткого боя белые захватили Лежанку. Озверевшее в своей ненависти к революции, к большевикам, к народу офицерье, предводительствуемое генералами-палачами, распоясалось во-всю. Резали, убивали, жгли, насиловали, восстанавливая «единую и неделимую». Участник так называемого «ледяного» похода белый офицер-корниловец нарисовал яркую картину расправы в Лежанке с пленными и ни в чем не повинным населением:

«...Пленные.

Их обгоняет подполковник Неженцев, скачет к нам, остановился — под ним танцует мышиного цвета кобыла.

— Желающие, на расправу! — кричит он.

«Что такое? — думаю я.— Расстрел? Неужели?»

Да, я понял: расстрел вот этих 50—60 человек с опущенными головами и руками.

Я оглянулся на своих офицеров.

---

[1] *Деникин*, Очерки русской смуты, т. II, стр. 228, Париж, 1922 г.

«Вдруг никто не подойдет», — пронеслось у меня.

Нет, выходят из рядов. Некоторые смущенно улыбаясь, некоторые с ожесточенными лицами.

Вышли человек пятнадцать. Идут к стоящим кучкой незнакомым людям и щелкают затворами.

Прошла минута.

Долетело: пли!.. Сухой треск выстрелов — крики, стоны...

Люди падали друг на друга, а шагов с десяти, плотно вжавшись в винтовки и расставив ноги, по ним стреляли, торопливо щелкая затворами. Упали все. Смолкли стоны. Смолкли выстрелы. Некоторые расстреливавшие отходили...

Едем по селу. Оно — как умерло: людей не видно. Показалась испуганная баба и спряталась...

Кучка людей о чем-то кричит. Поймали несколько человек. Собираются расстрелять...

К кучке подошли наши офицеры.

Тот же голос спрашивает пойманного мальчика лет восемнадцати.

— Да, ей богу, дяденька, не был я нигде, — плачущим, срывающимся голосом кричит мальчик, сине-бледный от смертельного страха.

— Не убивайте! Не убивайте! Невинный я! Невинный! — истерически кричит он, видя поднимающуюся с револьвером руку...»[1]

Подобные сцены были обычными в районах, захваченных «добровольческой» армией. В бою за Лежанку белые потеряли убитыми трех человек, ранено было 17. Когда они уходили из Лежанки, они оставили там 507 трупов расстрелянных и замученных ими людей [2].

Белые шли на Кубань, мечтая найти там свежие силы для осуществления своих целей — разгрома пролетарской революции и восстановления старого порядка.

Враждебная советской власти сильная кулацкая прослойка, огромные богатства Кубани (хлеб и скот), надежды на находившееся в Екатеринодаре контрреволюционное войсковое правительство — все это предвещало успех задуманного похода. Еще в начале пути из Хомутовской, 27 февраля генерал Корнилов послал в Екатеринодар для связи с войсковым правительством и разработки плана совместной борьбы генералов Лукомского и Ронжина. Вместе с находившимся уже в Екатеринодаре генералом Эрдели, ранее посланным туда Корниловым, они должны были обеспечить оборону Екатеринодара и твердое проведение намеченных командованием «добровольческой» армии мероприятий по превращению Кубани в новый плацдарм всероссийской контрреволюции. Но Лукомский и Ронжин до Екатеринодара не доехали; они были в пути арестованы советским отрядом, не узнаны и отпущены.

---

[1] *Гуль*, Ледяной поход, стр. 72—75, Москва, 1923 г.

[2] *Там же.*

Узнав о «победе» в Лежанке, казачья и крестьянская беднота станиц и селений усиленно готовилась к отпору белым. Белые не посмели пойти по наиболее краткому пути — железной дороге, боясь встречи с красными отрядами, сосредоточившимися на крупных узловых станциях — Тихорецкой, Сосыке. В обход их, двигаясь проселочными путями, выбирая по возможности глухие места, 10 марта они из станицы Веселой повернули круто на юг. В районе станицы Ново-Лешуковской (между Сосыкой и Тихорецкой) белые быстро пересекли железнодорожную линию и двинулись на станицы Старо-Лешуковскую, Ираклиевскую, Березанскую, к которой подошли 14 марта. Станичный сбор в Березанской при первой вести о движении белых на станицу решил организовать им сопротивление. Под руководством фронтовиков — солдат и казаков крестьянская и казачья беднота станицы опоясала станицу кольцом окопов. Всю ночь накануне подхода белых все, от мала до велика, работали по укреплению станицы. Утром, когда авангард «добровольческой» армии подошел к Березанской, он был встречен градом пуль. «Добровольческой» армии с ее артиллерией не стоило особого труда преодолеть сопротивление горсточки храбрецов. Березанская была взята, но корниловцы увидали, что против них выступают не только «иногородние», но и кубанские казаки.

Кубанцы «изъявляли покорность» только тогда, когда белая армия с боем занимала станицу. Уходила белая армия, оставляя небольшие гарнизоны, — кончалась «покорность». Вспыхивала борьба, вырывалась наружу острая ненависть к пришлым генералам, офицерам, помещичьим сынкам, к «своим» кубанским офицерам и кулацкой части казачества, встречавшим белых, как «освободителей». Слухи о том, что из той же России — из Москвы, Петрограда и из других городов идут на выручку кубанской бедноты рабочие красногвардейские отряды, рождали новое, еще более сильное сопротивление. Это сопротивление росло по мере продвижения «добровольческой» армии в глубь Кубани. Резко увеличились потери белых убитыми и ранеными. Перед командованием белой армии остро встал вопрос о живой силе. Надежда, что кубанцы добровольно будут вступать в «добровольческую» армию, провалилась. Тогда генерал Корнилов решил пойти по пути принудительной мобилизации. Заняв 15 марта станицу Журавскую, 17 марта — Кореновскую и ряд других близлежащих к ним станиц и хуторов, он отдал приказ станичным сходам выставить установленное им количество казаков в зависимости от числа казаков в станице. В приказах предупреждалось, что эта мобилизация — часть будущей общей. Так, в приказе станичному сходу станицы Кореновской говорилось:

«...До объявления общей мобилизации — я как командующий добровольческой армией, имеющей своей задачей защиту свободных кубанских казаков, приказываю — выставить от вашей станицы не менее двух пеших и одной конной сотни, которые будут нести службу на условиях, существующих в добровольческой

армии, и вооружены будут средствами добровольческой армии» [1].

Подобные приказы рассылались и другим станицам.

В Кореновской белые узнали, что Екатеринодар — цель их наступления — 14 марта перешел к советским войскам. Войсковое правительство, атаман Филимонов и контрреволюционные части отошли в Закубанье. Это было тяжелым ударом для руководителей контрреволюционной «добровольческой» армии.

Екатеринодар находился всего в 2—3 переходах. Белая армия на пути к нему не имела покоя. Главные силы красных вели борьбу против контрреволюционного войскового правительства, за Екатеринодар; мелкие партизанские отряды, организованные главным образом самими станицами, наносили чувствительные удары белым. Это сказалось и на моральном состоянии «добровольцев». В создавшихся условиях генерал Корнилов не решился итти на Екатеринодар.

18 марта был отдан приказ «добровольческой» армии повернуть на юг и двигаться к реке Кубани, на Усть-Лабу [2].

Занявшие Екатеринодар главные силы советских войск двинулись против «добровольческой» армии. Под Кореновской, Усть-Лабой развернулись сильные бои. Белым все же удалось 18 марта занять Усть-Лабу, переправиться через Кубань и двинуться к Некрасовской, которая также была ими взята.

«Добровольческая» армия попала в район с иногородним населением. Неподалеку от Некрасовской, в селении Филипповском находился армейский Военно-революционный комитет, организованный большевистски настроенными солдатами.

Командование белых решило, перейдя реку Белую, повернуть на запад и пойти в район черкесских аулов, где хозяйничали черкесские князья — Султан-Келеч-Гирей и Султан-Девлет-Гирей и где можно было рассчитывать на поддержку людской силой и боеприпасами. В этом же районе находились отступившие от Екатеринодара контрреволюционные кубанские войска, соединившись с которыми можно было продолжать наступление на Екатеринодар. В ночь на 23 марта «добровольческая» армия в районе Некрасовской, преследуемая красными, перешла на левый берег Лабы и двинулась на запад, к станице Рязанской. Сильный бой разгорелся 23 марта за станицу Рязанскую и переправу через реку Белую. «Добровольческой» армии удалось переправиться через реку Белую и занять станицу Рязанскую. Главные силы белых, перейдя речку Пшиш, расположились в черкесском ауле Несшукай. Отсюда через Панажукай «добровольческая» армия 26 марта прошла в аул Шенджий. На другой день, 27 марта, в аул Шенджий прибыл командующий войсками Кубанской рады генерал Покровский.

---

[1] Ростовский облпартархив, фонд документов за 1918 г., д. 5.

[2] *Деникин*, Очерки русской смуты, т. II, стр. 248, Париж, 1922 г.

Так произошло соединение «добровольческой» армии с контрреволюционными кубанскими войсками и подчинение последних командованию «добровольческой» армии.

РАЗГРОМ «ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ» АРМИИ ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА ПОД ЕКАТЕРИНОДАРОМ

К моменту соединения с контрреволюционными кубанскими частями «добровольческая» армия была изрядно потрепана, она потеряла тысячу человек убитыми и ранеными.

Состояние «добровольческой» армии на 27 марта видно из следующей таблицы [1]:

Наименование частей	*Наличный состав боевых элементов*	*Число орудий*	*Число пулеметов*	*Число лошадей*	*Число людей на довольствии*	*Потери с 1 по 10 марта*		
						убитые	*раненые*	*трофеи*
Офицерский полк	481	—	16	120	547	32	150	6 пулеметов
Корниловский полк	420	—	10	145	440	76	268	12 »
Юнкерский батальон . . .	239	—	7	54	266	29	123	1 »
Пеший партизанский казачий полк	474	—	13	77	544	36	155	3 »
1-я кавалерийская дивизия	145	—	1	221	145	3	12	
Конный отряд полковника Глазенапа	174	—	2	170	174	4	27	2 »
Конный отряд Корнилова .	254	—	3	254	288	24	28	
Артиллерийский дивизион.	365	8	2	230	365	1	10	1 орудие
Чехословацкий батальон .	130	—	2	31	130	10	21	—
Инженерная рота	93	—	—	23	93	—	2	—
Всего	2 775	8	56	1 325	2 932	215	796	1 орудие 24 пулемета

С первой минуты встречи «добровольческой» армии с контрреволюционными отрядами кубанского правительства определились взаимоотношения между руководителями «добровольческой» армии и кубанской контрреволюционной верхушкой. Уже при первом свидании с полковником Покровским в ауле Шенджий Корнилов потребовал влить кубанские войска в «добровольческую» армию и полностью подчиниться последней. На заявление Покровского, что кубанские власти желают иметь собственную армию, генерал Корнилов резко ответил: «Одна армия — один командующий. Иного положения я не допускаю. Так и передайте своему правительству» [2].

---

[1] Составлена по сводкам штаба «добровольческой» армии. Ростовский облпартархив, фонд документов за 1918 г., д. 5.

[2] *Деникин*, Очерки русской смуты, т. II, стр. 273, Париж, 1922 г.

После захвата объединенными контрреволюционными силами станицы Новодмитриевской здесь состоялось 30 марта совещание кубанских контрреволюционных верхов с руководителями «добровольческой» армии. От кубанцев присутствовали: войсковой атаман полковник Филимонов, командующий белыми кубанскими войсками Покровский, председатель Законодательной рады Рябовол, его заместитель Султан-Шахим-Гирей и председатель кубанского правительства Быч. После долгих прений был утвержден следующий протокол:

«1. Ввиду прибытия Добровольческой армии в Кубанскую область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены Кубанскому правительственному отряду, для объединения всех сил и средств признается необходимым переход Кубанского правительственного отряда в полное подчинение генерала Корнилова, которому предоставляется право реорганизовать отряд, как это будет признано необходимым.

2. Законодательная рада, войсковое правительство и войсковой атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям командующего армией.

3. Командующий кубанскими войсками с его начальником штаба отзывается в состав правительства для дальнейшего формирования постоянной кубанской армии.

Подписали протокол генералы: Корнилов, Алексеев, Деникин, Эрдели, Романовский, полковник Филимонов, Быч, Рябовол, Султан-Шахим-Гирей» [1].

Как видно из протокола, кубанские «самостийники» потерпели полное поражение. Они были принуждены полностью подчиниться организаторам и руководителям «добровольческой» армии. Последний пункт протокола о создании кубанской армии, которую кубанские «самостийники» намеревались в случае нужды противопоставить «добровольческой», руководителями последней открыто саботировался. Создавать кубанскую армию генерал Деникин разрешил только в конце своего бесславного пути, когда победные войска Красной Армии, громя белых, заставили его вновь вернуться в начале 1920 г. на территорию Кубани.

Через несколько дней войска «добровольческой» и кубанской армий были объединены. Общая численность их достигла 6 тыс. штыков и сабель, с огромным обозом.

«Добровольческая» армия была переформирована следующим образом:

1-я бригада, начальник — генерал Марков
Офицерский полк
1-й Кубанский стрелковый полк
1-я инженерная рота
1 и 4-я батареи

---

[1] Стенографический отчет Чрезвычайной Кубанской краевой рады, октябрьская сессия, ч. I, стр. 148, 1918 г.

2-я бригада, начальник — генерал Богаевский
Корниловский ударный полк
Партизанский полк
Пластунский батальон
2-я инженерная рота
2, 3 и 5-я батареи

Конная бригада, начальник — генерал Эрдели
1-й конный полк
Кубанский полк
Черкесский полк
Конная батарея[1]

Ближайшей задачей белых был захват центра Советской Кубани — Екатеринодара. План их заключался в следующем: 1) разбить красные части, действовавшие южнее Екатеринодара, для того чтобы обеспечить себе переправы через Кубань; 2) захватить станицу Елизаветинскую, находящуюся в 10 километрах северо-западнее Екатеринодара, где имелась паромная переправа и откуда меньше всего ожидали нападения белых, и 3) внезапно атаковать Екатеринодар.

3 апреля белые взяли станицу Григорьевскую, 6-го — станицу Смоленскую; 7-го, перерезав железную дорогу на Новороссийск, белые вышли в тыл красным частям, защищавшим станицу Георгие-Афипскую, и после сильного боя взяли ее. Через аул Папахес передовые части «добровольческой» армии под командованием генерала Богаевского подошли почти без сопротивления к станице Елизаветинской и начали переправу. Переправа началась 9 апреля и продолжалась три дня, не встречая сопротивления: так неожиданен был для красных подход генерала Корнилова к Екатеринодару с этой стороны. 10 апреля части генерала Богаевского подошли к Екатеринодару. Уверенность в успехе у белых была настолько велика, что в этот день в штабе белых было решено, «чтобы не повторять ростовской ошибки... временно, до упрочения военного положения, не восстановлять кубанскую власть, а назначить в Екатеринодаре генерал-губернатора»[2]. На эту должность назначили ближайшего помощника Корнилова — генерала Деникина.

Так кубанские «самостийники» через 10 дней после подписания договора с руководителями «добровольческой» армии получили заслуженный предметный урок. Екатеринодар еще не был занят, но возможность его захвата уже делала лишним существование кубанского правительства. Горькая пилюля была проглочена господами Рябоволом, Бычем и др. без возражения.

10 апреля генерал Корнилов приказал провести мобилизацию казаков в Елизаветинской и других занятых им станицах. Пополненная мобилизованными казаками, «добровольческая» армия начала штурм Екатеринодара.

Утром 11 апреля «добровольческая» армия силами своих лучших полков атаковала город с нескольких сторон. После

[1] *Деникин*, Очерки русской смуты, т. II, стр. 279—280, Париж, 1922 г.
[2] ЦАОР, ф. 446, оп. 1, д. 25, л. 5, оборот.

кровопролитного боя белым удалось занять ферму екатеринодарского сельскохозяйственного общества и ряд хуторов, расположенных в 3 километрах от города. В ферме был расквартирован штаб белых. Уже к вечеру белые овладели окраинами города. На другой день белая конница заняла еще один пригородный район — Сады. В этот же день, 11 апреля, генерал Корнилов, не сомневаясь в победе, отдал приказ № 186, в котором поставил перед своими частями дальнейшие задачи:

«По занятии города: 1) генералу Маркову... занять станцию Владикавказскую... 2) генералу Богаевскому... занять Черноморский вокзал и разветвление железной дороги на Тимошевскую, Тихорецкую и Динскую... 3) генералу Эрдели занять станицу Пашковскую...» [1]

В стане белых было настоящее ликование. Но белые рано праздновали победу. На защиту Екатеринодара поднялись трудящиеся города во главе с заседавшим в это время II Кубанским съездом советов.

Город был объявлен на осадном положении. Все население двинулось на позиции. На рытье окопов была мобилизована буржуазия города.

II областной съезд советов Кубанской области обсуждал 11 апреля вопрос об обороне Екатеринодара и постановил, несмотря на тяжелую обстановку, работу съезда продолжать, оказывая вооруженную и моральную поддержку защитникам города [2]. Часть делегатов съезда пошла на фронт. Был создан «съездовский отряд», который успешно сражался на фронте. Благодаря выступлению народных масс город удалось отстоять. Партийный комитет большевиков выпустил экстренное воззвание ко всем рабочим и трудящимся с призывом стать на защиту города. В обороне города участвовали все трудящиеся от мала до велика, мужчины, женщины, дети. Брались за оружие те, кто никогда до сих пор не держал в руках винтовки. Тут же в бою старые солдаты обучали своих товарищей стрелять. Бои шли на окраинах города. Орудийные снаряды попадали во все районы города. Стремление отстоять город, ненависть к белым и революционный энтузиазм были так велики, что, несмотря на сильные потери, с позиций никто не уходил. Весь город жил лихорадочной жизнью. У всех было одно желание — разгромить ненавистных «кадюков».

«Наши окопы тянулись в три ряда, — рассказывает активная участница защиты города работница т. Мелещенко. — Сидит, бывало, в окопе красногвардеец сутки, двое, проголодается, возьмет винтовку на плечи и идет домой. Пообедает — и снова на фронт. У всех было горячее желание отогнать Корнилова... На улицах Новой и Кузнечной, по дороге к кожевенным заводам,

---

[1] Ростовский облпартархив, фонд документов за 1918 г., д. 5.

[2] «Известия Кубанского областного исполнительного комитета» № 23 от 13 апреля 1918 г.

у каждого двора сидели старухи и дети. Возле них — бутылки с водой и молоком, яблоки. «Голубчики, защитите нас,— говорили они проходящим красногвардейцам. — Берите, что хотите».

Женщины рвали простыни и приготавливали из них бинты для перевязок. Живущие в районе кожевенных заводов дрогали также помогали красногвардейцам. Бывало, оставит дрогаль лошадь свою шагах в двадцати от окопа, подходит к бойцам и спрашивает: «Нет ли у вас раненых? Отвезу». Уложит раненых на подводу, отвезет в лазарет и едет обратно на передовые позиции» [1].

Генерал Корнилов наступал на Екатеринодар, имея связь с подпольной контрреволюционной организацией в самом городе. Связь была организована через подпольную радиостанцию, впоследствии раскрытую советскими органами. Эта радиостанция сообщала Корнилову шпионские сведения и облегчала белым наступление на город [2].

Сопротивление города росло с каждым часом. Белые начали беспокоиться. 12 апреля генерал Корнилов собрал военный совет. На этот раз кроме генералитета «добровольческой» армии присутствовал и кубанский атаман полковник Филимонов. На совете выяснилось тяжелое положение белых частей. Белые войска понесли большие потери. Трехдневный непрерывный бой измотал и дезорганизовал их боевые части; казаки, мобилизованные в последние дни, сражались плохо. Не было снарядов, не было патронов.

Положение было настолько тяжелое, что никто из присутствовавших генералов, кроме Алексеева, не поддержал Корнилова в необходимости еще раз штурмовать Екатеринодар. Но генерал Корнилов был непреклонен. Назавтра, 13 апреля, был отдан приказ о генеральном наступлении на Екатеринодар по всему фронту.

Рано утром 13 апреля вновь началась канонада. Сильный орудийный огонь раздался с обеих сторон. В восьмом часу утра удачно пущенным снарядом, ударившим в ферму, где находился штаб «добровольческой» армии, был убит генерал Корнилов. Вступивший в командование «добровольческой» армией его помощник генерал Деникин, пытаясь сохранить остатки белых войск, отдал приказ с наступлением темноты отступать по направлению к станице Старовеличковской. 16 апреля белые похоронили генерала Корнилова в станице Елизаветинской. Позже, когда белые были отогнаны, труп Корнилова был доставлен в Екатеринодар и всенародно сожжен. Так бесславно кончил жизнь «человек сильной руки», вождь русской контрреволюции, которого русская буржуазия прочила в военные диктаторы и ждала, что он восстановит «единую и неделимую» Россию.

---

[1] «Женщина в гражданской войне», стр. 114, Москва, 1938 г., изд. 2-е.

[2] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», фонд воспоминаний V тома, № 3201, стр. 32.

Разбитая «добровольческая» армия, преследуемая отрядами советских войск, отступала на северо-восток. И на этот раз, несмотря на разгром белых под Екатеринодаром, командование советских войск не добилось все же окружения и полного уничтожения остатков белой армии.

Из-под Екатеринодара белая армия ушла в ночь на 14 апреля на северо-запад — единственный, не перерезанный красными путь. В ночь на 16 апреля «добровольческая» армия пересекла у Медведовской железнодорожный путь и двинулась на Дядьковскую, Журавскую. 18 апреля белые прошли станцию Байсуг и, обойдя Тихорецкую с юга, двинулись через хутор Ново-Владимирский, станции Мирскую, Хоплевскую. 22 апреля они пришли в станицу Ильинскую, 25-го — в Успенскую.

В станице Успенской 27 апреля состоялось совещание, на котором присутствовали генералы Алексеев, Деникин, Богаевский, Марков, Романовский, бывший председатель Государственной думы Родзянко, кубанский атаман Филимонов [1]. Совещание определило дальнейший путь «добровольческой» армии: было решено вернуться на Дон. На Дону в это время вспыхнули контрреволюционные восстания против советской власти. К Дону приближались немцы. 30 апреля «добровольческая» армия выступила из Успенской, с боем пересекла железнодорожную линию Царицын—Тихорецкая между станциями Ея и Белая Глина и 2 мая заняла Средний Егорлык на границе Ставропольской губернии и Донской области. 8 мая была занята донская станица Егорлыкская [2].

Задержавшись несколько в районе станицы Незамаевской, станции Сосыки, станицы Крыловской, где белые пытались провести мобилизацию казаков и пополнить свои запасы, «добровольческая» армия 13 мая пришла в станицу Мечетинскую, намеченную командованием армии для переформирования и отдыха. Так закончился «первый кубанский поход» «добровольческой» армии.

Враг был отогнан от Екатеринодара. Победил трудовой народ. Но победа стоила больших жертв: несколько тысяч убитых, около десяти тысяч раненых. Среди убитых и раненых — много женщин и детей. Трудно было найти в Екатеринодаре рабочую семью, не пострадавшую в дни боев за свой родной город. Коммунисты шли впереди. Во время боев екатеринодарская парторганизация потеряла 250 человек убитыми, что составляло 25% всей организации, не считая большого количества раненых [3].

II Кубанский съезд закончил свою работу 14 апреля, уже после разгрома «добровольческой» армии. Были избраны Центральный исполнительный комитет и Совнарком Кубанской социалистической советской республики. Было также высказано пожелание объединиться с существовавшей самостоятельно Черноморской республикой. Это объединение произошло позже, в июне 1918 г.

---

[1] ЦАОР, ф. 446, оп. 1, д. 25, л. 6.
[2] «Донской край» № 13 от 16 мая 1918 г.
[3] «Прикубанская правда» № 18 от 27 апреля 1918 г., Екатеринодар.

БОРЬБА ЗА УКРЕПЛЕНИЕ ВЛАСТИ СОВЕТОВ В СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Советы, организованные в Ставропольской губернии, прежде всего приступили к разрешению вопроса о земле. Помещичьи, кулацкие и церковные земли были переданы сельским обществам и распределены между крестьянами. Помещичий инвентарь и имущество были отданы бедноте. Из земель бывшего Крестьянского банка отвели участок для пастбища на 250 тыс. крестьянских овец.

Укрепление советской власти, налаживание связи и товарообмена с центром и соседними областями, создание своей вооруженной силы составляли в Ставрополье очередную задачу советских органов.

В феврале был созван II Чрезвычайный губернский съезд советов.

Съезд еще раз доказал, что массы окончательно отвернулись от меньшевиков и эсеров. Для оказания продовольственной помощи рабочим центральных губерний съезд создал специальную комиссию. Съезд вынес решение о необходимости помочь трудовому населению соседних областей в его борьбе с врагами народа.

В начале марта 1918 г., когда «добровольческая» армия бежала с Дона на Кубань, положение в Ставропольской губернии обострилось. Путь деникинцев лежал через Медвеженский уезд Ставропольской губернии. Медвеженский уезд оказался первой жертвой нападения белых генералов.

Это заставило губернские власти обратить внимание на медвеженский фронт. В селении Песчанокопском был создан штаб, которому 8 марта из Ставрополя было выделено 4 орудия, 10 пулеметов, 40 тыс. патронов. Туда был направлен отряд молодого командира Фомы Шпака.

Нападение генерала Корнилова на Ставропольскую губернию оживило надежды притаившихся контрреволюционеров. В разных углах Ставрополья стали появляться банды бывших офицеров. Во всех уездах усилилась контрреволюционная деятельность кулачества.

Трудовое крестьянство под руководством большевиков начало создавать партизанские отряды. Командирами были главным образом солдаты, недавно вернувшиеся с фронта: Апанасенко, Трунов, Ипатов, Шейко, Рыльский и др. В первый период борьбы эти отряды действовали разрозненно.

В начале апреля донской генерал Попов, оперировавший в Сальских степях, куда он бежал после разгрома калединщины, с отрядом в 700 сабель напал на села Благодарненского уезда: Дивное, Киста, Митрофановка. Под командованием Иосифа Родионовича Апанасенко партизанские отряды уезда дали белым генералам отпор. При помощи отряда Фомы Шпака банда генерала Попова была выгнана из пределов Ставропольской губернии.

Под руководством Анисимова и Морозова Ставропольский Совнарком приступил к созданию Красной Армии. Из центра были

присланы деньги. В Ставрополь прибыли два уполномоченных Реввоенсовета — будто бы для организации Красной Армии. На деле они оказались агентами Троцкого. Предатели договорились с местными эсерами и меньшевиками и начали борьбу против большевиков.

Враги объединились на общей платформе борьбы против Брестского мира. Им удалось на некоторое время увлечь за собой большинство губернского исполнительного комитета, принявшего 5 марта резолюцию: «Не оставаясь в состоянии войны с Германией, не подписывать с Германией вредного для трудового народа мира» [1].

Троцкисты, «левые коммунисты» и «левые» эсеры начали организованно вести борьбу против большевистской части губисполкома. Они отказывались выполнять решения органов советской власти. Губернский комиссар продовольствия Мицкевич отказался выполнить решение губисполкома о продовольственной помощи Баку. Редактор газеты «Власть труда» Троицкий на страницах печати открыл клеветническую кампанию против большевиков. Он откровенно писал о себе: «Я не большевик, я скорее максималист, или, точнее, левый эсер, признающий власть труда, но не интернационалист» [2]. Троцкисты «уполномоченные» РВС, прибывшие в Ставрополь, вели разлагающую работу среди воинских частей. Они создали из анархистов-матросов отряд и производили самочинные обыски, реквизиции, аресты.

Под давлением большевиков губернский исполком 28 апреля постановил арестовать Троицкого и ряд активных членов партии «левых» эсеров. В ответ вся группа при штабе, где начальником был предатель, бывший генерал Руднев, создала так называемый чрезвычайный военный революционный комитет, который 29 апреля произвел аресты руководителей советской власти. Но авантюра предателей не удалась. Арестованные в тот же день были освобождены. Для разрешения возникшего в губисполкоме конфликта на 8 мая был назначен Чрезвычайный съезд губернских советов. Съезд советов в наказе губернскому совету записал:

«1. Прежде всего стойко и всецело стоять на платформе II, III и IV всероссийских съездов советов...

2. ...Немедленно силы всех уездов... употребить на оборону губернии, в особенности Медвеженского уезда, на создание Рабоче-Крестьянской Красной Армии и в случае необходимости произвести частичную мобилизацию» [3].

На съезде т. Морозов резко критиковал деятельность губернского совета и Ставропольского Совнаркома. «Частные банки перешли в руки государства, — говорил он. — Дома принадлежат богачам, не ликвидированы, не муниципализированы. Не было контрибуций на богатые классы» [4].

---

[1] «Власть труда» № 6 за 1918 г., Ставрополь.
[2] *Там же.*
[3] *Головенченко* и *Емельянов*, Гражданская война в Ставрополье, стр. 77.
[4] «Власть труда» № 98 за 1918 г., Ставрополь.

Председатель Совнаркома Ставропольской республики Пономарев на съезде заявил, что он «стоял за народное ополчение или крестьянско-рабочую милицию, но не за организацию постоянной Красной Армии, требующей средств, каковых нет, каковая может быть создана, когда Россия будет богата, когда правительство страны станет на твердую почву» [1].

На съезде большевики во главе с Анисимовым и Морозовым боролись против сепаратистских тенденций, которые раздувались эсерами, троцкистами и «левыми коммунистами». Одним из органов такой «самостийности» был местный Совнарком, возглавлявший Ставропольскую советскую республику.

Большевики предлагали влить Ставропольскую республику в единую Северокавказскую. По их настоянию съезд постановил не избирать Совнарком, ограничившись выборами губернского совета, где руководство было сосредоточено целиком в руках большевиков.

В мае опять усилились бои с частями генерала Деникина, вернувшимися в северные районы Ставрополья после своего разгрома на Кубани. Отряды местной самообороны не могли противостоять регулярным офицерским полкам. На помощь медвеженцам из Благодарненского уезда пришли партизанские отряды Апанасенко, Трунова, Ипатова. Под руководством губернского военного комиссара Петрова на станции Торговая был создан штаб медвеженского фронта, растянувшегося в это время почти на 200 верст.

Предатели из военных организаций во главе с заведующим оперативным штабом, бывшим генералом Рудневым, почувствовав приближение своих хозяев, почти открыто выступили против советской власти. Они начали создавать контрреволюционные банды, срывать планы организации красноармейских частей.

В конце июня 1918 г. из-под Пятигорья на Александровский уезд двигалась банда Шкуро. Вместо того чтобы объединить все силы южных селений Ставрополья, выйти навстречу Шкуро и дать ему отпор, отряды Красной Армии, «сформированные» генералом Рудневым из бывших офицеров, кулаков и чиновников, организовали 1 июля в селении Александровском свой съезд. В Александровском уезде с небольшим отрядом находился военком Петров. Он организовывал отпор Шкуро. Белогвардейские агенты из среды мобилизованных обезоружили Петрова. Но он сумел выступить на организованном мобилизованными съезде и призывал их оказать помощь Медвеженскому уезду, организовать отпор бандам Шкуро. Однако съезд вынес решение воздержаться от помощи медвеженцам.

Петрову удалось вызвать из Ставрополя отряд красноармейцев, арестовать предателей и ликвидировать белогвардейскую авантюру.

Убедившись, что мобилизация верных советской власти сил сорвана агентами белогвардейщины, губисполком издал распо-

[1] «Власть труда» № 98 за 1918 г., Ставрополь.

ряжение об отмене мобилизации, уделив все внимание укреплению существующих частей Красной Армии и партизанских отрядов, действительно боровшихся с наседавшими со всех сторон врагами.

ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА ТЕРЕКЕ

«Сила и могущество советской власти состоит в том, — писал товарищ Сталин весной 1918 г., — что советская власть в центре уже стала действительно народной, выросшей из недр трудовых масс»[1].

Не то мы видим на окраинах, в колониях бывшей царской России.

«На окраинах, населенных отсталыми в культурном отношении элементами, советская власть еще не успела стать в такой степени народной. Революция, начатая в центре, распространилась на окраины, особенно на восточные, с некоторым опозданием... Для того, чтобы власть там стала народной, а трудовые массы социалистическими, необходимы, между прочим, специальные способы вовлечения трудящихся и эксплоатируемых масс этих окраин в процесс революционного развития. Необходимо поднять массы до советской власти, а их лучших представителей слить с последней»[2], — писал товарищ Сталин.

Деятельность советской власти, установившейся на Северном Кавказе в марте 1918 г., заключалась именно в выполнении этих сталинских указаний. Поднять трудовые горские массы до советской власти, привлечь в органы советской власти лучших ее представителей — такова была первейшая задача большевиков Терека — руководителей Терской советской республики.

Основные положения об организации власти в крае были утверждены еще 2-й сессией Терского народного съезда в Пятигорске 3 марта 1918 г.

В состав Терской республики вошли Пятигорский, Моздокский, Сунженский и Кизлярский отделы и Нальчикский, Назранский, Грозненский, Хасав-Юртовский, Веденский и Владикавказский округа.

Горцы — чеченцы, ингуши, осетины, кабардинцы, балкарцы,— группа дагестанских народностей, терские казаки и «иногороднее» крестьянство составляли население республики.

Терский край объявлялся составной «частью Российской федеративной советской республики, учрежденной на основе свободного союза свободных наций»[3].

В отделах и округах высшими органами власти должны были стать отдельские и окружные трудовые народные съезды и создаваемые ими народные советы и исполнительные комитеты.

---

[1] «Правда» № 67 от 9 апреля 1918 г.
[2] *Там же.*
[3] «Народная власть» № 7 от 7 апреля 1918 г.

Но в первые месяцы советской власти на Тереке действительное положение вещей было далеко не таким.

Межнациональные распри и казачье-горская война, все время провоцируемая контрреволюционными элементами горцев и казачества, не давали укрепиться советской власти на местах. Терскому народному совету и Совету народных комиссаров Терской республики приходилось бороться против мощного контрреволюционного блока, пытавшегося укрепиться и удержать власть в станицах и аулах.

Продолжали существовать «национальные советы», во главе которых оставались буржуазно-националистические верхи горских народов. В казачьих станицах осело многочисленное казачье офицерство и сбежавшие из Центральной России контрреволюционные элементы.

Разрешить главнейший вопрос — земельный — без предварительной ликвидации межнациональной войны было невозможно.

Советская власть добивалась прекращения войны и создания мирной обстановки на Тереке. Был ликвидирован осетино-ингушский фронт. Миссия С. М. Кирова, ездившего по поручению съезда мирить враждующие стороны, увенчалась успехом. Делегации обоих народов прибыли во Владикавказ, где продолжал еще работать II съезд, и торжественно помирились. Удалось ликвидировать и войну между ингушами и казаками.

В открытом поле, между станицей Карабулакской и ингушским селением Плиево, 20 марта встретились мирные делегации казаков и ингушей. Были выработаны условия мира. Впредь до их утверждения на мирной конференции установили перемирие. Мирная конференция состоялась 3—4 мая во Владикавказе, и мирный договор был утвержден.

Советская власть — организатор мира между народами — становилась все более популярной, завоевывала симпатии не только ингушей и чеченцев, но и трудового казачества.

Станица расслаивалась. Опираясь на казачью бедноту, на казаков и солдат-фронтовиков, жаждавших мира, советская власть приступила к созданию, а затем и к укреплению органов власти в станицах и аулах.

Впредь до разрешения земельного вопроса всем сельским, аульным и станичным обществам было предложено предоставить трудящимся все земли, которые ранее сдавались в аренду. Советское правительство помогло трудящимся обсеменить поля. Весной 1918 г. увеличилась посевная площадь. Но пахали все еще с винтовками за спиной.

Во Владикавказе был национализирован Алагирский свинцово-серебряный завод, разрушенный хозяевами. Завод начал работать. Национализировались банки. Восстанавливались грозненские нефтяные промыслы.

Много заботы молодая советская власть уделяла окончательному закреплению мирных отношений между народами области. Особая следственная комиссия занималась ликвидацией взаимных

обвинений, споров, освобождением пленных, находившихся в аулах и станицах. Была организована помощь пострадавшим во время боев.

Второго апреля возобновил свою работу Владикавказский совет рабочих депутатов, разогнанный контрреволюционным офицерством по приказанию «горского правительства».

Одиннадцатого апреля Владикавказский совет выбрал новый президиум. Председателем его был избран С. М. Киров [1].

В то время в совете все еще была сильна меньшевистская фракция. Меньшевики в блоке с эсерами пытались превратить совет в подсобный орган продолжавшей существовать городской думы. Так, на заседании 16 апреля они старались протащить резолюцию о том, что совет должен быть «органом контроля местной власти». Большевикам во Владикавказском совете пришлось вести упорную борьбу с меньшевистско-эсеровскими предателями.

Власть советов укреплялась также и в Грозном. Девятого апреля на совместном заседании Военно-революционного совета, исполкома Совета рабочих и военных депутатов и представителей близлежащих к Грозному станиц: Грозненской, Романовской, Ермоловской и др., было решено создать центральный Грозненский совет рабочих, военных и казачьих депутатов и передать ему всю полноту власти в Грозном и его округах. Во главе центрального совета стояли большевики [2].

31 марта в Нальчике собрался съезд кабардино-балкарского народа. Руководил съездом народный комиссар по национальным делам Терской республики ингуш-большевик Гапур Ахриев. Кабардинские князья и помещики для борьбы с революционным движением и для разгрома съезда формировали особые сотни. Народные массы были крайне возбуждены. В Нальчик для охраны съезда ко дню его открытия были подтянуты тысячи вооруженных всадников со всех аулов и селений Кабарды и Балкарии.

Семействам князей-контрреволюционеров, оставшимся в аулах и селениях, от имени кабардино-балкарского народа было сообщено:

«Мы приняли священную клятву, что, если от ваших рук погибнет хотя бы один из видных народных политических работников, — все вы будете уничтожены до последнего» [3].

Контрреволюционные отряды не посмели напасть на народный съезд.

Десятого апреля в селении Христиановском состоялся съезд осетинского народа. На съезде присутствовал представитель Совнаркома Терской республики.

Вооруженные отряды керменистов бурно приветствовали съезд. От имени керменистов выступил убеленный сединами старик-

---

[1] «Народная власть» № 10 от 12 апреля 1918 г.
[2] «Народная власть» № 13 от 16 апреля 1918 г.
[3] «Народная власть» № 3 от 2 апреля 1918 г.

осетин. Обратившись к съезду и к многотысячной толпе, пришедшей приветствовать съезд, он сказал:

«Мы те, которые будут до последней возможности защищать интересы трудового народа, безразлично к какой бы национальности они ни принадлежали»[1].

В селении Назрань 15 апреля состоялся съезд ингушского народа. В огромном дворе крепости, представлявшем собой естественный амфитеатр, собралось около трех с половиной тысяч ингушей. Президиум съезда находился в середине амфитеатра. Участники съезда разместились вокруг него. В центре делегаты сидели на земле, за ними стояли новые ряды, за стоящими находились всадники.

На съезде присутствовали С. М. Киров и военный комиссар Терской республики Бутырин.

Первым выступил вождь терских народов С. М. Киров. Его речь о задачах народной власти на Тереке съезд слушал с огромным вниманием, прерывая ее аплодисментами. В повестку дня съезда были включены животрепещущие вопросы жизни и борьбы ингушского народа: о ликвидации ингушского полка «дикой» дивизии и вступлении ингушей в Красную Армию, ликвидации окружного правления, вопрос об охране железнодорожных путей и др.

Восстановление железнодорожного движения имело для области колоссальное значение. На участке Беслан — Грозный — Хасав-Юрт движение все время прерывалось. Банды во главе с казачьими и горскими офицерами разбирали путь, громили станции. Это вызывало столкновения с шедшими с кавказского фронта воинскими эшелонами, направлявшимися в Центральную Россию.

Ингушский «национальный совет» во главе с Вассан-Гирей Джабагиевым и чеченский «национальный совет» во главе с Ибрагимом Чуликовым провоцировали разгром железнодорожного сообщения и столкновения с солдатами и казаками.

С. М. Киров на съезде предложил немедленно восстановить железнодорожный путь и наладить движение поездов. Его предложение было принято.

Наряду со съездами горских народов был созван также и казачий съезд.

Казачий съезд открылся 10 апреля. Он показал, что казачество быстро расслаивается. Уже в самом начале вспыхнули бурные прения по вопросу о названии: «казачий съезд» или «казачий круг». Казачьи верхи прибегали к всяческой демагогии, вспоминали дедов и прадедов, славные традиции и казачью честь. Говорили об «измене казачьему делу». Тем не менее большинством голосов было решено назваться не «кругом», а «войсковым съездом VII созыва».

Этот, на первый взгляд непринципиальный, спор о названии съезда, несомненно, говорил о сдвигах в настроении трудового

[1] «Народная власть» № 14 от 17 апреля 1918 г., Владикавказ.

казачества, искренне желавшего порвать с той идеей казачьего обособления, которая противопоставляла казачество остальному трудовому народу Терека. Председателем съезда был избран казачий офицер Фальчиков.

Фальчиков принадлежал к той части казачьих верхов, которые, видя, что трудовые массы казачества идут за советской властью, решили скрепя сердце формально признать власть советов, чтобы не потерять своего влияния на массы. Ни Фальчиков, ни его сподвижники не отказались от своей борьбы с советской властью. Они лишь на время притаились, решив выждать для открытого выступления более подходящий момент. Больше всего казачьи верхи заботились о сохранении за собой вооруженной силы. Приняв накануне решение о том, что «казаки, как истые демократы, приветствуют общую областную народную советскую власть, всецело к ней присоединяются и ее поддерживают»[1], войсковой круг 1 апреля под благовидным предлогом «защиты края и всего государства от вражеского нашествия» решил отстаивать перед областным народным советом сохранение строевых казачьих частей в составе 4 конных, 4 пеших полков, 4 пластунских сотен и 4 батарей[2] со всем командным составом. Сохранение такой значительной боевой силы, которая, несомненно, находилась бы в руках казачьих верхов, вновь сделало бы их хозяевами положения на Тереке. Советская власть на Тереке имела мало вооруженных сил, и боеспособность их была невелика. Красногвардейские отряды Владикавказского и Грозненского советов, отряды керменистов, небольшие красные отряды в Чечне и Ингушетии — вот и все, чем располагала в это время советская власть на Тереке. Эти отряды несли караульную службу в городах и на железной дороге. На случай какого-либо контрреволюционного выступления власть не располагала необходимыми вооруженными силами. А возможность таких выступлений не только не исключалась, но угроза их была реальной. Контрреволюционное казачье офицерство в станицах, буржуазно-националистические и клерикально-феодальные верхи горских народов готовили удар.

Для этой же цели казачьи контрреволюционеры предполагали использовать «хозяйственный совет терского казачества» при Терском народном совете, созданный казачьим съездом.

В «хозяйственный совет» попали представители контрреволюционного офицерства и казачьего кулачья. Казачьи верхи все время поддерживали связь с буржуазно-националистическими элементами горских народов, группировавшимися вокруг так называемых «национальных советов». В борьбе против пролетарской революции казачья контрреволюция имела в их лице верных союзников.

«Право наций на самоопределение толковалось как право национальной буржуазии на окраинах взять власть в свои руки

---

[1] «Народная власть» № 13 от 16 апреля 1918 г., Владикавказ.
[2] «Народная власть» № 14 от 17 апреля 1918 г., Владикавказ.

и использовать Февральскую революцию для образования «своего» национального государства. Дальнейшее развитие революции не входило и не могло входить в расчеты упомянутых выше буржуазных институтов»[1], — писал товарищ Сталин об «общенациональных» институтах, созданных националистической буржуазией на окраинах и в бывших колониях царской России. Такими «общенациональными» институтами на Северном Кавказе были «национальные советы».

«Национальные советы» были образованы в Чечне, Ингушетии, Осетии. Во главе их стояла буржуазно-националистическая интеллигенция, национальная буржуазия и помещики.

Пролетарскую революцию «национальные советы» на Северном Кавказе встретили враждебно. Иначе и быть не могло.

«Буржуазные по природе, они вовсе не хотели разрушать старый буржуазный мир, — наоборот, они считали своим долгом сохранять и укреплять его всеми силами. Империалистические по существу, они вовсе не хотели рвать с империализмом, — наоборот, они никогда не были прочь захватить и подчинить себе куски и кусочки «чужих» национальностей, если представлялась к тому возможность. Не удивительно, что «национальные правительства» на окраинах объявили войну социалистическому правительству в центре»[2].

«Национальные советы» на Северном Кавказе — живая иллюстрация того, что писал об «общенациональных» институтах товарищ Сталин. «Национальные советы» действовали под руководством изгнанного из Терской области восставшими рабочими и крестьянами правительства «союза горцев», обосновавшегося временно в Дагестане, а затем перекочевавшего под крылышко родственной ему меньшевистской Грузии.

Грозненский нефтяник, крупнейший представитель чеченской буржуазии — Тапо Чермоев, бывший ротмистр гвардии, кумыкский князь, крупнейший помещик Рашид-хан Капланов, кабардинский коннозаводчик Пшемахо Коцев и подобные им, составлявшие так называемое «горское правительство», имели своих агентов в лице Ибрагима Чуликова в Чечне, Васан-Гирея Джабагиева в Ингушетии, Гаппо Баева в Осетии, Серебрякова в Кабарде и всей горской националистической верхушки.

Чеченский «национальный совет» обосновался в нескольких километрах от Грозного, в богатом чеченском селении Алды. Чеченская контрреволюционная верхушка во главе с Чуликовым пыталась организовать вооруженные отряды для борьбы с советской властью.

Чеченский «национальный совет» собирал съезды духовенства, кулачества. Одно за другим предъявлялись к Грозненскому совету требования о прекращении большевистской агитации.

---

[1] *Сталин*, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 69—70, Партиздат, 1939 г.

[2] *Там же*, стр. 72.

Провоцировались убийства мирных жителей Грозного и станицы Грозненской.

Молодой советской власти в первые дни своего существования пришлось заниматься не только внутренними делами, но и внешними. Сразу встал вопрос о ближайшей соседке — меньшевистской Грузии.

Меньшевистская Грузия не могла равнодушно взирать на появление рядом с собой советской республики. Не успел еще закончиться II съезд народов Терека во Владикавказе, как туда приехал представитель «закавказской демократии»—Ной Рамишвили. Опираясь на «авторитет» Закавказского сейма и недвусмысленно угрожая вооруженной борьбой, он пытался воздействовать главным образом на горские народы, чтобы не допустить укрепления советской власти на Северном Кавказе. Но происки старого, прожженного меньшевистского жулика оказались безуспешными. Он уехал ни с чем.

Меньшевистские вожди Грузии и их сообщники в Терской республике продолжали тайную и явную вражескую работу на Северном Кавказе.

12 апреля владикавказский партийный комитет обсуждал доклад редактора большевистской газеты т. Ильина о контрреволюции в Закавказье и о мерах борьбы с ней. Партийный комитет решил поставить доклад т. Ильина в Совнаркоме Терской республики. На 14 апреля было назначено общегородское собрание большевиков с докладами: Кирова — «О задачах революции в настоящее время» и Ильина—«О закавказской контрреволюции» [1].

К этому времени буржуазно-националистические верхи горских народов открыто стали на путь интервенции. Не имея поддержки у трудовых масс Терека, они пошли по стопам своих учителей — русской буржуазии и помещиков и призвали на помощь интервентов. Самозванные депутации от лица горских народов, организованные изгнанным «горским правительством», повели переговоры с турецким правительством о признании независимости Северного Кавказа и о «братской помощи единоверным народам». Трудовые горцы Терека дали достойную отповедь непрошенной заботе о независимости.

Чечено-ингушская фракция Народного совета 9 мая 1918 г., обсудив этот вопрос, в принятой резолюции заявила, что «...объявление независимости Северного Кавказа есть чрезвычайно важный акт, который должен происходить с ведома и согласия всего заинтересованного населения.

Чечено-ингушская фракция констатирует, что никаких делегатов для каких бы то ни было переговоров с оттоманской делегацией в Трапезунде или с оттоманским правительством в Константинополе чечено-ингушский народ не посылал, что вопрос о независимости ни в каких органах и собраниях, выражающих волю чечено-ингушского народа, никогда не обсуждался.

---

[1] «Народная власть» № 12 от 14 апреля 1918 г., Владикавказ.

Поэтому лиц, смеющих говорить от имени народа, который их не выбирал, чечено-ингушская фракция считает самозванцами и врагами народа.

Чечено-ингушская фракция заявляет, что единственное спасение всех горцев Северного Кавказа и завоеванных революцией свобод заключается в тесном единении с российской революционной демократией...» [1]

Трудящиеся горцы на деле убеждались, что подлинное освобождение и самоопределение ранее угнетенные народы могут получить только из рук победившей пролетарской революции. Руководитель чечено-ингушской фракции Терского народного совета Асланбек Шерипов в своей речи на заседании Терского народного совета говорил:

«Благодаря великой русской революции мы получили ту прекрасную свободу, за которую столетия бились наши предки... Теперь, когда мы получили гарантию права на самоопределение, это право народ никогда никому не отдаст. Сейчас о независимости Северного Кавказа говорят помещики, князья, провокаторы и шпионы и все те, с кем Шамиль вел смертельную борьбу в течение 50 лет. Сейчас есть отдельные попытки со стороны этих врагов народа провозгласить независимость Кавказа и объявить имамство. Но я утверждаю, что предкам этих князей Шамиль рубил головы и так он поступил бы и теперь...» [2]

Эти пламенные слова вождя чеченской бедноты товарищ Сталин привел в своей статье «О Донщине и Северном Кавказе», опубликованной в «Правде» 1 июня 1918 г.

Оккупировав Украину, стремясь захватить в свои руки богатейшие районы Дона, Северного Кавказа и Закавказья, германский империализм, опираясь на свою оккупационную армию на Украине и на Дону и на турецкие войска в Закавказье, создавал и поддерживал марионеточные правительства «самоопределившихся» народов, состоявшие из агентов немецкого империализма — генералов, капиталистов, помещиков.

Трудовые народы действительно самоопределились. Советскую власть признало и поддерживало преобладающее большинство населения Украины, Дона, Кубани, Терека. Только с помощью немецких штыков к середине 1918 г. кое-где удалось германским империалистам посадить своих агентов, создать областные «правительства».

Германские империалисты стремились только к одному, писал товарищ Сталин в той же статье, «использовать мишурные «правительства», как ширму, для захватов и порабощения новых земель. Прикрываясь украинской радой, немцы двинулись вперед, «на основании Брестского договора» (о, конечно!) и заняли Украину. Но теперь Украина как ширма, как прикрытие, видимо, исчерпала себя, между тем как немцам нужно новое продвижение.

---

[1] «Народная власть» № 25 от 1 мая 1918 г., Владикавказ.
[2] «Народная власть» № 27 от 5 мая 1918 г.

Отсюда спрос на новое прикрытие, на новую ширму. А так как спрос рождает предложение, то Красновы и Богаевские, Чермоевы и Бамматовы не замедлили предстать, предлагая свои услуги. И нет ничего невероятного в том, что в ближайшее время Красновы и Богаевские, руководимые и снабжаемые немцами, двинутся на Россию, на «освобождение» Дона, причем немцы постараются лишний раз поклясться в верности Брестскому договору. То же самое нужно сказать о Кубани, Тереке и т. д. В этом вся суть!»[1]

Германский империализм основной своей целью считал разгром пролетарской революции в России и захват новых богатейших колоний. Казачьи верхи и горская буржуазия за помощь германских штыков в борьбе с пролетарской революцией готовы были уплатить германским империалистам свободой трудовых народов Кавказа, их землей и имуществом.

III СЪЕЗД ТРУДОВЫХ НАРОДОВ ТЕРЕКА В ГРОЗНОМ

Благодаря всем мероприятиям, проведенным советским правительством на Тереке под руководством Кирова, советская власть все больше укреплялась. Народные массы проникались доверием и любовью к ней. Но чем сильнее было доверие и поддержка власти советов народными массами, тем ненавистней она становилась для казачьих и горских верхов.

Объединенная казачья и горская контрреволюция, вынужденная отдать власть советам, рассматривала свое поражение как явление временное. Попрятавшаяся по станицам, по аулам, уйдя в глубокое подполье в городах, контрреволюция плела сеть заговоров, восстаний, межнациональной войны.

На Северном Кавказе действовала группа эсеров, приехавшая из центра и создавшая впоследствии в Екатеринодаре «Юго-восточный комитет членов Учредительного собрания» во главе с Шрейдером. Шрейдер, бывший петроградский городской голова, в 1917 г. был изгнан из революционного Петрограда восставшими рабочими и солдатами. На Тереке он стал главным советником контрреволюционных верхов терского казачества. Шрейдер уже тогда был связан с руководителями белогвардейской «добровольческой» армии на юге России — генералами Алексеевым и Деникиным и агентами иностранных миссий, предоставивших ему субсидии на контрреволюционную работу.

Шрейдер и его группа стояли на крайне правых позициях и в борьбе против советской власти стремились создать единый фронт с меньшевиками, энесами и кадетами.

Подготовка антисоветского мятежа на Тереке, несомненно, была связана с деятельностью Шрейдера. Он приезжал во Владикавказ и нашел здесь в лице местных эсеровских заправил Мамулова и Семенова верных исполнителей контрреволюционных планов интервентов, эсеров и меньшевиков.

[1] «Правда» № 108 от 1 июня 1918 г.

Уже в середине апреля Совнаркому Терской республики стало ясно, что необходима своя вооруженная сила, необходимы решительные внутренние мероприятия, чтобы окончательно разгромить притаившуюся контрреволюцию.

У советского правительства Терека не было ни средств, ни вооружения. Да и связь с центральным правительством, с Москвой, была чрезвычайно слабая. После поездки С. М. Кирова в Петроград на II съезд советов в центр из Владикавказа никто не ездил. Живой связи мешала сперва калединщина, а затем красновщина на Дону. Почтовая связь вследствие тех же причин почти отсутствовала. Из Петрограда на Терек приехало несколько агитаторов, посланных еще Петроградским военно-революционным комитетом в послеоктябрьские дни, но этого было недостаточно.

Партийная организация Терека и Совет народных комиссаров решили командировать делегацию в Москву для установления непосредственной связи с советским центральным правительством и Центральным Комитетом партии. Решение об этом было вынесено в середине апреля. Выбор пал на С. М. Кирова и Асланбека Шерипова. Но Шерипов вследствие обостренного положения в Чечне поехать не смог, а С. М. Киров в конце апреля выехал в Москву, чтобы оттуда организовать помощь Терской советской республике. После отъезда Кирова председателем Владикавказского совета стал большевик Камолов.

Для разрешения ряда вопросов, и в первую голову земельного вопроса, решено было в мае созвать III съезд трудовых народов Терека. Съезд наметили провести в Грозном.

Грозный — не только крупнейший пролетарский город области, но и экономический и административный центр Чечни и примыкающей к ней Ингушетии. Для народов Чечни и Ингушетии самым острым вопросом был земельный. Созыв съезда в Грозном показывал, что советское правительство в первую очередь собиралось удовлетворить справедливые требования горской бедноты. Это прекрасно понял объединенный контрреволюционный блок казачьих и горских верхов. Они повели свою «подготовку» к Грозненскому съезду, использовав сложившиеся в области условия.

Выборы на съезд происходили в конце апреля и в начале мая — в разгар сельскохозяйственных работ. Перед своим отъездом в Москву С. М. Киров предостерегал казаков-фронтовиков:

«Смотрите, фронтовики, чтобы офицеры не отняли у вас власть... Офицеры с кулацкой частью станиц уже начали организовываться, они могут вас оттеснить. Молодежь и фронтовое казачество весной неизбежно пойдет в поле и временно ослабит общественную и революционную работу. Этим офицерско-кулацкая группа может воспользоваться» [1].

Молодежь, крестьянская и казачья беднота, оторванная войной на несколько лет от семьи, от хозяйства, вернувшись с фронта,

---

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», документы V тома, д. 3713, воспоминания Дьякова, л. 27.

старалась поправить свое развалившееся хозяйство. Казаки и крестьяне, преданные советской власти, работали в поле часто в десятках километров от станиц. В станицах оставались лишь офицеры, кулацкая часть казачества да старики, шедшие у офицеров на поводу. Это повлияло на ход выборов и резко отразилось на составе казачьей фракции Грозненского съезда.

Казачья фракция почти целиком состояла из представителей офицерства, казачьего кулачья во главе с полковником Букановским и хорунжим Фальчиковым.

Казачья контрреволюционная верхушка еще до съезда пыталась выяснить настроение чеченцев, надеясь, что ей удастся при помощи чеченской верхушки, во главе с Ибрагимом Чуликовым, противопоставить чеченский народ советской власти. С этой целью они пытались использовать русско-чеченский съезд, происходивший незадолго до открытия Грозненского съезда.

Пятнадцатого мая в окрестностях Грозного, у подножья Алдынского кургана, собрались представители чеченских аулов Грозненского округа, казаков Кизлярского отдела, Грозненского станичного совета и Центрального совета рабочих, крестьянских и военных делегатов города Грозного. Прибыли также два представителя от Веденского и один — от Хасав-Юртовского округов[1].

Съезду предстояло разрешить ряд вопросов, но все они свелись только к одному — к обсуждению вынесенной накануне Кизлярским отдельским казачьим съездом резолюции об отношении к власти.

Этим съездом руководил Фальчиков, и съезд вынес решение о поддержке советской областной власти. Власть же общегосударственная, по мнению съезда, «может быть только в лице Учредительного собрания»[2].

В своей речи Фальчиков и его сообщники раскрыли планы и надежды казачьей контрреволюции.

Фальчиков заявил, что «областную власть мы принимаем, но центральной власти мы не верим»[3].

Другой казак — делегат Панков в доказательство, что «не только мы, но и рабочие Петрограда и Москвы не признают центральной власти», прочитал собравшимся антисоветскую резолюцию правых эсеров, полученную из Петрограда. Среди собравшихся поднялся шум. Вооруженная чеченская молодежь, плотным кольцом окружавшая съезд, заволновалась и стала хвататься за оружие. Не помогли льстивые выступления казачьих представителей, обращавшихся к «кунакам-чеченцам» с обещаниями вечного мира, удовлетворения ряда требований и т. п. Представители чеченцев выступали и заявляли о своей преданности советской власти и о полной поддержке ее. С резолюцией Кизлярского съезда чеченский народ не согласился. «Мы протестуем против

---

[1] «Известия Ставропольского совета» № 48 от 28 мая 1918 г., Ставрополь.
[2] «Известия Ставропольского совета» № 49 от 29 мая 1918 г., Ставрополь.
[3] *Там же.*

такого шага казаков, — говорил их представитель, — чеченский народ должен итти только с трудовым народом. Вопреки резолюции казачьего отряда, мы, чеченцы, заявляем во всеуслышание, что власть Совета народных комиссаров признаем» [1].

Так русско-чеченский съезд не оправдал надежд контрреволюционеров.

III съезд трудовых народов Терека открылся в Грозном 22 мая. На съезд собралось больше 500 делегатов.

Деловая часть работы съезда открылась заявлением ингушской фракции.

«Ингушский народ, пославший нас, — говорил оратор, — требует, чтобы в первую очередь был поставлен земельный вопрос» [2]. Казачьи контрреволюционные верхи пытались не допустить обсуждение на съезде земельного вопроса. Однако в принятую и утвержденную съездом повестку дня земельный вопрос был включен. Были поставлены доклады председателя Совнаркома Терской республики, комиссара земледелия, военного комиссара, вопрос о взаимоотношении с Закавказьем и об объединении всех республик Северного Кавказа.

Решающей и направляющей силой на съезде в Грозном была большевистская фракция. Она вела за собой горские фракции — ингушскую, чеченскую, кабардино-балкарскую, большинство осетинской и фракцию «иногородних» — крестьянской бедноты.

Против большевиков выступал блок контрреволюционных и соглашательских фракций.

В первых рядах этого блока шла так называемая «казачье-крестьянская фракция». Казачьи верхи, мобилизуя силы на борьбу с советским правительством, вели борьбу за раскол крестьянства и за привлечение его зажиточной части на свою сторону. В составе «казачье-крестьянской фракции» было несколько представителей кулачья из «иногородних», которые должны были символизировать объединение казаков и крестьян против советов. Но из подобной попытки ничего не вышло. Крестьянская беднота не пошла за казачьими богатеями, она создала фракцию «иногородних», шедшую за большевиками. Ближайшими пособниками и сообщниками казачьих контрреволюционных верхов на съезде были меньшевики и эсеры. Первые создали «социал-демократическую фракцию», вторые вошли в состав «казачье-крестьянской фракции».

Чтобы успешнее бороться с контрреволюционным блоком, большевики организовали «левый социалистический блок». Кроме большевиков в него вошли: революционная партия осетинской бедноты «Кермен», меньшевики-интернационалисты и «левые» эсеры. Общей платформой «левого социалистического блока» было безоговорочное признание советской власти и Совета

---

[1] «Известия Ставропольского совета» № 49 от 29 мая 1918 г., Ставрополь.
[2] «Народная власть» № 46 от 25 мая 1918 г., Владикавказ.

Народных Комиссаров, решительное проведение в жизнь декретов и решений II и III съездов советов и советского правительства.

«Левый социалистический блок» был создан по решению областной партийной конференции большевиков, происходившей в Грозном одновременно со съездом.

Партийная конференция приняла решение о блоке с теми социалистическими партиями, которые стояли на платформе признания советской власти [1].

Организация «левого социалистического блока» расколола ряды меньшевиков-интернационалистов и «левых» эсеров. Часть из них присоединилась к казачьим верхам; часть меньшевиков-интернационалистов и «левых» эсеров теснее связалась с большевиками. Многие из них, убедившись в контрреволюционной сущности своих партий, порвали с ними окончательно и вошли в большевистскую партию. Таким был Яков Петрович Бутырин — военный комиссар Терской республики, бывший меньшевик-интернационалист. После Грозненского съезда он вступил в большевистскую партию. Бутырин был ближайшим соратником Серго Орджоникидзе по организации защиты Терской республики от белых и погиб в борьбе. Таким был и «левый» эсер Пашковский — народный комиссар земледелия, а затем председатель Совета народных комиссаров Терской республики, зверски расстрелянный вместе с группой большевиков белоказаками в августе 1918 г. в станице Змейской.

«Левый социалистический блок» на Грозненском съезде резко отличался от «социалистического блока» первых двух съездов — Моздокского и Пятигорского — тем, что это был блок советских партий, блок для защиты советской власти. «Социалистический блок» в Моздоке и в Пятигорске, прекрасно использованный большевиками в борьбе за власть советов, был блоком политических партий, объединившихся в борьбе против реставрации старых царских порядков на Северном Кавказе.

Когда стало ясно, что трудовые народы Терека идут за большевиками и требуют установления советской власти, «социалистический блок» затрещал, а затем в нем произошел раскол. Эсеры и меньшевики, входившие в «социалистический блок», открыто переходили на сторону контрреволюции.

Советское правительство Терека в сложнейших условиях непрекращавшихся межнациональных столкновений и контрреволюционной деятельности эсеров и меньшевиков осторожно, но неуклонно проводило в жизнь революционные мероприятия.

16 мая, за неделю до открытия Грозненского съезда, во Владикавказе на общегородском большевистском партийном собрании Буачидзе, председатель Совнаркома Терской республики, говорил:

«Постепенно мы направляем нашу работу так, как и в России...

---

[1] «Народная власть» № 42 от 26 мая 1918 г., Владикавказ.

Лжесоциалисты пойдут все правее, и единения с ними не может быть»[1].

В своем докладе на Грозненском съезде Буачидзе говорил: «Нам изменяли не только контрреволюционеры, собственники, разные отбросы, преступный элемент, но даже так называемые товарищи, которые думали только, как бы нас свалить. А мы верили, что эти товарищи пойдут с нами»[2].

Огромную роль в разоблачении соглашателей сыграл вопрос о Брестском мире. Он дискутировался до съезда и был в центре внимания на съезде. Меньшевики и эсеры поддерживали казачью контрреволюционную верхушку, выступавшую против мира с немцами.

Большевистская фракция Грозненского съезда выпустила воззвание к рабочим, крестьянам, горцам, казакам и ко всем трудящимся области. Фракция призывала к закреплению победы, к строительству социализма, к бдительности, к борьбе против контрреволюционеров, лжесоциалистов.

«Помните, товарищи, — говорилось в воззвании, — что лишь партия большевиков-коммунистов, вместе с революционным народом, вместе с трудовым крестьянством и пролетариатом вынесла и выносит на своих плечах всю тяжесть революции.

Верьте же только большевикам и тем, кто искренне идет за ними, как истинным борцам за свободу и благо народа»[3].

Воззвание предупреждало об опасности германо-турецкой интервенции, об иностранных капиталистах, идущих на помощь своим российским друзьям.

«В числе этих друзей иностранных хищников, — говорилось в воззвании, — находятся и те лжесоциалисты, которые прикрываются социалистическими флагами, ложно называясь социалистами-революционерами и социал-демократами»[4].

В тесной связи с начавшейся германо-турецкой интервенцией и оживлением сил внутренней контрреволюции обсуждался доклад военного комиссара республики Бутырина.

Товарищ Сталин в своей статье в «Правде» «О Донщине и Северном Кавказе», останавливаясь на положении Терской республики, отмечал, что «происходящий ныне 3-й областной съезд делает шаг вперед, переходя от слов к делу, и призывает граждан к оружию для защиты Терека и не только Терека, от покушений со стороны непрошенных гостей»[5].

По докладу Бутырина выступали представители контрреволюционного блока—эсер Мамулов, казачий офицер Фальчиков, меньшевик Берман. Эта «святая троица» в один голос твердила, что большевики неспособны создать армию, объединить «живые силы».

---

[1] «Народная власть» № 36 от 18 мая 1918 г., Владикавказ.
[2] «Известия Пятигорского совета» № 32 от 28 мая, 1918 г., Пятигорск.
[3] Орджоникидзевский крайархив, листовка № 771.
[4] *Там же.*
[5] «Правда» № 103 от 1 июня 1918 г.

Фальчиков, один из вожаков «казачье-крестьянской фракции», стал доказывать, что большевики и советская власть не сумеют создать в процессе начавшейся войны с интервентами новую армию.

«Опасность на носу, а в этот момент мы начинаем организовывать армию. История не знает таких случаев, — надменно поучал он съезд, — во время войны армии не создаются»[1].

От имени своей фракции Фальчиков предложил восстановить казачьи полки и сформировать пехотные части из солдат старой армии. Мамулов и Берман поддерживали Фальчикова и все предложения контрреволюционного казачьего офицерства.

Контрреволюционному блоку по этому вопросу резко возражали представители горских фракций. Блестящую речь произнес вождь чеченской бедноты Асланбек Шерипов.

«Горцы Кавказа,— говорил в своей речи Шерипов, — столетиями боролись против русского царизма, за свою свободу. Самодержавию в борьбе с горскими народностями помогали изменники и предатели из числа горской феодальной знати и кулачья. Торжествовал принцип: «Разделяй и властвуй». Наших изменников и шпионов награждали землей, для чего сносились целые аулы, и лишь за то, что они не хотели подчиниться самодержавному строю.

Не имея дворян, они создавали их. Сажали к нам кумыцких князей, разбитых и изгнанных до этого Чечней. Благодаря услугам изменников русские сумели разбить нашу свободу и подавить нас...

С началом империалистической войны мы боялись, что победит империализм и раздавит нас окончательно. Мы видели в Европе возмутительную вакханалию, которая проделывалась державами вокруг лозунга освобождения малых народностей; Россия, имея в своем застенке сотни племен полузадушенных, говорила, что идет раскрепощать закабаленные народы; хищническая Германия прикрывала свои аппетиты теми же лозунгами.

С революцией положение в России резко изменилось в обратную сторону раскрепощения и освобождения. Революция дала горцам те свободы, за которые они боролись столетиями.

И раз мы не верили русским Горемыкиным, то не поверим теперь другим Горемыкиным, двигающим в Россию свои войска.

Мы видим, что за турецкую ориентацию стоят сейчас те, кто предал нашу свободу. Народ знает, что все помещики, князья, продававшие народ самодержавию, теперь переменили фронт. Во главе агитации за турецкую ориентацию стоят помещики...

Знайте, товарищи и граждане, мы вместе со всеми пойдем защищать свободу. Пойдем потому, что мы веками не знали рабства и искони были свободны. Пойдем потому, что на языках горских

[1] «Терский казак» № 28 от 30 мая 1918 г., Владикавказ.

племен приветствие говорит: «Будь свободен! Приходи свободным!» Пойдем потому, что империализм Турции, Германии заинтересован не в нашем освобождении, а в захвате природных богатств и нефтяных недр нашего края.

И мы, горцы, пойдем сражаться за свою независимость за теми, кто будет биться за свободу» [1].

Выступавшие представители ингушей, осетин и кабардинцев поддерживали Шерипова.

28 мая съезд по докладу Бутырина принял резолюцию о создании вооруженных сил Терской республики.

В резолюции говорилось:

«3-я сессия Терского народного съезда признает, что в дни смертельной опасности свободного существования народов терской земли военный комиссар принимает все надлежащие меры соответственно чаяниям и нуждам трудящихся и обездоленных областей, выражает полное доверие военному комиссару.

В этот час грозной опасности и тяжелых испытаний, когда на землю свободных трудовых народов в целях хищения и порабощения двигаются полчища германо-гайдамаков и турок совместно с исконными предателями родных народов, съезд всех народов, чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев, балкарцев, казаков, иногородних, политических партий и общественных деятелей заявляет, что свободные сыны терской земли будут бороться до последнего человека и скорее примут славную смерть борцов за свободу, чем рабство и насилие чужеземного ига. Пламенно приветствуя стойких борцов за честь и славу свободной России, свободные рабочие, крестьяне, казаки и горцы терской земли под общим знаменем спасения родины встанут единым несокрушимым оплотом великой Российской советской республики...

Съезд всенародно заявляет о своем негодовании и презрении к врагам народа и предателям, дерзнувшим повести переговоры с германо-турецкими империалистами об отделении Северного Кавказа от Российской республики.

Терская республика в братском единении со всеми свободными народами и республиками Северного Кавказа и России на платформе признания рабоче-крестьянской власти заявляет о своей нерасторженности с Российской Федеративной Советской Республикой...» [2]

Съезд уполномочил областной народный совет и Совет народных комиссаров Терской республики принять самые решительные меры к организации военных сил для защиты границ республики. Съезд поручил Совету народных комиссаров провести срочно ряд мероприятий по укреплению армии. Было предложено также Совнаркому заняться подготовкой новых командных кадров для Красной Армии, привлечь в армию политически проверенных военных специалистов.

---

[1] «Народная власть» № 48 от 2 июня 1918 г., Владикавказ.
[2] «Терский казак» № 29 от 30 мая 1918 г., Владикавказ.

«Если того потребуют условия защиты, — говорится в заключении резолюции, — произвести мобилизацию военных сил вплоть до всенародного ополчения» [1].

Особенно горячо обсуждался на съезде земельный вопрос. Правительство Терской республики уже в начале апреля 1918 г. пыталось провести ряд мероприятий по разрешению всех земельных споров и наделению землей безземельных и малоземельных. Так, Совет народных комиссаров Терской республики в особом постановлении по земельному вопросу предлагал сельским, аульным и станичным обществам излишки земель, ранее сдававшихся в аренду, предоставить трудовому населению по указанию областного и местных комитетов.

Совнарком Терской республики в своем постановлении отметил, что для разрешения вопроса потребуется расселение и переселение ряда станиц. Для подготовки проекта землеустройства тогда же была создана земельная комиссия, представившая съезду проект резолюции. Контрреволюционный блок на съезде пытался провалить резолюцию. Против него резко выступали большевики — представители горских фракций. Подавляющим большинством голосов была принята резолюция, предложенная земельной комиссией. Отменялась всякая собственность на землю, леса, недра и пр. Вся земля должна была быть перераспределена, согласно декрету II съезда советов о земле. Из запасного фонда, образованного из земель, полученных путем уравнительного перераспределения и уничтожения чересполосицы, в первую очередь должны были быть наделены землей безземельные и малоземельные горцы Ингушетии, Чечни, Осетии, Балкарии и «иногородняя» крестьянская беднота.

По политическим соображениям в первую очередь переселялись станицы Сунженская, Ака-Юртовская, Тарская и Фельдмаршальская.

Эти станицы так называемой Сунженской линии были расположены на захваченных царизмом у ингушей землях и делили Ингушетию на две части — плоскостную и горную. В горной Ингушетии и Чечне земли хватало только для пятой части населения. Возвращением этих земель горцам должна была быть начата коренная ломка землепользования и на Тереке.

Переселяемые станицы получали землю в других казачьих отделах. Им обеспечивалась помощь в устройстве на новых местах.

Резолюция одобрила и признала правильным план работ Комиссариата земледелия по проведению в жизнь намеченных мероприятий по земельному вопросу [2].

Большевистские предложения, принятые съездом по основным вопросам — об организации вооруженных сил и о земле, наглядно показали, что большинство съезда признает политику советской власти правильной.

---

[1] «Терский казак» № 29 от 30 мая 1918 г., Владикавказ.
[2] «Известия Пятигорского совета» № 40 от 6 июня 1918 г., Пятигорск.

Большевики, опираясь на поддержку горцев и «иногородних», предлагали на этом закончить съезд, выбрать новый состав Народного совета и разъехаться на места, чтобы скорее провести в жизнь решения съезда. Время было тяжелое, делегаты не хотели задерживаться в Грозном. Контрреволюционный блок выступил против предложения большевиков. Враги советской власти стремились затянуть съезд и не дать возможности реализовать его решения. Поэтому они внесли предложение — съезду переехать во Владикавказ и продолжать работу.

Большевистская резолюция, предложенная от имени «левого социалистического блока» и фракции «иногородних», гласила:

«Заслушав доклад председателя Совета народных комиссаров и представителей народного совета и признавая, что тому развалу хозяйственной и социальной жизни, который трудовая власть унаследовала от гнилого строя и владычества терско-дагестанских узурпаторов, энергичными усилиями народной власти положен конец, что заслугой этой народной власти является установившаяся возможность мирного трудового сожительства терских народов и упрочение гражданских свобод, завоеванных российской революцией на началах власти советов трудящихся, и что эта народная власть в дни грозной опасности свободного существования народов терской земли стоит на пути решительных мер защиты родной земли соответственно нуждам трудящихся и обездоленных областей, — 3-я сессия съезда народов Терской республики выражает полное доверие как народному совету, так и Совету народных комиссаров» [1].

Резолюция отмечала, что заслушанные и обсужденные доклады достаточно выяснили положение в области и что в грозные дни надвигавшейся опасности все делегаты должны быть на своих местах. Вот почему съезд считал необходимым закончить свою работу.

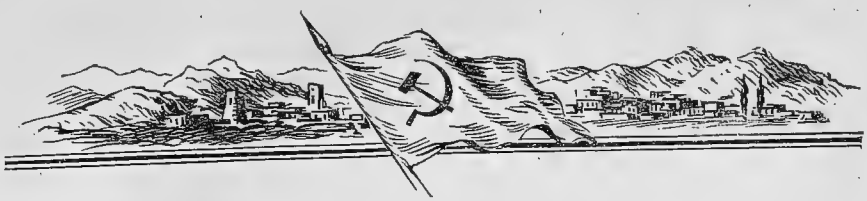
Большевистская резолюция была принята. За нее было подано 252 голоса. Резолюция «казачье-крестьянской фракции» получила 150 голосов, меньшевистская — 18 голосов и эсеровская — 121 голос [2].

Был избран новый состав Народного совета, и съезд был закрыт.

Совнарком немедленно приступил к реорганизации и усилению вооруженных сил. Существовавшие раздельно «военная коллегия по организации Красной Армии» и военный отдел при Терском народном совете были объединены в Военный комиссариат Терской республики. Был назначен командующий всеми вооруженными силами Терской республики.

---

[1] «Народная власть» № 46 от 31 мая 1918 г., Владикавказ.
[2] *Там же.*



ГЛАВА ВТОРАЯ

ОБЩАЯ ОБСТАНОВКА НА ЮГО-ВОСТОКЕ РОССИИ К ЛЕТУ 1918 г. ПРИЕЗД ТОВАРИЩА СТАЛИНА В ЦАРИЦЫН

☆

БОРЬБА НЕМЕЦКИХ ОККУПАНТОВ И КАЗАЧЬЕЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ ПРОТИВ ДОНСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

К лету 1918 г. положение на Северном Кавказе чрезвычайно осложнилось.

Молодой советской власти пришлось выдержать натиск многочисленных контрреволюционных отрядов и банд. Вдохновляемые и поддерживаемые интервентами, постепенно группируясь вокруг генералов Краснова и Деникина, белогвардейские отряды и банды вырастали в грозную для советских республик Северного Кавказа силу.

В Ростове 16 апреля был создан Чрезвычайный штаб обороны Донской советской социалистической республики. Руководил штабом Орджоникидзе. В штаб входили Ф. Подтелков, М. Кривошлыков и др. По предложению Орджоникидзе штаб обороны создал чрезвычайную мобилизационную комиссию во главе с Подтелковым. Она направилась в северные округа Дона для мобилизации казаков в Красную Армию. Через некоторое время начавшийся контрреволюционный мятеж в Донской области отрезал комиссию во главе с Подтелковым и Кривошлыковым от советских районов Дона.

Весь состав комиссии был захвачен контрреволюционными казаками, которые зверски расправились с ней.

Война в области расширялась. Боевые действия против приближавшихся к Донской области немцев со стороны советских войск не прекращались.

29 апреля Серго в Ростове получил телеграмму от Ленина. Ленин писал о необходимости скорейшей приостановки военных действий на германо-гайдамацком фронте и о том, что для этой же цели в Курск выехала мирная советская делегация во главе с товарищем Сталиным.

2 мая Орджоникидзе с двумя представителями ЦИК Донской республики отправился для переговоров с немецким командованием о прекращении военных действий. Немцы к этому времени заняли Таганрог и угрожали Ростову. Занятие Таганрога было прямым нарушением условий Брестского мира, так как Таганрог являлся территорией РСФСР.

У станицы Армянской делегация была арестована немецким патрулем, обезоружена и отправлена в Таганрог. Она заявила немецкому командованию резкий протест против нарушения условий Брестского мира и своего ареста. Немецкое командование вынуждено было согласиться с протестом делегатов и вернуть им их оружие. Делегация возвратилась в Ростов.

Немцы подготовляли наступление на Ростов контрреволюционных казачьих частей генерала Щербакова, занявшего Новочеркасск. Оставаться в Ростове было нельзя. Пришлось эвакуироваться в Батайск, а затем к Тихорецкой, чтобы оттуда пробраться в Царицын. 8 мая 1918 г. после сильных боев германо-австрийские войска совместно с белоказаками заняли Ростов-на-Дону.

16 мая немецкий наймит генерал Краснов стал атаманом «всевеликого войска донского».

На станции Тихорецкой Серго Орджоникидзе был задержан Сорокиным, командующим частями Северокавказской Красной армии на батайском фронте. Сорокин отказался пропустить Орджоникидзе в Царицын. Только после резкого требования Орджоникидзе Сорокин, испугавшись столкновения с советским правительством, пропустил его.

Царицын, пролетарская твердыня на юго-востоке России, также переживал тяжелые дни. Город был охвачен кольцом контрреволюционных казачьих восстаний. В штабе Северокавказского военного округа, руководившего обороной Царицына, сидели контрреволюционеры. Начальником штаба был назначенный Троцким полковник Носович, глава контрреволюционного заговора против советской власти, в конце 1918 г. бежавший к белым. Под его руководством в штабе «работала» группа военспецов — бывших офицеров, готовивших заговор против советской власти. С Украины под напором немецких оккупантов вместе с советскими войсками отступали сначала на Ростов, а оттуда на Царицын и отдельные анархистские отряды.

В первые же дни приезда в Царицын Орджоникидзе руководил подавлением контрреволюционного мятежа в городе, поднятого анархистским отрядом Петренко.

Отступая с фронта, бандитский отряд Петренко захватил полтора миллиона денег и на три миллиона ценностей. Отряд этот, насчитывавший около тысячи человек, представлял опасность

для города. Отряду предложили сдать деньги, ценности и оружие. Петренко отказался. 11 мая отряд Петренко и поддержавший его украинский отряд «сибирских анархистов», частично уже разоруженный, подняли мятеж. Они захватили станцию Царицын Владикавказской железной дороги и утром 12 мая открыли по городу пулеметный, а затем и орудийный огонь. Целый день продолжался бой. К ночи мятежники были разбиты.

Большую работу проделал Орджоникидзе по укреплению местной партийной организации. В Царицыне большевистская организация была еще очень молода и недостаточно сплочена. Некоторые ее руководители, и в первую голову С. Минин, впоследствии скатившийся в ряды контрреволюционной троцкистско-зиновьевской банды, допускали серьезнейшие ошибки. Минин, проводивший антипартийную, оппортунистическую линию соглашения с меньшевиками и эсерами, с недоверием и опасением встретил представителя центра — Орджоникидзе и красноармейские части, прибывшие с ним.

Серго сообщил об этих настроениях Ленину и Сталину.

«Положение здесь неважное, — телеграфировал он из Царицына 23 мая, — нужны решительные меры, а местные товарищи слишком дряблы, всякое желание помочь рассматривается как вмешательство в местные дела. На станции стоят шесть маршрутных поездов с хлебом в Москву и не отправляются... Еще раз повторяю, что нужны самые решительные меры — вокруг Царицына бушует контрреволюция»[1].

Серго отдал приказ о строгом учете и распределении хлебных запасов через органы продовольствия. 25 мая на чрезвычайном заседании штаба обороны Орджоникидзе предложил свой план организации борьбы с контрреволюционными бандами, наступавшими на Царицын. Он требовал объединить командование всеми имевшимися в городе советскими войсками. Разработав ряд мер, обеспечивающих оборону города, Орджоникидзе уехал на Кубань, на III Чрезвычайный съезд советов Кубанской области.

Обстановка диктовала необходимость принятия срочных мер. Положение сделалось особо угрожающим в мае 1918 г. Немецкие оккупанты, захватив Ростов-на-Дону, перешли Дон и двинулись на Кубань. Под Батайском они были задержаны отрядами Кубанской Красной армии. Немецкие полки после захвата Крыма, переправившись через Керченский пролив, захватили западную часть Тамани. Революционные отряды остановили и здесь дальнейшее продвижение оккупантов. Под крылышком оккупантов в захваченных ими и пограничных с ними районах начали организовываться контрреволюционные отряды во главе с белыми офицерами. Снабженные немецким командованием оружием, они терроризировали население и вынуждали советское командование распылять свои части. Ушедшая после разгрома под Екатеринодаром на юг Донской области «добровольческая»

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 2, д. 26, л. 12.

армия восстанавливала свои силы. Ее передовые части продолжали нападать на северо-восточные районы Кубани и на северные уезды Ставропольской губернии.

На Черноморье кроме немцев появились и войска грузинских меньшевиков. Меньшевистское правительство Грузии во главе с Ноем Жордания претендовало на Сочинский район. Передовые части так называемой грузинской «народной гвардии» находились на Военно-Грузинской дороге, у селения Казбек, ожидая приказа о наступлении на Владикавказ. Из калмыцких степей на селения ставропольских крестьян нападали бандитские отряды калмыцкого кулачества, организованные князем Тундутовым. По всей территории Северного Кавказа, в особенности в казачьих районах Кубани и Терека, возникали контрреволюционные гнезда. Укрывшееся в станицах и аулах контрреволюционное казачье и горское офицерство вело тайную подготовку к вооруженному восстанию против советской власти. Связанные с «добровольческой» армией генерала Деникина, с «горским правительством», приютившимся в меньшевистской Грузии, с немецкими оккупантами, они ждали наиболее благоприятного момента для выступления, срывая важнейшие мероприятия органов советской власти на Северном Кавказе.

31 мая 1918 г. Совет Народных Комиссаров обратился к трудовым казакам Дона и Кубани со следующим воззванием:

«Трудовые казаки Дона и Кубани!

Великая опасность надвинулась на вас. Враги трудового казачества подняли головы. Бывшие помещики-дворяне и царские генералы хотят захватить на Дону и на Кубани власть в свои руки и предать эти благодатные плодородные области иноземным захватчикам. Бывший генерал Краснов, который в октябре вместе с Керенским шел походом на Петроград, теперь выступает в качестве донского представителя и ведет переговоры со Скоропадским, угнетателем украинских рабочих и крестьян, и с представителями Германской империи.

Знаете ли вы об этом, казаки Дона? Нет, предатели действуют за спиной трудового народа. Они заявляют от вашего имени, будто вы хотите отделиться от России и стать рабами помещиков и капиталистов на подобие Украины. Чтоб вернуть себе дворянское звание, помещичьи земли, генеральские чины, изменники — Красновы готовы продать чужестранным помещикам и капиталистам Вашу родную Донскую землю. А вслед за Доном наступит очередь Кубани, как и других частей Советской республики.

Мы, Совет Народных Комиссаров, заявляем, что Донская область является составной частью Российской Советской Федеративной Республики. Помещики и генералы не имеют права говорить от имени трудового казачества и торговать вашей землей, вашим хлебом и вашей кровью. Поднимитесь, трудовые казаки, как один человек, и заявите, что вы как были, так и остаетесь в братском единении с рабочими и крестьянами всей России.

Совет Народных Комиссаров объявляет бывшего генерала

Краснова, его соратников и союзников врагами народа и ставит их вне закона. Им не должно быть места на свободной земле трудового казачества. Предателям и изменникам — смерть.

Трудовые казаки Дона и Кубани!

Волею рабочих, крестьян и казаков всей России Совет Народных Комиссаров приказывает вам немедленно стать под ружье для защиты вашей земли от предателей и захватчиков. На Советы казачьих депутатов Дона и Кубани мы возлагаем обязанность создания твердой и надежной армии для спасения своей земли и свободы. Каждый трудовой казак обязан по первому призыву своего совета стать под ружье. Мы снабдим вас необходимым снаряжением и вооружением и пошлем вам на помощь братские войска.

Великая опасность надвинулась на вас, казаки Дона и Кубани. Покажите же делом, что вы не хотите быть рабами угнетателей и захватчиков. К оружию, донцы! К оружию, кубанцы! Смерть врагам народа! Гибель предателям!

Да здравствует трудовое казачество!

Да здравствует братский союз рабочих, крестьян и казаков!

Да здравствует Российская Советская Федеративная Республика!

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).
Народный комиссар *И. Сталин*» [1].

Это воззвание призывало казачество на активную борьбу со всеми врагами революции. И донской атаман генерал Краснов, и кубанский атаман полковник Филимонов, и царский генерал Деникин — все они продавали нашу родину иностранным интервентам.

Немцы стали полновластными господами на Дону. В столице Дона — в Новочеркасске хозяйничали два немецких офицера: ротмистры Фрейберг и Энгельс. В Ростове полновластным хозяином был майор Баккенгаузен. Немецкий наймит генерал Краснов тоже проводил политику немецкой военщины.

Немедленно после избрания его донским атаманом кубанское войсковое правительство начало переговоры с Красновым о помощи в борьбе против большевиков. Но генерал Краснов искал для этой цели более солидного союзника, — таковым он считал Деникина. Генерал Деникин тоже был заинтересован в помощи. Однако Деникин, как носитель идеи «единой и неделимой» России, требовал, чтобы донской атаман и донское правительство ему подчинились и чтобы донская армия подчинилась командованию «добровольческой».

28 мая в станице Манычской состоялось свидание генералов Алексеева и Деникина с генералом Красновым.

Генералы Деникин и Алексеев на совещании в Манычской выступали против подчинения задач «добровольческой» армии немецким планам выйти на Волгу и захватить Царицын и заявили

[1] «Правда» № 107 от 31 мая 1918 г.

о твердом решении вновь итти на Кубань, обещая после занятия Кубани помочь Краснову в наступлении на советский Царицын. Полного соглашения между генералами, состоявшими на службе у разных групп интервентов, не было достигнуто. Генерал Деникин обязался только обеспечить тыл донской армии со стороны Кубани, за что потребовал оружия, снаряжения и взаимообразно 6 млн. руб.

«Восстановители» «единой и неделимой» России, изо всех сил вопившие о своей преданности Антанте, не побрезговали для борьбы с большевиками получить оружие и средства из рук немцев. Генералы Деникин и Алексеев прекрасно знали, откуда донской атаман достает оружие и от кого получает он деньги.

Немецкое командование на Украине в свою очередь не препятствовало офицерам отправляться в «добровольческую» армию, пропускало снаряжение на Кубань и для «добровольческой» армии. Даже когда на страницах деникинских газет поднялась кампания против хозяйничания немцев, немцы на это очень слабо реагировали. Они предложили, правда, донскому атаману не давать «добровольческой» армии оружия и снарядов из присылаемых ими на Дон. В Батайске с целью наблюдения за выполнением этого условия была создана немецкая застава. Но немцы прекрасно знали, что Деникин продолжает получать боеприпасы, доставляемые ему из Новочеркасска степью на автомобилях, минуя Батайск и станицу Кагальницкую. Немцы смотрели на это сквозь пальцы. Между немецким командованием и «добровольческой» армией установилось как бы молчаливое соглашение.

За первые полтора месяца (май — июнь) немцы передали Краснову 11 651 трехлинейную винтовку, 46 орудий, 88 пулеметов, 109 104 артиллерийских снаряда и 11 594 721 ружейный патрон. Около трети этого получила «добровольческая» армия.

Донской атаман Краснов, обиженный нападками командования «добровольческой» армии, обвинявшего его в сношениях с немцами, на одном из заседаний войскового круга воскликнул:

«Да, да, господа! Добровольческая армия чиста и непогрешима. Но ведь это я, донской атаман, своими грязными руками беру немецкие снаряды и патроны, омываю их в волнах Тихого Дона и чистенькими передаю добровольческой армии! Весь позор этого дела лежит на мне» [1].

Но эта грызня между двумя контрреволюционными вожаками была грызней единомышленников, стремившихся достичь одной цели — разгромить власть советов.

III ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ НА КУБАНИ

Когда немцы заняли Ростов, ЦИК Кубанской республики создал Чрезвычайный штаб обороны республики.

---

[1] Архив русской революции, т. V, Берлин, 1922 г. *Краснов*, Всевеликое Войско Донское.

Штаб обороны вел подготовку к борьбе с немцами. Помощь в этой борьбе предложили... французы. Англо-французские империалисты боялись, что кубанский хлеб окажет существенную помощь немцам. Представитель французской военной миссии, приехавший в Екатеринодар, поддержал предложение некоторых руководителей Кубанской республики об организации взрыва железнодорожного моста через Дон у Ростова. Представитель военной миссии дал для этой цели взрывчатые материалы и специалистов-подрывников из французских матросов. Был организован специальный поезд. Но когда этот поезд подошел к мосту, мост оказался уже в руках немцев [1].

Немцы пришли на Дон и собирались итти на Кубань с совершенно определенной целью — ликвидировать советскую власть и награбить побольше продовольствия для Германии.

После захвата Ростова кубанские «политики», обретавшиеся у Деникина, послали делегацию к немцам с целью узнать, каковы их дальнейшие планы и намерения. Представитель немецкого командования ответил им, что у немцев «цели исключительно стратегические и диктуются необходимостью прогнать большевиков, изгнанных из пределов Украины, что занятие Ростова-на-Дону... произведено вследствие необходимости обеспечить вывоз из Ростова и его района в Германию продуктов и товаров, закупленных раньше в Ростове путем частных сделок», и что «при наличии кубанского правительства без ведома и согласия последнего никаких шагов по отношению к Кубани Германией предпринято не будет» [2].

Германские империалисты на основе своего украинского и донского опыта хорошо знали, что и кубанские «самостийники» будут просить у них помощи для свержения большевиков. Но связанные с «добровольческой» армией, потерявшие даже видимость самостоятельности, кубанские контрреволюционеры были в полной зависимости от генерала Деникина, а генерал Деникин налаживал связи с немцами через генерала Краснова. К тому же немцы были и сами непрочь захватить Кубань, чтобы воспользоваться ее богатствами. Укрепившись на Дону, они двинулись на Кубань. У Батайска они встретили сопротивление советских кубанских частей. Казалось бы, в этот момент как никогда требовалось единение всех революционных сил. А между тем неожиданно возник серьезный конфликт между Чрезвычайным штабом обороны и ЦИК Кубанской республики с одной стороны и между главкомом Автономовым — с другой, конфликт, чуть не вызвавший братоубийственную войну в советском лагере.

Чрезвычайный штаб обороны был организован постановлением Кубанского ЦИК 29 апреля 1918 г. по докладу Автономова [3]. Штаб создавался для более планомерной и организованной

---

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», документы V тома, п. 10. Воспоминание № 3201, стр. 39.
[2] «Донской край» № 26 от 20 мая 1918 г.
[3] Ростовский облпартархив, фонд документов за 1918 г., д. 125, л. 91.

борьбы с внутренними и внешними врагами и для руководства всеми военными силами советских республик — Кубанской и Черноморской. При общем состоянии дел на Кубани, при бесконтрольном руководстве Автономова военной работой и обостренных отношениях с рядом членов Кубанского ЦИК трения, а затем и конфликт были неизбежны.

Конфликт не получил бы такого развития, если бы за спиной Автономова не стоял Сорокин.

Конфликт начался на другой день после создания Чрезвычайного штаба сначала по мелким вопросам и обострился в середине мая, когда Чрезвычайный штаб, а затем ЦИК постановил сместить Автономова и вместо него назначить главкомом присланного Троцким в Царицын военрука Северокавказского округа генерала Снесарева. Автономову было предложено оставаться на посту до приезда Снесарева. Автономов не подчинился. Подталкиваемый Сорокиным, он дал телеграмму воинским частям об измене, якобы таящейся в Чрезвычайном штабе, и о необходимости арестовать изменников.

В ночь на 21 мая по телеграмме Автономова и Сорокина было арестовано несколько членов Чрезвычайного штаба обороны и Кубано-Черноморского ЦИК. Они были под конвоем препровождены в ЦИК. ЦИК объявил Автономова изменником и освободил арестованных. Обе стороны предъявили друг другу тяжелые обвинения. В воинских частях митинговали — «кто за штаб, кто за Автономова?» Большинство в частях поддерживало Автономова. Автономов не был так непреклонен, как это старались изобразить многочисленные листовки и статьи в газетах.

Тогда же в переговорах по прямому проводу политический комиссар при Автономове т. Гуменый говорил представителю Кубанского ЦИК: «Я глубоко верю, что по недоразумению разыгравшиеся страсти улягутся. Автономов, как я и раньше говорил, для общего дела пойдет на все уступки, лишь бы было это требование более тактично, а не так, как оно вылилось 19 мая» [1].

О конфликте стало известно чрезвычайному комиссару юга России Орджоникидзе. Он в это время находился в Царицыне.

Орджоникидзе послал телеграфный приказ Автономову подчиниться решению.

«Именем Совета народных комиссаров Всероссийской советской республики, в интересах защиты социалистической революции от нашествия контрреволюционных банд отечественного и иноземного происхождения, предписывается Автономову немедленно подчиниться постановлению Штаба обороны, сложить звание главнокомандующего... Всякое противодействие и междоусобица будут рассматриваться как измена и предательство революции» [2].

---

[1] «Известия Кубанского областного исполнительного комитета» № 55 от 25 мая 1918 г., Екатеринодар.

[2] Бюллетень Чрезвычайного штаба обороны Кубано-Черноморской республики № 8 от 25 мая 1918 г.

Автономов немедленно подчинился этому распоряжению. 22 мая Орджоникидзе телеграфировал из Царицына в Москву Ленину: «С Автономовым покончено. Командование уже сдает Калнину. Автономов выедет в Москву, моя просьба его не отталкивать и дать работу Москве. Сам он [как] человек безусловно не заслуживает того, чтобы отбросить от себя. Во всем скандале немало вины и противной стороны...»[1]

В конце мая Орджоникидзе приехал в Екатеринодар и принимал горячее участие в разборе конфликта между ЦИК и Автономовым, обсуждавшегося на III Чрезвычайном съезде советов Кубанской республики.

На Чрезвычайный съезд Кубано-Черноморской республики Сорокин не поехал. На съезде присутствовал один Автономов. Присутствовавшие на съезде представители армии (около 25% общего состава делегатов) поддерживали Автономова. Начались бесконечные прения, пререкания. Страсти кипели. Взаимные обвинения росли, как снежный ком.

Орджоникидзе убедился в том, что виноваты обе стороны. Он добился прекращения раздоров, и это помогло организации дальнейшей борьбы с белыми.

С трибуны съезда Орджоникидзе от имени Совнаркома предложил Автономову отправиться в Москву для доклада правительству о военном положении на Северном Кавказе и о происшедшем конфликте. Автономов подчинился и поехал в Москву. В Москве он дал объяснение и по просьбе Орджоникидзе был снова отправлен на военную работу на Северный Кавказ. Ему было поручено формировать красные части из горских народов. В дальнейшем Автономов под руководством Серго честно сражался с белыми на Северном Кавказе. Вместе с Орджоникидзе в феврале 1919 г. он отступил в горы, где и умер от тифа.

Серго умел использовать для борьбы, для дела революции каждого честного человека. Он находил к каждому человеку свои особые пути. Так было и с Автономовым, который под влиянием Сорокина чуть было не стал на путь измены и предательства, но благодаря Орджоникидзе был сохранен для дальнейшей борьбы.

Открывшийся 28 мая 1918 г. III Чрезвычайный съезд советов Кубано-Черноморской республики и съезд фронтовиков получили приветствие от Ленина и Сталина:

«Совет народных комиссаров шлет братский привет фронтовому съезду и всем представленным там полкам, геройски отстаивающим советскую родину. Совнарком не сомневается, что перед лицом врагов, внешних и внутренних, кующих цепи для трудовых масс, съезд с честью отстоит единство и нерушимость революционных сил Черноморья, Кубани, Дона. Назначая Орджоникидзе нашим представителем на съезде, поручаем ему передать наш горячий привет всем славным борцам-воинам, кровью своей закрепляющим свободу и независимость Советской России. *Ленин. Сталин*»[2].

[1] ЦАКА, д. 118—950, л. 13.
[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 14, д. 3, л. 27.

Руководил съездом Серго Орджоникидзе. На съезд прибыли лидеры «левых» эсеров Камков и Карелин. Вновь встал вопрос о Брестском мире. Эсеровские предатели не случайно приехали на Кубань. До этого они побывали на Дону. На Кубани они рассчитывали найти богатую почву для борьбы с большевиками. Они знали, что по вопросу о Брестском мире они найдут союзников среди местных «левых коммунистов», тем более что немецкие войска стояли у границ Кубани и даже намеревались переступить их.

Однако «левым» эсерам не удалось найти поддержку в массах, несмотря на помощь, которую им оказывали местные «левые коммунисты». Орджоникидзе в своей речи нанес врагам большевистской партии сокрушительный удар. Съезд одобрил Брестский мир и принял решение об оказании помощи Советской России хлебом. Огромным препятствием на пути укрепления власти советов являлась раздробленность советских республик на Северном Кавказе. В мае 1918 г. кроме Донской советской республики, территория которой почти полностью была захвачена белыми, на Северном Кавказе существовали Кубанская, Черноморская, Терская и Ставропольская советские республики. Раздробленность приводила к распылению сил, к множеству отдельных мелких вооруженных отрядов, к отсутствию надлежащего руководства.

Орджоникидзе боролся на съезде за объединение советских республик Юга. По его предложению съезд утвердил слияние Кубанской и Черноморской республик в единую. В резолюции, принятой съездом, говорилось:

«Для достижения окончательной победы над буржуазией и окончательного укрепления завоеваний социалистической революции и советской власти и для организации успешной совместной борьбы с контрреволюционными бандами, надвигающимися из Германии, Австрии и Турции, необходимы самое тесное объединение всех советских республик между собою и самая тесная связь их с центром.

Отныне Кубанская и Черноморская советские республики сливаются в одну единую Кубано-Черноморскую Советскую Социалистическую Республику как часть великой Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

III Чрезвычайный съезд поручает ЦИК совместно с чрезвычайным комиссаром предпринять немедленно практические шаги для объединения в одну Южнорусскую республику всех республик Юга» [1].

Благодаря Орджоникидзе советская власть на Кубани укрепилась. Был внесен порядок в руководство вооруженными силами республики. Сепаратисты, требовавшие «самостоятельности» Кубанской республики, получили отпор. Из Екатеринодара Орджоникидзе телеграфировал в Москву Ленину и Сталину:

«Инцидент с Автономовым окончательно ликвидирован. Автономов сложил свои полномочия. Временно на его место

---

[1] «Известия Кубанского областного исполнительного комитета» № 62 от 2 июня 1918 г.

чрезвычайным съездом назначен Калнин. Окончательное решение о назначении главнокомандующего предоставлено Вам. Если Снесарев является только специалистом руководителем, подтвердите назначение Калнина. Автономов по сдаче главнокомандования выезжает в Москву. Съезд проходит великолепно. Наша резолюция о текущем моменте принята шестьюстами двенадцатью голосами. За резолюцию левых подано двести тридцать четыре... *Орджоникидзе*» [1].

Вернувшись в Царицын, Орджоникидзе поднял вопрос о необходимости переезда ЦИК Донской республики, эвакуировавшегося из Ростова в Царицын, в пределы Донской республики. Этого требовали соображения политического характера. Отдаленность правительства Донской республики от ее территории и слабая связь с коренным казачьим населением играли наруку казачьей контрреволюции. Было решено, что ЦИК Донской республики переедет в станицу Великокняжескую (Сальский округ).

6 июня в Царицын приехал Сталин, назначенный Советом Народных Комиссаров руководителем продовольственного дела на юге России. Необходимо было дать хлеб голодающим рабочим Москвы и Петрограда, накормить Красную Армию. Судьба революции была вручена Сталину.

Сталин развернул огромную работу, чтобы обеспечить хлебом жизненные центры страны и Красную Армию. Орджоникидзе помогал ему в выполнении этой грандиозной задачи.

Товарищ Сталин придавал огромное значение борьбе, происходившей на Северном Кавказе. Северный Кавказ был не только житницей Советской России—через него проходили основные пути, по которым шло в центр продовольствие. Находясь в пути из Москвы в Царицын, 5 июня из Грязей Сталин телеграфировал Ленину о необходимости исправления линии Хасав-Юрт—Петровск и постройки новой железнодорожной линии Кизляр—пристань Брянская на Каспийском море. Постройка этой линии значительно ускорила бы продвижение хлеба на север. Представлялась возможность использовать морской путь до Астрахани, а из Астрахани по Волге и по линии железной дороги Астрахань—Саратов—Москва. Постройка ветки Кизляр—Брянская началась. Но уже через месяц строительство было прервано вследствие нападения белых на Кизляр и осады его.

На Царицын — опорную базу революции на юго-востоке России — надвигались грозные силы.

Царицын сделался важнейшим стратегическим пунктом развернувшейся в стране классовой борьбы. Он приобретал огромное военное значение. По планам белых, взятие Царицына должно было сомкнуть фронт казачьей контрреволюции с чехословацким фронтом на Волге и в Заволжье.

На Царицын двигались белые казачьи дивизии генералов Фицхелаурова и Мамонтова, посланные генералом Красновым. Го-

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 24, ч. I, л. 155.

род был в кольце контрреволюционных казачьих восстаний. В самом городе назревал контрреволюционный заговор.

Сталин твердой большевистской рукой раздавил контрреволюционный заговор. Он организовал оборону Царицына, непосредственно став во главе Военного совета.

В этой борьбе Сталин имел помощника и соратника в лице Ворошилова, подошедшего к Царицыну во главе армии донецких шахтеров и украинской крестьянской бедноты. Ворошиловская колонна, пробиваясь с Украины, захваченной немецкими оккупантами, прошла с боями около 700 километров через контрреволюционный Дон.

С первых же дней своего приезда Сталин уделял большое внимание работе среди трудового казачества Дона. В царицынской газете «Борьба» мы находим следующее извещение, подписанное Сталиным и Орджоникидзе:

«Великокняжеская, ЦИК Дона, Котельниково, Кущевка, Каменская, Михайловская, Морозовская, всем окружным исполкомам казачье-крестьянской Донской республики.

Царицын. 17 июня 1918 года.

В виду важности переживаемого момента и неотложности вопросов, стоящих перед трудовыми массами Донской области, мы решили созвать экстренное совещание представителей округов области на 24 июня. Приглашаются с решающим голосом по три представителя от исполкомов всех округов Донской области. Место совещания — Великокняжеская. Просьба довести до сведения округов, временно занятых контрреволюционными бандами.

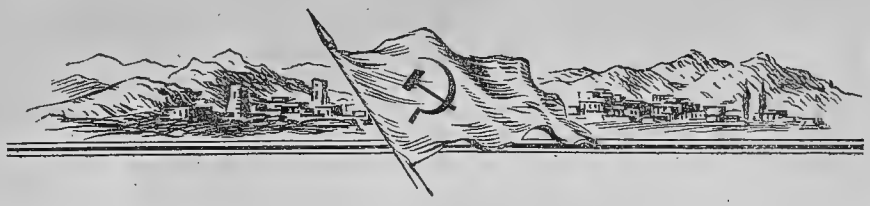
Член Совета народных комиссаров

Народный комиссар *Сталин*.

Чрезвычайный комиссар Юга России *С. Орджоникидзе*» [1].

В этот же день Орджоникидзе по заданию товарища Сталина выехал на Кубань. Через несколько дней начавшееся наступление войск генерала Деникина перерезало железнодорожную линию Царицын — Тихорецкая. Орджоникидзе остался на Кубани, где новому походу генерала Деникина предшествовала трагедия гибели Черноморского флота.

[1] *Орджоникидзе*, Избранные статьи и речи 1911—1937 гг., стр. 33, Госполитиздат, 1939 г.



ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОТОПЛЕНИЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА В НОВОРОССИЙСКЕ

☆

УХОД ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА ИЗ СЕВАСТОПОЛЯ В НОВОРОССИЙСК

Утром 1 мая 1918 г. из Севастополя в Новороссийск прибыла флотилия миноносцев: «Пронзительный», «Керчь», «Калиакрия», «Пылкий», «Поспешный», «Громкий», «Хаджи-бей», «Живой», «Жаркий», «Лейтенант Шестаков», «Капитан-лейтенант Баранов», «Сметливый» и «Стремительный». В ночь на 2 мая к ним присоединились прибывшие оттуда же линкоры «Воля», «Свободная Россия» и миноносцы «Дерзкий», «Беспокойный» и «Фидониси» [1]. С ними прибыла часть транспортных судов и быстроходных катеров.

Это была бо́льшая часть Черноморского флота, вынужденного покинуть свою стоянку в Севастополе и по приказу советского правительства уйти в Новороссийск.

Следующие обстоятельства вынудили флот покинуть Севастополь.

Двойное предательство Троцкого во время мирных переговоров в Бресте облегчило австро-германским империалистам захват Украины. Троцкий вопреки решению ЦК отказался подписать мир. Немцы начали наступление. Предатель Троцкий в Бресте признал правомочной делегацию контрреволюционной Центральной рады, в то время когда на Украине уже образовалось украинское советское правительство.

---

[1] Центральный государственный военно-морской архив, ф. 29, д. 77, л. 2, Ленинград.

Весной 1918 г. немцы оккупировали Украину и подходили к Крыму. Сюда прежде всего влекла их первоклассная морская крепость Севастополь и Черноморский военный флот. Захватив город и военный флот, немцы стали бы полными господами положения на юге России. Это позволило бы им хозяйничать на Черном море и держать под угрозой Кавказское побережье, где они могли оказать существенную помощь своим союзникам туркам в оккупации Закавказья.

Когда немецкие войска, заняв Украину, подходили к Крыму, предатель Троцкий обманывал общественное мнение нашей страны, заявляя на страницах печати, что по четвертому Универсалу Рады Крым якобы не входит в пределы Украины и что наступление германо-гайдамацких войск не может угрожать Севастополю.

Возможность наступления немцев на Крым и угроза флоту еще в марте были правильно оценены одним из руководителей морского ведомства, т. Альтфатером [1].

26 марта в разговоре по прямому проводу с исполнявшим обязанности командующего Черноморским флотом адмиралом Саблиным он поставил перед ним вопрос об эвакуации флота из Севастополя в Новороссийск [2].

На другой день, 27 марта черноморскому Центрофлоту и адмиралу Саблину было предложено приступить к вывозу запасов и имущества флота и подготовить флот к переходу по первому требованию в Новороссийск [3].

Эсеры, стоявшие во главе Центрофлота, саботировали это распоряжение. Они прервали связь с центром. Севастопольская радиостанция отказывалась принимать радиотелеграммы Народного комиссариата по военно-морским делам [4].

Между тем немцы подготовляли наступление на Крым. Чтобы обеспечить наступление немцев, Центральная рада заявила претензии на Крымский полуостров и в том числе на Севастополь, как на территорию Украины. Отношения между Центральной радой и Советской Россией были и без того натянуты. Центральная рада, заняв враждебную позицию к пролетарской революции, стала одним из центров организации антисоветских сил. Украинская буржуазно-националистическая контрреволюция сама мечтала о захвате черноморских портов Крыма и военного флота, чтобы осуществить свои мечты о «Великой Украине».

Приближение немцев к Крыму поставило флот в тяжелое положение. Выход был один — уйти из Севастополя в один из черноморских портов Советской России. Но это правильное решение

---

[1] *Альтфатер* — бывший адмирал царского флота, один из первых перешел на сторону советской власти и преданно служил своей родине. Умер в 1919 г.

[2] Центральный государственный военно-морской архив, ф. 347, д. 92, л. 9.

[3] *Там же*, л. 14.

[4] *Там же*, л. 31.

встретило резкое сопротивление большей части командного состава и некоторой части матросов.

23 апреля советское правительство предложило Саблину оказать энергичное сопротивление захвату Севастополя немцами, в случае невозможности удержать Севастополь — перейти в Новороссийск, уничтожив остающиеся в Севастополе суда и имущество [1].

Одновременно адмирал Саблин был назначен командующим морскими силами Черного моря, а председатель Центрофлота эсер Кнорус — главным комиссаром флота с чрезвычайными полномочиями. Саблин отказался вступить в командование флотом, заявив в телеграфном ответе, что «современная организация флота, декретированная рядом распоряжений правительства, не дает возможности осуществить какие бы то ни было чрезвычайные полномочия» и что во главе флота не на месте моряк, «который никогда не занимался политикой» [2]. Кнорус также отказался вступить в должность комиссара флота.

Контрреволюционно настроенное офицерство предпочитало сдать флот врагам — немцам, чем оставить его Советской России. Этих офицеров поддержала часть матросов флота. Такие настроения в матросской массе объясняются особенностями личного состава матросов Черноморского флота, который, в отличие от Балтийского флота, пополнялся не из рабочей среды, а из крестьянской молодежи южных губерний: Екатеринославской, Киевской, Полтавской, Харьковской и др. Среди них была большая прослойка выходцев из кулацких и зажиточных семей. После победы Февральской буржуазно-демократической революции во флоте сильно было влияние эсеров. Характерно, что царский адмирал Колчак и после падения самодержавия продолжал оставаться на своем посту. Он нашел полную поддержку у соглашателей и сам их поддерживал.

Черноморский флот был оторван от революционных центров страны. Значительная часть матросов и после победы Октябрьской социалистической революции продолжала итти за соглашателями. Среди матросов существовали три политические группировки: 1) группа большевиков и часть матросов, которая безоговорочно шла за ними; 2) группа матросов, сторонников Украинской центральной рады, боровшаяся под руководством представителя Центральной рады за оставление флота в Севастополе (основное ядро этой группы находилось на крейсере «Память Меркурия»), и 3) группа, настроенная эсеровски. Часть этой группы была за оставление флота в Севастополе. Впоследствии значительное большинство этой группы ушло в Новороссийск и в самые ответственные дни дезертировало. После потопления флота многие из них влились в Москве в отряд

---

[1] Центральный государственный военно-морской архив, ф. 342, д. 92, л. 10.

[2] *Там же*, л. 112—113.

«левого» эсера Попова, одного из организаторов мятежа «левых» эсеров 6 июля 1918 г.

Небольшой группе матросов-большевиков, поддержанной революционно настроенными матросами и командирами, приходилось вести борьбу с контрреволюционным офицерством и соглашательской мелкобуржуазной массой. Черноморский Центрофлот, выборный руководящий орган флота, вел предательскую политику заигрывания с контрреволюционным офицерством и с Центральной радой, пытавшейся захватить Севастополь и флот.

25 апреля 1918 г. на массовых митингах обсуждалась телеграмма советского правительства о немедленной эвакуации флота. Было высказано три мнения: 1) эвакуироваться, 2) поднять украинский флаг и передать себя «украинской державе», т. е. Центральной раде, и 3) против немедленной эвакуации, но за вооруженную борьбу с немцами до последней возможности.

В эти дни, когда решался вопрос о судьбе Черноморского флота, матросские отряды сдерживали наступление немцев на подступах к Севастополю.

Немцам удалось прорвать фронт у Альмы и занять станцию Инкерман. Немецкие пушки господствовали над Севастопольской бухтой — стоянкой Черноморского флота.

29 апреля на линкоре «Воля» состоялось общеделегатское совещание флота. Под влиянием провокационных элементов было решено передать флот Центральной раде, управление флотом — адмиралу Саблину. Бывший царский адмирал — правая рука Колчака, — в свое время отказавшийся выполнить приказ советского правительства о вступлении в командование флотом, принял это командование, лишь когда флот фактически переходил к немцам.

Часть судов, в том числе оба линкора подняли украинские националистические флаги. На штабном корабле был поднят сигнал: «Вступил в командование украинским Черноморским флотом, адмирал Саблин»[1].

Большинство миноносцев продолжало оставаться под красными флагами. Миноносец «Керчь» поднял сигнал: «Позор и продажа флота»[2].

Адмирал Саблин послал Центральной раде радиограмму: «Сего числа Севастопольская крепость и флот, находящийся в Севастополе, подняли украинские флаги. В командование флотом вступил контр-адмирал Саблин. № 3»[3].

Одновременно Саблин сообщил командующему германскими войсками в Крыму генералу фон-Кошу, что им послана в Симферополь делегация для переговоров. Переговоры, по его мнению, должны были приостановить немецкое наступление и захват Севастополя.

---

[1] *Жуков*, Черноморский флот в революции 1917—1918 гг., стр. 219, Москва, 1932 г.

[2] Центральный государственный военно-морской архив, ф. 29, д. 77, л. 2.

[3] «Пролетарская революция» № 2 за 1925 г., стр. 181.

Но не успела еще делегация приехать в Симферополь, как немецкие генералы потребовали от «командующего Украинским флотом» Саблина, чтобы он приказал Керчи и Керченской крепости, а также судам, стоявшим в Керченском порту, поднять украинские флаги. Немцы дали всего несколько часов сроку — до 8 часов утра 30 апреля[1]. Это был ультиматум, полностью раскрывавший карты немецких интервентов. Они стремились захватить Крымский полуостров и Черноморский флот.

Команда миноносца «Керчь» взяла на себя инициативу организовать уход судов в Новороссийск. На делегатском собрании флота большинство делегатов высказалось за уход флота из Севастополя. Собравшиеся командиры кораблей, решившие уйти в Новороссийск, выбрали начальника (отряда) и его помощника.

Команды линкоров «Воля» и «Свободная Россия», находившиеся под влиянием украинских националистов, заявили, что они не выпустят суда из бухты. В случае попытки уйти они грозили потопить их огнем артиллерии. Команды готовых к отплытию миноносцев в свою очередь предупредили линкоры, что при первом же выстреле в них будут пущены мины.

29 апреля в 11 часов 30 минут вечера флотилия эсминцев, миновав боновые заграждения, вышла из Южной бухты в море и двинулась к Новороссийску[2].

Вечером 30 апреля в Севастополь вернулась делегация, ездившая в Симферополь для переговоров с немецким командованием.

Генерал Кош открыто подтвердил намерение немцев захватить Севастополь, разоружить флот и расформировать его личный состав. Немецкие передовые части подходили к Севастополю. Ультиматум германского генерала вызвал возмущение колебавшейся до того времени матросской массы. Матросы на кораблях начали спускать украинские флаги, заменяя их красными, советскими.

Адмирал Саблин, видя растущее возмущение матросов, их твердое решение последовать за ушедшей из Севастополя частью эскадры, приказал спустить как украинские, так и советские флаги и поднять царский андреевский военно-морской флаг.

Под «нейтральным» андреевским флагом адмирал Саблин решил увести в Новороссийск оставшиеся в Севастополе корабли.

30 апреля в 23 часа первыми к выходу из бухты двинулись миноносцы «Дерзкий», «Беспокойный» и «Гневный». Немцы заметили уход судов и открыли по ним сильный орудийный и пулеметный огонь. Миноносцам «Дерзкому» и «Беспокойному» удалось выйти из-под обстрела и уйти в море. Шедший позади миноносец «Гневный» попал под огонь немцев. Маневрируя, чтобы избежать попадания снарядов, он наскочил на боновые заграждения. Так как заградительный огонь немцев не давал возмож-

---

[1] «Пролетарская революция» № 2 за 1925 г., стр. 181.

[2] Центральный государственный военно-морской архив, ф. 29, д. 77, л. 2.

ности прорваться через боновые заграждения в открытое море, «Гневный» повернул в Северную бухту и с полного хода выбросился на берег. Чтобы враги не воспользовались судном, команда эсминца открыла кингстоны, подорвала машину судна и покинула судно. Так же поступила команда миноносца «Заветный». Матросы затопили судно в порту. Подводные лодки не успели выйти в море и вернулись в Южную бухту. Команды также покинули подводные лодки, предварительно испортив их важнейшие механизмы.

Под градом пуль и снарядов благополучно вышли в море линкоры «Воля» и «Свободная Россия». Несмотря на то, что на «Свободной России» было уже ранено 5 человек, адмирал Саблин, к величайшему возмущению команды, категорически запретил отвечать на нападение немцев.

В Новороссийске обе части флота соединились.

ПОТОПЛЕНИЕ ФЛОТА

После прибытия судов Черноморского флота из Севастополя в Новороссийск 2 мая на крейсере «Император Траян» было созвано общегородское собрание флота. Собрание решило передать объединенное командование флотом адмиралу Саблину. Этого всячески добивался Центрофлот. Адмирал согласился принять командование, но предъявил следующие требования:

«1) избрание командующего флотом должно быть произведено не делегатским собранием, а референдумом всего флота; 2) все нежелающие избрания командующего с единоличной властью должны покинуть корабли, хотя бы для этой цели пришлось вывести из строя некоторые суда за недостатком команды; 3) командующему должна быть предоставлена единоличная власть на основании морского устава и законоположения военного времени; 4) командующему должно быть предоставлено право по личному усмотрению отдавать под суд всех провинившихся лиц без исключения по служебным дисциплинарным поступкам, каковой суд должен быть образован при штабе флота; 5) во флоте должно быть отменено всякое выборное начало и 6) самое главное условие для принятия флота под свое командование — поднятие на всех судах андреевского флага»[1].

Этот ультиматум, выражавший отказ подчиниться советской власти и направленный на борьбу с революционными элементами во флоте, был принят 3 мая 1918 г. 2 433 голосами против 237. От голосования воздержалась почти половина состава присутствовавших 5 тыс. человек[2].

На настроение команд, и без того недостаточно устойчивое, повлияла тяжелая обстановка, заставившая флот уйти из Севастополя, и не менее тяжелая обстановка, в которую он попал в Новороссийске. Два десятка боевых кораблей очутились

[1] *Жуков*, Черноморский флот в революции 1917—1918 гг., стр. 230.
[2] *Там же.*

в торговом порту, предназначенном главным образом для экспорта хлеба и совершенно не приспособленном для самого примитивного обслуживания военного флота. Не было угля, не было нефти, боевой запас остался в Севастополе — пополнить его было неоткуда. Не было также и ремонтных средств, а самое главное — германская военщина вовсе не отказалась от попытки захватить флот, ускользнувший от нее из Севастополя.

Над кораблями ежедневно летали немецкие гидропланы, у выхода в открытое море стояли немецкие подводные лодки, а немецкая пехота, захватив Керченский полуостров, готовилась к высадке на Тамань, чтобы берегом подойти к Новороссийску.

Сыграло свою роль и не особенно дружелюбное отношение к командам кораблей некоторых представителей советской власти в Новороссийске. Этим воспользовался адмирал Саблин и группировавшееся вокруг него контрреволюционное офицерство.

Адмирал Саблин приказал поднять на кораблях царский андреевский флаг. Бывший царский адмирал, а впоследствии деникинский и врангелевский сподвижник, чувствуя свою силу, заговорил своим настоящим языком.

По требованию Саблина из новороссийской тюрьмы было освобождено около 50 офицеров-корниловцев, часть из них он зачислил в команду линкора «Воля», на котором находился он сам. Усилилась контрреволюционная деятельность группировавшихся вокруг него офицеров, в том числе командира «Воли» капитана 1-го ранга Тихменева — правой руки Саблина.

Враги поднимали голову. Кубано-Черноморский ЦИК телеграфировал в Москву Ленину, что контрреволюционная деятельность Саблина ослабляет обороноспособность Кубано-Черноморской республики. Кубано-Черноморский ЦИК требовал отстранения Саблина от командования флотом и предания его суду[1].

Партийный большевистский комитет и Новороссийский совет, чтобы вырвать матросов из-под влияния контрреволюционных офицеров, провели на берегу ряд митингов (на кораблях митинги были запрещены). Однако здесь были допущены ошибки. Агитированные матросы бросали корабли и уходили на фронт. Это еще более ослабляло позицию той части команд кораблей, которая боролась против Саблина и его контрреволюционной клики.

Положение ухудшалось с каждым днем. У флота осталось только два выхода: или отдать себя в руки немцев или погибнуть, вернее, потопить суда, чтобы они не попали врагам.

Вскоре немецкое командование само помогло внести полную ясность в положение флота.

11 мая главнокомандующий германскими войсками на восточном фронте предъявил Наркоминделу ультиматум с требованием немедленного возвращения Черноморского флота в Севастополь[2].

---

[1] Центральный государственный военно-морской архив, ф. 342, д. 92, л. 196.

[2] *Там же*, л. 9.

Немцы мотивировали свой ультиматум тем, что Черноморский флот принимал участие в боях против германских войск на Украине.

12 мая главнокомандующий германскими оккупационными войсками на Украине фельдмаршал Эйхгорн послал в Новороссийск, в адрес Саблина, телеграмму. В телеграмме указывалось, что суда Черноморского флота, ушедшие в Новороссийск, якобы нарушают Брест-Литовский мирный договор, принимая участие в борьбе против германских войск на Украине; он требовал немедленного их возвращения в Севастополь, где они будут задержаны. Никаких дальнейших переговоров германское командование вести не будет до тех пор, пока суда не вернутся в Севастополь. «Если эти требования не могут быть исполнены, то главнокомандующий восточным фронтом вынужден будет продолжать наступательные действия по побережью Черного моря против судов Черноморского флота, вышедших из Севастополя»[1]. Саблин затеял было телеграфную переписку с Эйхгорном, но на свои телеграммы ответа из Киева не получил.

Между тем немецкое командование деятельно готовилось к захвату флота. На Керченском полуострове шли приготовления к переправе на Кубань. Немецкие подводные лодки в надводном положении, открыто, на виду у флота дежурили при выходе из Новороссийской бухты. Германские гидропланы летали над флотом, снижаясь до 400—500 метров. 20 мая турецкий крейсер «Гамидие» обстреливал побережье. Суда батареи не отвечали на провокационные выходки немцев. Обстановка требовала принятия срочного решения. Ленин настаивал на немедленном уничтожении флота в Новороссийске, чтобы не отдать его врагу. 28 мая Совнарком послал командующему Черноморским флотом Саблину и главному комиссару флота следующую директиву:

«Ввиду явных намерений Германии захватить суда Черноморского флота, находящиеся в Новороссийске, и невозможности обеспечить Новороссийск с сухого пути или перевода судов в другой порт, Совет Народных Комиссаров по представлению Высшего военного совета, приказывает Вам с получением сего уничтожить все суда Черноморского флота и коммерческие пароходы, находящиеся в Новороссийске»[2].

Совнарком, не доверяя ни Саблину, ни комиссару флота, для выполнения этого постановления командировал в Новороссийск члена коллегии морского комиссариата Вахрамеева. Было договорено, что если обстоятельства позволят Совнаркому отменить его решение о потоплении флота, то Вахрамеев будет извещен условной телеграммой.

Посылка специального уполномоченного для проведения в жизнь решения Совнаркома в тех условиях была необходима. Позиция

---

[1] Центральный государственный военно-морской архив, ф. 342, д. 92, л. 141—142.

[2] «Морской сборник» № 6 за 1938 г., стр. 73.

Саблина и большинства офицеров флота была известна. Комиссар флота Глебов-Авилов, сменивший арестованного за антисоветскую деятельность «левого» эсера Спиро, мало чем от него отличался. Троцкист, бывший межрайонец, он был ярым врагом Брестского мира и не менее ярым противником потопления флота. В Новороссийске он нашел единомышленников среди отдельных руководителей местного партийного комитета и совета из числа троцкистов и «левых коммунистов», также выступавших против потопления флота.

Вахрамеев, как показали дальнейшие события, оказался не на высоте своего положения и далеко не оправдал доверия Совнаркома.

2 июня Вахрамеев приехал в Новороссийск и сообщил адмиралу Саблину о цели своего приезда[1]. Саблин заявил, что он не приведет в исполнение приказа Совнаркома и поедет в Москву для личного доклада правительству. На созванном на другой день совещании комиссаров судов и флагманов большинство высказалось за выполнение приказа Совнаркома. Резко возражал против потопления флота командир линкора «Воля» капитан 1-го ранга Тихменев. Присутствовавший на совещании адмирал Саблин еще раз заявил, что он отказывается привести в исполнение приказ Совнаркома.

6 июня Саблин уехал в Москву, а Тихменев вступил в командование флотом.

Тихменев сумел добиться отказа большинства флагманов от принятого решения, и когда Вахрамеев предложил заняться технической подготовкой к потоплению, то он получил отказ, мотивированный настроением команд флота.

Большинство команд судов было за потопление кораблей, а не за отдачу их немцам. Матросы и часть командиров видели, что другого исхода нет. Но влияние командного состава, а также неправильная позиция, занятая Новороссийским советом и ЦИК Кубано-Черноморской республики, выступавшими против потопления флота, совершенно дезориентировали матросскую массу и создали огромные трудности для выполнения приказа Совнаркома.

В составе Новороссийского совета была группа «левых коммунистов», она встретила Вахрамеева в штыки и всячески мешала выполнению его задачи. Представители совета на матросских митингах выступали против Вахрамеева, объявляя его чуть ли не изменником.

Вследствие давления со стороны лидеров «левых коммунистов» в ЦИК Кубано-Черноморской республики и приехавших на Кубань из Москвы лидеров партии «левых» эсеров — Камкова, Карелина и др., стремившихся сорвать Брестский мир, Новороссийский совет поддался на провокационную удочку.

На экстренном заседании Новороссийского совета рабочих и

---

[1] Центральный государственный военно-морской архив, ф. 418, д. 25013, л. 59.

крестьянских депутатов было принято следующее решение: «Потопление флота явится ударом по советской власти на Кубани, что отразится в свою очередь на власти советов на севере, так как лишит еще одного источника снабжения; почему советы признают необходимым флот в Севастополь не выводить и пока не уничтожать, а призвать все трудовые массы к самой энергичной и решительной защите революции и завоеванных Октябрьским переворотом свобод»[1].

5 июня делегатское собрание флота после бурного обсуждения доклада Вахрамеева решило выполнить приказ Совнаркома, предварительно проведя референдум во всем флоте. Проходившие под руководством Тихменева вторичные совещания флагманов 7 июня еще раз подтвердили, что от командного состава флота нельзя ожидать выполнения приказа.

Из Москвы, куда Вахрамеев докладывал о положении дел, настойчиво требовали немедленного проведения в жизнь приказа Совнаркома. Положение осложнялось. Германское правительство заявило народному комиссару иностранных дел, что оно ожидает ответа на свой ультиматум до 14 июня.

9 июня Вахрамееву в Новороссийск была послана следующая телеграмма:

«Так как срок немецкого ультиматума истекает 14 июня и так как флот защитить себя не в силах, то единственным исходом является своевременное уничтожение судов. Ввиду германского ультиматума правительство сочло себя вынужденным формально согласиться на возвращение судов в Севастополь. В этом смысле вам будет послан нешифрованный телеграфный приказ, но вы обязуетесь его не исполнять и считаться только с отданными ранее предписаниями, и с настоящей телеграммой флот должен быть уничтожен. Моряки обязаны понять, что правительство решается на эту страшную меру только потому, что другого исхода нет»[2].

Получив эту телеграмму 10 июня, Вахрамеев устроил совещание с Тихменевым и флагманами. Требовалось еще до получения ожидаемой телеграммы о переходе в Севастополь потопить флот. Это позволило бы избегнуть ряда тяжелых недоразумений, неизбежных в сложившейся обстановке. Однако контрреволюционная верхушка флота затягивала решение вопроса, решив использовать момент и увести флот из Новороссийска.

Утром 11 июня состоялось делегатское собрание флота. Председательствовал Тихменев. Собравшимся были зачитаны все телеграммы из центра, кроме последней секретной телеграммы. Тихменев этим воспользовался. Заявив, что от собрания скрыта важная телеграмма, он зачитал последнюю телеграмму. Тихменев добился того, на что рассчитывал. Вспыхнули бурные прения. По адресу Вахрамеева посыпались угрозы. Собрание затянулось допоздна. К вечеру была получена из Москвы ожидаемая

---

[1] «Пятигорское эхо» № 127 от 13 июня 1918 г.

[2] *Жуков*, Черноморский флот в революции 1917—1918 гг., стр. 252.

телеграмма с предложением принять меры к переводу флота из Новороссийска в Севастополь и закончить его не позже 19 июня.

Вахрамееву и другим сторонникам потопления флота все же удалось убедить делегатское собрание в необходимости потопить флот. За потопление голосовало 76 человек, против — 20, воздержалось 8[1].

После окончания делегатского собрания был организован референдум во всем флоте. Результаты референдума были таковы: 700 человек — против потопления, 600 — за потопление, 600 воздержалось. За уход в Севастополь не голосовал никто[2].

12 июня Вахрамеев поехал в Екатеринодар и поставил вопрос о судьбе флота на заседании ЦИК Кубано-Черноморской республики. Но большинство членов ЦИК высказалось против потопления флота и отказывалось выполнить предписание центрального советского правительства.

Решение ЦИК Кубано-Черноморской республики еще раз продемонстрировало контрреволюционный характер деятельности «левых коммунистов» и «левых» эсеров. Они открыто, провокационно сопротивлялись выполнению директивы центральной власти. Была и другая группа руководящих работников Кубано-Черноморской республики, которая не осознала, что потопление флота является единственным выходом из создавшегося положения — в противном случае флот попадет врагу. Их заблуждение усиливало предательскую позицию «левых коммунистов» и «левых» эсеров в вопросе о судьбе флота.

Положение в Новороссийске ухудшалось с каждым часом. Еще более осложнилось оно вследствие того, что комиссар флота Глебов-Авилов предательски оставил Новороссийск 12 июня. Уехал из Новороссийска и Вахрамеев. Предоставленные самим себе, матросы, среди которых было много анархистских элементов, бушевали.

Группа матросов-анархистов решила: флот не топить, «не подчиняться народным комиссарам, объявить флот не зависящим от советской власти и с черным флагом на корме продолжать дело революции»[3].

Вмешательство и неправильная позиция ЦИК Кубано-Черноморской республики еще больше осложняли дело.

14 июня из Екатеринодара на делегатское собрание представителей судов флота, решавшее вопрос о судьбе флота, прибыл председатель ЦИК Кубано-Черноморской республики Рубин. Рубин пытался добиться решения делегатского собрания не выполнять распоряжения Совнаркома о потоплении флота. Он уверял матросов, что Северокавказская армия под Батайском успешно сражается с немцами и что борьба с ними будет про-

---

[1] *Жуков*, Черноморский флот в революции 1917—1918 гг., стр. 255.
[2] *Там же.*
[3] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», документы V тома. Воспоминания Мокроусова.

должаться, несмотря на требование Совнаркома о немедленном прекращении боевых действий[1].

Кто-то из присутствовавших задал Рубину вопрос: означает ли его заявление призыв к непризнанию советской власти? Испугавшись прямого вопроса, растерявшийся председатель ЦИК Кубано-Черноморской республики ответил, что неисполнение приказа Совнаркома он не считает фактом непризнания центральной власти, так как вследствие плохой связи и информации центр не знает настоящего положения на Кубани и впоследствии только похвалит за неисполнение своего распоряжения.

Приехавший вместе с Рубиным представитель фронтовых частей Кубано-Черноморской республики заявил, что если флот будет потоплен, то «вся армия в количестве 47 тыс. повернет свой фронт на Новороссийск и подымет всех до одного моряков на свои штыки»[2].

Эти выступления еще больше сбили с толку матросов. Возбужденная матросская масса решила послать делегацию в Екатеринодар, в ЦИК Кубано-Черноморской республики. На этот раз ЦИК заявил делегации, что он не поддерживает выступления и предложения Рубина и что флоту предоставляется самому решить свою судьбу.

В отсутствие Вахрамеева, который, не добившись выполнения приказа Совнаркома, решил поехать в Москву, Тихменев продолжал готовить флот к уходу в Севастополь. Офицерство во главе с Тихменевым разлагало флот. Личный состав флота уменьшался с каждым днем. Росло массовое дезертирство. В голосовании 12 июня из 5 тыс. моряков, прибывших 1 мая в Новороссийск, принимало участие всего 3 500. За несколько последних дней личный состав уменьшился еще более. По приказу Тихменева 16 июня было проведено еще одно тайное поименное голосование. За потопление высказалось около 250, за уход в Севастополь — около 550, около двух тысяч человек воздержалось или проголосовало за «борьбу до последнего конца»[3].

Тихменев заявил, что он исключает все решения, кроме двух (уход в Севастополь или потопление. — *И. Р.*), и, таким образом, считает, что большинство высказалось за уход в Севастополь. На возражение ряда присутствовавших командиров и комиссаров, что большинство воздержавшихся фактически против ухода в Севастополь и эти голоса необходимо принять во внимание, Тихменев ответил приказом готовиться к походу к 9 часам утра 17 июня.

С этого момента Тихменев, не высказывавший до 16 июня открыто своего взгляда, стал действовать быстро и решительно. Оказалось, что Тихменев послал своего курьера к атаману Краснову в Новочеркасск за советом. Немецкий наймит генерал Краснов

---

[1] Центральный государственный военно-морской архив, ф. 29, д. 77, л. 6.
[2] *Там же.*
[3] *Там же*, л. 8.

предложил ему передать флот немцам. Ответ Краснова прибыл 16-го, за несколько часов до объявления результатов голосования.

Корабли, во главе которых стояли офицеры — изменники родины, спешно готовились в предательский рейс. Но в Черноморском флоте были и честные командиры, любившие свою родину, и революционеры-матросы, решившие не сдавать флот врагам.

Командир эсминца «Керчь», получив приказ Тихменева о выступлении в поход 17 июня, заявил команде эсминца, что он решил приказ об уходе в Севастополь не выполнять: «Лучше умереть, чем сдать миноносец «Керчь» германцам в Севастополе или Новороссийске». Вся команда поклялась затопить не только свой миноносец, но и другие корабли и заявила, что ни один человек не уйдет с корабля, не исполнив своего долга.

О всех этих событиях, происходивших в Новороссийске, в Москве не было известно. В эти критические дни Глебов-Авилов и Вахрамеев ничего в Москву не сообщали.

Глебов-Авилов, бежавший из Новороссийска, уже на пути в Москву, из Торговой, связался по прямому проводу с Царицыном и сообщил товарищу Сталину о положении в Новороссийске. Товарищ Сталин потребовал от Глебова-Авилова возвращения в Новороссийск[1], но предатель не послушался.

В Новороссийске дела становились все хуже.

В ночь с 16 на 17 июня началось массовое дезертирство матросов, не желавших итти в Севастополь или принимать участие в потоплении. Дезертировали и офицеры. Утром выяснилось, что из-за недостатка команды только меньшая часть флота сумела развести пары и выйти на рейд для похода в Севастополь. Это были линкор «Воля», на котором находился Тихменев, и эсминцы «Дерзкий», «Беспокойный», «Поспешный, «Пылкий», «Живой», «Жаркий» и «Громкий». Остались в гавани, кроме эсминца «Керчь», эсминцы «Хаджи-бей», «Фидониси», «Калиакрия», «Пронзительный», «Лейтенант Шестаков», «Капитан-лейтенант Баранов», «Сметливый», «Стремительный» и линкор «Свободная Россия»[2]. На последнем к утру 17-го осталось всего 60 человек команды, и он, несмотря на попытки своего командира капитана 2-го ранга Терентьева поднять пары и уйти в Севастополь, остался в гавани.

Когда корабли, уведенные Тихменевым, стали на якорь на внешнем рейде Новороссийска, готовясь уйти в Севастополь, на эсминце «Керчь» был поднят сигнал: «Судам, идущим в Севастополь: позор изменникам России»[3]. Сигнал этот на «Воле» заметили, но Тихменев приказал на него не отвечать.

Из эсминцев, оставшихся в Новороссийске, только «Керчь» имел полный комплект команды (134 человека) да на «Лейтенанте Шестакове» было 35 человек. Все остальные суда имели всего

---

[1] Центральный государственный военно-морской архив, ф. 342, д. 92, л. 215.

[2] *Там же*, л. 241.

[3] *Там же*, ф. 29, д. 77, л. 10.

по нескольку человек команды. Поэтому главную роль в потоплении оставшейся части флота взял на себя эсминец «Керчь».

Поздно вечером 17-го на «Керчи» состоялось совещание, на котором был разработан план потопления. Было решено после ухода флотилии Тихменева вывести на внешний рейд оставшиеся суда, открыть кингстоны, клинкеты и иллюминаторы, подорвать турбины миноносцев и затопить их.

На эсминце «Лейтенант Шестаков» собрали около 60 матросов с разных судов, и он должен был буксировать на внешний рейд суда, оставшиеся без команд.

Днем 17 июня в Новороссийск возвратился Вахрамеев. Он отправился на внешний рейд, где во главе с «Волей» стояли суда, готовые к походу в Севастополь. Переговоры с Тихменевым ничего не дали. Тихменев не захотел даже говорить с Вахрамеевым и предложил ему убраться с корабля.

В ночь с 17 на 18 июня к Вахрамееву явился председатель Новороссийского совета и предложил ему немедленно уехать из города, так как совет только что вынес решение арестовать его и предать смертной казни, как изменника и провокатора. Перепугавшийся Вахрамеев немедленно покинул Новороссийск.

Рано утром 18 июня миноносцы, буксируемые эсминцем «Лейтенант Шестаков», были выведены на рейд. На их мачтах развевался сигнал: «Погибаю, но не сдаюсь»[1]. С этим сигналом корабли должны были итти ко дну. К 4 часам дня все миноносцы и линкор «Свободная Россия» были подготовлены к потоплению.

Первой миной, пущенной миноносцем «Керчь», был взорван «Фидониси». Это было сигналом к взрыву и потоплению остальных миноносцев. Через полчаса на опустевшем рейде остался один гигант-линкор «Свободная Россия». В 4 часа 30 минут миноносец «Керчь» несколькими минными залпами потопил и его.

Страшную картину представлял собой гибнущий гигант. Корабль медленно кренился на правый борт. Мертвая тишина, установившаяся после взрыва мин, вдруг была разорвана грохотом, звоном и треском рушившихся и ломавшихся предметов внутри и снаружи корабля. Шлюпки, паровые лебедки, приборы срывались с мест и летели в воду. Башни 12-дюймовых орудий вырвались из своих гнезд и вместе с гигантскими пушками, срывая все на пути, обрушились в воду. Перевернувшись вверх килем, корабль медленно скрывался под водой, затонув только через 37 минут.

В 6 часов вечера героический миноносец «Керчь» ушел в Туапсе. Подходя к Туапсе в 10 часов вечера, миноносец «Керчь» послал следующую радиограмму:

«Всем. Всем. Погиб, уничтожив те корабли Черноморского флота, которые предпочли гибель позорной сдаче Германии. Эскадренный миноносец «Керчь»[2].

---

[1] Центральный государственный военно-морской архив, ф. 29, д. 77, л. 13.

[2] *Там же*, л. 17.

На рассвете 19 июня вблизи Туапсе был потоплен своей командой миноносец «Керчь», честно, до конца выполнивший свой долг перед родиной.

20 июня в Новороссийск прибыли немецкие крейсеры «Гебен» и «Бреслау» в сопровождении двух миноносцев. Один из них оказался русским миноносцем «Зорким». Он был под германским флагом, но под командой русского офицера[1].

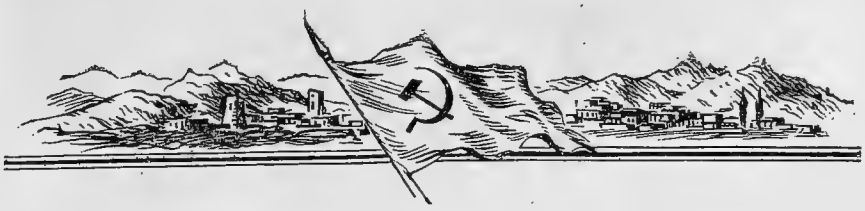
Оккупантов ожидало разочарование. Новороссийский порт и рейд были пусты. Незадолго до прихода немецких кораблей после потопления Черноморского флота были потоплены своими командами несколько торговых и транспортных кораблей союзных держав.

Так закончилась глава из истории Черноморского флота. Славные, героические советские корабли предпочли гибель позорному плену. Предатели и изменники во главе с адмиралом Саблиным и Тихменевым передали часть русских кораблей немцам, а затем Деникину и Врангелю. Врангель, последний белогвардейский авантюрист, разгромленный в ноябре 1920 г. Красной Армией, успел угнать часть военного и торгового флота в Северную Африку, во французский порт Бизерту, где частично на приколе, частично проданные на слом погибли остатки старого Черноморского флота.

[1] Центральный государственный военно-морской архив, ф. 418, д. 24080, л. 5.

III

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1918 г.



ГЛАВА ПЕРВАЯ

БОРЬБА С «ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ» АРМИЕЙ НА КУБАНИ ЛЕТОМ 1918 г.

☆

НОВЫЙ ПОХОД «ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ» АРМИИ НА КУБАНЬ

Расположившись в районе Мечетинская — Кагальник, «добровольческая» армия готовилась к новому наступлению на Кубань. Кубанские политики торопили генералов. К Кубани подбирались немцы. Немецкий десант уже высадился на Тамани. Немецкие полки стояли за Батайском. Для немцев захватить Кубань значило обеспечить себя хлебом. Однако немцы задержались у границ Кубани, потому что их на Кубань не пускал вооруженный народ. Во главе народа стояли большевики, требовавшие соблюдения условий Брестского мира. Руководимые большевиками, рабочие и крестьяне выгнали с Кубани контрреволюционное кубанское краевое правительство и Законодательную раду. Быч, Рябовол, Султан-Шахим-Гирей, Скобцов и другие вожаки кубанской контрреволюции знали, что не придется им хозяйничать на Кубани, если они не найдут сильной поддержки. Они надеялись на генералов Алексеева и Деникина и на возглавлявшуюся ими «добровольческую» армию. Но на «всякий случай» они вели переговоры с Красновым, с гетманом Скоропадским, стремясь заручиться и у них помощью в борьбе против советов.

6 июня кубанский атаман полковник Филимонов подписал соглашение с донским атаманом генералом Красновым о «совместной борьбе Дона и Кубани с советами»[1].

[1] ЦАОР, ф. 447, оп. 1, д. 23, 1918 г., л. 2—7.

Перед кубанскими «самостийниками» стоял вопрос о присоединении к Украине. Но хозяйничанье немецких генералов на Украине и на Дону пугало их. Немецкая военщина грабила Украину и Дон, вызывая лютую ненависть трудящихся. Кубанские «самостийники» рассчитывали, что помощь своих, русских, генералов обойдется дешевле. Свои соображения они высказали на совещании, состоявшемся 20 июня в Новочеркасске, где генерал Алексеев развернул перед ними дальнейшие планы борьбы [1].

Планы эти были выработаны еще в конце мая. Отдохнув и подкрепившись, «добровольческая» армия собиралась начать новый поход в Задонье и на Кубань. Предполагалось овладеть станцией Торговой, прервать железнодорожное сообщение по важнейшей линии Царицын — Тихорецкая и, прикрыв себя таким образом со стороны Царицына, двигаться на Тихорецкую, затем, наступая на север и на юг, захватить Кущевку и Кавказскую. После захвата этих важнейших в стратегическом отношении пунктов двинуться на Екатеринодар.

22 июня «добровольческая» армия отправилась в так называемый второй кубанский поход. К этому времени «добровольческая» армия выросла в довольно крупную боевую силу. В мае генерал Покровский привел конную бригаду из кубанских казаков, сформированную из контрреволюционных казачьих элементов в районе Крыловская — Сосыка — Кущевка. 5 июня к «добровольческой» армии присоединилась бригада полковника Дроздовского. Армия была переформирована. В начале второго кубанского похода ее состав исчислялся восемью с половиной тысячами бойцов.

Ниже мы даем полную картину состава белой армии по сводке штаба «добровольческой» армии на 26 июня 1918 г. (См. таблицу на стр. 175.)

В то время как «добровольческая» армия двинулась на Кубань, повел свои полки на Царицын и генерал Краснов.

Выполняя заранее намеченный план, Деникин бросил свои лучшие полки к железной дороге Царицын — Тихорецкая, к Торговой и Великокняжеской.

23 июня кавалерийские части белых после ожесточенного боя заняли станицы Средне-Егорлыкскую и Ново-Роговскую[2]. Прорвав фронт советских войск, противник двинулся на Лопанку и Лежанку. В тот же день белые заняли и станцию Ремонтную.

25 июня, выйдя к железной дороге, деникинские части захватили станции Торговую и Шаблиевскую. Под Шаблиевской был убит в бою один из крупнейших генералов «добровольческой» армии, сподвижник Корнилова, генерал Марков.

Завязалась упорная борьба между красными частями и деникинской армией.

---

[1] «Новая донская жизнь» № 10 от 8 июня 1919 г.
[2] ЦАКА, д. 207—805, л. 13.

Сведения о боевом составе частей «добровольческой» армии

по состоянию на 26 июня 1918 г. [1]

Наименование частей	*Количество штыков, шашек*	*Количество нестроевых*	*Число пулеметов*	*Число орудий*	*Число патронов*	*Количество снарядов*	*Примечание*
1-я дивизия (генерал Марков)							
1-й Офицерский полк (генерал Марков)	Сведений не поступало						
1-й Кубанский стр. полк	740	87	11	—	100 598		
1-й Отдельный конный	76	8	2	—	12 500		
1-я Отдельная легкая батарея	222	15	2	4	4 552	599	4 заряда
1-я Отдельная инженерная рота	41	10	1	—	2 220		
1-й Конный полк	Сведений не поступало						
Всего	1 079	120	16	4	119 870	599	
2-я дивизия (генерал Боровский)							
Корниловский ударный полк	639	55	9	—	300 000		
Партизанский казачий »	300	40	7	—	30 225		
Пластунский кубанский батальон	242	24	6	—	16 000		
2-я Отдельная легкая батарея	Свед. нет			3	—	21	
2-я Отдельная инженерная рота	60	135	—	—	—	—	
4-й Кубанский казачий полк	384	11	2	—	4 000		
Чехословацкий батальон	44	18	3	—	5 000		
Всего	1 669	283	27	3	355 225	21	
3-я дивизия (генерал Дроздовский)							
2-й Офицерский стрелковый полк	326	186	14	—	32 000	—	
2-й Конный полк	578	110	8	—	14 000	—	
1-й Солдатский полк	455	—	6	—	—	—	
3-я Легкая артиллерийская дивизия	204	4	2	6	1 600	585	
1-я Конно-горная батарея	—	—	—	4	—	—	
1-я Гаубичная батарея	89	2	—	3	—	41	
Всего	1 652	302	30	13	47 600	626	
1-я конная дивизия (генерал Эрдели)							
1-я Бригада, 1-й Кубанский казачий полк	510	20	4	—	12 137	—	
1-й Черкесский полк	491	25	5	—	5 000	—	
2-я Бригада, 2-й Кубанский казачий полк	747	—	6	—	15 122		По сведениям на 15 июня
3-й Кубанский казачий полк	486	35	9	—	10 800		
3-й Кубанский кавалерийский полк	470	22	—	—	22 430		По сведениям на 22 июня
1-й Черноморский полк	571	14	6	—	14 436		
Всего	3 275	116	30	—	79 925	—	
ИТОГО	7 675	821	103	20	602 620	1 246	

[1] Составлены по материалам штаба «добровольческой» армии, находящимся в Ростовском облпартархиве, фонд 1918 г., д. 5.

27 июня советский отряд с боем освободил захваченные белыми станицы Старо-Корсунскую, Ново-Роговскую, Средне-Егорлыкскую [1]. Но напор белых был силен, и наши части вынуждены были отступить.

25 июня генерал Деникин направил свои войска к Великокняжеской; он пытался, двинув части генерала Эрдели к Новоманычской, отрезать красным частям путь к отступлению на Царицын. Маневр Эрдели не удался. Но соединенными усилиями «добровольческих» и донских частей Великокняжеская 28 июня была белыми занята.

Дальше Великокняжеской на Царицын генерал Деникин не пошел и повернул обратно к Торговой, начав наступление на Тихорецкую. Советскими войсками в этом районе командовал Сорокин. После смены Автономова Сорокин был назначен командующим доно-кубанским фронтом. По его приказу доно-кубанский фронт был разбит на следующие участки:

1. *Правый фланг* — район Шамшев — разъезд Койсуг занимала первая колонна в составе 5 тыс. штыков, 500 сабель, одной батареи. Ею командовал один из ближайших сподвижников Сорокина — Черный.

2. *Левый фланг* — от разъезда Койсуг до станицы Кагальник. В состав второй колонны, находившейся на левом фланге, входили: Черноморский революционный полк (800 штыков), 2-й Таганрогский полк (2 тысячи штыков), 1-й Таганрогский полк (900 штыков, 200 сабель), Ростовский отряд (150 штыков), отряд известной анархистки Маруси Никифоровой (350 штыков), Азовский полк (формировался), 2 конных полка (по 250 сабель в каждом), пулеметный полк (25 пулеметов), артиллерийская бригада Скабиневского (6 четырехорудийных батарей легких и одна шестидюймовая гаубица), Тираспольский инженерный батальон (350 штыков), комендантская команда штаба (50 конных), один бронепоезд. Одним из руководителей колонны был большевик, матрос Черноморского флота А. В. Мокроусов.

Отряд революционных матросов Черноморского флота под командованием Мокроусова принимал активное участие в разгроме калединщины и установлении советской власти на Дону. Затем он участвовал в борьбе на Кубани против немцев и «добровольческой» армии.

В районе Ильинка—Екатеринославская находилось около 5 тыс. штыков, 500 сабель, до трех батарей. По линии железной дороги Кущевка — Каял оперировали 3 бронепоезда и автобронеотряд из 6 бронеавтомобилей. Правей этой группы находился отряд советских войск в 8 тыс. человек, с артиллерией и кавалерией [2].

---

[1] ЦАКА, л. 207—805, л. 15.

[2] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», фонд воспоминаний V тома. Воспоминания Мокроусова.

В конце мая немцы при поддержке донских и деникинских частей повели наступление на Батайск и разъезд Койсуг со стороны Ольгинской.

Части батайского фронта оказывали упорное сопротивление объединенным силам немцев и белых. 30 мая немцам удалось занять Батайск, а затем и Койсуг[1].

Сорокин, штаб которого находился в Кущевке, несмотря на неоднократные просьбы о помощи, долго медлил и выслал ее к концу боя, когда исход его был решен не в пользу красных. С этого момента бойцы и командиры стали относиться к Сорокину с недоверием.

Еще до захвата немцами Батайска была попытка высадить красный десант под Таганрогом, зайти в тыл противнику и таким образом заставить немцев отступить от Батайска. Местом высадки был район между Миусским лиманом и Таганрогом. Немцы знали о готовящемся десанте, подпустили его близко и разгромили. Погибло около 6 тыс. человек[2].

Неудачна была также попытка отбить Батайск и Койсуг у немцев, предпринятая левым флангом фронта под командованием т. Мокроусова. Немалую роль здесь сыграли слабая дисциплина и партизанщина в войсках, что было особенно характерно для войск левого фланга, состоявших главным образом из разношерстных отрядов с сильным влиянием анархистов.

«Когда я стал искать виновных, — рассказывает т. Мокроусов, — то оказалось, что командир Черноморского революционного полка притворился контуженным. Он говорил, что опоздал, потому что «часов не було». «Красный полк» говорил, что «ракетов не бачив», ростовский отряд и отряд Никифоровой говорили, что «все побежали, и мы за ними»[3].

Сорокин пытался оказать сопротивление наступлению Деникина. 1 июля его части атаковали заслон «добровольческой» армии в районе Кагальницкая—Мечетинская—Егорлыкская. Завязались упорные бои. Но белые получили подкрепление и заставили советские войска отступить.

На пути к Тихорецкой Деникин с сильными боями и с большими для себя потерями 3 июля взял Песчаноокопскую, а 6 июля — Белую Глину. Белым удалось разбить силы красных благодаря маневренности и фланговым охватам. Маневренность белых резко усиливалась преобладанием в составе их войск конницы. Советские войска использовали лишь лобовые удары, стоившие много жертв. Слаба была советская артиллерия. Все это сказалось на сопротивляемости советских войск.

Взяв Белую Глину, Деникин стал готовить захват Тихорецкой. В Тихорецкой находился штаб главкома северокавказских войск.

---

[1] «Народная мысль» № 6 за 1918 г.

[2] «Южное слово» № 24 за 1918 г.

[3] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», фонд воспоминаний V тома. Воспоминания Мокроусова.

Под его непосредственным командованием в районе Терновская — Тихорецкая находилось около 11 тыс. бойцов при 16 орудиях и 3 бронепоездах.

Южнее, на линии Ильинская—Успенская стоял отряд Думенко. В северо-западной части Ставрополья, в районе Привольное — Медвежье находилось несколько ставропольских партизанских отрядов общей численностью до 4 тыс. человек.

11 июля 2-я дивизия «добровольческой» армии под командованием генерала Боровского заняла Медвежье, а на другой день— Успенскую и Ильинское[1].

12 июля части генерала Эрдели заняли Незамаевскую, а части генерала Кутепова — станицу Камнеболотскую.

13 июля белые атаковали Тихорецкую и к вечеру ее взяли. Потеря Тихорецкой была очень серьезным ударом для советских войск. Поражение тихорецкой группы, отход ее ставил северную группу Сорокина в тяжелое положение. Перед ним стоял вопрос: отступить или дать бой, заставив белых сняться с линии Тихорецкая — Царицын.

За несколько дней до падения Тихорецкой, приблизительно 10 июля, Сорокин собрал в Каяле совещание командного состава фронта. Он сообщил, что тяжелое положение фронта вынуждает сдать Тихорецкую и что командование решило отодвинуть фронт на линию Кореновка—Тимошевка и на запад от нее. Некоторые командиры доказывали, что план, предлагаемый Сорокиным, гибелен для судеб советской власти на Кубани. Очищение Северной Кубани и Приазовья способствовало бы укреплению белых: Деникин получал богатую территорию, источник снабжения своей армии людьми, конским составом, продовольствием.

Оставление Тихорецкой резко ухудшало положение армии еще и потому, что через Тихорецкую она получала боевое питание. Тов. Мокроусов на этом совещании предложил усилить батайский участок, создать из второй колонны ударный кулак, поставив перед ним задачу выйти в тыл белым на Мечетинскую, Средне-Егорлыкскую и Песчанокопскую. Это заставило бы белых оттянуть свои войска с железнодорожной линии Царицын — Тихорецкая и сразу бы облегчило положение советских войск. По мнению ряда командиров, план этот был безусловно выполним. Поддержал его и помощник Сорокина — бывший офицер т. Чернявский[2].

Но Сорокин этого плана не принял и отдал приказ об отступлении на батайском фронте.

Все части фронта Кагальник—Азов—Кулешовка—хутор Шамшев—Ильинка—Екатерининская были переформированы в четыре колонны. Первой колонной командовал Черный, второй — Трацевский, третьей — Щербина и четвертой — Мокроусов. Первые три — ближайшие друзья и сообщники Сорокина.

Отступление началось в середине июля. Первая колонна

---

[1] «Дон» № 30 от 6 июля 1918 г.

[2] Впоследствии расстрелянный Сорокиным «за невыполнение приказа».

отступала на Каял—Шкуринскую—Староминскую. Вторая—через Висляковское поле на Уманскую и Тимошевку. Третья колонна шла из Кущевки вдоль линии железной дороги на Староминскую. Четвертая колонна двинулась на хутор Васильев—Петровский—Кугой — станция Шкуринская—Староминская.

В группе Сорокина было около 30 тыс. бойцов, и она могла бы представлять грозную силу для белых. Но Сорокин уклонялся от боя. Заняв Тихорецкую, белые действовали по четырем направлениям: 1) восточное—на Царицын, вдоль линии железной дороги Тихорецкая — Царицын, 2) юго-восточное направление — Белая Глина—Ставрополь, 3) южное—Тихорецкая—Кавказская, 4) юго-западное — Тихорецкая — Кореновская — Екатеринодар (Черноморская ветка).

Главные силы белых шли на Екатеринодар. Генералам Эрдели и Покровскому и полковнику Кутепову была поставлена задача разбить Сорокина и захватить станцию Кущевку. Генералу Боровскому — взять Кавказскую.

18 июля белые заняли станцию Сосыку на северном участке, Кавказскую — на юге. В районе станции Кисляковской разыгрался сильный бой.

В это же время Шкуро с помощью предателей — эсеров, меньшевиков и кулаков прорвался в Ставропольский уезд.

С медвеженского фронта был вызван в Ставрополь отряд Фомы Шпака. Шпак объединил там все имевшиеся в Ставрополе революционные силы.

Но в ставропольском штабе продолжал работать изменник, бывший генерал Руднев. Он готовил сдачу города белым. Губвоенком Петров попал в плен к Шкуро и был им повешен. Шкуро соединился с Деникиным и был назначен начальником левой колонны деникинской армии. Объединенные силы контрреволюции начали наступление на Ставрополь. Улучив удобный момент, генерал Руднев перешел на сторону противника, захватив с собой план города и сведения о расположении красноармейских частей.

Началась эвакуация Ставрополя. Отряд Фомы Шпака героически сдерживал напор врага. 21 июля Шпак был оттеснен за город. Шкуро и деникинский генерал Слащев заняли Ставрополь. 23 и 24 июля Фома Шпак пытается выбить деникинцев из города. Он врывается в город и заставляет белых отступить. Когда силы деникинцев уже дрогнули и готовы были оставить город, Фома Шпак был убит. Дезорганизованные смертью своего руководителя, красноармейцы отступили.

27 июля погиб еще один руководитель борьбы за советское Ставрополье: банда анархистов зарубила одного из виднейших работников советской власти Ставрополья — председателя губкома партии Михаила Морозова.

21 июля белые заняли станции Кулешовку и Каялу. В тот же день ими была занята и Кисляковка. Красная Армия отступила к Кущевке. Кущевка была захвачена белыми 23 июля.

Несмотря на то, что вследствие предательства Сорокина части Красной Армии оказались разобщенными между собой, потеряли связь и вынуждены были обороняться в чрезвычайно невыгодных условиях, отдельные полки и отряды геройски отстаивали каждую пядь советской Кубани.

Под станицей Пластуновской 24 июля группа советских войск в составе 1-го Екатеринодарского полка, 1-го Северокубанского полка и Конного полка (6 700 штыков, 1 700 сабель, 44 пулемета, 5 орудий) опрокинула части белых.

Белые, понеся большие потери, оставили Пластуновскую и отступили к Платнировской.

К 26 июля части группы Сорокина сосредоточились в районе Тимошевской. Накануне, 25 июля, белые захватили город Ейск.

28 июля генералу Боровскому удалось занять Армавир[1]. Но 30 июля город вновь был отбит советскими войсками.

Вследствие происков белогвардейских тайных агентов настроение в некоторых станицах уже в середине мая было колеблющимся.

12 мая в станице Динской на двухтысячном сходе около двух третей собравшихся высказалось против мобилизации, проводимой Чрезвычайным штабом обороны для защиты края от белых. Но такие решения были единичны. Подавляющее большинство населения Кубани поддерживало советскую власть и готово было стать на ее защиту. Станицы Смоленская, Северская и ряд других активно поддержали приказ о мобилизации и приступили к формированию отрядов.

Собрание станицы Некрасовской приняло резолюцию, в которой говорилось: «Мы находим, что советская власть является драгоценнейшим завоеванием революции и единственной властью, могущей привести народ к избавлению от ига буржуазии, а потому мы будем твердо и решительно стоять за советскую власть и будем защищать ее до последней капли крови»[2].

Все глубже забирались части «добровольческой» армии на Кубань. Вести о зверских расправах офицерских банд с крестьянской и казачьей беднотой разносились по всей Кубани.

В июне и в июле многие станицы и села приняли решение о поддержке власти советов, об организации отрядов на борьбу с белыми. Но поднялось и казачье контрреволюционное кулачье. В ряде случаев оно оказывалось в станицах более организованным, чем беднота, лучше вооруженным. В результате образовался и внутренний фронт. Положение советской власти на Кубани становилось все более тяжелым.

Товарищ Сталин, руководя обороной Царицына, придавал огромное значение событиям на Кавказе и внимательно следил за их развитием. Он считал, что захват Кубани генералом Дени-

---

[1] Краснодарское краевое архивное управление, фонд станичных исполкомов, д. 41.

[2] «Известия Кубанской области» № 67 от 9 июля 1918 г., Екатеринодар.

кинским создаст новый плацдарм для контрреволюции, что немедленно отразится на всем положении страны и прежде всего на соседних с Кубанью областях —Доне, Тереке, Ставрополье и др.

«Положение всей кубанской армии отчаянно неприглядно, армия осталась без необходимых предметов вооружения, она отрезана, и гонят ее к морю. Если мы с севера не пробьемся и не соединимся с ними [в] ближайшие дни, то весь Северный Кавказ, закупленный хлеб и всю тамошнюю армию, созданную нечеловеческими усилиями, потеряем окончательно», — писал товарищ Сталин в телеграмме в Москву из Царицына 26 июля 1918 г.

«Своими собственными усилиями, мы... из Царицына пробиться к ним в ближайшие дни не сможем. Для ускорения и спасения дела необходима дивизия, отсюда неизбежная просьба как приехавших сюда товарищей, так и окружного Военсовета дать нам срочно дивизию. Я знаю, что вы с Военсоветом формируете дивизию для Баку, шлите ее нам срочно, и все будет спасено в несколько дней. В крайнем случае срочно соберите части, соедините вместе и шлите срочным порядком. Все факты, все данные, вся обстановка дела говорит о том, что спасение в присылке по крайней мере дивизии. Передайте то же самое Подвойскому и потребуйте принять срочные меры.

Все дело во времени: если во-время не придет помощь, Северокавказ будет потерян. Об этом говорят все данные... Ваш Сталин»[1].

На подступах к Екатеринодару развернулись сильные бои. Станица Кореновская несколько раз переходила из рук в руки. Несмотря на численное превосходство и на героизм бойцов, Сорокин отступал к Екатеринодару, отступал без плана, часто не осведомляя об отступлении отдельные группы своих войск, попадавшие вследствие этого в тяжелое положение.

Во время отступления, 3 августа, Сорокин был назначен главкомом всех советских войск на Северном Кавказе[2]. Это назначение, подготовленное его кубанскими друзьями и единомышленниками и санкционированное Троцким, как нельзя лучше иллюстрирует создавшееся положение на Кубани. Сорокин продолжал отступать. Одновременно он стал расправляться с неугодными ему людьми, которые хорошо его знали и могли бы его разоблачить.

При отходе к станице Динской Сорокин расстрелял своего помощника Чернявского якобы за задержку приказа об отходе с батайского фронта. На самом деле это была зверская расправа с честным человеком, который боролся против действий Сорокина.

При отступлении в войсках Северного Кавказа еще сильней сказывались отрицательные черты партизанщины.

Партизанщина являлась тормозом в укреплении боеспособности армии. Пользуясь ею, в отдельные части проникали враги,

---

[1] Документы по истории гражданской войны в СССР, под ред. И. Минца и Е. Городецкого, т. I, стр. 240, Госполитиздат, 1940 г.

[2] «Прикубанская правда» № 89 от 7 августа 1918 г.

они вели шпионскую работу, разлагали бойцов, подрывали авторитет командиров. Проявления партизанщины отражались на боевых успехах наших частей, облегчая белым борьбу против советской власти.

В боях под Усть-Лабинской в июле против войск Деникина сражался один из наиболее крепких боевых полков — 1-й Екатеринодарский.

Внезапно справа от полка появился сильный кавалерийский отряд противника в сопровождении нескольких бронеавтомобилей.

Враг окружал полк. Часть бойцов поддалась панике и дрогнула. Имевшиеся в полку чуждые элементы подняли провокационные крики: «Командиры нас предали, завели в ловушку».

Командир полка был окружен тесным кольцом своих бойцов, заявивших ему: «Коли погибать, так вместе будем... Никуда теперь от нас не уйдешь»[1].

Создалось тяжелое положение. Кучка растерявшихся, малодисциплинированных бойцов не отпускала от себя ни на шаг командира и мешала ему руководить боем.

Перед лицом наступавшего противника бойцы митинговали, решали вопрос о сопротивлении, выносили резолюции вроде следующей:

«Защищать Усть-Лабинскую и другие станицы не наше дело. Мы должны быть в Екатеринодаре... Противник наступает на город со стороны Ново-Титаровской и Динской. Он может вырезать наши семьи. Лучше их защищать, чем чужие станицы»[2].

Полк бросил позиции, ушел в Екатеринодар и, несмотря на опасность, угрожавшую городу, разошелся по домам.

10 августа белые взяли Ново-Титаровскую и Динскую. 13 августа начались бои на подступах к Екатеринодару.

Сорокин отдал приказ об оставлении Екатеринодара. 16 августа Екатеринодар был эвакуирован. В город вступили белые.

Перед отступлением Сорокин приказал сжечь станцию со всеми поездами, взорвать завод Кубаноль, маслобойный завод, все нефтяные баки и железнодорожный мост через Кубань.

Отступали беспорядочно. Воинские части разваливались. За отступающими следовали их семьи. Часто бойцы ехали в обозе вместе с ними. Дисциплина почти отсутствовала.

По распоряжению Сорокина несколько тысяч раненых были отправлены из Екатеринодара вместо Минеральных Вод в Новороссийск. Отправка раненых в Новороссийск вызвала резкое возмущение армии. 26 августа Новороссийск был занят деникинцами. Белые зверски уничтожили всех раненых.

Армия и еще ранее правительственные учреждения Кубано-Черноморской республики отступили за реку Кубань и двигались, преследуемые белыми, к границам Терской республики.

---

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», документы V тома.

[2] *Там же.*

Значительная часть советских войск оказалась отрезанной от основных сил и прижата к берегу Черного моря. Этой группе войск, получившей наименование «Таманской армии», пришлось пройти героический путь борьбы и побед, чтобы вновь воссоединиться с войсками Северного Кавказа.

Героически сражались с белыми ставропольские партизаны, создавшие из своих отрядов замечательные боевые части Красной Армии.

Гибель Морозова, Петрова, Шпака тяжело отразилась на борьбе с бандами белых в Ставропольской губернии. Но борьба не прекратилась. Ставропольские бедняки, батраки, фронтовики выдвинули на смену погибшим тысячи преданных борцов за советскую власть, среди которых выделились лучшие организаторы и руководители партизанского движения в Ставрополье — товарищи Апанасенко, Трунов, Ипатов, Шейко, Николаенко, Литвиненко и др.

Особенную активность начали проявлять ставропольские партизаны в борьбе с белыми после занятия Ставрополя отрядами Шкуро. Деникин назначил в Ставрополе генерал-губернатора Уварова, который отдал приказ о немедленной выдаче всех представителей советской власти, всех коммунистов и сочувствующих им и о восстановлении старой царской администрации. В глубь губернии были отправлены карательные отряды. Они приезжали в селения, производили массовые экзекуции, возвращали помещикам их земли. В случае сопротивления они сжигали села.

Карательный поход генерала Станкевича по селениям Ставрополья заставил красных партизан объединить силы. Инициатором объединения был Иосиф Родионович Апанасенко. По его предложению было решено созвать в сентябре на хуторе Стефан Милосердный объединенный военный совет.

На военном совете, открывшемся 25 сентября, было решено объединить силы красных партизан в дивизию. Дивизия должна была состоять из трех бригад: двух пехотных и одной кавалерийской. Первая пехотная бригада была названа Красной, вторая — Пролетарской. На этом же совещании был назначен комсостав дивизии, бригад и т. д. Полки составлялись из бывших отрядов, сохраняя старые свои названия. Так, Ипатовский отряд составил Ипатовский полк. Ипатов остался командиром полка. Труновский отряд составил Труновский полк во главе с Труновым. Апанасенко был избран командиром одной из бригад, а вскоре он стал во главе дивизии.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПОХОД ТАМАНСКОЙ АРМИИ

Таманский фронт был направлен против немцев и контрреволюционного казачества, поднявшего мятеж против советской власти.

На Тамани в апреле высадился, переправившись из Керчи, 58-й Берлинский полк немецких оккупационных войск. Он занял

станицы Таманскую, Фонталовскую, Ахтанизовскую, Титаровскую и Стеблиевскую. Контрреволюционное казачество получило поддержку от немцев.

Поддержанные германскими войсками, кулаки в ночь с 25 на 26 апреля (ст. ст.) подняли восстание против советской власти.

Контрреволюционная банда захватила станицу Таманскую, расстреляла командира отряда Красной Армии т. Беликова и захваченных в плен красноармейцев.

Штаб таманского фронта находился в городе Темрюке. Известие об отступлении от Екатеринодара для таманцев явилось совершенно неожиданным. Необходимо было отступать, чтобы вырваться из белого окружения. Во главе отступавших частей фронта бойцами был поставлен один из боевых командиров Красной Армии, вышедший из народа, бывший матрос Черноморского флота Иван Иванович Матвеев.

Отступив из Крыма в связи с немецким наступлением и прибыв на Кубань, Матвеев был назначен командующим войсками Екатеринодарского отдела. Он сформировал Кавказскую дивизию, замечательную по дисциплине и боевой подготовке.

Летом 1918 г. Матвеев командовал группой войск в составе полков Днепровского и Крымского. Во главе Крымского полка стоял молодой талантливый командир, вышедший из батраков, Семен Константинович Тимошенко, впоследствии проявивший себя как замечательный полководец. Это были лучшие части таманского фронта. Перед таманцами стояла трудная задача. Боясь белого террора, за войсками шла волна беженцев. Отступали тремя колоннами по единственно возможному пути — по побережью на Новороссийск — Туапсе, а оттуда — по шоссе на Белореченскую, к Армавиру. Все части встретились в Тоннельной. Впереди шла первая колонна. Она быстро прошла Новороссийск на виду у немцев и турок. За ней прошла вторая колонна. Третья колонна попала в затруднительное положение. За ней по пятам шли белые, ворвавшиеся 26 августа в Новороссийск. Немецкое командование, посадив свои войска на пароходы и отойдя от берега, приказало обстреливать третью колонну таманцев. Большая часть ее успела выйти из города и была прикрыта горами.

Таманцы подошли к Геленджику. Но впереди их ожидал новый враг — войска грузинского меньшевистского правительства.

Одновременно с выступлением Деникина в новый поход на Кубань активизировалась и грузинская контрреволюция.

Когда в связи с наступлением белых на Северный Кавказ командование советскими войсками вынуждено было все, что можно, бросить на север против Деникина, грузинское меньшевистское правительство отдало приказ своим войскам о наступлении из Сухума по Черноморскому побережью для захвата района Гагры—Сочи—Туапсе. Это было ударом в спину Кубано-Черноморской советской республике. Небольшой заслон советских войск

Схема № 2. Борьба с Деникиным на Кубани (июнь — сентябрь 1918 г.)

принял на себя удар прекрасно оснащенной дивизии нового союзника белых генералов.

Ожесточенные бои у Нового Афона начались 20 июня[1]. В течение четырех дней малочисленные советские отряды героически отражали наседавшего врага. Новый Афон несколько раз переходил из рук в руки. Советские части, окруженные со всех сторон, с боем отступили к Сочи, а затем к Туапсе.

Грузинская дивизия, посланная меньшевистским правительством Грузии, расположилась в Туапсе и по Черноморскому

[1] ЦАКА, д. 207—805, л. 15.

побережью вплоть до Геленджика. В дивизии было четыре пехотных полка, один конный и одна артиллерийская бригада с 16 орудиями.

Положение таманцев осложнилось: справа — море, слева — горы, сзади — казаки, впереди — грузинские белые части. Выход был только один — пробиваться. И таманцы пробились.

27 августа в Геленджике состоялся военный совет. На нем были поставлены следующие вопросы:

«1. Избрание командующего объединенными силами и начальника главного штаба.

2. Какое высшее соединение должны представлять объединенные войска и какое название должно быть дано этому соединению.

3. На какие составные части должны быть разделены войска.

4. Выяснить с возможной точностью численность частей.

5. Выработать план дальнейших действий и

6. Принять все меры к созданию железной дисциплины»[1].

Решено было объединить все колонны в Таманскую армию. Командармом избрали т. Матвеева, начальником штаба — т. Батурина.

В Таманской армии было около 16 тыс. штыков, более 3 тыс. сабель при 30 орудиях; за армией тянулось 20 тыс. беженцев.

Начались упорные бои. Под Архипо-Осиповкой, у Михайловского перевала, героические таманцы, голодные, почти без патронов, в тяжелейших условиях горного района пробивались вперед.

Узкая лента шоссе. Справа — обрывы к морю, слева — нависшие склоны гор, темные ущелья. Враги тревожат с моря. Из ущелий встречают выстрелами. Враг впереди, враг сзади. И к тому же еще союзник врагов — голод отягощал и без того трудное положение армии.

Армия питалась жолудями, ягодами и зеленой кукурузой. Двигавшаяся за ней 20-тысячная армия беженцев и раненых тоже голодала. Не было обмундирования. Многие шли почти раздетые, босиком. Бойцы старались сохранить последние патроны.

1 сентября 1918 г., проделав трудный обходный маневр и уничтожив в бою грузинскую белую дивизию, таманцы заняли Туапсе. Бойцам досталось много трофеев: 17 пушек, 6 тыс. снарядов к ним, 800 тыс. русских патронов, 10 пулеметов, 1 паровоз, 100 вагонов и много ценного военного имущества.

Из Туапсе 8 сентября Таманская армия направилась к Белореченской. Не доходя до Белореченской, армия столкнулась с передовыми частями белых, которыми командовал генерал Покровский. 15-тысячная армия Покровского преградила путь таманцам.

В ночь на 11 сентября колонны таманцев подошли к Пшехской. Армия находилась в тяжелом положении. Сильный голод физически истощил бойцов. Было много больных, слабых и отставших.

---

[1] *Батурин*, Красная Таманская армия, стр. 9, Краснодар, 1940 г.

Среди беженцев, тянувшихся за армией, свирепствовали болезни; от голода умирали сотни детей, стариков.

Путь к спасению армии и беженцев лежал только через воссоединение с главными силами Северокавказской армии. Надо было прорваться во что бы то ни стало.

Поздно вечером таманцы бросились в атаку. Не ожидавший нападения противник был частью уничтожен, а частью под прикрытием темноты бежал. Победителям досталось 4 пушки и 16 пулеметов. Таманцы, преследуя белых, подошли к самой Белореченской.

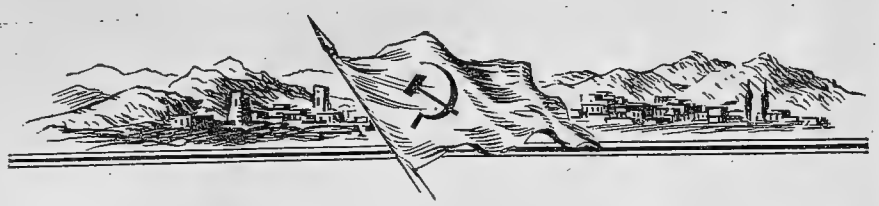
Генерал Покровский получил подкрепление из Майкопа от генерала Геймана. Целый день, не смолкая, стреляла белая артиллерия по левому берегу реки Белой.

Решено было в ночь на 12 сентября снова атаковать противника. Нечего было и думать перейти реку по мостам. Решили перейти вброд. Двум полкам было приказано ночью подойти к самому обрыву у железнодорожного моста, а на рассвете всем одновременно броситься с пятисаженного обрыва в реку, быстро переплыть ее и атаковать противника. Один полк получил приказ не допускать подхода подкрепления к противнику. Кавалерийский полк должен был во время атаки проскочить по железнодорожному мосту, захватить резерв противника на станции Белореченской.

Ворвавшись на рассвете 12 сентября в Белореченскую, кавалерийский полк захватил часть штаба генерала Покровского и около 300 пластунов. Генерал едва успел скрыться, удрав полураздетым, на неоседланной лошади на виду у таманцев. Белые потеряли 700 человек ранеными и убитыми. Было захвачено 400 вагонов подвижного состава и 4 паровоза под парами.

Это было спасением для Таманской армии. Попытка белых после своего разгрома в Белореченской разбить Таманскую армию и помешать ее соединению с главными силами не удалась.

16 сентября колонны Таманской армии вышли к станице Дондуковской и утром 17 сентября взяли ее. Отсюда установилась связь с Белореченской группой северокавказских войск под командованием Кочергина. Таманская армия присоединилась к основным силам Северного Кавказа.



ГЛАВА ВТОРАЯ

БОРЬБА ПРОТИВ БИЧЕРАХОВСКОГО МЯТЕЖА НА ТЕРЕКЕ

☆

ПОДГОТОВКА И НАЧАЛО МЯТЕЖА

К маю 1918 г. Терская советская республика оказалась в тяжелом положении.

Гражданская война в области не утихала. Попытки советской власти ликвидировать национальную рознь и отдельные конфликты между горскими народами срывались контрреволюционерами. Провоцируемые казачьими и горскими верхами, многочисленные народности Терека дрались между собой: ингуши — с осетинами, осетины — с балкарцами. Казачьи верхи пытались объединить всех русских на борьбу с горцами. Гражданская война не давала возможности реализовать решения III съезда народов Терека о земле. Земля все еще оставалась в руках казачьей верхушки, горских феодалов и кулачья. Казачья и горская верхушка все время готовилась к борьбе с советской властью, защищавшей интересы казачьей, крестьянской и горской бедноты. Центром контрреволюции на Тереке стал город Моздок. Отсюда еще в феврале—марте 1918 г. казачьи верхи в лице полковника Рымаря, есаула Пятирублева пытались начать войну против чеченской и ингушской бедноты, но большевики во главе с С. М. Кировым тогда сорвали готовившуюся провокацию. Теперь на помощь контрреволюционным казачьим верхам пришли меньшевики и эсеры — Георгий Бичерахов, Мамулов, Семенов и др.; они возглавили борьбу с советской властью на Тереке.

В Моздоке после признания в марте власти советов внешне были проведены в жизнь все решения съездов народов Терека.

В городе существовал совет рабочих и солдатских депутатов. На отдельском съезде был избран народный совет Моздокского отдела, куда вошли представители от казаков, «иногородних» и горцев. Большинство народного совета состояло из казачьего кулачья, крупнейших скотопромышленников и горской верхушки.

Председателем народного совета Моздокского отдела был Г. Ф. Бичерахов, будущий организатор и руководитель контрреволюционного, антисоветского мятежа.

Бичерахов, инженер по образованию и меньшевик по партийной принадлежности, происходил из семьи богатых казаков-осетин станицы Ново-Осетинской. Он не случайно был выдвинут контрреволюционной казачьей верхушкой в руководители мятежа.

В годы империалистической войны Бичерахов, ярый оборонец, заведывал авиационно-автомобильными мастерскими юго-западного фронта. Февральская революция 1917 г. застала его в Англии, куда он был командирован по делам службы.

Еще за границей он выявил свое отношение к революции. Он резко выступил против известного приказа № 1 — о предоставлении солдатам политических прав.

Вернувшись в Россию в начале июня 1917 г., накануне наступления на фронте, Бичерахов повел бешеную борьбу против большевиков. Он одобрял все драконовские законы, вводимые Временным правительством против солдат.

Бичерахов, «криворотая лиса», как называли его солдаты на фронте, поддерживал генерала Корнилова. После победы пролетарской революции в центре страны и на юго-западном фронте Бичерахов бежал, опасаясь расправы с ним солдат.

На Тереке Бичерахов появился в разгар межнациональной войны.

Казачья контрреволюционная верхушка сразу оценила Бичерахова и выдвинула его в свои руководители. «Я казак социал-демократ», — говорил про себя глубоко ненавидевший большевиков и пролетарскую революцию Бичерахов. Играя революционными фразами, он более чем кто-либо подходил к роли Керенского в областном масштабе. Он ездил из станицы в станицу, из аула в аул, произносил длинные, пышные речи, выступал против большевиков, борясь с пролетарской революцией на Тереке.

Когда пролетарская революция победила на Тереке, Бичерахов неожиданно изменил фронт. Он объявил себя лойяльным к советской власти. Его избрали сначала комиссаром Моздокского отдела, а затем председателем Моздокского отдельского совета. Но перемена фронта была лишь переменой тактики. Никогда, ни на одну минуту Бичерахов не изменял своим контрреволюционным убеждениям и не прекращал подпольной антисоветской деятельности. Матерой двурушник, контрреволюционер, обманув доверие своих трудовых избирателей и пробравшись в руководители отдельского народного совета, он, опираясь на его антисоветскую часть, начал открытый поход против совета рабочих и солдатских

депутатов, против отряда Красной Армии, находившегося в Моздоке.

Моздокский совет, видя контрреволюционные настроения большинства отдельского народного совета, продолжал свою работу, опираясь на группу большевиков в совете и на отряд Красной Армии.

Чтобы окончательно парализовать действия Моздокского совета рабочих и солдатских депутатов, контрреволюционные главари отдельского народного совета решили созвать новый отдельский съезд и переизбрать состав народного совета.

Съезд был созван в начале июня и принес его организаторам ожидаемый успех. Врагам удалось добиться посылки на съезд нужных им людей. Это было тем более легко, что трудовое казачество и крестьянство, казаки-фронтовики, дорвавшись после четырехлетнего отрыва от земли до своего полуразоренного годами войны хозяйства, целиком отдавались его восстановлению. Наступала горячая пора уборки урожая. В станицах оставались казаки-богатеи, лавочники, кулаки из «иногородних». Они и попали на съезд.

Уже во время съезда Моздокскому совету пришлось вступить с ним в конфликт, а когда был избран новый отдельский народный совет, в котором контрреволюционные элементы еще больше усилились, стало ясно, что развязка приближается.

За овладение трудовыми массами Терека велась острая борьба. Казачья фракция III съезда выделила в казачью фракцию избранного народного совета известных своей враждебностью к советской власти представителей казачьего офицерства. Во главе фракции был поставлен полковник Н. А. Букановский, делегат от наиболее контрреволюционного отдела — Моздокского.

Еще в Грозном казачья фракция съезда на закрытом заседании дала своим представителям в народный совет наказ — связаться с хозяйственным советом, выделенным в начале апреля войсковым кругом, чтобы общими усилиями подготовить восстание против советской власти.

По окончании съезда в Грозном и переезде народного совета во Владикавказ казачья фракция немедленно начала готовить восстание.

В конце мая на тайном совместном заседании фракции и хозяйственного совета Терского казачьего войска был создан штаб; ему было поручено организовать боевые силы. Командующим войсками был назначен полковник Бочаров.

Терский край был разделен на пять округов, во главе каждого округа штаб поставил казачьих полковников, известных врагов советской власти.

Участились провокационные стычки между казаками и горцами.

Советское правительство Терека почти не имело вооруженных сил. Единственно реальной вооруженной силой, на которую опирались большевики Терека, были красногвардейские рабочие

отряды Владикавказа, Грозного, Пятигорска и Кизляра да немногочисленные отряды советски настроенной горской молодежи во главе с большевиками-горцами.

5 июня ингуши, спровоцированные постоянными нападениями и подстрекаемые буржуазно-националистическими элементами и муллами, напали на станицу Тарскую. Нападение было отражено. В ответ на нападение ингушей на Тарскую казаки Тарской и близлежащих станиц напали на ингушский аул Бордабос, разгромили и сожгли его.

Контрреволюционные казачьи верхи, готовившие восстание против советской власти, решили использовать нападение ингушей на Тарскую для спровоцирования войны с ингушами. По всем близлежащим станицам были разосланы нарочные. В станицах на митингах они «живописали» ужасы, творившиеся в Тарской, и призывали «братьев-казаков» и всех русских на помощь.

Утром 20 июня из станиц Ардонской и Архонки во Владикавказ приехала большая группа казаков. Казаки подошли к Апшеронским казармам, где стояла артиллерийская батарея. Они намеревались захватить ее с собой и выступить против ингушей.

Узнав о готовящемся выступлении против ингушей, больной, только что вставший с постели Буачидзе вместе с Бутыриным приехал в казармы. Двор казармы был полон вооруженными всадниками. Стояли наготове многочисленные обозы, подводы с пулеметами и разного рода воинским снаряжением. Выкатили орудия.

Немедленно по приезде Буачидзе и Бутырина во дворе казарм был организован митинг. Организаторы выступления против ингушей — казаки обвиняли весь ингушский народ в нападении на станицу Тарскую и призывали к войне с ингушами.

Выступил Буачидзе. Больной туберкулезом легких, он говорил, прерывая свою речь кашлем. Носовой платок, приложенный к губам, покрывался кровавыми пятнами, но речь продолжалась. Это была последняя речь Ноя Буачидзе — пламенного большевика, отдавшего свою жизнь пролетарской революции...

Буачидзе протестовал против обвинения всего ингушского народа в провокационных нападениях на казаков. Ингушский народ не поддерживает банды, организованной контрреволюционной горской националистической верхушкой и нападающей не только на казаков, но и на революционных ингушей.

Буачидзе резко обрушился на организаторов самочинного выступления казаков, подстрекающих к новой межнациональной войне.

Бутырин предложил резолюцию, осуждавшую попытку начать новую войну. Резолюция призывала к спокойствию. Терскому Совнаркому предлагалось расследовать дело и привлечь виновных к ответственности.

Митинг подавляющим большинством принял предложенную Бутыриным резолюцию.

Буачидзе и Бутырин, окруженные казаками и красноармейцами, продолжали беседу о происшедших событиях. Казаки начали разъезжаться. Однако в толпе шныряли подозрительные элементы, продолжавшие возбуждать казачью массу.

Вдруг неподалеку от места, где находился Буачидзе, раздалось несколько выстрелов. Началась паника. Казаки и красноармейцы бросились в разные стороны. Огромная площадь казарм мигом опустела. Только под одиноким деревом остался лежать смертельно раненый Буачидзе.

Какой-то неизвестный несколькими пулями смертельно ранил т. Буачидзе в тот момент, когда он махал шляпой, останавливая стрельбу.

Не приходя в сознание, т. Буачидзе скончался.

В мае 1917 г. Буачидзе приехал из эмиграции во Владикавказ, он все рвался хоть на несколько дней на родину, в солнечную Грузию. Он страстно хотел увидеть старушку-мать, свой родной Кутаис.

Друзья и товарищи выполнили его последнюю просьбу. Тело Ноя Буачидзе было отправлено для погребения на родину, в Кутаис. Газета «Терская правда» — орган Владикавказского комитета большевистской партии, посвящая Буачидзе горячие слова, писала о его огромной любви к трудящимся, ко всем обездоленным и угнетенным. Получив в царских застенках тяжелую болезнь — туберкулез, он не щадил себя, отдав до конца свою жизнь делу революции. Ной Буачидзе погиб на посту. О его любви к родине, к народу «Терская правда» писала: «Надо так любить, чтобы так умереть»[1].

Убийца Буачидзе остался неразысканным.

Контрреволюционные верхи казачества и горцев решили, что убийство Буачидзе вызовет растерянность советской власти на Тереке, и к этому времени приурочили начало открытого контрреволюционного мятежа. Но они жестоко просчитались. Им не удалось захватить врасплох терских большевиков.

Чтобы добиться единого выступления казачества против советской власти, казачья фракция народного совета тайно решила созвать на 20 июня в Моздоке съезд казаков и крестьян Терской области. Помимо этого была еще одна причина, заставившая контрреволюционную казачью верхушку несколько оттянуть начало мятежа.

В это время со стороны Кубанской области банда Шкуро совершала налет на Кисловодск. Казачья фракция народного совета командировала своего представителя к Шкуро с целью договориться о совместных действиях.

Назначенный командующим боевыми силами мятежников, полковник Бочаров был также командирован в Пятигорск с поручением связаться с местными контрреволюционными деятелями, и в частности с рядом видных царских генералов (Рузский, Радко-

[1] «Терская правда» № 18 от 22 июня 1918 г., Владикавказ.

Дмитриев и др.), находившихся в то время в районе Минеральных Вод. Но командировка Бочарова оказалась неудачной. 14 июня он был арестован советскими властями.

Назначая в Моздоке на 20 июня так называемый казачье-крестьянский съезд, организаторы антисоветского мятежа рассчитывали к этому времени не только выступить против советской власти, но и свергнуть ее повсеместно на Тереке. Съезд в Моздоке должен был сконструировать новую, «демократическую» власть. За несколько дней до съезда в Пятигорском и Моздокском отделах поднялись казаки-кулаки. Центром контрреволюционного мятежа в этом районе стала богатая станица Марьинская.

Контрреволюционные казачьи отряды напали на бронепоезд и красноармейский отряд, охранявший железную дорогу. Красноармейцы отступили к Георгиевску, бронепоезд прорвался к Прохладной. Взять Георгиевск мятежникам не удалось, и они отступили. Тогда руководители казачьей фракции попытались организовать захват бронепоезда в Прохладной. Но попытка мятежников не увенчалась успехом. Выдержав бой, советский бронепоезд прорвался к Владикавказу. 18 июня, узнав о начавшемся мятеже, казачья фракция народного совета в полном составе выехала из Владикавказа в Моздок.

Чтобы разоблачить перед трудовыми массами контрреволюционную сущность отдельского народного совета, Моздокский совет отозвал оттуда своих представителей.

Шестнадцатого июня Бичерахов, оставшись на посту председателя отдельского народного совета, издал провокационный приказ о подчинении Моздокского совета, отряда Красной Армии и милиции Моздокскому отдельскому народному совету.

От председателя совета рабочих и красноармейских депутатов затребовали полный список членов совета. Нескольким казачьим сотням был отдан приказ расположиться в станицах Тарской и Луковской, находящихся неподалеку от Моздока.

Моздокский совет рабочих и красноармейских депутатов 17 июня решил предупредить подготовлявшийся контрреволюционный мятеж. Он объявил город на военном положении и принял необходимые меры.

В тот же день все члены народного совета, за исключением Бичерахова и двух его помощников, разъехались по окрестным станицам. Они пустили слух, что Бичерахов арестован Моздокским советом, что отдельский народный совет разогнан, и призывали итти на Моздок на выручку Бичерахову и народному совету.

Вечером 17 июня в станице Луковской ударили в набат. Станичный круг, поддавшись уговорам контрреволюционных главарей, решил итти на выручку «народному» совету. А Бичерахов и его помощники в это время преспокойно находились в Моздоке, творя свое гнусное дело.

Восемнадцатого июня был понедельник — базарный день в Моздоке. Как всегда, еще с воскресенья в город потянулись из всех окрестных станиц вооруженные (в то время это было обычным явлением) всадники, много подвод. Дороги, ведущие к Моздоку, всю ночь на восемнадцатое охранялись казаками. Всадников направляли к станице Луковской. Рано утром восемнадцатого вокруг Луковской собралось уже несколько сот казаков, а к 10 часам утра — больше тысячи, из станиц Черноярской, Ново-Осетинской, Павлодольской и др.

Собравшимся казакам Бичерахов прислал с одним из своих помощников приказ выступить после 4 часов дня на Моздок, если он к этому времени не приедет. Отсутствие Бичерахова должно было свидетельствовать, что он арестован советом.

Но уже к 12 часам дня Бичерахов приехал в Луковскую. Вместе с ним приехал для переговоров с казаками и представитель Моздокского совета рабочих и красноармейских депутатов. Переговоры не привели ни к чему. Бичерахов предъявил Моздокскому совету ультиматум с требованием разоружения моздокского отряда Красной Армии и сдачи оружия, сложения полномочий Моздокского совета рабочих и красноармейских депутатов и передачи власти вновь избранному органу.

На выполнение ультиматума совету рабочих и красноармейских депутатов было дано 3 часа. Срок ультиматума истекал в 5 часов дня. Моздокский совет отказался выполнить требования мятежников.

В Моздоке готовились к обороне. По городу ходили красноармейские патрули. Рыли окопы. Готовились к встрече с врагом. Оставшиеся в городе контрреволюционеры еще с утра пытались вызвать панику. В 6 часов, на рассвете, на Базарной площади раздались выстрелы. Кто-то пустил слух, что на город напали чеченцы. Началась паника. Крестьяне и казаки быстро разъезжались. Базарная площадь опустела.

Часов в 6 вечера мятежные казаки начали обстрел города артиллерией. Конные и пешие казачьи части двинулись с нескольких сторон на Моздок. Небольшой красноармейский отряд, защищавший город, не мог противостоять нахлынувшей белоказачьей лавине и после ночного боя принужден был отступить в сторону Ставрополья. Вместе с ним эвакуировался и Моздокский совет рабочих и красноармейских депутатов.

Через несколько дней в Моздоке состоялся съезд «казаков и крестьян Терека». На съезде участвовали представители от казачьего кулачья восставших станиц и несколько человек от кулаков-«иногородних».

Казачья фракция областного народного совета, приехавшая из Владикавказа, участвовала на съезде в полном составе. 23 июня этот съезд постановил объявить войну советской власти. Съезд образовал «Терский казачье-крестьянский совет», председателем которого стал организатор контрреволюционного мятежа на Тереке меньшевик Г. Ф. Бичерахов.

ОРГАНИЗАЦИЯ СИЛ НА БОРЬБУ С МЯТЕЖОМ

В ответ на начавшийся контрреволюционный мятеж Совет народных комиссаров Терской республики немедленно начал наступление на Моздок. Со стороны Георгиевска и Владикавказа шли красноармейские отряды, броневики. В свою очередь казачьи генералы и полковники спешно формировали отряды, подтягивая их к станции Прохладной — важнейшему стратегическому узлу Терека.

Накануне боев под Прохладной контрреволюционный казачье-крестьянский народный совет повел переговоры по прямому проводу с областным народным советом, предъявив ему следующие требования: прекратить продвижение Красной Армии к Моздоку, вернуть оружие разоруженным станицам, уволить в отставку ряд комиссаров, освободить арестованного полковника Бочарова и др.

Терский совнарком и областной народный совет категорически отвергли наглые требования мятежников.

Красноармейские отряды начали теснить мятежников. Последние принуждены были отступить от Прохладной к станице Приближной. К ней стягивались подкрепления из мятежных казачьих станиц Сунженского и Моздокского отделов, переправлялись артиллерия, боеприпасы.

Тринадцатого июля в 9 часов утра начался бой. Силы оказались неравными. На стороне белоказаков сражалось несколько тысяч человек. Против белых дрался Сводный отряд особого назначения, который держал фронт у Прохладной. Этот отряд накануне вечером начал атаку станицы Приближной и для этй цели мог выделить колонну только в составе полуроты нальчиковцев, взвода георгиевцев, пешую команду бронепоезда Автономова, полуроту кабардинцев. Атака началась под прикрытием бронепоезда «Интернационал».

Наступление красных частей шло успешно. Правый фланг подходил к станице Приближной.

Но в это время в передовом бронированном вагоне бронепоезда от случайно пролитого бензина начался пожар. Стали взрываться имевшиеся на бронепоезде шрапнельные снаряды. Команда бронепоезда, самоотверженно отцепив вагон, отвела его в сторону.

Взрыв вагона, разрывы шрапнельных снарядов, тревожные свистки паровоза поколебали ряды наступавших. А когда бронепоезд начал отходить от места, где пылал вагон и взрывались снаряды, отступила сперва рота, шедшая в наступление в центре, а затем правый и левый фланги, которым грозила опасность оказаться отрезанными.

Воспользовавшись некоторой растерянностью красноармейцев, белоказаки перешли в наступление.

Пятьдесят красноармейцев с двумя пулеметами в течение 2 часов отбивали натиск врага, дав возможность организованно эвакуировать станцию и боеприпасы.

Красные части отступили к станции Муртазово.

В эти тяжелые дни на Терек приехал чрезвычайный комиссар юга России — Серго Орджоникидзе.

Орджоникидзе, будучи в Царицыне, в Екатеринодаре, проводил огромную работу по организации партийных и советских органов на Северном Кавказе.

Под руководством т. Орджоникидзе большевики Кубани, Терека, Ставрополья, громя троцкистов и «левых коммунистов», преодолевали сепаратистские тенденции отдельных советских республик.

Эта борьба успешно завершилась на I партийном съезде Кубано-Черноморской и Ставропольской советских республик, который собрался в Екатеринодаре 2 июля 1918 г. и назвал себя Северокавказским краевым съездом РКП(б). Съездом руководил т. Орджоникидзе. Были приняты решения об объединении кубанской, черноморской, ставропольской большевистских организаций в единую северокавказскую и избран краевой комитет. Партийный съезд признал необходимым объединить все советские республики Северного Кавказа в одну республику. Это предложение было внесено т. Орджоникидзе на I Северокавказском съезде советов, собравшемся 5—7 июля 1918 г. в Екатеринодаре. Съезд постановил:

«Для достижения окончательной победы над буржуазией и окончательного укрепления завоеваний социалистической революции и советской власти и для организации успешной совместной борьбы с надвигающимися на Северный Кавказ бандами германских, турецких, грузинских и донских контрреволюционеров,— необходимо самое тесное объединение всех советских республик между собою и самая тесная связь их с центром.

I Северокавказский съезд советов народных депутатов постановляет: Кубано-Черноморская, Терская и Ставропольская республики отныне объединяются в единую Северокавказскую советскую республику — часть великой Российской Советской Социалистической Федеративной Республики»[1].

Во время пребывания в Екатеринодаре Орджоникидзе не терял связи с Тереком. Он внимательно следил за событиями, развивавшимися на Тереке. Орджоникидзе был спокоен, зная, что во Владикавказе работает Ной Буачидзе. Буачидзе держал Серго в курсе событий, получал от него указания. Последний разговор его по прямому проводу с Орджоникидзе, находившимся в то время в Царицыне, состоялся за несколько дней до убийства Буачидзе.

Весть об убийстве Буачидзе глубоко опечалила Серго. Буачидзе был прекрасным большевиком, другом его детства. Потеря Буачидзе была незаменимой. Орджоникидзе решил при первой возможности лично поехать во Владикавказ и помочь терским товарищам.

---

[1] «Известия Северокавказского ЦИК» от 30 июля 1918 г.

В начале июля, когда Орджоникидзе в Екатеринодаре руководил I Северокавказским краевым съездом РКП и I Северокавказским краевым съездом советов, он узнал о начавшемся антисоветском мятеже, организованном эсерами и меньшевиками.

В это же время деникинские части вторглись в Ставропольскую губернию.

Орджоникидзе решил ускорить свою поездку на Терек. Из Екатеринодара он заехал в Медвеженский уезд Ставропольской губернии, где собрался съезд фронтовиков революционной армии Медвеженского уезда, организовавшейся для отпора белым войскам генерала Деникина. На съезде Орджоникидзе выступил с докладом о текущем моменте. 10 июля Серго был уже в Пятигорске.

На объединенном заседании окружного народного совета, Пятигорского совета рабочих и военных депутатов, представителей гарнизона, профессиональных организаций Орджоникидзе произнес яркую речь, в которой рассказал о разгроме контрреволюционного мятежа «левых» эсеров в Москве. С большевистской непримиримостью он звал на борьбу с врагами революции.

Подробно рассказав о событиях в Москве, Серго остановился на возможных последствиях «лево»-эсеровской авантюры.

«Контрреволюционный мятеж в Москве, — говорил Орджоникидзе, — надо рассматривать в свете международных отношений. Позволю себе в нескольких словах сказать об отношениях между Германией и Россией. Ведь германские империалисты ждут не дождутся возобновления войны с Россией. Там все время идет борьба между военной партией, партией Гинденбурга и юнкеров, которые хотят превратить Россию в свою колонию, оккупировав ее всю. Другая партия — либеральная, в принципе согласна слопать Россию, но только тогда, когда сможет благополучно проглотить и переварить...

Германия занята сейчас Англией и Францией.

Вот это обстоятельство и борьба этих двух партий и давала нам возможность передохнуть несколько месяцев, чтобы создать силу для отпора, чтобы хоть несколько организовать хозяйственный механизм. С другой стороны, нас тревожит Япония. Там тоже идет борьба военной партии и других. Словом, все международные капиталисты еще сидят и ссорятся и не успели еще столковаться, как лучше задушить Россию...

Как бы ни было сейчас нам плохо, все же нам теперь гораздо лучше, чем во время войны, — говорил Серго. — Мы считаем единственно верной политикой политику сохранения своих сил, политику хотя небольшой передышки... Именно теперь, когда положение так запуталось, когда мы еще не справились с чехословаками, с калединцами и другими контрреволюционерами, левые с.-р. прямо бьют нас в спину своей провокацией на войну.

Товарищи, — продолжал Орджоникидзе, — вы только подумайте, что случилось бы, если бы удалось сокрушить советскую власть...»[1]

«Авантюра левых эсеров, — говорил Серго, — выгодна германскому империализму... Он, вероятно, объявит, что у нас нет порядка. Германцы уже подготавливают общество в этом направлении, а затем пошлют экспедиционный корпус для водворения у нас порядка. Разве это в интересах рабочего и крестьянина иметь здесь у нас шуцмана, германского полицейского, который будет водворять порядок по-своему и для себя?»[2]

По докладу Орджоникидзе была принята резолюция с выражением полного доверия Совету Народных Комиссаров РСФСР.

Из Пятигорска Серго на другой день выехал на бронепоезде во Владикавказ. Линия фронта проходила у Прохладной. За ней шли бои. Белые казаки рвались к Прохладной и окружили ее со всех сторон. Орджоникидзе прорвался через Прохладную за несколько часов до захвата ее белыми и прибыл во Владикавказ.

Ознакомившись на месте с обстановкой, Орджоникидзе подверг резкой критике политику терских большевиков и терского советского правительства. Он потребовал полного разрыва с эсерами и меньшевиками, начавшими контрреволюционный мятеж, и объединения всех революционных сил для окончательного разгрома мятежников.

Этого можно было добиться только путем укрепления диктатуры пролетариата, опираясь на трудящихся горцев, на казачью и крестьянскую бедноту.

Под руководством Орджоникидзе шла подготовка к созыву IV съезда народов Терека.

Орджоникидзе разработал план проведения съезда. Авторитет большевистской партии у трудовых масс был высок. «Казачьей фракции» на съезде, говорил Серго, нужно противопоставить «рабоче-крестьянскую и красноармейскую фракцию», которая будет настоящей опорой большевиков и через которую большевики будут руководить съездом.

В очень тяжелой обстановке 23 июля открылся IV съезд народов Терека. На съезд явились представители восставших казаков. Орджоникидзе открыл съезд речью о положении в Советской России.

На съезде большевиками была создана «рабоче-крестьянская и красноармейская фракция». Ею руководил Серго. В противовес большевикам меньшевики организовали «рабоче-крестьянскую демократическую фракцию», объединявшую врагов советской власти. Самым острым был вопрос о вновь возникшем фронте. Решено было попытаться добиться прекращения военных действий. Серго предложил отправить на фронт делегацию для переговоров с казаками. Делегация была отправлена.

---

[1] «Известия Ставропольского губисполкома» № 46 от 19 июля 1918 г., Ставрополь.

[2] *Там же.*

Вечером 24 июля экстренное заседание Терского народного совета обсуждало ультиматум грузинского меньшевистского правительства. Грузинские меньшевики требовали, чтобы им вернули «пленных и имущество», захваченные грузинским большевистским отрядом под командой Саши Гегечкори. Этот отряд выступил на помощь грузинскому крестьянству, восставшему против меньшевистского правительства. Грузинские меньшевики потребовали также, чтобы был налажен товарообмен между Северным Кавказом и Грузией. Представители казачьей фракции, контрреволюционные верхи горцев настаивали на удовлетворении всех притязаний грузинских меньшевиков.

Серго доказал необоснованность требований самозванных меньшевистских правителей Грузии. «Мы язык угроз и ультиматумов не признаем»[1], — заявил Серго.

Наконец, прибыли делегаты съезда, ездившие на фронт. Надежды на прекращение военных действий рушились. Казачьи контрреволюционеры, поднявшие мятеж против советской власти, потребовали отвести красноармейские части от Котляревской и Прохладной. Они нагло предложили увести все броневики и сдать им замки от всех пушек. Помимо этого мятежники потребовали отставки народных комиссаров Терской республики: по военным делам—Бутырина, земледелия — Пашковского и др. Орджоникидзе выступил и разоблачил все маневры контрреволюционного казачества: посылая своих представителей на съезд, оно в то же время вело вооруженную борьбу с избранной народной властью.

Контрреволюционные казачьи отряды попытались захватить ненавистный им съезд, чтобы расправиться с представителями советской власти. Готовясь к этому, они рассчитывали и на контрреволюционные элементы в самом городе, прежде всего на так называемую городскую самооборону. Она состояла из деклассированных элементов — мелких лавочников, бежавших и прятавшихся в городе офицеров и др. Конфликты между «самообороной» и красноармейскими частями бывали и раньше. Они особенно участились, когда Терский совнарком и Владикавказский совет приняли ряд мер к ограничению прав «самообороны».

После бегства из Владикавказа терско-дагестанского правительства и разгрома его офицерских отрядов полковник Беликов — один из руководителей «самообороны» и организатор нападения на Владикавказ — некоторое время скрывался в горных аулах, а затем нелегально появился в ближайших к Владикавказу станицах и в самом городе. Он восстановил контрреволюционные связи с группой казачьих офицеров во Владикавказе, в станицах Сунже, Архонке, Ардоне и с осетинской контрреволюционной верхушкой.

Полковника Беликова в его подпольной контрреволюционной деятельности поддержал городской голова Владикавказа меньшевик-плехановец Цырульников.

---

[1] *Орджоникидзе*, Избранные статьи и речи 1911—1937 гг., стр. 36, Госполитиздат, 1939 г.

Владикавказская городская дума во главе с Цырульниковым рассматривала «самооборону» как свою вооруженную базу в противовес красноармейским частям — вооруженной силе областной советской власти.

Собрания заговорщиков происходили во Владикавказе на конспиративной квартире в сапожной мастерской, в Осетинской слободке и других местах.

Полковник Беликов также установил связь с подпольной монархической организацией, руководимой штаб-ротмистром графом Стенбок; явочной квартирой для этой организации служил дом соборного священника.

Заговорщики разработали план контрреволюционного выступления в городе и приступили к формированию сил. Казаки должны были дать 4 сотни, 2 орудия; Осетинская слободка—4 сотни; осетины плоскостных аулов и селений — около 10 сотен и 2 орудия. 4 сотни казаков предполагалось выставить с Сунжи в качестве заслона с северной стороны Владикавказа. Осетины селения Ольгинского должны были действовать против ингушей в районе своего участка железной дороги[1].

В Моздок, где находился контрреволюционный «казачье-крестьянский совет» во главе с Бичераховым, был командирован подпольной организацией свой представитель. Вернувшись из Моздока, он привез от Бичерахова одобрение готовившегося налета на Владикавказ и список комиссаров Терской республики, приговоренных штабом мятежников к расстрелу.

В ночь с 5 на 6 августа казачьи контрреволюционные отряды под командой полковников Беликова и Соколова ворвались во Владикавказ. Накануне заседание съезда закончилось поздно, и почти все делегаты остались в здании кадетского корпуса, где происходил съезд. Здание находилось на окраине города, но все же белогвардейские отряды не сумели захватить съезд врасплох.

Многие делегаты, ночевавшие в городе, утром не смогли пробраться к зданию кадетского корпуса. Стало известно о налете казаков и о занятии ими части Владикавказа. Съезд оказался отрезанным от города. В городе была слышна перестрелка. Делегаты съезда собрались на заседание. Не было лишь казачьей фракции и части осетинской. Терскому совнаркому было поручено принять решительные меры к ликвидации налета. Решили временно прервать заседание съезда, а делегатам предложить принять активное участие в помощи Совнаркому.

Не успел председательствовавший закрыть съезд, как в зал заседания ворвался владикавказский городской голова Цырульников. Он взбежал на трибуну и потребовал слова. Не торопясь, он вынул из кармана все регалии городского головы, повесил на шею цепь с медалью и после этой церемонии начал говорить.

Цырульников предложил принять ультиматум контрреволю-

[1] Мемуары полковника Беликова. «Революционный Восток» № 6 за 1929 г.

ционного моздокского «казачье-крестьянского» совета. Поддерживая полностью этот ультиматум, он потребовал выхода большевиков из Терского народного совета и Совнаркома.

Делегаты согнали с трибуны зарвавшегося соглашателя и немедленно под руководством Орджоникидзе наметили мероприятия по организации отпора контрреволюционным бандам.

Первый удар белых приняли рабочие Курской и Молоканской слободок, задержавшие контрреволюционные банды. Борьба в городе приняла затяжной характер. Каждый дом представлял собой осажденную крепость. Малочисленные красноармейские отряды, рабочие дружины, отряд керменистов упорно защищались. Но белые получили подкрепление. Силы врагов росли. Прятавшиеся в городе контрреволюционное офицерство и буржуазия присоединились к мятежникам. В городе начались пожары. Железнодорожная станция находилась в руках вооруженных рабочих. Необходимо было принять срочные меры. В город нельзя было пройти. Орджоникидзе решил во что бы то ни стало пробраться к рабочим железнодорожной станции. Обойдя город через горы, по тропинкам и горным перевалам, через Джайрах, ское ущелье, проделав 40-километровый поход, он пришел в плоскостную Ингушетию. Отсюда он направился к городу, к железнодорожной станции. Здесь уже стоял бронепоезд Автономова. Наступление белых, поддерживаемое подходящими подкреплениями, становилось все напористей. Удержать город не было возможности. Орджоникидзе отдал приказ об отступлении к станции Беслан. Отступали с боями. В Беслане Орджоникидзе едва не попал в плен и случайно избежал расстрела. Он добрался пешком до ингушского селения Базоркино, чтобы добиться помощи ингушей.

Переговоры пришлось вести с председателем Ингушского национального совета Вассан-Гиреем Джабагиевым. Джабагиев, крупный чиновник царского министерства земледелия, принадлежал к очень малочисленной группе ингушской националистической интеллигенции. Приехал он на Терек в 1917 г. Играя на религиозных и националистических чувствах ингушей, он добился в Ингушетии сильнейшего влияния. На I съезде горских народов, в мае 1917 г., он вошел в состав Центрального комитета Союза горцев. Один из идеологов горского государства «от моря до моря» — от Каспийского до Черного, — он был настроен против советов и тем более против большевиков. Но так как ингушские трудовые массы шли за большевиками, ему приходилось вести двуличную политику. С этим убежденным, хитрым и увертливым врагом и пришлось вести переговоры о помощи ингушей осажденному Владикавказу.

В Базоркино, к Уваровскому саду, собрались тысячи верховых и пеших ингушей. Из горных аулов и плоскостных сел Ингушетии прибывали вооруженные горцы. Надеяться, что националистические верхи ингушского народа организуют действенную помощь советской власти, было нельзя. Орджоникидзе

решил обратиться непосредственно к ингушскому народу. В разговоре с Джабагиевым Серго от имени советской власти заявил, что советская власть согласна передать ингушам земли четырех казачьих станиц, отделяющих горную Ингушетию от плоскостной. Загнанный на бесплодные скалы, в горы, ингушский народ получит обратно свои старинные земли. Будет уничтожен казачий клин — наследие проклятого прошлого, разрывавший Ингушетию пополам. Это единственно правильное, справедливое предложение вытекало из ленинско-сталинской национальной политики и сразу разрешало острейшую проблему, интересовавшую ингушскую бедноту, — проблему о земле. Предложение Серго не отвечало интересам националистических руководителей из Ингушского национального совета. Они прекрасно понимали, что, получив из рук советской власти землю, за которую ингушская беднота почти столетие дралась с царизмом, ингушская трудовая масса станет вечным союзником, вечным другом советов. Тогда рухнули бы националистические мечтания о горском буржуазном государстве. Джабагиевцы, чтобы помешать Орджоникидзе, решили дискредитировать его предложение.

Когда Серго пробрался через тысячную толпу, собравшуюся на кургане около Базоркино, и, никого не спросясь, начал говорить, джабагиевцы подняли шум, крики, ругань. В толпе шныряли офицеры, кулаки, муллы, всячески пытаясь сорвать сход и помешать Серго передать ингушскому народу свое предложение. Однако помешать Серго было трудно. Он уже овладел массой. Она его жадно слушала.

Серго предложил провести мобилизацию от имени Ингушского национального совета. Все селения, аулы должны были быть оповещены об этой мобилизации.

Большинство участников схода с энтузиазмом присоединилось к предложению Серго и потребовало немедленной мобилизации всего ингушского народа и помощи Владикавказу. Несмотря на противодействие Джабагиева и его приспешников, в ту же ночь в Базоркино начали прибывать вооруженные ингушские отряды. На зов Серго откликнулось все мужское население Ингушетии в возрасте от 14 до 80 лет.

Для руководства ингушскими частями был создан штаб. Было решено, что помимо главного удара на Владикавказ ингушские отряды немедленно займут станицы Сунженскую, Тарскую, Фельдмаршальскую и Тарские хутора — ту земельную полосу, которая делила Ингушетию на две части и которую советская власть вернула ингушам.

Между тем бои во Владикавказе продолжались. Рабочие железнодорожных мастерских, горсточка красноармейцев, небольшой отряд большевиков — керменистов мужественно защищали каждую пядь земли, каждую улицу. Так же упорно сражались вооруженные рабочие Курской и Молоканской слободок. Бои на улицах Владикавказа продолжались уже 11 дней. На город и к намеченным станицам были двинуты ингушские отряды. Из Грозного на помощь Влади-

кавказу спешил рабочий батальон. Казачьи станицы были окружены. Ингушские отряды и отряд грозненских рабочих начали наступление на Владикавказ. Не имея поддержки в городе, отрезанные от своего тыла, белые начали отступать. 18 августа красные части вступили в город.

Теперь можно было закончить прерванный захватом Владикавказа IV съезд народов Терека. Большинство делегатов съезда находилось в это время в Назрани, где помещался штаб Орджоникидзе. Во время боев делегаты съезда почти в полном составе, покинув здание кадетского корпуса, окружным путем, вокруг Столовой горы, по узким тропинкам горной Ингушетии прошли и соединились в Назрани со штабом Орджоникидзе.

После разгрома белых во Владикавказе опять возобновились заседания съезда. Съезд подтвердил обещание, данное Орджоникидзе, об уничтожении казачьего клина в Ингушетии. Было постановлено переселить казаков из станиц Сунженской линии и отдать землю обратно ингушам [1].

Съезд решил усилить борьбу с казачьей и горской контрреволюцией. В новый Совнарком Терской республики в подавляющем большинстве прошли коммунисты.

По окончании съезда делегатам предстоял обратный путь. Возвращаться было опасно.

За Бесланом уже были белые. Делегаты Нальчикского и Пятигорского округов, всего 117 человек, решили поехать вместе. На бронированном поезде произвели разведку. Бронепоезд, добравшись до станции Дарг-Кох, подвергся обстрелу белых. Железнодорожный путь оказался взорванным.

После исправления пути под охраной бронепоезда делегаты выехали из Владикавказа и добрались до Эльхотова. Отсюда до места следования им предстоял путь на подводах. Так как ожидаемых подвод не оказалось, то на ночь поезд с делегатами был остановлен, а бронепоезд, чтобы не быть ночью отрезанным, возвратился в Беслан. Утром 27 августа решили тронуться дальше, не дожидаясь прибытия броневиков, которые должны были охранять делегатов. Путь предстоял через казачью станицу Змейскую. Посланные заранее делегаты договорились с казаками станицы, что делегаты съезда будут пропущены. Но это было лишь ловушкой. Как только делегаты въехали в станицу, они были немедленно окружены бандой мятежников во главе с полковником Кибировым. Началась проверка документов, обыски. Искали комиссаров и коммунистов. Из группы делегатов были выделены 5 человек. Белые решили расстрелять их немедленно. Среди них был Пашковский, бывший народный комиссар земледелия, а после смерти Буачидзе — председатель Совнаркома, и Тюленев, председатель Кисловодского совета. Арестованных вывели за станицу и тут же расстреляли.

---

[1] Это постановление было полностью проведено в жизнь только в 1920 г., когда Терек был окончательно очищен от остатков деникинщины.

Пашковский был загримирован. Какой-то предатель выдал его белым. Он был левым эсером, но честно работал вместе с большевиками. Казачье и горское кулачье, буржуазия и духовенство, православное и мусульманское, ненавидели его, особенно после III съезда в Грозном, где он активно выступал за проведение на Тереке аграрной реформы в интересах горской и крестьянской бедноты.

Двоюродный брат Пашковского Леонид Орлов, лидер пятигорских эсеров и соратник Бичерахова по контрреволюционному моздокскому «казачье-крестьянскому» совету, давно призывал и устно и на страницах печати к расправе с Пашковским. Тюленев был одним из виднейших большевиков на Тереке. Оставшихся трех большевиков — Долобко, Хейфец и Аню Блюменталь под конвоем казаков повели также за станицу.

Аня Блюменталь была самой молодой из участников съезда. Ей было всего 18 лет. Она была большевичкой, работала в Кисловодском совете. Энергичная и смелая, она всегда первая шла на фронт. В самые трудные и опасные моменты Аня держалась смело и решительно.

Не растерялась она и здесь. Когда арестованные прошли кукурузное поле и командир конвоя крикнул «стой!», а затем казаки взяли винтовки наизготовку, Аня громко крикнула: «Товарищи! Подождите, я вам что-то скажу! Большевики — не бандиты, а делегаты народного съезда, который решил вопросы в интересах трудящихся. Национальную вражду раздувают нарочно белые генералы... Вы знаете, кто такие большевики и за что они борются!.. Вы нас убьете, — продолжала Блюменталь, — но чего вы этим достигнете? Советская власть все равно будет существовать и еще больше укрепится. Только на вашей совести будет вечный укор, что вы убили тех, кто боролся и умер за ваши же трудовые интересы»[1].

Казаки внимательно слушали девушку и отказались расстрелять большевиков. Арестованных повели обратно в станицу. По дороге большевик Долобко, народный комиссар путей сообщения, рассказывал казакам о советской власти.

Полковник Кибиров, один из руководителей мятежников, с изумлением и гневом посмотрел на вернувшихся. Первый раз казаки не выполнили его приказа. Они немедленно были взяты под арест, а трое большевиков отданы на расправу банде пьяных офицеров. После разгрома бичераховцев трупы товарищей, расстрелянных под Змейской, были перевезены во Владикавказ и похоронены там с большим почетом. Остальные возвращавшиеся через Змейскую делегаты съезда также были арестованы. Белоказаки отправили их в Моздок, а оттуда — в екатеринодарскую тюрьму, где многие из них погибли.

Многие арестованные делегаты съезда были отравлены белобандитами, другие вместе с ранее арестованными, находившимися

[1] «Женщина в гражданской войне», стр. 227, Москва, 1938 г., изд. 2-е

в тюрьме, были зверски зарублены накануне бегства контрреволюционного бичераховского правительства.

Августовские события во Владикавказе приведшие к разгрому мятежников, сделали имя Серго Орджоникидзе самым популярным, самым авторитетным и любимым среди горских трудовых масс.

Старый большевик, ученик Ленина, ближайший друг и помощник Сталина — Серго в тяжелейших условиях Северного Кавказа начал распутывать узел сложнейших экономических и политических противоречий. Многие считали эти противоречия на Кавказе «вечными». Серго во-время настоял, чтобы большевистская организация Терека повела решительную борьбу за укрепление советской власти. С огромной настойчивостью и упорством Орджоникидзе организовывал борьбу против восставшего контрреволюционного отребья. В эти тяжелые дни он был болен. Все же он поспевал всюду, где решалась судьба советской власти на Северном Кавказе.

Серго принес с собой замечательные большевистские качества— ленинскую непримиримость к врагам диктатуры пролетариата и в то же время гибкость, маневренность, присущую подлинному большевику, способность живого общения с народными массами. Серго стал подлинным вождем трудящихся Терека. Он знал, понимал эту впервые поднявшуюся к сознательной политической жизни горскую массу. Он знал чаяния горца-бедняка. Горцы видели в нем своего друга, покровителя. Особенно тепло Орджоникидзе относился к горской молодежи. Часто Серго заезжал в горские селения — особенно Ингушетии, останавливался в сакле знакомого горца, разделял с ним его скудный ужин. Благодаря Орджоникидзе Ингушетия превратилась в подлинную опору советской власти на Тереке. Подавляющая масса ингушей безоговорочно перешла на сторону советской власти.

Под руководством Серго в Ингушетии оформилась коммунистическая организация.

Не менее внимательно Серго относился к осетинам. Политика царского правительства содействовала резкому классовому расслоению в Осетии.

Контрреволюция имела особые виды на Осетию. В Осетии была крупная буржуазно-националистическая прослойка, сросшаяся с интересами царизма. Осетинская буржуазная интеллигенция поставляла чиновничество для всего Северного Кавказа; осетинское дворянство занимало первое место в составе царского офицерства — выходцев из горских верхов Северного Кавказа. Наконец, небольшая часть осетин, наиболее зажиточная, была приписана к терскому казачеству.

Насаждая православие, вовлекая верхушку Осетии в состав терского казачества, вербуя из состава осетинского дворянства офицерство, царский аппарат преследовал на Тереке осетинскую бедноту, особенно в горной полосе. Осетинское офицерство и националистическая буржуазия всецело были на стороне

контрреволюции и шли рука об руку с казачьими верхами. Но наряду с этим в Осетии была такая организация, как «Кермен», массовая революционно-демократическая партия осетинской бедноты, руководимая осетинами-большевиками. Как ранее Киров, Серго уделял большое внимание керменистам, большинство которых в то время влилось в нашу партию. Североосетинская окружная организация ВКП(б) продолжала еще называться «Кермен», а окружной комитет РКП(б) — ЦК «Кермен». Через керменистов, которые особенно сильны были в Дигории, Серго вел огромную революционную работу в Осетии, привлекая там, как и в Ингушетии, трудовую массу на сторону советской власти.

Отряды керменистов под руководством Николая Кесаева направлялись Серго на самые ответственные участки боев. Многих из них он знал лично и давал им ответственные поручения. Он часто появлялся в разных уголках Осетии для того, чтобы вмешаться и ликвидировать трения между ингушами и осетинами, между осетинами и кабардинцами, между горцами и казаками.

В дни августовских боев осетины-керменисты героически сражались с мятежниками, среди которых была большая прослойка осетинских контрреволюционеров во главе с осетинами—генералом Мистуловым, полковниками Беликовым, Кибировым, Агоевым и др.

Белые, захватив Владикавказ, расстреляли попавших в плен керменистов, в том числе и Николая Кесаева, одного из организаторов и руководителей партии «Кермен».

Совет народных комиссаров Терской республики по предложению Орджоникидзе сейчас же после окончания IV съезда народов Терека обратился с воззванием к трудящимся осетинам.

Воззвание призывало трудящихся осетин встать на защиту власти советов, активно бороться за землю.

«Народная власть знает тяжелое положение горной Осетии, гибнущей от безземелья и ютящейся в скалах и пещерах...» — говорилось в воззвании. Советская власть «принимала и принимает все меры для наделения землей. Но ей нужна ваша помощь в том, чтобы пресечь провокацию Бичерахова, Валаева и прочих казачье-помещичьих наемников, старающихся отвлечь вас от разрешения земельного вопроса путем вовлечения вас в борьбу против избранной вами же власти...»[1]

Воззвание призывало трудящихся осетин последовать примеру ингушей и с оружием в руках вернуть свои земли, захваченные царизмом и находящиеся в руках контрреволюционеров.

«...Целый ряд казачьих станиц вклинивается в Осетию и разделяет вас от ваших братьев. И если казаки не согласны добровольно и по постановлению Пятигорского съезда уступить вам принадлежащие по праву революции земли, то с оружием в руках, подобно братьям-ингушам, предложите станицам, осевшим на нашей родной земле, разоружиться и выселиться в места, кои

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», документы V тома, д. 125, л. 5—6.

укажет народная власть в лице народного совета и Совета народных комиссаров»[1].

Одиннадцатого—пятнадцатого сентября Орджоникидзе принимает участие в работах съезда осетинского народа в селении Ардон. В своей резолюции по текущему моменту съезд выразил негодование по поводу контрреволюционных выступлений в августовские дни. Съезд заявил, что признает существующую в Терской области советскую власть, и обещал стоять на страже завоеваний революции [2].

Серго любил и по-большевистски воспитывал пламенного революционера, молодого чеченца Асланбека Шерипова, погибшего в 1919 г. двадцати двух лет от роду в борьбе против белых. Серго выступил на чеченском съезде в селении Алды, призывая чеченцев организоваться на борьбу с наступавшим Деникиным. Он звал чеченскую молодежь в ряды чеченской Красной Армии, организованной Асланбеком Шериповым.

После чеченского съезда Орджоникидзе выступал на съезде кабардинского народа.

Даже бандитствующие элементы среди горцев знали, боялись и уважали Серго. Знали, что, если что-нибудь случилось бы с Серго, им не сдобровать. Месть за любимого Серго последовала бы от своих же сородичей.

Очень внимательно Серго относился и к трудовому казачеству. Несмотря на то, что большая часть его, спровоцированная своими верхами, была втянута в братоубийственную борьбу, Серго, как только вновь был освобожден Владикавказ, немедленно послал в станицы, аулы и селения преданных людей, наказав им не допускать никаких эксцессов по отношению к казачьим семьям, к тем казакам, которые не выступали против советской власти. «Помните, — говорил он, — нам нужно привлечь их на нашу сторону, мы должны внушить им любовь к советской власти».

Так Орджоникидзе, ленинский посланец, пламенный революционер-большевик, объединял трудящихся всех народов в борьбе за свободную жизнь, за счастье, за социализм. Он поддержал маленькую группку казаков во главе с Дьяковым из состава казачьей фракции Терского народного совета, оставшуюся верной советской власти и в тяжелые августовские дни боровшуюся против белых. С помощью Серго и других товарищей стала издаваться газета «Терский трудовой казак», орган советского казачества. Голос советских казаков находил отклик в станицах. Лучшие элементы трудового казачества переходили на сторону советской власти. Из станицы Николаевской, занятой белыми, большая группа казаков вместе с семьями переселилась в селение Христиановское к осетинам-керменистам и вместе с ними сражалась против белых.

---

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», документы V тома, д. 125, л. 5—6.

[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 6, 1918 г.

«СТОДНЕВНЫЙ» БОЙ В ГРОЗНОМ

Волны контрреволюционного мятежа все сильнее захлестывали Терскую советскую республику.

Не успели разгромить мятежников во Владикавказе, как они осадили важнейший пролетарский центр Терека — Грозный.

Поднятый опытной вражеской рукой меньшевиков и эсеров антисоветский мятеж на Северном Кавказе грозил Советской России тяжкими последствиями. Голодающие рабочие промышленных центров страны, бойцы молодой Красной Армии, сражавшиеся на многих крупных и мелких фронтах, теряли последнюю житницу — богатое хлебом Ставрополье. Еще тяжелее был удар по промышленности Советской страны. Последняя нефтяная база республики — Грозный — погибала в огне.

В дни, когда белогвардейские банды полковников Беликова и Соколова напали на Владикавказ, началась жестокая борьба и в Грозном. Бои рабочих Грозного с окружившими город бандами мятежников продолжались сто дней. Стычки рабочих отрядов с казачьей и чеченской контрреволюцией начались еще до «тодневного» боя.

Чтобы натравить друг на друга грозненских рабочих и чеченцев, враги подожгли нефтяные промысла.

Двадцать девятого и тридцатого июня контрреволюционная казачья верхушка и чеченские буржуазно-националистические элементы спровоцировали вооруженное столкновение чеченцев и крестьян. Руководящая роль в этом столкновении принадлежала командиру самооборонческого полка станицы Грозненской — Чернобаеву, впоследствии, в дни грозненских боев, одному из руководителей контрреволюционных сил станицы Грозненской.

Десятки убитых с обеих сторон, полный разгром и сожжение чеченского аула Бардикай, новая вспышка межнациональной распри — таков итог деятельности объединенной казачьей и горской контрреволюции.

Эта провокация входила в план подготавливаемого мятежа. Необходимо было отвлечь внимание трудовых масс от деятельности контрреволюционеров, пытаясь доказать горцам, что советская власть — власть якобы только русских и защищает лишь русских, и тем самым настроить их против этой власти. Таким образом контрреволюционеры рассчитывали не только усилить межнациональную войну, но и сделать ответственной за нее... советскую власть.

Пользуясь отсутствием т. Анисимова, руководителя большевистской организации Грозного, уехавшего по партийному заданию в Ставрополье, казачьи верхи открыто начали призывать к организации «общерусского» фронта против чеченцев. Отдельные руководители грозненских советских организаций поддались на эту контрреволюционную удочку.

Второго июля на совместном заседании представителей Кизлярского отдельского народного совета, станицы Грозненской, город-

ского и станичного комитетов самообороны, городской управы и штаба Красной Армии при обсуждении столкновений 29—30 июня начались разговоры о «реорганизации» власти для более успешных мер «защиты трудового населения».

Полюхов, через короткое время ставший ближайшим помощником Бичерахова, предложил «создать русский национальный совет, а для организации дисциплинированной армии — постепенный переход от Красной Армии к национальному ополчению»[1].

Чернобаев предложил организовать объединенный штаб Грозненского совета и городской станичной самообороны для борьбы с «нарушителями спокойствия». Это предложение было принято. Было также решено вызвать в Грозный представителей чеченской и ингушской фракций областного народного совета и народного комиссара внутренних дел республики.

Против контрреволюционной попытки использовать имя грозненских пролетариев для раздувания национальной войны выступили лучшие представители грозненских рабочих и чеченской бедноты.

Асланбек Шерипов, руководитель и организатор чеченской бедноты, создатель чеченской Красной Армии, обратился к грозненским рабочим и общественным организациям со следующими пророческими словами:

«Пусть грозненская демократия не забывает, что в данный момент мы стоим перед вопросом о том, кто явится защитником власти и кто окажется против власти. В течение ближайших дней вся область разделится на две части: одна будет за совет, а другая — против, и потому чеченской фракции казалось бы, что грозненская демократия должна употребить все усилия к тому, чтобы чеченцы оказались на стороне советской власти и в союзе с грозненской демократией. Мы принимаем все усилия и все меры к тому, чтобы чеченцы поняли необходимость защиты советской власти до последней капли крови, и можем заверить, что чеченцы никогда ни в какие союзы и соглашения с казаками для того, чтобы итти против демократии и революции, не вступят.

Пусть грозненцы, понимающие серьезность момента, отмежуются не только на словах, но и на деле от тех сознательных и бессознательных контрреволюционеров, которые сожгли аул Бардикай и ведут политику разъединения «иногородних» и чеченцев.

Тех, кто участвовал в сожжении Бардикая и провоцирует подобные факты, мы считаем безусловно союзниками того контрреволюционного казачества, которое с первых дней революции поставило себе задачей путем провокации и подлой работы не допустить объединения «иногородних» и чеченцев, что оказалось бы гибельным для контрреволюционных замыслов казачества»[2].

---

[1] «Терский казак» № 56 от 6 июля 1918 г., Владикавказ.
[2] «Терский казак» № 74 от 30 июля 1918 г., Владикавказ.

Это обращение Шерипова сыграло большую роль.

Грозненская провокация, задуманная одновременно с моздокскими событиями, сорвалась. Подавляющее большинство грозненских пролетариев и крестьянская беднота окрестных селений и станиц раскусили замыслы грозненских бичераховцев.

Контрреволюционную затею казачьей верхушки поддержал чеченский «национальный совет», находившийся в это время в ауле Атаги, во главе с Ибрагимом Чуликовым.

Чеченский «национальный совет» обратился к Грозненскому совету рабочих, крестьянских и военных депутатов и к Совету народных комиссаров с ультиматумом, в котором предложил в трехдневный срок «очистить территорию Чечни, занятую воинскими частями города Грозного, немедленно прекратить уборку и вывоз чеченских хлебов, как с арендованной, так и с их собственной земли, и вернуть уже забранный хлеб»[1].

Чуликов угрожал в случае непринятия ультиматума войной против советской власти.

Кучка чеченских контрреволюционеров просчиталась. Трудовые массы Чечни шли за Чеченским народным советом, находившимся в селении Гойты, и за чеченской фракцией областного народного совета, во главе которой стоял Асланбек Шерипов. Вызвать новое столкновение между чеченцами и Красной Армией им не удалось.

Контрреволюционная казачья верхушка начала изобретать новые провокации. Ночные налеты на чеченские аулы, на окраины города, убийства, грабежи, увод в плен должны были по замыслу врагов неминуемо вновь вызвать кровавую борьбу, в которой погибли бы ненавистные контрреволюции грозненские рабочие и чеченская беднота. По ночам огненные столбы горящих нефтяных фонтанов, сливаясь в огромное красное зарево, зловеще освещали город Грозный и станицу Грозненскую.

Борьба началась по приказу из Моздока.

Отправляя банды полковников Беликова и Соколова на Владикавказ, Бичерахов решил действовать наверняка. Чтобы лишить Владикавказ помощи со стороны рабочих Грозного и обезопасить свой тыл, Беликову и Соколову необходимо было разрушить пролетарскую крепость на Сунже—Грозный. Эту задачу должна была выполнить станица Грозненская.

Станица Грозненская — часть города Грозного. В станице расположена железнодорожная станция и депо, нефтяные склады, ряд городских предприятий. От Грозного станицу отделяла река Сунжа. Несколько мостов соединяли ее с остальной частью города. Тем не менее эта часть Грозного издавна считалась казачьей станицей и имела свое станичное управление. Казачья верхушка станицы Грозненской давно превратилась в городских купцов, домовладельцев, акционеров грозненских нефтепромыслов. С тем большим остервенением они встретили пролетарскую революцию. Им-то, стоявшим во главе станицы Грозненской, и было

[1] «Терский казак» № 57 от 7 июля 1918 г., Владикавказ.

адресовано следующее предписание от казачье-крестьянского совета из Моздока:

«Станице Грозненской.

Казачье-крестьянский совет предлагает немедленно предложить командующему советскими вооруженными силами в городе Грозном в двадцать четыре часа сдать все оружие, броневики и т. п.

В случае невыполнения наших требований в назначенный срок, предлагаем открыть боевые действия против неприятеля.

Председатель Терско-дагестанского казачье-крестьянского совета Г. Бичерахов»[1].

Бичераховский ультиматум стал известен пролетарским организациям Грозного ранее, чем контрреволюционные верхи станицы Грозненской успели его предъявить. Не ожидая предъявления ультиматума бичераховцев, Грозненский совет рабочих депутатов 10 августа со своей стороны предъявил ультиматум станице Грозненской с требованием немедленного разоружения и сдачи оружия к 7 часам утра 11 августа. Казаки попросили отсрочки, которую использовали для подготовки к наступлению на город. Одиннадцатого августа в 10 часов утра им был предъявлен второй ультиматум. В ответ со стороны станицы Грозненской начался обстрел города.

Грозненские рабочие и их семьи с честью вынесли тяготы непрерывных стодневных уличных боев. Сражались все способные владеть оружием. Женщины и подростки не отставали от своих отцов, мужей, братьев. Но, окруженный со всех сторон, Грозный не имел достаточных сил. К тому же наиболее боеспособную воинскую часть — «рабочий батальон» — грозненцы послали на помощь Владикавказу.

Силы красных не превышали двух тысяч человек, тогда как белые из станицы Грозненской все время получали помощь из близлежащих станиц Сунженской линии — Ермоловской, Романовской, Михайловской, Самашкинской и многих других. Отрядами в 300—500 человек спешили белые в Грозненскую, чтобы расправиться с большевистскими советами, с рабочими и заодно и с «азиатами», как они презрительно называли чеченскую бедноту. Временами численность белых в станице Грозненской доходила до 10—12 тыс. человек.

День и ночь гудели орудия. Пятьдесят пушек с обеих сторон извергали до тысячи снарядов в сутки. Трещали пулеметы вперемежку с залпами винтовочных выстрелов. Рвались ручные гранаты, рушились здания, погребая под своими развалинами бойцов и их семьи.

К зареву горящих нефтяных фонтанов присоединилось зарево горящих зданий в Грозном и в станице.

С ожесточением дрались красные за каждую пядь земли, за каждую улицу, за каждый дом.

---

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», документы V тома, д. 80/б, л. 7.

Нехватка боеприпасов заставляла быть изобретательными. В Грозном в мастерских лили пули и даже делали снаряды к трехдюймовкам.

Пули без никелевой оболочки быстро засоряли стволы винтовок, артиллерийские снаряды не раз вызывали веселое настроение героических защитников Грозного. Прежде чем разорваться, описывая траекторию, они ухитрялись несколько раз перевернуться в воздухе на глазах у изумленных бойцов. Но и этими самодельными пулями и снарядами красные бойцы наносили сильный урон противнику.

Особое значение в условиях городского боя приобрели оригинальные методы военной маскировки.

Один из участников грозненских боев рассказывает, что «ночью вдоль угрожаемых участков фронта устраивались костры из соломы и других горючих материалов, свет которых позволял заметить противника и обнаружить его действия. Днем же горящая солома поливалась водой. Дым и пар образовывали своеобразную завесу, которая маскировала участки нашего фронта»[1].

Группа белых офицеров во главе с полковником Поморцевым меткой одиночной стрельбой причиняла часто чувствительный урон красным частям. Белые снайперы не останавливались и перед тем, чтобы брать на мушку беззащитных стариков и детей. Для борьбы с белобандитами была создана небольшая группа красных снайперов.

Одетые в серые, сшитые из мешков костюмы, они проникали, насколько было возможно, вперед, в расположение белых. Устроившись на мостовой, в канаве, в развалинах разрушенных и сожженных домов, они часами изучали точки, откуда раздавались одиночные меткие выстрелы белых. Обнаружив эти точки, красные снайперы методически, спокойно их уничтожали.

По линии железной дороги состязались красные и белые бронепоезда. И здесь были мобилизованы все средства, проявлялась исключительная изобретательность, чтобы уничтожить врага.

Белые, в руках которых находилась железнодорожная станция и депо, неоднократно пытались разрушить линию железной дороги, связывающую район мятежников с Грозным, и уничтожить красные бронепоезда.

Красные бронепоезда чаще всего были самодельными, их выпускали рабочие железнодорожного депо. Несколько больших американских товарных вагонов и железная угольная платформа с высокими бортами, на которой устанавливали трехдюймовое орудие, — и бронепоезд готов. Такие «бронепоезда» были грозой для белых. Красные бронепоезда часто ночью совершали налеты на станцию Грозный. Эти ночные налеты парализовали белое командование и производили большие разрушения в укреплениях белых. Белое командование всеми мерами старалось уничтожить

---

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», д. 4654, стр. 10.

красные бронепоезда. Однажды ночью белые пустили паровоз под парами в сторону красного бронепоезда, надеясь, что пущенный ими паровоз с открытым регулятором на полном ходу налетит на наш бронепоезд и разобьет его.

Но белобандиты ошиблись. Предвидя такую возможность, рабочие всегда держали стрелку железнодорожного пути под замком и под охраной. Путь был переведен на открытую линию в сторону Гудермеса. Пущенный паровоз промчался, не причинив никакого вреда. Он дошел до разъезда Ханкалы и остановился. Рабочие Грозного неожиданно получили в подарок исправный паровоз. В другой раз белоказаки пустили в сторону красных большой состав цистерн с нефтью и керосином. Эти цистерны были зажжены. Горящая стена цистерн проталкивалась задним ходом к железнодорожному мосту через реку Сунжу. Белые решили остановить горящий состав на мосту и сжечь его (настил моста был деревянный). Тогда красные бронепоезда больше не могли бы следовать по направлению к станции.

Одновременно белые перешли в решительное наступление. Над городом стояло сплошное кровавое зарево. Дым, огонь, сильная артиллерийская канонада, треск пулеметов. Били из орудий, бомбометов. Тысячи пьяных белоказаков, подгоняемые белыми офицерами, лезли напролом, пускались вброд и вплавь через реку Сунжу, крича, как озверелые: «Сдавайся, босяки!»

Но красное командование и героические бойцы не растерялись. Стойко отражали они наступление белых. Несмотря на недостаток патронов и снарядов, бойцы наносили сильное поражение белым.

Красный бронепоезд, не устрашась казачьей артиллерии, под прикрытием поставленных впереди вагонов с песком двигался к горящему мосту, где стоял полыхающий огненный поезд из цистерн с керосином и нефтью. Нельзя было допустить, чтобы мост был сожжен. Уничтожение моста обрекло бы красные бронепоезда на бесполезное простаивание в тупиках, вывело бы их из участия в активной борьбе. Казаки могли прорваться, захватить Шебелиновскую и Бароновскую слободки. Это бы решило судьбу пролетарской твердыни — Грозного.

Под огнем белых рабочие и красноармейцы героически боролись за спасение моста. Были организованы ударные бригады под руководством большевиков и лучших бойцов бронепоезда, а также рабочих железнодорожного депо. Работой руководил машинист грозненского депо Ямщиков Василий Васильевич (погиб в 1919 г.).

Под огнем горящих цистерн, под пулями и снарядами белых рабочие ползком добрались по насыпи к горящему составу, протащили с собой цепь, надели ее на сцепной крюк горящих цистерн. Паровоз красного бронепоезда с силой рванул и оторвал большую часть горящих и негорящих цистерн и оттащил их к разъезду Ханкалы. Негорящие цистерны были спасены, и грозненцам достались нефть и керосин. В то время у них не было ни того, ни другого.

Рабочие Грозного показывали чудеса храбрости. Многие из них погибли. На помощь советским отрядам спешило трудовое население города. Рабочие слободки Тушиновская, Шебилиновка создали отряды самообороны, сражавшиеся вместе с Красной Армией. Подростки не уступали в храбрости взрослым. 17-летний юноша Александр Кучин по заданию командира совершил вылазку в белые окопы и забросал их гранатами. Он же со своим товарищем Григорием Амаровым в сопровождении пяти бойцов бомбами выбил несколько десятков белых из гаража и ротного двора дагестанских казарм[1].

Вместе с рабочими Грозного дралась и умирала за власть советов и чеченская беднота. Она подала руку помощи своим русским братьям. Отряды Шерипова и Абдул-Рашида Исаева сражались плечом к плечу с русскими рабочими отрядами. С помощью Чеченского народного совета, находившегося в Гойтах, удавалось обеспечить город боеприпасами и продовольствием. Через Гойты держали связь с Владикавказом, с областным партийным и советским центром, с т. Орджоникидзе.

В рядах чеченских отрядов сражались за новую, счастливую жизнь и женщины-чеченки.

Молодая чеченка сестра-боец Фатимат Арсанова с санитарной сумкой и с винтовкой дралась на передовых позициях.

С горстью красноармейцев она защищала гостиницу «Север». Белые окружили гостиницу. Их бронепоезда били в упор по зданию. Все меньше становилось бойцов. Опустела санитарная сумка. Защитников осталось несколько человек.

Белые оцепили гостиницу и принялись забрасывать ее ручными гранатами. Фатимат заняла место у одной из бойниц, отложила опустевшую и ненужную теперь сумку и начала стрелять по наступавшим белым. Так удержали гостиницу до прихода подкрепления.

Фатимат вместе с другими идет в атаку. Сзади наступавших движется красный бронепоезд. Вдруг Фатимат заметила скрытый в траве и тянувшийся от полотна железной дороги к железнодорожной школе электрический провод. Провод перервали и из-под рельсов вытащили мину. Идя по направлению провода, Фатимат обнаружила организаторов взрыва — двух белых офицеров. В этом бою чеченка Фатимат Арсанова была убита наповал[2]. Так отдала свою жизнь за счастье народа молодая чеченка.

На сторону красных переходила и казачья беднота, насильно мобилизованная белыми. По ночам в окопы белых с огромным риском пробирались агитаторы. Казачья беднота охотно их принимала и слушала, а назавтра, когда ее гнали в бой, многие стреляли вверх и при первой возможности переходили на сторону красных. Часто с территории, занятой белыми, машинисты угоняли целые поезда. Шофер Николай Зайцев на авто-

[1] «Грозненский рабочий» № 183 от 11 августа 1930 г., Грозный.
[2] «Женщина в гражданской войне», стр. 189, Москва, 1938 г., изд. 2-е.

мобиле, нагруженном пулеметами, перебежал из белого стана к своим.

Борьба в городе затягивалась.

Перед защитниками города вырастали все новые трудности. Плохо обстояло дело с продовольствием, еще хуже — с боеприпасами. Достать их можно было только в Чечне с помощью Гойтинского совета.

На грозненскую буржуазию была наложена контрибуция в размере 10 млн. руб. царскими деньгами (единственные деньги, которые брали чеченцы).

На эти деньги из Чечни привозили все необходимое. Грузовики грозненцев сопровождали по Чечне революционные всадники из отрядов Шерипова и Абдул-Рашида Исаева. Банды чеченских контрреволюционеров Чуликова, Али-Митаева часто вступали в перестрелку с грозненцами и революционными чеченцами, тем не менее снабжение Грозного из Чечни носило почти регулярный характер.

Хуже обстояло с денежными знаками в городе. У рабочих, городской бедноты денег не было. Имущие классы их попрятали. Совет распорядился немедленно выпустить временные денежные знаки, обязательные к приему в Грозном. Напечатать их решили в местной типографии.

Но типография находилась на линии огня. Пробраться в нее можно было лишь перебежками под ружейным и пулеметным огнем белых. Снаряды белых, знавших по донесениям шпионов о месте типографии и о ее работе, то и дело пробивали брешь в крыше, в стенах. Работать в этих условиях было невозможно.

Типографию решили перевести в более безопасное место. Ночью при незатихавшем бое начали перевозить типографию. Во время перевозки погибли комиссар типографии Пушкарский и рабочий-печатник Иван Говорухин[1]. Несколько рабочих было ранено.

В более безопасном месте установили две печатные машины, несколько реалов с шрифтами — и типография начала работать. Она выпускала денежные знаки и печатала ежедневный бюллетень о ходе боев. Работали печатники посменно: смена на позиции, смена в типографии.

Так жили, работали, боролись в те дни грозненские рабочие.

Положение становилось все тревожнее. Враги, явные и тайные, всячески поддерживали мятежников. Меньшевистско-эсеровские предатели открыто перешли на сторону мятежников или помогали им тайно, оставаясь на территории, занимаемой красными, и прикидываясь друзьями советской власти.

В самый разгар боев они потребовали, чтобы Красная Армия покинула Грозный, чтобы вооруженная борьба была перенесена за город. Это требование мотивировалось «гуманностью» по отношению к населению. Рабочие были возмущены. Предательское и провокационное требование меньшевиков и эсеров было наруку

[1] «Грозненский рабочий» № 183 от 11 августа 1930 г., Грозный.

лишь врагам советской власти. Это требование было отвергнуто с негодованием.

Враги, шпионы, тайные сообщники мятежников старались нанести удар из-за угла, пересылали белым сведения. С этой целью они использовали реку Сунжу. В закупоренных бутылках вниз по течению реки, туда, где находились вражеские окопы, плыли бутылки с донесениями шпионов. Но не дремали и красные «рыболовы», как шутливо называли рабочие ребят, занимавшихся «ужением» бутылок. В расставленные в нескольких местах сети попадались вражеские донесения, не доходя до адресата.

Красные отряды сильно беспокоили белых, не давая им возможности собраться с силами для общего наступления. Почти ежедневные вылазки на территорию врага деморализовали и без того неустойчивые казачьи части, сформированные из насильно мобилизованных мятежниками казаков.

Вот обыденная боевая сценка.

На заре красный бронепоезд начал наступление на вокзал. Под сильным огнем белогвардейцы покинули станцию. В это же время рабочие отряды повели наступление на станицу Грозненскую и выбили белых с их позиций.

Белые части не выдержали удара, бросили окопы и в беспорядке бежали в сторону Карпинской горы и Алавердовского нефтеперегонного завода. Бронепоезд своим смелым налетом не дал возможности стоявшему у железнодорожного пакгауза белому бронепоезду уйти с отступавшими казаками. Он был захвачен.

С бронепоезда белых сняли 11 пулеметов, патроны, отцепили платформу с трехдюймовым орудием и вместе с паровозом направили к себе, к Бароновской мельнице.

В этом бою Красная Армия захватила большое количество пленных и трофеев. Много рабочих и их семей, оставшихся на территории белых, было спасено от рук обнаглевших палачей и пьяного офицерства. К вечеру белые получили крупное подкрепление, и грозненцы вынуждены были снова отступить на свои старые позиции.

На помощь мятежникам прибыл посланный из Моздока атаманский Волгский полк. Перед ним была поставлена задача во что бы то ни стало взять Грозный. Офицеры полка с бахвальством заявляли, что им тут «с мужиками» делать нечего, завтра они займут Грозный. На другой день, напоив полк пьяным, офицеры повели его в наступление на Казанскую слободу. Подпустив полк близко к себе, доблестные защитники Грозного из 4 пулеметов скосили зарвавшихся белых казаков. От белого полка осталось 11 человек, которые были взяты в плен[1].

Бои приняли затяжной характер и шли с переменным успехом. Настроение части казачества, втянутого в борьбу против советской

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», документы V тома, л. 232—712.

власти на Тереке, падало. Организаторы мятежа решили поднять дух своей контрреволюционной «армии».

Однажды по фронту распространился слух, что на помощь белым прибыл отряд англичан.

И действительно, на разных участках фронта против грозненцев начали действовать небольшими группами солдаты, совершенно не похожие на бородатых казаков, стариков-терцев, составлявших основные силы мятежников.

Чисто выбритые, подстриженные на английский манер усы, новенькое, прекрасное английское обмундирование.

По фронту пошли легенды: англичане и французы присылают на помощь белым несколько дивизий, танки, броневики, это их первый отряд и т. д.

Но вот один из «англичан» попал в плен. Несмотря на «англизированный» вид, лицо его показалось многим очень знакомым. Правда, отсутствовала длинная борода, были подстрижены мохнатые, насупленные брови, но английские усы «бабочкой» не могли изменить крупного, покрасневшего от водки и облупленного от загара курносого лица.

«Англичанин» оказался известным многим грозненцам казаком станицы Самашкинской, расположенной недалеко от города.

На допросе он показал, что для «поднятия духа» белое командование сформировало отряд из казаков, решив превратить их в «союзников-англичан». Казаки, преимущественно старики, были острижены, выбриты по английской моде, одеты во френчи и английские шинели. Им в отряд придали офицеров, владевших английским языком. Пользоваться русским языком было запрещено, что обрекало казаков почти на полное молчание.

Появление такого отряда на фронте в первую минуту действительно произвело сильное впечатление на белых казаков. Но в тот же день, когда в пылу боя подвыпившие «англичане» начали изъясняться чисто «по-русски», секрет раскрылся, и получился скандал.

Скандальная эта авантюра казачьих верхов имела под собой определенный фундамент. Англичане, несомненно, оказали существенную помощь контрреволюционным мятежникам и приняли участие в борьбе с советской властью.

Еще в конце января 1918 г. приехавший во Владикавказ из Москвы представитель французского посольства — некий г. Воган от имени французского и английского правительств предложил полковнику Беликову, тогда одному из деятелей контрреволюционного терско-дагестанского правительства, денежную помощь для борьбы с большевиками.

Помощь была предложена путем гарантированного Францией займа или наличными деньгами, которые можно было получить через Английский банк в Тифлисе. В Тифлисе тогда находилась и английская миссия.

Вопрос о денежной помощи был поставлен на заседании терско-дагестанского правительства и обсуждался в присутствии

г. Вогана. Было решено послать в Тифлис для связи с английской миссией заместителя атамана есаула Медяника, возглавлявшего финансовое ведомство «правительства». Об этом впоследствии рассказал полковник Беликов. Вскоре после принятого решения Медяник выехал в Тифлис. На обратном пути в Джирахском ущелье он был захвачен ингушами и расстрелян, а через некоторое время остатки терско-дагестанского правительства, выгнанные из Владикавказа, сами бежали в Тифлис к своим друзьям-англичанам.

Летом 1918 г. из Тифлиса во Владикавказ приехала английская дипломатическая миссия. Она вынуждена была убраться из Тифлиса, так как в Грузию вступила приглашенная грузинским меньшевистским правительством германская оккупационная армия.

Расположившись во Владикавказе, английская дипломатическая миссия установила связь с английской миссией в Москве. Англичане предложили снабжать красноармейцев кое-какими продуктами, оставшимися у них из запасов империалистической войны, при условии разрешения снабжать такими же «подарками» и белых.

В английских «подарках» больше всего было табаку и папирос. На фронте красноармейцы страдали без табака.

Было решено принять предложение англичан. Английский табак и папиросы в одинаковых посылках передавались для красноармейцев и для казаков на фронт.

Посылки, предназначенные белым, красноармейцы относили на нейтральную зону, куда за ними приходили белые. Как-то красноармейцам нехватило папирос. Решили позаимствовать до прихода очередной посылки из партии папирос, предназначенных белым, еще не отправленной в нейтральную зону. В одной коробке красноармеец обнаружил странные папиросы: вместо табака они были набиты чем-то другим.

Папиросы были немедленно доставлены во Владикавказ. Из них были извлечены тонкие, написанные на английском языке листочки папиросной бумаги[1]. Это были шпионские сведения, любезно доставляемые и пересылаемые английскими «доброжелателями» белым. В них оказались сведения о численности и расположении красных сил, состоянии вооружения и т. д.

Когда терское советское правительство попыталось вступить в переговоры с «миссией» по поводу «подарков», англичане встретили представителей советской власти огнем.

Дом, где помещалась «миссия», пришлось взять штурмом. Отряд пехоты с броневиками вел пулеметный обстрел дома. «Миссия» отвечала сильным ответным огнем, заставлявшим предполагать большую численность осажденных.

«Миссии» было предложено сдаться под угрозой разгрома дома

---

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», документы V тома. Воспоминания Сидорова, стр. 49.

артиллерией. После некоторого колебания «миссия» сдалась. Оказалось, что под флагом английской миссии, преследовавшей «гуманные» цели, скрывалась шпионская организация интервентов и мятежников, руководимая англичанами. В миссию приезжали из Москвы от Локкарта и от генерала Деникина тайные курьеры, белогвардейские офицеры, которые по планам интервентов и белогвардейских руководителей должны были здесь поднять мятеж одновременно с мятежами в центре страны. В доме «миссии» скрывалось до ста белогвардейцев. Весь состав «миссии» был арестован. Об этом происшествии было сообщено в Москву.

Совет народных комиссаров Терской республики опубликовал следующее сообщение об аресте английской «миссии»:

«Совет народных комиссаров обладал точными сведениями, что английская миссия, находящаяся во Владикавказе, имеет тесную связь и сношения с контрреволюционным движением, раскинувшимся по всей Советской России и в частности в Терской области, где оно вылилось в форму мятежа казаков и части осетин под руководством Бичерахова, работающего на англо-французское золото. В силу этих причин английской миссии было предложено покинуть пределы советской территории. За отсутствием средств сообщения миссия осталась на некоторое время в городе, не прекратив, однако, своей преступной, против народной власти направленной работы.

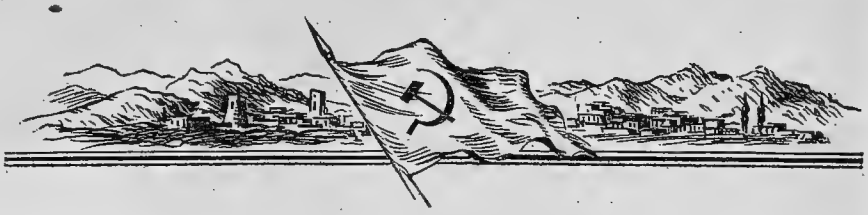
3 октября отрядом особых поручений при Комиссариате внутренних дел был задержан штабс-капитан Угривенко, шпион штаба Алексеева из Екатеринодара, у которого были отобраны документы и письма на имя английской миссии во Владикавказе от организатора покушения на Ленина в Москве Локкарта и черносотенного деятеля Шульгина.

Такие же бумаги были задержаны на имя бакинской французской миссии. На основании содержания этих документов сегодня утром был произведен обыск в английской миссии и у других лиц, связанных с контрреволюционной деятельностью английской миссии. Члены английской миссии временно находятся под домашним арестом до просмотра их бумаг и документов»[1].

Наряду с другими материалами, свидетельствовавшими о шпионской и диверсионной деятельности, у англичан было найдено клише от государственного кредитного билета пятирублевого достоинства (царского образца).

«Дипломатическая миссия» занималась и производством фальшивых денег, которыми она снабжала контрреволюцию.

[1] «Народная власть» от 6 октября 1918 г., Владикавказ.



ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РАЗГРОМ БИЧЕРАХОВСКОГО МЯТЕЖА

☆

ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОГО КАЗАЧЕСТВА ТЕРЕКА НА БОРЬБУ С МЯТЕЖНИКАМИ

После разгрома во Владикавказе казачья контрреволюция попряталась по казачьим станицам. Нельзя было отойти 6—7 километров в сторону казачьих станиц, чтобы не попасть под обстрел. В районе Пятигорска, Ессентуков, Кисловодска рыскали «волки» Шкуро. Контрреволюционные отряды совершали налеты на станицы Марьинскую, Прохладную, на Георгиевск. В Моздоке находилось казачье-крестьянское правительство меньшевика Георгия Бичерахова. На помощь ему спешил его родной брат, английский наймит полковник Лазарь Бичерахов с большим отрядом, прекрасно вооруженным на деньги англичан. В контрреволюционном казачьем кольце все еще находились города Кизляр и Грозный.

Сил для оказания помощи осажденным Грозному и Кизляру не было. Все отряды, находившиеся в распоряжении Терского совета, были брошены на фронт в сторону Прохладной.

Орджоникидзе не покидала мысль об оказании помощи Грозному. У него возникла смелая идея: повести наступление на белых с тыла, со стороны Сунжи, силами трудовых казаков и «иногородних» Сунженской линии. Он вызвал к себе А. З. Дьякова — терского казака из станицы Марьинской. Дьяков доказал свою преданность советской власти. Орджоникидзе предложил ему пробраться в тыл к белым, на Сунжу, выяснить настроение казаков и «иногородних» и организовать из наиболее преданного советской власти трудового казачества отряд, с которым и выступить на помощь грозненцам. Дьяков согласился. Он был из числа тех

нескольких членов казачьей фракции, которые в августовские дни остались на съезде и с оружием в руках выступали против мятежников. На съезде Дьяков был выбран в народный совет.

После августовских боев Дьяков редактировал газету «Терский трудовой казак», начавшую выходить взамен закрытой газеты «Терский казак», которая поддерживала мятежников. Было напечатано специальное обращение к казакам, и Дьяков с небольшой группой в 5 человек советски настроенных казаков отправился в тыл врага, чтобы поднять восстание за власть советов.

На Сунжу можно было пробраться только через Ингушетию, но ингуши враждовали с казаками, и казаку проехать по Ингушетии было невозможно. Серго добился провожатых от Ингушского национального совета, и Дьяков с товарищами благополучно пробрался в тыл врага. В станице Карабулакской, первой станице, куда попал Дьяков, он выяснил, что трудовое казачество и «иногородние» стоят за советскую власть. Опираясь на группу казаков и «иногородних»-фронтовиков, ему удалось арестовать атамана станицы, объявить советскую власть и организовать первый революционный отряд терских казаков. В станице оказалось много оружия — винтовок, пулеметов и даже пушек и бомбометов. Были выделены делегаты-фронтовики в станицы Нестеровскую, Асинскую, Троицкую, Слепцовскую, Михайловскую. Собирались сходы в станицах. Выступали представители революционных советских казаков, и станица за станицей провозглашала власть советов. Только в станице Слепцовской кулацко-зажиточная часть казаков выступила против признания советской власти. В остальных станицах оказались многочисленные группы казаков-фронтовиков и казачьей бедноты, только и ждавших организатора, посланца советской власти. Серго правильно учел обстановку, он знал, чем живет и дышит трудовой казак. Посылка им эмиссара советской власти подняла дух трудового казачества, дала толчок выступлению за власть советов.

3 октября в телеграммах Ленину в Москву и Сталину в Царицын Орджоникидзе с радостью сообщал:

«Станицы Карабулакская, Асинская, Троицкая и Нестеровская в наших руках; в казачьих станицах мобилизованы от 20 до 45 лет; вчера ночью на 18 сентября станция Михайловская и курорт Серноводск были заняты нами; настроение наших казаков боевое; командующий крестьянской Красной Армией Сунженской линии Терской республики — Дьяков; 16 сентября на город Грозный казаки наступали густыми колоннами, но, оставив более 1 000 человек убитыми и ранеными, 150 пленными, отступили назад; большинство пленных заявляют, что они не хотели воевать против советской власти, но их гнали на бой насильно»[1].

Внезапно в тылу у белых выросла дивизия красных казаков численностью до 6—7 тыс. бойцов. Был организован Военно-революционный комитет под руководством Дьякова. Против антисоветски

[1] «Красный Архив», 1936 г., т. 5, стр. 5—6.

настроенной станицы Слепцовской были открыты военные действия. Орджоникидзе одобрил действия Дьякова. Встал вопрос о командире, который сумел бы руководить семитысячным казачьим отрядом. По настоянию Орджоникидзе командовать отрядом остался Дьяков. Орджоникидзе знал, что Дьяков не военный специалист. Дьяков, казак-бедняк станицы Марьинской, был слесарем по специальности. В нем сочеталась пролетарская закалка, преданность делу пролетарской революции с близостью к трудовой казачьей массе, выходцем из которой он был сам. Орджоникидзе отдал приказ о назначении командующим войсками Сунженской линии т. Дьякова, которому поручил ликвидировать белогвардейский фронт, осаждающий город Грозный, восстановить железную дорогу между Грозным и Бесланом, а призванных белыми и штабом Сунженской линии казаков распустить на уборку урожая.

Орджоникидзе распорядился выдать Дьякову большое количество денег для расплаты с казаками и крестьянами за хлеб и другие продукты, забираемые для Красной Армии. После этой расплаты доверие к советской власти у казаков и крестьян еще более укрепилось. В распоряжение Дьякова Орджоникидзе направил рабочий батальон грозненцев, в свое время пришедший на помощь Владикавказу, гаубичную батарею и бронепоезд Автономова.

Упорная борьба шла также на георгиевском фронте, имевшем большое значение. Фронт прикрывал собой Пятигорск—район Минеральных Вод, не давая восставшим казакам соединиться с белыми бандами Шкуро, оперировавшими в районе Кисловодск — Бургустанская. Белые захватили Золкинские высоты от станицы Урухской-Марьинской до реки Малка. Казачьи отряды из ближайших станиц — Марьинской, Солдатской, Прохладной — под командованием казачьих генералов и полковников Мистулова, Вдовенко, Федюшкина и др. упорно старались прорвать фронт красных. Общая численность казачьих частей достигала 4 тыс. сабель и штыков. Численность красных отрядов была приблизительно такая же, но это была пехота, тогда как у белых была преимущественно конница, которая в нужную минуту могла спешиться. Поэтому белые обладали большей подвижностью. Позиция красных на георгиевском фронте была значительно хуже позиции белых. Занимая высоты, белые господствовали над позицией красных. Число красных бойцов беспрерывно уменьшалось из-за болезней и ранений, в то время как численность белых возрастала, так как к ним притекали пополнения. Война приняла позиционный характер по весьма широкому фронту. Положение красных осложнялось нехваткой боеприпасов. Запасов артиллерийских снарядов и патронов не было. Но в Георгиевске имелись большие пороховые погреба.

Командование фронта немедленно организовало производство снарядов, ремонт орудий, изготовление винтовочных патронов. Когда наступили холода, пришлось прибегнуть к принудительному сбору белья, верхней одежды, обуви для нужд бойцов фронта.

Сборы производились главным образом в курортных городах района Минеральных Вод, где осело большое количество буржуазных элементов, бежавших от революции.

Странный вид имели красные бойцы — в черных пиджаках, смокингах, в белых с крахмальной грудью и манжетами рубашках...

Но боевой дух красных бойцов был высок, и они сдерживали наступление противника.

Из многочисленных отрядов, сражавшихся на фронте, особый интерес представлял отряд станицы Государственной под командованием терского казака этой же станицы В. И. Кучуры. Как и Дьяков, Кучура происходил из бедной казачьей семьи. В семнадцать лет он уже был слесарем в станице Прохладной. Затем он уехал на Грозненские нефтепромыслы, где работал масленщиком, кочегаром. Участвовал в забастовках. Во время империалистической войны на кавказском фронте его разжаловали из унтер-офицеров и отдали под суд за революционную агитацию среди солдат. Он бежал с фронта в родные края. После Февральской революции Кучура пошел с большевиками. Когда победила пролетарская революция на Тереке, он стал организатором советской власти в казачьих станицах Терека.

Как только возник контрреволюционный мятеж, Кучура начал организовывать казачью бедноту на борьбу против мятежников. С огромным риском для себя он пробрался на родину — в станицу Государственную. В станице верховодило казачье кулачье. На помощь кулачью пришел отряд мятежников во главе с генералом Вдовенко, уроженцем этой же станицы.

Отряд Вдовенко прибыл в станицу Государственную для расправы с казачьей беднотой, оставшейся верной советской власти и отказавшейся выступать на стороне мятежников. Было арестовано около 50 человек. Им грозил расстрел.

Пробравшись тайно в станицу, Кучура вызвал к себе известных своей преданностью советской власти нескольких одностаничников. Договорились выгнать мятежников из станицы, восстановить советскую власть и организовать помощь красным бойцам. Тут же разбили станицу на участки. В каждом участке решили создать вооруженные ячейки, которые по сигналу должны были собраться в сотни. Назначили командиров сотен. Надо было собрать станичный сход. Но за последнее время на сходы, собираемые белыми, никто, за исключением кулаков, не ходил, поэтому, прежде чем ударить в набат, пошли по домам приглашать казачью бедноту на сход.

О предстоявшем сходе сообщили и в соседнее село, где подавляющее большинство крестьян было за власть советов, давшую им землю, теперь вновь отнятую казачьей верхушкой.

Был выработан следующий план действий: сход собирается во дворе станичного правления, когда соберется народ и на сход прибудут офицеры,— закрыть выход и никого не выпускать.

Накануне схода станица была объявлена на военном положении. Из состава революционной группы был назначен красный комендант станицы.

Еще накануне схода все казаки знали, что на завтра назначен сход и что будут выгонять белых.

Настал день схода. Часов в 5 утра ударили в набат. К 7 часам утра вся станица собралась в условленном месте. Пришли, как и следовало ожидать, белые офицеры во главе с генералом Вдовенко.

Все собравшиеся знали, что приехал Кучура. В толпе шныряли офицеры и кулачье. Они убеждали собравшихся, что Кучура — изменник казачеству, что он связался с красными.

Но вот в воротах появляются шесть вооруженных казаков во главе с Кучурой. Двухтысячная толпа затихла. Казаки смело подошли к крыльцу станичного правления, где за столом в окружении белых офицеров восседал восстановленный белыми станичный атаман.

В наступившей тишине вдруг зазвенели стекла выбиваемых окон. Это арестованные казаки, сидевшие в карцере, помещавшемся тут же во дворе, протестовали против своего плена.

Вот как сам т. Кучура рассказывает об этом сходе:

«Подходим к столу... Прошу слова — все честь-честью. Председатель встает:

— Господа казаки, вот наш станичник просит слова.

— Дать, дать! — кричат.

Говорю:

— Я желаю, чтобы прежде всего огласили повестку дня.

Все кричат: «Просим». Я взял у писаря бумажку, прочитал. В повестке дня стоит: «Выступить как один по решению казачества против большевиков...»

Моя речь была краткой. Я сказал, что считаю подобный поход незаконным. На Тереке существует законная советская власть в лице Совнаркома... Я выступаю как представитель советской власти...

— Кто дал право поднимать восстание? Давайте сейчас же, товарищи, изберем наш президиум и разберем ряд вопросов, которые я ставлю как представитель советской власти.

Тут же выбрали президиум... Я заявил, что контрреволюционные генералы и помещики отбирают вновь землю. Вношу сразу предложение:

...Мы считаем, что Государственную нужно объявить на военном положении, белому отряду предложить немедленно оставить станицу. В противном случае все как один выступим».

Моментально я проголосовал это предложение. Затем я объявил, чтобы не было беспорядка на митинге, предупреждаю, что в случае насилия со стороны лиц, прибывших сюда на экзекуцию, они немедленно будут арестованы и расстреляны... С этой минуты хозяин в станице советская власть и я — исполнитель воли»[1].

---

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», фонд воспоминаний V тома. Воспоминания Кучуры, стр. 22—23.

Вокруг Кучуры собрались вооруженные казаки. Их поставили у выхода, из карцера выпустили арестованных. Митинг продолжался. Было решено послать представителей на георгиевский фронт, в близлежащие селения, чтобы узнать, куда направить помощь красным войскам.

Решили немедленно выгнать мятежников. Заставили трубачей дать сигнал. На звук трубы собрался весь белый отряд — около 300 всадников. Тут же привели коней для офицеров. Генералу Вдовенко подали линейку.

Перед белыми стояла двухтысячная толпа успевших вооружиться казаков. Из толпы слышались насмешки и свист по адресу офицеров. Офицеры вместе с отрядом поспешили удрать из станицы Государственной, ставшей вновь советской.

Через несколько дней к станице подошел белый отряд и предъявил ультиматум о сдаче оружия и признании моздокского контрреволюционного «казачье-крестьянского совета».

Им ответили: приезжайте и попробуйте забрать.

Но белый отряд побоялся сунуться к советским казакам. К этому времени в отряде, сформированном Кучурой, было более тысячи сабель и штыков. Когда через некоторое время к Государственной подошли крупные силы белых, отряд Кучуры решил итти на соединение с красными войсками георгиевского фронта, к станице Солдатской.

ЛИКВИДАЦИЯ БИЧЕРАХОВЩИНЫ

Борьба за Терек занимала в стратегических планах генералов Деникина и Краснова видное место. Упорная борьба на Тереке и в ставропольских степях отвлекала силы советских войск, облегчая Краснову продвижение к Царицыну, а Деникину давала возможность укрепиться на Кубани. Движение войск генерала Деникина в июне 1918 г. на Тихорецкую и дальше на Екатеринодар не случайно совпало с началом контрреволюционного мятежа на Тереке. Наступлению Деникина на советскую Кубань сопутствовали ожесточенные бои на Тереке.

Военные операции мятежников диктовались деникинским штабом. В штабе генерала Деникина находился представитель контрреволюционного моздокского правительства генерал Колесников, впоследствии принявший на себя непосредственное командование всеми силами мятежников.

Моздокский «казачье-крестьянский совет», состоявший из верных слуг генерала Деникина, сильно беспокоило появление на Сунже, у них в тылу, красной казачьей дивизии Дьякова и красного казачьего отряда станицы Государственной. И на других участках фронта все более частым явлением стал переход казаков на сторону красных.

Три месяца ожесточенной борьбы не оправдали надежд казачьей контрреволюционной верхушки. Владикавказ, Пятигорск, Грозный, Кизляр оставались советскими. Советскую власть

поддерживали Ингушетия, Чечня, Осетия, Кабарда. Крестьянская беднота из «иногородних» на Тереке, трудовое крестьянство Ставрополья активно сражались в рядах красных бойцов.

Близилась осень, и возможность гражданской войны в зимних условиях не сулила белым ничего хорошего. Среди рядового казачества, обманом вовлеченного в контрреволюционную авантюру, началось брожение.

Казачьим контрреволюционным верхам необходимо было ликвидировать такие настроения. С другой стороны, надо было принять энергичные меры против «изменников делу казачества». С этой целью было решено созвать в Моздоке 25 сентября чрезвычайный «казачье-крестьянский съезд».

За несколько дней до съезда «казачье-крестьянский совет» обратился с особым воззванием к станичникам-сунженцам. Воззвание упрекало сунженцев и казаков станицы Государственной в «измене». Советским казакам предлагалось одуматься, изъявить покорность и притти с повинной на съезд.

Открывшийся в Моздоке съезд прошел под знаком еще большего укрепления контрреволюции. На съезде присутствовали и выступали с приветствием представители «добровольческой» армии. Прислал приветственную телеграмму и Шкуро, захвативший к этому времени на несколько дней Кисловодск.

Съезд контрреволюционного казачьего офицерства и кулачья под диктовку эсеров и меньшевиков принял решение приветствовать вступление на территорию Терека «добровольческой» армии генерала Алексеева и партизанского отряда полковника Бичерахова. Одним из основных решений съезда было признание так называемого временного народного правительства Терской республики. Это правительство мятежников было образовано из так называемого временного исполнительного комитета, выделенного кучкой казачьих офицеров, меньшевистско-эсеровской фракцией IV областного народного съезда в дни августовских событий во Владикавказе.

Организаторы контрреволюционного мятежа, оставшись в захваченном полковниками Соколовым и Беликовым Владикавказе, под руководством приехавшего из Моздока Бичерахова образовали пресловутый «временный исполнительный комитет», преобразованный теперь во «временное народное правительство».

Председателем его оставался все тот же организатор и руководитель мятежа, агент Деникина меньшевик Георгий Бичерахов, его заместителем — эсер И. Семенов. В состав «правительства» вошли эсер Леонид Орлов, бывший в 1917 г. пятигорским городским головой, представители казачьих верхов — Полюхов и др.

Был избран и новый состав «казачье-крестьянского совета». Появление на сцене так называемого временного народного правительства было результатом резко ухудшившейся в эти дни обстановки на фронте.

К концу съезда советские войска начали наступать по всем направлениям.

Шкуро вновь оставил Кисловодск. Непосредственная связь Бичерахова с «добровольческой» армией генерала Деникина оказалась прерванной. Отряду полковника Бичерахова не удалось взять Кизляр. Красная казачья дивизия Дьякова подходила к Грозному. В тылу у мятежников возникали новые фронты.

Признание правительства во главе с меньшевиками и эсерами, сохранение названия Терской республики и обращение к авторитету IV областного съезда как органа, якобы создавшего это правительство, — все это говорило о шатком положении мятежников на Тереке.

Двадцать второго сентября из Владикавказа Орджоникидзе телеграфировал в Москву Ленину и в Царицын Сталину об успехах на фронте против белых казаков на Сунженской линии[1].

Мятежников били на всех фронтах.

Под Грозным вместе с казачьей дивизией Дьякова действовала против белых красная чеченская конница во главе с Асланбеком Шериповым и Абдул-Рашидом Исаевым.

Подходили части реорганизовавшейся Северокавказской армии.

В конце сентября в осажденный белыми Грозный приехал Серго Орджоникидзе. Через Ингушетию и Чечню, объехав казачьи станицы — Карабулакскую, Троицкую, Нестеровскую, Асиновскую, он через фронт пробрался на этот важнейший участок борьбы, чтобы вдохновить уставших бойцов и непосредственно, на месте помочь им советом, указаниями.

Орджоникидзе созвал совещание командиров, познакомил их с общей обстановкой в республике, с ходом борьбы.

Приезд любимого руководителя укрепил моральное состояние героических защитников Грозного.

Шаг за шагом они выбивали белых из станицы Грозненской. В начале октября Орджоникидзе вернулся во Владикавказ.

В эти тяжелые дни, руководя борьбой на Северном Кавказе, Орджоникидзе уделял большое внимание событиям, происходившим по ту сторону Кавказского хребта. К Орджоникидзе сходились все нити событий в Закавказье. Он внимательно следил за борьбой, которую вела небольшая группа закавказских большевиков в Грузии, Армении, Азербайджане против германских и турецких интервентов, против предателей — меньшевиков и других контрреволюционеров. Тринадцатого октября Серго сообщил Ленину в Москву и Сталину в Царицын о положении в Баку накануне взятия его турками, о восстаниях грузинских крестьян, о подавлении немцами выступления русских и армянских крестьян в Белом Ключе, о резне армянского населения, организованной турецко-татарскими бандами в Азербайджане[2].

Орджоникидзе внимательно следил за процессом резкой классовой диференциации, происходившей в горской среде. Как всегда, он сам участвовал в проведении многих собраний. Двенадцатого

---

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 6, 1918 г.

[2] *Там же.*

октября в Назрани открылся съезд ингушского народа. В продолжение трех дней Орджоникидзе руководил работой съезда, произносил речи о текущем моменте. События показали ингушскому народу, насколько прав был Орджоникидзе, разоблачая националистическое буржуазное руководство Джабагиевых в Ингушском национальном совете. В дни, когда ингушский народ под руководством большевиков громил контрреволюцию, председатель Ингушского национального совета Вассан-Гирей Джабагиев, украв около полумиллиона рублей народных денег и печать совета, бежал к своим меньшевистским друзьям в Тифлис.

В своей прекрасной речи на открытии съезда ингушского народа перед тысячной толпой, слушавшей его затаив дыхание. Серго говорил:

«Каждый день и час радио приносит сведения, что все народности, все нации восстают против своих притеснителей... Мы получили сведения, что под Константинополем дерутся революционные войска с султанскими. Те германские войска, которые были призваны на Украину для борьбы с крестьянством и для восстановления «попранных» революцией прав помещиков, теперь подняли знамя восстания.

Турецкие и германские войска покидают опекаемое ими Закавказье. Шамхорские татары обезоруживают отступающие армии империалистов. Все маленькие народности, христиане и мусульмане, тонувшие в собственной крови из-за национальной розни, теперь забывают старую вражду и братски подают друг другу руки, зовя на борьбу против общих врагов — капиталистов. Германский император Вильгельм в начале войны заявлял торжественно, что у Германии есть свой бог, который помогает ей в победе. Но теперь и бог, и чорт, и дьявол восстали против него. Умер также и Алексеев, царский генерал, на которого контрреволюционеры возлагали так много надежд. Вы знаете, с каким чувством удовлетворения ждали наши враги его прихода сюда. И вот вместо Алексеева, который должен был притти на Северный Кавказ для восстановления старого, свергнутого революцией порядка, получилось известие о его смерти. *(Шопот одобрения и возгласы стариков:* «Бог его покарал».) Недели две тому назад мы не ждали этих событий, но события совершаются обычным чередом. *(Шопот одобрения, старики творят молитву.)* Помните, как враги смеялись вначале над нашим бессилием? И что же? Мы вышли победителями... Теперь уже больше никто не наденет на нас былое ярмо. Все трудовые народы сливаются в одно целое для общей борьбы. И мы победим!»[1]

Съезд единодушно пошел за большевиками. Был избран новый состав Ингушского совета. Враги сделали попытку сорвать выступление Серго и расправиться с ним. Спровоцированные своими офицерами, всадники бывшего Ингушского полка «дикой» дивизии

---

[1] *Орджоникидзе,* Избранные статьи и речи 1911—1937 гг., стр. 40—41, Госполитиздат, 1939 г.

предъявили требование об уплате им жалованья за год, с момента Октябрьской революции, и уплаты им «за все понесенные убытки». На съезд полк пришел в полном вооружении во главе с офицерами. Когда Орджоникидзе и Бутырин произносили речи, начиналась дикая музыка, пляска, стрельба.

Орджоникидзе на эти требования ответил, что за службу Николаю советская власть не платит.

«Вы тогда дрались не за бедный народ, а за полковников и генералов. Мы были против этой войны, и нас за это гоняли на каторгу... силою от нас никогда ничего не возьмете, мы не боимся... наемников»[1].

Всадники бывшего Ингушского полка, подстрекаемые своими офицерами, расправились бы с немногочисленной группкой коммунистов во главе с Серго, но съезд предложил всадникам немедленно разойтись, и им пришлось подчиниться.

Процесс острого расслоения происходил и в Чечне. Чеченская молодежь под руководством Асланбека Шерипова боролась за свободу своего народа, а также за освобождение его от религиозных пут. Шерипов, молодой чеченский революционер, ставший вскоре большевиком, произнес блестящую речь на Ингушском съезде, куда он приехал вместе с Орджоникидзе:

«Я только вчера приехал из Чечни. Я буду краток, но скажу суть всего. Много в последнее время говорят о турках, о Джабагиеве и других. Говорят, что они турецким империализмом хотят от чего-то спасти нас. Лживые языки уже успели распустить слухи о том, что турки уже в Чечне и восстанавливают порядок. Не верьте этому. Я здесь перед вами свидетельствую, что нет ни одного турецкого солдата в Чечне, кроме военнопленных нищих...

Вы должны также знать и то, что чеченский народ, как и вы, заявил открыто о том, что он никого не уполномочивал вести переговоры ни с каким империализмом; мы также заявляем о том, что нам никакой власти не нужно, кроме нынешней, трудовой. Но все-таки кучка авантюристов заключает бумажные договоры; пусть они погибнут в бесплодных мечтаниях... нашего порабощения они не достигнут. Пусть они бредут с белыми, а мы закрепим свою революцию, добытую кровью лучшего элемента российских народностей. Пусть бесплодная агитация мулл останется с ними, ибо народ верит тем, кто на своих исхудалых плечах несет свободу, равенство и братство...»[2]

Шерипов очень резко выступил против мусульманского духовенства — союзника царизма в борьбе против свободолюбивых горских народов.

«Посмотрите на нас, на ту сильную Чечню, перед которой дрожали при Шамиле русские генералы, — говорил Шерипов. — ...Где те честные борцы и рыцари свободы, которыми так недавно

---

[1] *Орджоникидзе*, Избранные статьи и речи 1911—1937 гг., стр. 43.

[2] «Народная власть» № 134 от 17 октября и № 135 от 18 октября 1918 г., Владикавказ.

гордилась теперь истерзанная Чечня? Их нет, их смело и затоптало наше духовенство. Мы испили эту горькую чашу позора, нам надоело это. Счастлив тот миг, когда проснулась Чечня... Народ опомнился... Он понял, что ради золота это духовенство готово пойти с нашими вековыми врагами — царским казачеством... И это глубокое сознание оздоровило массу, и она свергла его. Теперь... мы создадим новую, свободную и сильную Чечню»[1].

В середине октября по указанию Серго Орджоникидзе Шерипов выступает против Чеченского народного совета в Гойтах, который, по его словам, «не борется с контрреволюцией, а спекулирует на революции». На заседании Народного совета Шерипов открыто заявил, что в Чечне образовалась советская партия и что она будет добиваться съезда чеченского народа для перевыборов Гойтинского совета.

Приближалась первая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Большой и трудный путь проделал за первый год пролетарской диктатуры Серго Орджоникидзе — посланец Ленина и Сталина. Всюду организуя рабочих и крестьянскую бедноту на борьбу с буржуазией, с помещиками, за власть советов, он был олицетворением силы и мощи ленинской, большевистской партии. Под Пулковом он дрался с оружием в руках, на Украине он собирал хлеб для Красной гвардии, для голодающих рабочих Питера и Москвы, на юге — чрезвычайный комиссар юга России. В борьбе с бушующей контрреволюцией на Кубани и Тереке, в горниле кипящих национальных и классовых страстей строил он советскую власть. Разрешая на месте по-ленински, по-сталински национальный вопрос, он строил ингушу, осетину, чеченцу, кабардинцу, трудовому казаку и крестьянину счастливую советскую жизнь. Веками враждовавшие народности он учил жить в мире и в дружбе.

Шестого ноября на совместном заседании Терского народного совета и Владикавказского совета рабочих и солдатских депутатов, посвященном годовщине революции, Орджоникидзе выступил с яркой речью. По его предложению было принято решение об отпуске 13 млн. руб. на постройку в области народных домов. Во Владикавказе решено было построить рабочим дома, библиотеку. За подписью Серго собравшиеся в день торжества Великой пролетарской революции послали телеграмму с приветствием Ленину.

На другой день, 7 ноября, Серго принимал парад во Владикавказе. В этот же день в станице Михайловской, освобожденной от контрреволюционных банд, у самой линии фронта состоялся торжественный парад. Перед Серго проходили части казачьей Красной Армии, отряды чеченцев, осетин. Натравливаемые друг на друга помещиками и капиталистами, они соединились под руководством коммунистов, чтобы расправиться со своими подлинными врагами. От имени Совета Народных Комиссаров

---

[1] «Народная власть» № 134 от 17 октября и № 135 от 18 октября 1918 г., Владикавказ.

Российской Социалистической Федеративной Советской Республики Серго вручает боевые красные знамена казачьей Красной Армии и чеченским отрядам. Советские казаки дают торжественную клятву объединиться с красноармейцами — осетинами, чеченцами на борьбу за пролетарскую революцию, для окончательного разгрома контрреволюции.

«Заслушав доклад товарища Орджоникидзе и других, мы, казаки революционных станиц, заявляем, что, кроме советской власти, никакой другой власти быть не может... — говорилось в резолюции, принятой революционными казаками Сунженской линии. — Мы заявляем, что сегодня, в день годовщины Октябрьской революции, мы тесно спаялись с нашими братьями-красноармейцами — осетинами, кермендистами и чеченцами, вместе с ними рука об руку пойдем вперед развенчивать контрреволюционных полковников и генералов. Мы вместе пойдем освобождать трудовое казачество от гнета царских офицеров.

Да здравствует союз трудовых масс казаков, крестьян и рабочих, смело идущих к великой социальной революции!»[1]

Девятого ноября Орджоникидзе выступил на довольно необычном собрании. Терский народный совет, исполком Владикавказского совета рабочих и красноармейских депутатов, представители Ингушского и Осетинского народных советов собрались обсудить вопрос о судьбе осетин-беженцев, покинувших в августовские дни Владикавказ. Когда в августе ингушские отряды наступали на Владикавказ, большое количество трудящихся из Владимирской и Осетинской слободок Осетии, не принимавших участия в антисоветском восстании, боясь ингушей, бросили свои хозяйства, имущество, работу и убежали. Царским правительством они были воспитаны в духе того, что «ингуш — враг осетина, осетин — враг ингуша». Теперь осетины-беженцы просили советскую власть, чтобы она их помирила с ингушами. Орджоникидзе призывал трудящихся осетин и ингушей жить в мире, бороться против общего врага.

Враг еще не был уничтожен. Он еще сидел в Моздоке, он скрывался в казачьих станицах, в осетинских селениях. Контрреволюционное офицерье готовилось к новому нападению на советскую власть. За подписями чрезвычайного комиссара юга России Орджоникидзе и военного комиссара Терской республики было выпущено воззвание к населению с призывом продолжать героическую борьбу с контрреволюцией.

Борьба с бичераховщиной вступила в решительную фазу. Противник бросил против советских войск Терека все, что он мог, тем не менее нажим советских войск усилился. Положение мятежников ухудшалось.

Жестокая борьба развернулась за Кизляр. Кизляр попал в железное кольцо мятежников. Как и Грозный, Кизляр героически защищался. Красноармейский отряд, рабочие города, крестьяне

[1] «Революционный горец» № 2 за ноябрь 1918 г., Владикавказ.

окрестных сел заперлись в городе. Белые после неоднократных попыток взять город штурмом решили затопить его. Они начали отводить русло Терека на город. Героические защитники Кизляра совершили вылазку в тыл к белым и пресекли их преступную работу.

Борьба длилась уже несколько месяцев. У красных нехватало боеприпасов, не было продовольствия, но воля к победе крепла, и красный Кизляр, как остров, гордо стоял в центре кипящего контрреволюционного моря.

Из Дагестана на помощь белым подходили банды полковника Лазаря Бичерахова. Полковник Лазарь Бичерахов был подстать своему брату Георгию Бичерахову — организатору мятежа на Тереке. Авантюрист и головорез, в годы первой империалистической войны он был командиром партизанского отряда и сражался в Месопотамии и Персии против турок. После пролетарской революции в России этот английский наймит вместе со своим отрядом был послан своими хозяевами — англичанами на расправу с восставшими рабочими и крестьянами. Бичерахов предательски захватил Дербент, Петровск и двинулся к Кизляру. Зверская расправа с трудящимися, открытый разбой — вот основные методы действий полковника Лазаря Бичерахова.

В середине октября на Теречной пристани высадился экспедиционный отряд под командованием войскового старшины Снесарева, посланный полковником Бичераховым на помощь белым. В отряде Снесарева было около тысячи штыков, 8 орудий, несколько десятков пулеметов и 2 английских бронированных автомобиля[1]. Отряд бичераховцев без боя прошел путь от берега Каспийского моря до Терека и обрушился на Кизляр.

Появление отряда Лазаря Бичерахова под Кизляром подбодрило мятежников. Политические и военные руководители мятежников были уверены, что падение Кизляра — вопрос ближайших дней. Заранее было решено, что после захвата белыми Кизляра бичераховский отряд будет переброшен на Грозный. Вслед за падением Кизляра белым мерещилось и падение пролетарской твердыни — Терека.

Первые действия бичераховского отряда под Кизляром были успешны. Белые подошли к самому городу и заняли его окраины. Защитники Кизляра героически отражали атаки бичераховцев. В боях было подбито и выведено из строя несколько английских броневиков. Вскоре часть пулеметной команды бичераховцев перешла на сторону красных. Белые начали терпеть поражение за поражением и отступили из предместья города на старые позиции.

Командующий войсками мятежников генерал Мистулов взял на себя руководство борьбой под Кизляром. Туда были брошены большие силы, и все же взять Кизляр ему не удалось.

Когда фронт мятежников под Новонавловской был прорван,

[1] «Приазовский край» № 229 за 1918 г., Ростов-на-Дону.

Мистулов бросился туда. Но и там ему не удалось спасти положение. Под напором советских войск и под влиянием событий в тылу (переход на сторону красных части казачьих станиц) казаки начинают отступать, отдавая станицу за станицей. Белоказаки сдали Солдатскую и отошли к Прохладной. Белый фронт разлагался. Казаки бросали окопы и уходили в свои станицы. Видя разгром мятежников, Мистулов застрелился в Прохладной. Командование перешло к генералу Колесникову, незадолго до этого прилетевшему сюда на аэроплане из расположения деникинских войск. Десятого ноября советскими войсками с боем была освобождена Прохладная. Шли упорные бои в Грозном. Еще раз приехал сюда Орджоникидзе, под его руководством начался последний штурм укреплений белых.

В ожесточенных боях грозненские герои-партизаны, поддержанные подошедшими отрядами красных казаков под командой Дьякова, прорвали контрреволюционное кольцо вокруг Грозного и отбросили белых на Терек.

Двенадцатого ноября белые были выбиты из станицы Грозненской и отступили. «Стодневный» бой закончился. Город-герой вписал не одну славную страницу в историю гражданской войны, и первый из пролетарских центров был награжден ВЦИК орденом Красного знамени за беспримерную и упорную борьбу с белыми.

На помощь Терской республике спешили части незадолго до этого организованной XII Красной армии. Шариатская колонна под командой большевика казака Мироненко широким фронтом двинулась со стороны Пятигорска — Ставрополья на Терек, очищая от контрреволюционеров казачьи станицы, восстанавливая железнодорожный путь[1]. 23 ноября шариатская колонна окончательно разгромила гнездо терской контрреволюции и взяла Моздок. Контрреволюционный «казачье-крестьянский совет» и «временное народное правительство» во главе с Бичераховым бежали.

Пятнадцатого ноября Орджоникидзе телеграфировал Ленину о блестящей победе Красной Армии:

«После очищения Грозненской станицы 13 утром три сотни казаков с гаубицей, красным знаменем перешли на нашу сторону (от) ст. Самашкинской, после чего сама станица была занята без выстрела, следующие станицы Романовская и Ермоловская сдались также без боя. Сегодня утром из Владикавказа в Грозный прибыл наш бронированный поезд, было взято нами 9 орудий, 2 бронированных поезда, бронированный автомобиль, 1000 снарядов, масса винтовок, патронов, 12 пулеметов, бомбометов, минометов, зарядных ящиков, перевязочных материалов и прочее военное имущество, количество которого продолжает выясняться. Среди казаков полное разложение. Полковник, руководивший операциями контрреволюционных банд, застрелился. Другие

[1] Шариатская колонна получила свое название от большого количества горцев-мусульман, вступивших в советские отряды для борьбы с белыми.

офицеры бежали. Трудовое казачество встречало советские войска красным знаменем и хлебом с солью.

Среди терского казачества решительный перелом. Продолжаем дальнейшее развитие наших операций. Подожженный офицерскими бандами резервуар потушен. Старые промысла в Грозном нами заняты. Приступаем к тушению нефтяных пожаров на новых промыслах и к организации добычи нефти.

В связи с победами в Владикавказе были митинги и манифестации. Настроение Красной Армии великолепное. Казаки массами записываются в Красную Армию»[1].

Отступление белых от Грозного, а затем и от Кизляра окончательно решило исход борьбы. Контрреволюционные верхи бежали, и станицы одна за другой переходили в руки красных войск.

Контрреволюционный блок вместо провалившегося «казачье-крестьянского совета» и правительства Бичерахова создал триумвират в составе Бичерахова (председатель «временного народного правительства»), Букановского (председатель «казачье-крестьянского совета») и генерала Колесникова[2]. Фактическим главой его был генерал Колесников.

Деникинский генерал Колесников прежде всего решил сохранить остатки разгромленных контрреволюционных сил. Они были сведены в дивизию. Контрреволюционное буржуазно-националистическое правительство Дагестана и англичане, полновластно хозяйничавшие в Дагестане и Баку, обеспечили беспрепятственную эвакуацию дивизии генерала Колесникова по железной дороге в район Хасав-Юрт — порт Петровск, где она соединилась с силами другого английского наймита—полковника Бичерахова.

Остатки разгромленных под Владикавказом контрреволюционных отрядов полковников Агоева, Кибирова, Серебрякова отступили в район Пятигорья и присоединились к «добровольческой» армии генерала Деникина. Часть контрреволюционных отрядов во главе с полковником Данильченко, зажатая в тиски красными войсками, отступила по Военно-Осетинской дороге в меньшевистскую Грузию на Кутаис и далее на Поти. Из Грузии белогвардейские отряды были любезно доставлены грузинскими меньшевистскими союзниками Деникина на Кубань.

Так бесславно закончился бичераховский мятеж. Несмотря на все усилия мятежников, Терек в 1918 г. остался советским.

БОРЬБА ПРОТИВ БУРЖУАЗНО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ СОЮЗНИКОВ БИЧЕРАХОВА НА ТЕРЕКЕ

Наступление Деникина на Северный Кавказ и контрреволюционный казачий мятеж окрылили и буржуазно-националистическую контрреволюцию. Так называемое горское правительство, выгнанное своими народами с Терека, начало в Тифлисе переговоры

[1] «Красный Архив», 1936 г., т. 5, стр. 6.
[2] «Приазовский край» № 229 за 1918 г., Ростов-на-Дону.

с грузинскими меньшевиками и немцами, в то время подлинными хозяевами Закавказья, приглашая их на Северный Кавказ для помощи в борьбе за «самостоятельность» горского государства.

«Горское правительство», перекочевав из Тифлиса в Темир-Хан-Шуру, поближе к Северному Кавказу, наводнило горские районы своими агентами. Однако успеха они не имели. Трудовые горские народы прекрасно знали, что им сулит горское государство под главенством Чермоевых, Капланових, Коцевых.

Состоявшийся во Владикавказе в конце ноября 1918 г. общегорский съезд народов Терека обсуждал вопрос о «горском правительстве».

Чеченская фракция съезда, обсудив вопрос о действиях «горского правительства», постановила «всемерно поддерживать советскую власть, дающую землю и волю трудовому народу. Чеченский трудовой народ и его Красная Армия присягнули на верность советской власти и этой присяге останутся верны до конца» [1].

Ингушская фракция единогласно присоединилась к резолюции, принятой чеченской фракцией. При шумных аплодисментах всего съезда единогласно была принята резолюция, предложенная чеченской фракцией:

«Принимая во внимание, что так называемое правительство союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, бежавшее из пределов Терской области в февральские дни в Тифлис, ныне перекочевавшее из Тифлиса в Темир-Хан-Шуру, стремится оттуда распространить свою власть на народы Терской республики, Общегорский съезд Терской республики в составе представителей чеченского, ингушского, кабардинского, осетинского и балкарского народов на своем объединенном заседании, состоявшемся 25 ноября 1918 г., постановил:

1. Признать, что стремления этого горского самозванного правительства идут явно в разрез с интересами трудового русского населения, что несомненно зажжет пожар национальной войны, в ужасах которой могут погибнуть все завоевания Октябрьской революции.

2. Признать, что создание независимой от России горской республики в настоящее время неосуществимо ни по культурным данным, ни по экономическому положению горских народов.

3. Признать, что образовавшаяся в крае советская власть, предоставляющая каждой народности в крае полное право на самоопределение, приступившая к передаче земли трудовому народу без всякого выкупа на началах уравнительного землепользования, утверждающая каждой народности равенство трудовых масс, признающая, что слоем паразитическим являются богачи и помещики, эту власть будут поддерживать горские трудовые массы всеми силами против всех врагов, откуда бы они ни шли, а особенно против самозванного горского правительства, против

[1] «Революционный горец» от 28 ноября 1918 г., Владикавказ.

чермоевщины. Чеченский народ должен будет принять первый удар Чермоева и компании не на словах, а на деле, он покажет, что значит покушаться на свободный народ... Против чермоевской компании мы будем действовать одинаково, чтобы не было больше посягательств на нашу свободу» [1].

Спустя три дня, 28 ноября во Владикавказе открылся V съезд народов Терской республики. Этот съезд резко отличался от предыдущих съездов. Опыт прошедшей жестокой борьбы многому научил трудовые массы Терека. На V съезде большевики стали не только ведущей, но фактически единственной партией. Съезд, который насчитывал свыше 750 делегатов, единогласно принимал резолюции, предложенные большевиками.

Обстановка, в которой происходил V съезд, также изменилась. В период IV съезда вооруженная борьба советского правительства Терека с бичераховцами и их союзниками только начиналась. Исход ее еще не был известен. Это определяло позицию многих делегатов. Бичераховцы были разгромлены. Это было ясно для всех. Были освобождены Грозный, Кизляр, взят Моздок. Остатки бичераховских банд катились к Дагестану. В эти дни Орджоникидзе сообщал Ленину:

«Нашими войсками заняты станицы Эльдарово, Наурская, Мекенская, Калиновская, Николаевская. Население всюду восторженно встречает наши войска.

Оживленный бой с остатками бичераховских банд. Взято одно горное орудие, 500 винтовок, масса патронов, снарядов. Нами обезоружено несколько осетинских сел, являвшихся гнездом офицерских банд; взято пять орудий и бронированный автомобиль. Подсчет винтовок идет. Наши славные красноармейцы каждый день наносят мощные удары бичераховским бандам. Надеемся через несколько дней совершенно очистить Терскую область от контрреволюционных банд» [2].

Но нарастала другая опасность. На смену разгромленной казачьей контрреволюции шла контрреволюция буржуазно-националистическая.

Открывая V съезд, Орджоникидзе говорил:

«Перед нами новая опасность и не от казачьего Бичерахова, а от Бичерахова чеченского и ингушского» [3].

К этому времени ориентация буржуазно-националистических верхов горских народов меняется. Революционные потрясения в Германии, а затем и в Турции ослабили влияние этих стран в Закавказье. На смену им шли англичане; они укрепились сначала в Азербайджане и отсюда проникли в Дагестан.

Не случайно «горское правительство» перекочевало из Тифлиса в Темир-Хан-Шуру. Новые, англо-французские хозяева за борьбу против большевиков и ненавистной им Советской России платили

---

[1] «Революционный горец» от 26 ноября 1918 г., Владикавказ.
[2] ЦАКА, д. 50—110.
[3] «Народная власть» № 170 от 30 ноября 1918 г., Владикавказ.

не хуже германских интервентов. К тому времени плоскостной Дагестан был захвачен буржуазно-националистическими отрядами. Советская власть сохранилась в горной части Дагестана. «Горское правительство» резко активизировало свою контрреволюционную деятельность.

Усилилось размежевание в среде горских народов советского Терека. Народные советы, пришедшие на смену «национальным советам», раскалывались. Организованные в разгар борьбы с открытой контрреволюцией, в борьбе против контрреволюционных буржуазно-националистических верхов, они объединили вокруг себя не только горскую бедноту, но и мелкую буржуазию горских народов, демократические круги горской интеллигенции. В зависимости от успехов советской власти эти колеблющиеся элементы пытались определить отношение к ней горских народов. Зараженные национализмом, цепляющиеся за свою собственность и в то же время боясь быть разгромленными контрреволюционным казачье-горским блоком, они метались от советской власти к националистической контрреволюции.

Революционная горская молодежь, выросшая в огне классовых битв под руководством большевиков, не могла мириться с колеблющейся политикой местных народных советов. Она все теснее смыкалась вокруг большевиков, шла в их ряды. Среди горских народов появились большевистские группы.

В Ингушетии, где до этого знали только одного ингуша-большевика, выросла значительная большевистская группа. В Осетии после проведенной большевиками серьезной политической работы из «Кермен» были изгнаны националистические элементы, и партия стала полностью на большевистскую платформу. Партия «Кермен» вошла в состав терской большевистской организации[1].

В Чечне революционные силы собрались вокруг Шерипова. Горская революционная молодежь шла с большевиками и вступала в ряды большевистской партии.

Пятый съезд народов Терека показал новые сдвиги, происшедшие в среде горских народов.

Вместо ставших традиционными на съездах горских фракций (ингушской, осетинской и т. д.) на V съезде была создана и выступила во главе горских народов горская коммунистическая фракция. Декларация о создании горской коммунистической фракции была оглашена на съезде:

«Принимая во внимание: 1) что существование горских фракций, организованных по чисто национальным и религиозным признакам, не сближает трудовых горцев с другими трудовыми элементами Терской республики, представленными на V съезде, а, наоборот, дает почву к разжиганию национального и религиозного антаго-

[1] Впоследствии националистические элементы в «Кермен», пробравшиеся в большевистскую партию, пытались повернуть осетинскую большевистскую организацию на враждебный партии путь. Но их вражеские происки были разоблачены, буржуазные националисты были выброшены из рядов партии и понесли за свою контрреволюционную деятельность заслуженную кару.

низма, 2) что классовое расслоение среди горцев уже в значительной степени произошло, группа горцев-коммунистов постановляет:

I. В противовес бюро горских фракций немедленно выделить из горских фракций делегатов съезда всех товарищей коммунистов и сочувствующих.

II. Организовать единую фракцию коммунистов-горцев и сочувствующих, каковая должна итти при решении всех вопросов на V съезде совместно с коммунистической фракцией съезда, как ее нераздельная часть» [1].

Декларация вызвала взрыв восторга, радости у одних и бешеной злобы, ненависти у других. Самый факт образования единой горской коммунистической организации, куда входили и ингуши, и осетины, и чеченцы, и кабардинцы, до пролетарской революции почти не участвовавшие в политической жизни, свидетельствовал об огромной разъяснительной работе, проведенной большевиками за последний год. Острая классовая борьба стирала национальные различия, так зорко охранявшиеся националистическими верхами горских народов и их помощниками из среды меньшевиков и эсеров. Известный меньшевик, руководитель Всероссийского мусульманского комитета в 1917 г., Ахмет Цаликов, панисламист, считавший себя «мусульманским социалистом» (есть же «христианские социалисты»), впоследствии организатор и руководитель Горского меджилиса в Тифлисе, выступил на съезде против образования горской коммунистической фракции. Для Северного Кавказа он считал «неестественным совместное участие лучших сынов горских народов в единой коммунистической организации». Орджоникидзе дал резкую отповедь меньшевистско-националистическим союзникам контрреволюции.

«Я думаю, что только что оглашенная здесь декларация от имени коммунистов-большевиков горцев, — говорил Орджоникидзе, — не подлежит обсуждению. Но некоторым из присутствующих здесь захотелось лягнуть своим слабым копытом в сторону той великой партии, которая высоко держит знамя социалистической революции, не останавливаясь ни перед какими условиями и трудностями... Когда здесь на улицах происходила борьба, когда проливалась кровь трудящихся масс в августовские дни, керменисты (осетины.— *И. Р.*), братски подавшие руки ингушам, сражались с ними здесь вместе... Я знаю, что среди ингушей есть агенты Джабагиева. Среди осетин есть богатые и бедные. В самой чеченской массе есть голыши и богачи... Партия коммунистов под свое красное знамя призывает трудовые обездоленные массы.

...Я бы считал несчастьем для горцев, — продолжал Орджоникидзе, — если бы трудовые ингуши и чеченцы не протянули братскую руку трудовому осетину. Если вы на самом деле хотите жить в мире и дружбе, вы, трудовые массы Северного Кавказа, без различия национальности должны протянуть друг другу руки. Чем отличается этот съезд от IV-го? Что вызывает такой колоссаль-

[1] Стенографический отчет V съезда народов Терека.

ный подъем, такие громовые аплодисменты, преподнесение букетов и т. д.? Это вызывается тем, что на этой стороне сидят трудовые казаки.

Я верю, что в Чечне вокруг Шерипова, которого мы считаем коммунистом, создается группа коммунистов. Среди ингушей есть коммунисты. Я не буду говорить о кабардинцах, которые вкусили плоды Серебрякова и которые сейчас ведут отчаянную борьбу с князьями. И среди кабардинцев создается группа этих подлинных бедняков, интересы которых мы защищаем. И все эти бедняки чеченцы, кабардинцы и т. д. объединятся вместе с русскими бедняками, казаками и вместе пойдут против Чермоева, против Арсанова и против всех предателей. *(Крики «браво», аплодисменты.)*» [1]

Единение всех горских народов с трудовым казачеством и крестьянством в борьбе против общего врага стало фактом. Там, где раньше пылал пожар межнациональной войны, раздуваемый контрреволюцией, теперь установился национальный мир и содружество народов. Воплощались в жизнь великие принципы Ленина—Сталина.

Руководимые большевистской партией, с помощью передового русского рабочего класса горцы, угнетенные и бесправные при царизме, рядом с русскими трудовыми казаками и крестьянами сами строили свою новую, счастливую жизнь.

Даже такие передовые представители своего народа, как чеченец Асланбек Шерипов, сомневались в возможности содружества казаков с горцами, в успехе привлечения трудового казачества к защите советской власти.

«Я помню, — говорил Шерипов на V съезде,— когда т. Дьяков подымал вопрос о пропаганде среди казачества. Я откровенно признаюсь, что в успех этой пропаганды я не верил. Но теперь мы убедились, что великая идея проникла и в глубину казачества, и мы являемся свидетелями той борьбы, в которую пошли сыновья казаков против своих отцов. Хотя я чеченец, сын того народа, в котором жила историческая вражда к казакам из-за земли, но я радуюсь единению трудовых масс казачества с чеченцами» [2].

Слово «большевик», имя Ленина, имя Орджоникидзе, или, как называли его ингуши, «Орджекенез» (черный князь, князь бедных), — стали родными, близкими горским трудовым народам. Первое слово делегатов, собравшихся на съезд, было обращено к Ленину. В приветственной телеграмме, посланной Ленину, народные представители писали:

«Пятый съезд народов Терской республики, собравшись в городе Владикавказе после четырехмесячных кровавых боев в области с контрреволюционными бандами, руководимыми казачье-осетинским офицерством, князьями, английскими агентами и белоэсерами, теперь окончательно разбитыми и утопающими в собственной

---

[1] «Народная власть» № 173 от 4 декабря и № 174 от 6 декабря 1918 г., Владикавказ.

[2] «Народная власть» № 174 от 6 декабря 1918 г., Владикавказ.

крови, вспоминает вас и шлет вам горячий привет. Первое слово, которое сорвалось с уст съезда в этот торжественный момент окончательной ликвидации контрреволюции в Терской республике, — это слово привета и глубочайшей признательности вам, как вождю революции бедноты, как застрельщику мирового восстания угнетенных и обездоленных против империализма и капитализма.

Съезд выражает непоколебимую уверенность, что жизнь человечества идет и будет итти по тому пути счастья и свободы народов, который вы пророчески предначертали. Терская республика, населенная мелкими народами, бессильными самостоятельно отразить меч империализма и монархизма, угрожаемый им с востока и запада, видит спасение и избавление лишь в неразрывном органическом единении с рабоче-крестьянской Россией, в полном торжестве советской власти и интернационала труда, знамя которого вы подняли над миром.

Пятый съезд народов Терской республики избирает Вас своим почетным председателем»[1].

Съезд обсудил доклад Совета народных комиссаров Терской республики о политическом положении Терской области и в принятой резолюции особо подчеркнул «полную солидарность с российским пролетариатом в его беспощадной борьбе с угнетателями народных масс, с империалистами великих и малых наций».

Дальше в резолюции по докладу Совнаркома Терской республики говорилось:

«...2. V областной съезд терских народов заявляет перед лицом всего мирового пролетариата, что торжество великой идеи освобождения человечества от ига капитала, раскрепощающей угнетенные классы рабочих и крестьян и порабощенные народы Востока, терские трудовые народы без различия племен: ингуши, балкарцы, кумыки, нагайцы и казаки будут защищать кровью всех способных носить оружие сынов своих.

3. Терские трудовые народы пришли к непоколебимому и твердому убеждению, что судьба и участь их, как маленьких народностей, их свобода и мирная трудовая жизнь зависят от окончательной победы российского и международного пролетариата, что вне социалистической революции и советской рабоче-крестьянской власти спасенья малым народностям, умерщвляемым мировыми хищниками, капиталистами, нет.

4. Терские трудовые горцы и трудовые казаки совместно с рабочими и красноармейцами, объединенные и спаянные кровью, пролитой вместе в борьбе с казачьей контрреволюцией Бичераховых, закаленные лишениями и победами, предостерегают новоявленных горских авантюристов Чермоевых, Джабагиевых и Коцевых, затеявших под благословением предателей грузинского крестьянства горскую контрреволюцию, от безумного и гибельного для бедных трудовых горских народов политического шарлатанства.

---

[1] Стенографический отчет V съезда народов Терека

В противном случае гнев Красной Армии безжалостно обрушится на врагов народа и пощада будет чужда сердцам красных бойцов.

5. Пятый съезд заявляет трудовым народам Терской области, что сокрушит железом и огнем так называемое горское чермоевское правительство, несущее рабство трудовым горцам и идущее отнять у горцев землю и установить ханство на горбах горских и казачьих землеробов, как сокрушили терские трудовые народы моздокское бичераховское гнездо...» [1]

Съезд одобрил политику советского правительства Терской республики и обязал его создать мощную Красную Армию и укрепить советскую власть в полном соответствии с Конституцией РСФСР. Верой в победу пролетарской революции проникнуты решения съезда. Идеей братской солидарности и общности борьбы всех трудовых народов Терека за лучшую жизнь была пронизана вся работа V съезда.

«С чувством пламенного воодушевления взирая на развертывающуюся грандиозную борьбу труда с капиталом, съезд терских народов гордится тем, что и горские трудовые народы и трудовое казачество принимают активное участие в этой титанической битве классов на стороне эксплоатируемого класса — пролетариата» [2].

Так заканчивалась резолюция по докладу Совнаркома республики. Во всех решениях съезда красной нитью проходят заботы о бедняке-горце, казаке, крестьянине.

Съезд наметил большую программу работ по разрешению аграрного вопроса в области. Он предложил немедленно наделить безземельных и малоземельных горцев, крестьян и казаков землей из областного земельного фонда.

Горным обществам Балкарии	24 384	десятин
Горным чеченцам Веденского округа .	46 000	»
Горным чеченцам Грозненского округа	44 000	»
Горным осетинам и другим	30 000	»

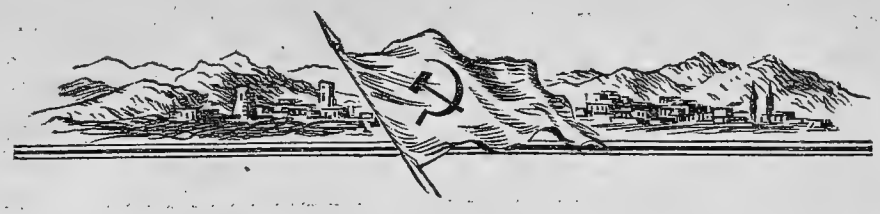
Было также решено приступить к организации ряда мелиоративно-агрикультурных мероприятий, опытных полей, племенных рассадников, научных агрономических учреждений.

Открывался кредит для субсидирования вновь организуемых различного типа коллективных трудовых хозяйств — коммун, товариществ, артелей, кооперативов и др.

Но реализовать эти решения Терская советская республика не успела. К ее границам подкатывались белые полчища генерала Деникина. Начиналась еще более упорная, еще более жестокая борьба.

---

[1] «Народная власть» № 174 от 6 декабря 1918 г., Владикавказ.
[2] *Там же.*



ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЛИКВИДАЦИЯ «СОРОКИНЩИНЫ»

☆

ЗВЕРСКАЯ РАСПРАВА СОРОКИНА С РУКОВОДИТЕЛЯМИ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Отход советских войск с Кубани, совершившийся под командованием Сорокина, подтвердил ранее возникавшее у многих подозрение, что Сорокин — изменник и маскирующийся враг.

К этому времени всем стал совершенно ясен план отступления северокавказских войск, принятый Сорокиным. Предатель Сорокин направил отступавшие северокавказские войска в сторону астраханских песков. Части Северокавказской армии оказались разобщенными между собой, и белым представлялась возможность громить их в отдельности. В самом тяжелом положении очутились пробивавшаяся к основным силам северокавказских войск Таманская армия под командованием Матвеева и белореченская группа под командованием Кочергина.

Белореченской группе, в составе которой были испытанные боевые части, пришедшие в свое время с Украины, и части, сформированные из местной кубанской бедноты, пришлось принять на себя защиту Армавирского района и Армавира.

Настроение в войсках было плохое. Сорокин и его банда, засевшие в штабе, распространяли про честных командиров и политработников разного рода клеветнические слухи. Это был один из приемов их вражеской работы, рассчитанный на срыв дисциплины и дезорганизацию рядов Красной Армии. И действительно, стали замечаться случаи неподчинения, отказа от выполнения распоряжений и т. д.

28 августа в станице Дондуковской собрался съезд представителей воинских частей белореченской группы [1].

Съезд в Дондуковской и его решения выразили искренние стремления подавляющего большинства отступавших войск продолжать борьбу до окончательной победы. Это настроение не оставляло войска даже в дни тяжелого отступления.

Съезд в Дондуковской решил:

«1. В ближайшее время добиться съезда представителей всей Кубанской армии.

2. Отменить выборное начало командного состава и ввести принцип назначения.

3. Воспретить бойцам самовольный переход из одной части в другую.

4. Организовать полковые суды и полковые комитеты и последним поручить оказывать полное содействие командному составу.

5. Совершенно отделить беженцев от войсковых частей и обоза в отдельную группу, создать специальный комитет по устройству и наблюдению за беженцами, которому поручить всех беженцев перевести в глубокий тыл, распределить их по станицам, создать по станицам специальные комитеты из беженцев и только через них вести с беженцами все сношения и оказывать им помощь.

6. Добиться от командарма направления отступления к Царицыну, а не через астраханские пески»[2].

Последние два пункта решения съезда имели особенно важное значение.

Уже в первые месяцы отступления численность беженцев и их обозов, тянувшихся за армией, была так велика, что они тормозили ход боевых операций. Присутствие в обозе семей бойцов — матерей, жен, детей — часто отвлекало красноармейцев от выполнения их основных задач.

Принятие пункта о беженцах свидетельствовало о высокой сознательности красных войск, понявших, что большие обозы сковывают армию, уменьшают ее боеспособность.

Еще сильнее говорит о сознательности бойцов, командиров и политработников решение съезда об отступлении не в сторону Астрахани, а в сторону Царицына.

Сорокин пришел в бешенство, узнав о решениях съезда. В эти дни после тяжелых боев с войсками противника, окружавшего белореченскую группу в районе Чамлыкской, Урупской и Вознесенских хуторов, ей удалось прорвать кольцо противника и соединиться с главными войсками Сорокина.

В еще более тяжелое положение попала отступавшая и пробивавшаяся на соединение с основными силами Таманская армия.

В середине сентября штабу Сорокина стало известно, что под Белореченской идет бой между Таманской армией и белыми. Чтобы

---

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», документы V тома. Неопубликованные воспоминания командира белореченской группы Кочергина.

[2] *Там же.*

помочь таманцам, командующий белореченской группой Кочергин просил разрешения начать наступление на Дондуковскую, которая была оставлена северокавказскими войсками несколькими днями ранее. Сорокин отказал в помощи Таманской армии и отдал приказ о дальнейшем отступлении к Невинномысской. Однако сильное недовольство бойцов и командиров заставило Сорокина изменить решение. Шестого сентября красный отряд под командованием Кочергина повел наступление на Дондуковскую и здесь соединился с таманцами.

Приказ Сорокина об отступлении к Невинномысской значительно ухудшал положение войск. Он вновь отрезал Таманскую армию от основных сил, оставляя ее на неравную борьбу с шедшими по ее следам белыми войсками.

Чтобы еще более осложнить положение отступавших за ним частей Северокавказской армии, Сорокин взрывал за собой мосты, железнодорожные пути. Таманцам приходилось их вновь восстанавливать.

Положение, создавшееся в связи с приказом Сорокина об отступлении к Невинномысской, обсуждалось на совещании командно-политического состава белореченской группы и Таманской армии.

На совещании было решено продолжать отход не к Пятигорску—Кизляру — Астрахани, куда вел армию Сорокин, а итти через Тихорецкую на соединение с советскими войсками царицынского фронта [1].

Особенно протестовал против плана Сорокина командующий Таманской армией т. Матвеев. Он говорил: «Если мы будем, по необходимости, отступать до Святого Креста, то нам придется поставить крест над всей армией, так как сзади Святого Креста — калмыцкая голодная степь и, будучи загнанными туда, армия погибнет» [2].

Товарищи Матвеев и Кочергин совершенно правильно предсказывали, что отступление армии, истомленной боями, с большим числом больных, без боеприпасов, в осенне-зимних условиях голодной калмыцкой степи окажется для нее гибельным.

Приняв решение отступать к Царицыну, Кочергин и Матвеев начали развертывать боевые действия в этом направлении.

Первой боевой операцией на пути выполнения намеченного плана явилось занятие Армавира, оставленного Сорокиным и захваченного белыми. Занять Армавир было поручено частям Таманской армии.

В ночь с 19 на 20 сентября красные части подошли к городу и утром пошли в атаку.

Весь день 20-го в городе шел ожесточенный бой. Деникинские войска успели воздвигнуть в городе оборонительные укрепления, баррикады, за которыми они и засели.

---

[1] Из всех частей XI армии только одной Стальной дивизии удалось выполнить это решение. По приказу товарища Сталина из Царицына от 27 сентября Стальная дивизия вопреки сопротивлению Сорокина двинулась через Ставрополье к Царицыну, прибыв туда в решающие дни боев с белоказаками.

[2] *Батурин*, Красная Таманская армия, стр. 24, Краснодар, 1940 г.

Ожесточенный бой продолжался и ночью с 20 на 21 сентября. Вспыхнули пожары. Бойцы-таманцы Славянского и Полтавского полков закидывали врага ручными бомбами, врывались на баррикады и штыковым ударом уничтожали белых.

Армавир был взят.

Взятие Армавира еще более укрепило авторитет таманцев и их командиров.

Сорокин тотчас же принял меры для расправы с авторитетными командирами. Против командиров, верных советской власти, он пытался восстановить созданный к этому времени Реввоенсовет армии.

Реввоенсовет армии был создан по директиве центральной советской власти. Советская республика 2 сентября была объявлена единым военным лагерем и в связи с этим проведен ряд мероприятий по укреплению фронтов. Был создан Революционный военный совет республики, реввоенсоветы фронтов. Председателем Военно-революционного совета южного фронта был назначен товарищ Сталин. В состав армий южного фронта, действовавших на Северном Кавказе, входила X армия (командующий К. Е. Ворошилов), Северокавказская армия, переименованная в XI армию, и вновь созданная XII армия. Новая XII армия состояла из нескольких частей, оперировавших в районе Астрахани — Кизляра.

Пятого октября ЦИК Северокавказской республики издал приказ о создании Реввоенсовета XI армии в составе: секретаря крайкома партии большевиков Северокавказской республики т. Крайнего, командующего войсками Северного Кавказа Сорокина, командующего северо-восточным фронтом войск Северного Кавказа Гайченца, бывшего начштаба Сорокина — Петренко, под председательством Яна Полуяна [1].

Ян Полуян, по происхождению кубанский казак, был заражен мелкобуржуазными, специфически казачьими предрассудками, своего рода кубанским патриотизмом. Это прежде всего сказывалось на враждебном отношении Полуяна к тем отрядам и командирам, которые пришли на Кубань с Украины. Полуян занимал антипартийную, троцкистскую позицию по основным вопросам политики партии и советской власти, в частности и по вопросам организации армии. В дальнейшем он был разоблачен как враг народа.

Реввоенсовет XI армии сосредоточил в своих руках всю высшую военную власть. Когда ЦИК обсуждал вопрос о создании Реввоенсовета, Сорокин резко возражал против этого. Он боялся, что Реввоенсовет свяжет ему руки, что он не сумеет под его контролем довести до конца свои предательские замыслы.

Но Реввоенсовет оказался сконструированным так, что преступная линия Сорокина не получила должного отпора, — наоборот, опираясь на авторитет Реввоенсовета, он имел широкую возможность расправляться с командирами, которые

[1] «Известия Пятигорского совета и ЦИК Северокавказской республики» от 6 октября 1918 г.

отстаивали действительно верный, единственно правильный путь дальнейшей борьбы.

Способствовало этому и то обстоятельство, что т. Крайний был перегружен партийной работой. Молодая партийная организация напрягала все усилия, чтобы преодолеть пережитки партизанщины и своеволия в армии, чтобы сколотить из частей бывшей Северокавказской армии настоящую боевую силу, достойную Российской Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Предатель Сорокин использовал этот момент. Он требовал беспощадной расправы со всеми, кто отказывался выполнять его вредительские приказы.

Штаб Сорокина был вражеским гнездом, где засели шпионы и предатели. Сам Сорокин и ближайшие его помощники были эсерами. Они не порывали связей с эсеровскими организациями захваченной белыми Кубани, получая оттуда директивы и указания. Начальник штаба Северокавказской армии старый эсер Невзоров, адъютанты Сорокина — Рябов, Костяной, Гриненко, начальник пятигорского гарнизона Черный, командующий георгиевским фронтом Маслович — все эти ставленники и друзья Сорокина были связаны с белыми, действовали в интересах белых. Они влияли на Сорокина, раздували его бонапартистские стремления. Сам Сорокин ненавидел пролетарскую революцию, ущемлявшую интересы кубанского казачьего кулачья.

Сорокина приводило в бешенство, что во главе советских учреждений помимо казаков оказались «иногородние» рабочие, преданные революции и советской власти.

Председатель ЦИК Рубин и председатель краевого комитета Крайний были по национальности евреи. В борьбе против советской власти и партии Сорокин использовал старое, испытанное средство — антисемитизм.

Сорокин пытался привить антисемитизм бойцам, но получил резкий отпор со стороны политических комиссаров и командиров. Да и трудно было привить антисемитизм в воинских частях, пришедших с Украины, где за революцию плечом к плечу с русскими, украинцами, кубанскими казаками сражались выходцы из городов и местечек — бедняки-евреи, китайские кули, латышские стрелки.

Широко задуманный план разложения армии Сорокин решил осуществить, опираясь на подобранный им штаб армии и на поддержку его мероприятий Яном Полуяном. Имея поддержку Яна Полуяна, Сорокин прежде всего решил разделаться с теми командирами, которые разоблачали его предательский план отступления и требовали движения к Царицыну на соединение с X армией. Через два дня после создания Реввоенсовета был отдан следующий приказ:

«Реввоенсовет Северного Кавказа. 7 октября 1918 г. № 9.

Пятигорск, 22 часа 16 минут.

Командующим таманскими войсками и белореченским фронтом. Реввоенсовет с получением сего приказывает Вам таманские войска и 10-ю колонну немедленно отправить на ст. Невинномысскую в рас-

поряжение Реввоенсовета. Остальные же войска отвести на линию Ахметовская, Упорная, Урупская и Армавир, закрепив названную линию возможно прочнее по форме полевого устава, а не окопно» [1].

Это было ответом на решение объединенного военного совещания таманцев и белореченцев двигаться на Царицын.

Одновременно т. Кочергин был объявлен Сорокиным вне закона «за неоднократный отказ выполнить приказания».

Тов. Кочергин, получив приказ и телеграмму об объявлении его вне закона, решил отправиться в штаб Сорокина для объяснений. В сопровождении нескольких командиров и военкома белореченской группы т. Аскурава он прибыл на станцию Пятигорск, где тогда находился штаб. По приказанию Сорокина т. Кочергин был немедленно арестован. Тут же был устроен военно-полевой суд над ним. В состав суда кроме Сорокина вошел его помощник и единомышленник Гайченец. Сорокин решил расправиться с Кочергиным. В качестве обвинительного материала против Кочергина фигурировали сфабрикованные в штабе Сорокина поддельные документы. Но присутствовавшие на суде в качестве свидетелей командиры белореченской группы и военком Аскурава доказали подложность документов и заведомую неправильность большинства обвинений.

Суд решил отстранить Кочергина от командования белореченской группой и произвести следствие по его делу.

Но Сорокину было нужно не это. Он стремился к немедленной расправе с неугодным ему командиром. В противовес решению суда Сорокин заявил, что Кочергин будет расстрелян. Протесты Крайнего и Рубина не помогли.

Самоуправство Сорокина, повидимому, показало истинные его намерения. В парторганизации Пятигорска в кругу некоторых ответственных партийных и советских работников давно подозревали, что Сорокин — тайный изменник и предатель. Это решило судьбу Кочергина. Он остался жив. Об этих подозрениях свидетельствует разговор и встреча т. Кочергина в эту же ночь с тт. Власовым и Крайним. Вот что рассказывает об этой встрече Кочергин:

«Часа в три или четыре утра я услышал, что дверь подвала отворяется. Подумал, что это конвойные за мной, чтобы вести меня к расстрелу. Я увидел перед собой председателя Чрезвычайной комиссии т. Власова, который, к моему великому удивлению, объявил, что я свободен. Он открыл передо мной дверь, и мы вместе вышли на улицу Пятигорска. Власов сказал, что Сорокина надо сместить и предать суду за его авантюру.

Однако, опасаясь, что он подослан Сорокиным, чтобы выведать мое мнение, я воздержался от разговоров на эту тему. Дойдя до гостиницы «Бристоль», т. Власов предложил зайти к жившему в ней т. Крайнему. Его нашли, несмотря на раннее утро, еще не спавшим и что-то рассматривавшим по карте.

---

[1] *Батурин*, Красная Таманская армия, стр. 24, Краснодар, 1940 г.

Крайний усадил меня, дал мне поесть и долго затем расспрашивал о фронте и настроении в войсках и, наконец, спросил, какого я мнения о Сорокине. Я ответил, что скажу ему, как члену партии, что Сорокин — авантюрист и его необходимо сместить как можно скорее. Крайний быстро поднялся с места и заявил, что мое мнение ошибочно, но когда к моему мнению присоединился также и Власов, Крайний, опустившись с тяжелым вздохом на стул, долго молчал. Потом, выйдя из своего тяжелого раздумья, он сказал, что этот щекотливый вопрос необходимо поставить на обсуждение в партийных кругах»[1].

Беседа Кочергина с тт. Крайним и Власовым прекрасно отражает отношение руководящего ядра Северокавказской республики к Сорокину.

Крайний, Рубин, Дунаевский, Рожанский пришли на Кубань вместе с отступившими частями Красной Армии с Украины и из Ростова-на-Дону. Они недостаточно ориентировались в местной обстановке и недостаточно знали местных людей и местные нравы, слишком доверялись Яну Полуяну, сыгравшему роковую роль в выдвижении Сорокина. Полуян всячески поддерживал дутый авторитет Сорокина. Крайний и Рубин проглядели растущие бонапартистские наклонности Сорокина и оказались жертвой собственной доверчивости. Когда они поняли свою ошибку, было уже поздно.

Другую позицию занимал Михаил Власов, председатель Чрезвычайной комиссии Пятигорска, старый кубанский работник. Он быстро раскусил Сорокина. Материалы, которые он получал, ярко свидетельствовали об авантюризме и продажности кубанского «Наполеона». Власов принял некоторые меры, но, к сожалению, его никто не поддержал. Между тем сорокинская разведка следила за ним особенно зорко, и ему суждено было стать одной из первых жертв сорокинской авантюры.

Но если Кочергину удалось спастись от расправы Сорокина, то иной оказалась судьба командующего Таманской армией — Матвеева.

Матвеев также выехал в Пятигорск. Со свойственной ему резкостью он протестовал в штабе против решения Сорокина отступать на Астрахань, а не на Царицын. Матвеев заявил, что подобного приказа он не выполнит, так как приказ противоречит интересам революции. В тот же день он был арестован, а вечером — расстрелян.

Так погиб от пули, направленной предательской рукой, один из славных воинов Красной Армии, ее боевой командир Иван Иванович Матвеев.

Матрос Черноморского флота, Матвеев сражался во главе красногвардейского матросского отряда на Украине против немцев и петлюровских банд. Позднее он благодаря своей преданности

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», документы V тома. Неопубликованные воспоминания Кочергина, стр. 39—40.

революции и беззаветной храбрости пользовался на Кубани огромным авторитетом не только у бойцов своего отряда, но и всех революционных войск Кубани. Не случайно на совещании командного и политического состава колонн таманских войск 27 августа Матвеева избрали командующим Таманской армией.

Матвеев был любимцем армии, и расстрел его вызвал бурю возмущения и негодования среди бойцов и командиров. Армия правильно расценила расстрел Матвеева как расправу с боевым командиром, отстаивавшим верную линию борьбы с белыми и потому неугодным предателю Сорокину.

Среди возмущенных расправой с Матвеевым бойцов Таманской армии раздавались крики: «На Пятигорск! Отомстим за Матвеева штыками! Сорокин изменник!» [1] и т. д. И не только массы рядовых бойцов, но и командный состав были одного с ними настроения,— рассказывает об этих тяжелых днях Таманской армии начальник ее штаба т. Батурин.

Но революционная дисциплина и сознание, что междоусобная борьба будет выгодна только белым, победили.

Огромную роль в эти тяжелые для таманцев дни сыграл начальник штаба армии т. Батурин. Он сумел удержать армию в руках и не допустил необдуманных действий.

Телеграмма о расстреле Матвеева была получена штабом Таманской армии одновременно с приказом о немедленном отводе 2-й и 3-й колонн с линии Михайловская — Курганная — Родниковская — Армавир и о движении их к Невинномысской, согласно приказу № 9 от 7 октября 1918 г.

Сорокин назначил нового командарма, который начал проводить в жизнь его план.

Таким образом Сорокину удалось на кубанском участке фронта убрать с пути двух боевых командиров. В эти же дни он попытался отстранить политического, а фактически и военного руководителя другого важнейшего фронта — георгиевского.

Повод для этого Сорокин опять нашел, как и раньше, в «невыполнении приказания».

Приказ, который чуть не привел к расстрелу комиссара георгиевского фронта, был безусловно провокационным, рассчитанным на такое же сопротивление со стороны командования георгиевского фронта, какое вызвал известный «приказ № 9» у таманцев и у их командира Матвеева.

В начале октября 1918 г. Сорокин распорядился разделить на две части оперировавший на георгиевском фронте бронепоезд № 25. Одну часть бронепоезда он предложил оставить на фронте, другую выслать в свое распоряжение. Приказ Сорокина вызвал возмущение команды поезда. Бронепоезд терял при условии выполнения приказа какую бы то ни было силу и значение. Команда бронепоезда отказалась выполнить приказ Сорокина. Дважды собирали команду бронепоезда, предлагая выполнить приказ,

[1] *Батурин*, Красная Таманская армия, стр. 25, Краснодар, 1940 г.

но команда заявила: «Расстреляйте нас, а разбивать бронепоезд не дадим».

Разделить бронепоезд значило лишить фронт единственной подвижной боевой единицы. Это было бы огромным ущербом для советских войск. Надо было найти выход. Комиссар фронта предложил Сорокину выслать в его распоряжение бронепоезд целиком.

В ответ на это предложение Сорокин телеграфно предписал арестовать комиссара фронта и доставить его в Пятигорск.

В Пятигорске председатель Реввоенсовета Полуян, поддерживавший Сорокина, резко заявил комиссару георгиевского фронта, что возможен его расстрел за «неповиновение приказу», а Сорокин прямо потребовал расстрела. Однако и на этот раз вмешался т. Рубин — председатель ЦИК Северокавказской республики, категорически потребовавший немедленного возвращения комиссара на фронт.

Вмешательство Рубина было симптоматичным. Оно выражало недоверие к Сорокину. Требование Сорокина о расстреле комиссара георгиевского фронта последовало через несколько дней после расстрела Матвеева и издания приказов об объявлении «вне закона» нескольких талантливых, известных своей преданностью советской власти боевых командиров.

Сорокин распоясался. Стало очевидным, что он стремится расправиться с подлинными защитниками советской власти.

Между тем команда бронепоезда № 25, узнав об аресте комиссара фронта и боясь, что его постигнет судьба Матвеева, самовольно направила бронепоезд к Пятигорску. Бронепоезд подошел к Пятигорску и его команда решительно потребовала от Сорокина освобождения комиссара. Требование было внушительным. Оно шло от имени всех бойцов георгиевского фронта, выступивших на защиту своего комиссара. Сорокин не осмелился в тот момент вступить в конфликт с ЦИК Северокавказской республики, который его не поддержал. Комиссар благополучно вернулся на фронт. Отношения между ЦИК и Сорокиным еще более обострились. ЦИК решил произвести ревизию расходования денег, отпускаемых им на нужды армии. Штаб Сорокина переполошился. Ревизия могла вскрыть не только разбазаривание денег на безудержные кутежи, но и более серьезные преступления. Решено было принять меры, чтобы скрыть следы преступления. Момент был выбран Сорокиным удачно.

В Пятигорске Сорокин был полным хозяином. Боевых частей там почти не было. Они были на фронте. В городе хозяйничал многочисленный конвой Сорокина и штабные части. Имевшийся в городе коммунистический боевой отряд заблаговременно был Сорокиным отправлен на фронт.

21 октября по приказу Сорокина были арестованы и расстреляны председатель ЦИК Северокавказской республики Рубин, председатель краевого комитета большевистской партии Крайний, уполномоченный ЦИК по продовольствию Дунаевский, председатель Чрезвычайной комиссии фронта Рожанский, председатель

Чрезвычайной комиссии Пятигорска Власов [1]. Арестованные были доставлены в штаб Сорокина, оттуда их повезли на легковых машинах к горе Машук. Всех по дороге расстреляли тайно, по-бандитски.

Исполнителями злодейского замысла Сорокина были начальник пятигорского гарнизона Черный и адъютанты Сорокина — Гриненко и Костяной.

Рубин, смертельно раненный, залитый кровью, успел крикнуть: «Да здравствует советская власть!»

Так предательски были убиты руководители советской власти и большевистской партии на Северном Кавказе. Все они погибли на боевом посту. Допуская возможность антисоветского выступления со стороны Сорокина накануне пятигорской трагедии, они пытались принять соответствующие меры, но было уже поздно. Предатель Сорокин, боясь, что он вскоре будет разоблачен, предупредил их, поспешив с ними расправиться.

Погибшие товарищи имели большой политический и организационный опыт революционной борьбы. Их гибель в тяжелые дни отступления армии внесла в ее ряды некоторую растерянность. Тов. Рубин, старый партийный работник Новороссийска, участвовал в захвате власти в Новороссийске и был одним из инициаторов слияния Кубанской и Черноморской республик. Летом 1918 г., когда по инициативе и настоянию Серго Орджоникидзе образовалась Северокавказская республика, т. Рубин был избран председателем ЦИК республики. На этом посту Рубин проявил себя прекрасным организатором. В условиях полной оторванности от остальной Советской России Рубин, как руководитель советской власти, несмотря на явное и тайное противодействие Сорокина, сумел сохранить аппарат власти и всячески содействовать укреплению армии.

Погибший вместе с ним председатель краевого партийного комитета В. Крайний (М. Шнейдерман) молодым студентом примкнул к большевикам. Он был организатором Пересыпского района в Одессе. После победы пролетарской революции в Одессе он работал в «Румчероде» — Центральном исполнительном комитете румынского фронта и Черноморско-Одесской области. Когда весной 1918 г. Одессу оккупировали немцы, Крайний по поручению партии едет в Екатеринодар. Здесь он быстро завоевывает доверие и любовь организации и избирается секретарем Екатеринодарского, а затем и краевого комитета партии.

Тов. Дунаевский активно участвовал в пролетарской революции на Дону. Когда ростовские рабочие дрались с калединщиной, т. Дунаевский был членом подпольного ревкома большевистского комитета и председателем ревкома Ростова-на-Дону.

По поручению товарища Сталина и Серго Орджоникидзе Дунаевский провел на Северном Кавказе большую работу по заготовке и отправке продовольствия.

---

[1] «Известия Пятигорского совета и ЦИК Северокавказской республики» № 155 от 31 октября 1918 г.

Остальные погибшие товарищи — Власов, Рожанский и другие были также верными ленинцами, известными на Северном Кавказе большевиками.

Сорокин понимал, что за расстрел таких людей ему придется ответить. Штаб Сорокина наспех состряпал подложные документы, которые должны были изобличать расстрелянных руководителей партии и советской власти в предательстве, в сговоре с... кадетами. Эти «документы» под страшными пытками заставили подписать 16-летнего брата Крайнего и секретаря ЦИК Минкова, арестованных 22 октября, а затем также расстрелянных. По приказанию Сорокина все эти «материалы» были опубликованы в пятигорских газетах.

В листовках, напечатанных под широковещательным названием: «Заговор против советской власти в Пятигорске», и распространенных 22 октября 1918 г. по городу и по фронту, Сорокин писал, что у расстрелянных большевиков при обыске найден шифр «условных сигналов» [1].

«Условные сигналы», обнаруженные у руководителей партии и советской власти, которые якобы служили шифром для их связи с белыми, фигурируют и в ряде других «документов», состряпанных в сорокинском штабе.

Как впоследствии выяснила Чрезвычайная комиссия при ЦИК Северокавказской республики, этот шифр был изъят Чрезвычайной комиссией при аресте в Пятигорске офицерского подпольного штаба белых. Во главе его стоял бывший полковник гвардии Случевский. Этот белогвардейский штаб имел свои отделения в Кисловодске, Ессентуках и в других районах прифронтовых областей. Он был центром контрреволюционной работы и шпионской деятельности. Белогвардейский штаб регулярно, и, вероятно, не без помощи сорокинцев, осведомлял белых о положении на фронтах, о дислокации советских войск. Подпольная офицерская организация, пытавшаяся объединить все контрреволюционные силы, своей ближайшей целью ставила организацию взрыва патронного завода и убийство руководителей партии и советской власти на Северном Кавказе — Рубина, Крайнего, Анджиевского и др. Все изобличенные белогвардейцы были расстреляны ЧК за два дня до сорокинского выступления. У них-то и был забран шифр и передан т. Крайнему, как члену Реввоенсовета, для использования в военных целях. Предатель Сорокин прекрасно знал об этом шифре и знал, что он находится у т. Крайнего.

Предатель оклеветал свои жертвы. Сорокин предполагал, что этим дело ограничится, что он сможет продолжать свою преступную работу. Уверенность его в этом была настолько велика, что в день расстрела он устроил парад частям пятигорского гарнизона.

В городе начался террор. По приказанию Сорокина были аре-

---

[1] «Известия Пятигорского совета и ЦИК Северокавказской республики» № 157 от 2 ноября 1918 г.

стованы и без суда расстреляны десятки большевиков. Партийной организации пришлось уйти в подполье. Когда оставшийся без руководителей, растерявшийся в первый момент ЦИК пытался добиться от Сорокина объяснения по поводу его бесчинств, Сорокин даже не удостоил ЦИК своим посещением, а прислал вместо себя своего сподвижника Гайченца. Но торжество Сорокина длилось не долго. Не прошло и недели, как изменник Сорокин и его банда поплатились за свои страшные преступления.

II ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В НЕВИННОМЫССКОЙ

Организатором борьбы с сорокинщиной явились краевой комитет большевистской партии и пятигорская партийная организация.

В Пятигорске тайно было созвано совещание партийного актива. Приехали и вызванные с фронта видные командиры. Было решено немедленно созвать II Чрезвычайный съезд советов Северокавказской республики. Собирать его в Пятигорске было невозможно. Это значило бы вновь попасть в руки Сорокина. Крайком решил созвать съезд в прифронтовой полосе, на станции Невинномысской, отдав себя под охрану Красной Армии.

Еще до съезда военный комиссар армавирского фронта т. Аскурава созвал совещание командиров и представителей частей фронта. На совещании был выработан план осады Пятигорска. Были выделены боевые части, которые в нужный момент должны были двинуться против изменника [1].

Тов. Аскурава написал и распространил по воинским частям листовку о предательстве Сорокина. Части Северокавказской армии, посылая делегатов на II Чрезвычайный съезд советов, давали им наказы, в которых требовали расправы с изменником Сорокиным. Сорокина вызвали на съезд для объяснения.

Съездом в Невинномысской руководили большевики. Из 477 делегатов было 280 большевиков.

До открытия съезда собралась большевистская фракция. Было решено объявить Сорокина и его штаб вне закона. Это решение большевистской фракции в резолюции по текущему моменту было единогласно принято съездом, открывшимся 27 октября 1918 г.

«В то время когда с таким терпением ожидаемая социальная революция в Западной Европе стала совершившимся фактом, — говорилось в резолюции, — когда рабочие всего мира объявили беспощадную борьбу своим угнетателям и идут на помощь нашей пролетарской армии, когда дело создания крепкой, могучей армии России успешно продвигается вперед и мы от поражения перешли к победам, здесь, на Северном Кавказе, руками авантюриста-проходимца, прокравшегося в наши ряды, нанесен страшный удар в спину революции — расстреляны группой бандитов во главе

[1] «Известия Пятигорского совета и ЦИК Северокавказской республики» № 155 от 31 октября 1918 г.

с бывшим главкомом Сорокиным народные представители, избранные ЦИК 1-го созыва съезда советов и революционной армии Северного Кавказа, товарищи Рубин, Крайний, Власов, Дунаевский, Рожанский и другие члены Российской коммунистической партии большевиков.

Расстреляны избранники городской и деревенской бедноты без всенародного суда и следствия бандитом, стремящимся на трупах наших лучших товарищей создать свою единоличную диктатуру вместо диктатуры пролетариата.

Мы, представители пролетариата и беднейшего крестьянства Северного Кавказа, собравшиеся на II Чрезвычайный съезд, заявляем:

1) Бывший главком Сорокин с его штабом объявляются вне закона, т. е. каждый честный революционер должен доставить их живыми или мертвыми для всенародного справедливого и открытого суда.

2) Тов. Кочергину, начальнику Первого кавалерийского дивизиона, съезд поручает доставить бежавшего бандита Сорокина со всей его сворой на II Чрезвычайный съезд советов Северного Кавказа.

3) Обвинение, брошенное бандитом Сорокиным нашим товарищам-революционерам Северного Кавказа, съезд считает подлой ложью, провокацией обнаглевших наймитов буржуазии и глубоко сожалеет о безвременной кончине борцов за народное дело.

4) Съезд заявляет, что каждый покушающийся на жизнь члена трудящихся масс без всенародного суда считается изменником дела революции и сами трудящиеся массы на белый террор наймитов буржуазии ответят массовым красным террором.

Очередной акт белого террора на Северном Кавказе обнаруживает лишь слабость буржуазии, не находящей иных средств борьбы, как истребление отдельных пролетарских вождей. Съезд уверен, что убийство отдельных вождей пролетариата только теснее сплотит наши ряды и в этот решительный час борьбы на Северном Кавказе из темных подвалов, чердаков и беднейших хижин явятся новые сотни тысяч борцов за дело трудящихся масс.

Итак, вперед, теснее сомкнем ряды!

Да здравствует советская власть и защитница ее — революционная Красная Армия!

Прочь руки, негодяи и бандиты!»[1]

Всем воинским частям, советам съезд разослал следующий приказ:

«Из Невинки № 190, а, ч. 79.27.21.50. Военная срочная.

Всем, всем революционным войскам, совдепам и гражданам. Приказ.

II Чрезвычайный съезд советов Северо-Кавказской Республики представителей революционной Красной Армии приказывает: бывшего главкома Сорокина и его штаб: Богданова, Гайченца, Черного, Гриненко, Рябова, Щербина, Драцевского, Масловича,

---

[1] «Известия Пятигорского совета и ЦИК Северокавказской республики» № 157 от 2 ноября 1918 г.

Михтерова, и командира Черкасского полка Котова объявить вне закона и приказывает немедленно арестовать и доставить на съезд на станцию Невинномысскую для гласного народного суда. Почте и телеграфу не исполнять никаких приказов Сорокина и лиц, здесь поименованных. *II Чрезвычайный съезд советов*» [1].

На охрану съезда была вызвана кавалерийская дивизия под командованием т. Кочергина.

Невинномысский съезд назначил нового главкома из боевых командиров. В это время Сорокин со своим штабом с огромным конвоем в бронепоезде подъезжал к станции Курсавка, направляясь на съезд. Он рассчитывал, что если съезд выступит против него, то он со своим отрядом и бронепоездом сумеет расправиться с делегатами съезда, как он расправился с руководителями Северокавказской республики.

На станции Курсавка Сорокин узнал решение съезда объявить его со штабом вне закона. Он стянул к Пятигорску некоторые части. В день открытия съезда Сорокин направил в Невинномысскую начальника своей контрразведки, в прошлом уголовного преступника Макарьянца, с приказом убить организаторов и руководителей съезда. Макарьянц прибыл со своей бандитской шайкой в Невинномысскую, но вечером по распоряжению съезда был арестован и расстрелян. В Курсавке находился штаб юго-восточного фронта, которым командовал единомышленник Сорокина Гайченец. Сорокин пытался снять с фронта и вызвать к себе близлежащие части. Но никто не выполнял его приказаний.

Сорокин понял, что игра окончена. Он бросил бронепоезд в Курсавке, пересел в автомобиль и со своими ближайшими сообщниками бежал по направлению к Ставрополю, собираясь, повидимому, через Святой Крест добраться до Астрахани.

На вопрос оставленных им в Курсавке частей, куда он едет, он отвечал: «Встречать Троцкого» [2].

Возможно, Сорокин намеревался бежать в Астрахань, чтобы оттуда пробраться к Троцкому, всегда выдвигавшему и защищавшему его. Возможно также, что он направлялся к Кизляру, осажденному белоказачьими отрядами Бичерахова. Но изменнику не удалось осуществить свои намерения. В погоню за ним была послана кавалерийская часть.

30 октября Сорокин со своим штабом и личным конвоем в составе двух эскадронов кавалерии подошел к Ставрополю. В Ставрополе, занятом 28 октября Таманской армией, в это время находились части Таманской армии и ее штаб. Узнав о приближении Сорокина, командование Таманской армии, получившее накануне решение II Чрезвычайного съезда, приготовило отряд для ареста Сорокина.

Сорокин в Ставрополе не задержался, а, проехав быстро через город, двинулся в сторону Святого Креста.

---

[1] Орджоникидзевский крайархив, фонд листовок, 1918 г., л. 701.

[2] «Известия Пятигорского совета и ЦИК Северокавказской республики» № 155 от 31 октября 1918 г.

Узнав об атом, кавалерийский полк таманцев бросился в погоню за изменниками. В 15 верстах от Ставрополя полк настиг Сорокина. Сорокин был арестован и препровожден в Ставрополь. На вопрос, почему он бежал из Ставрополя и старался убежать от догонявшего его полка, Сорокин ответил, что боялся мести со стороны таманцев за расстрелянного по его приказу командующего Таманской армией Матвеева.

В Ставрополе Сорокин и арестованные с ним Гайченец, Драцевский, Кляшторный и Колесников были переданы двум товарищам, присланным съездом, для препровождения их в Невинномысскую на всенародный суд. Под конвоем эскадрона таманцев предателей повезли в Невинномысскую. Но в это время боевая обстановка изменилась. Белые войска под командованием генерала Шкуро начали наступление на Невинномысскую. Съезд пришлось быстро закончить. Был избран новый ЦИК, члены которого отправились в Пятигорск. Арестованных предателей пришлось с дороги вернуть в Ставрополь. В ставропольской тюрьме закончил свою жизнь авантюрист и предатель Сорокин. В камеру арестованного Сорокина вошел командир одного из полков Таманской армии Висленко и застрелил его. «Я выполнил волю съезда, я застрелил бандита, объявленного вне закона, отомстил за Матвеева, за расстрелянных руководителей партии и советской власти», — заявил Висленко. Расстреляны были и остальные сообщники Сорокина.

Так кончилась сорокинская авантюра.

В ответ на белый террор сорокинцев по постановлению Чрезвычайной комиссии при ЦИК Северокавказской республики были расстреляны заложники буржуазии, в числе которых было немало царских генералов, бывших министров и представителей царской титулованной знати, осевших в районе Минеральных Вод, Кисловодске, Пятигорске, Ессентуках и тайно связанных с белыми войсками.

Сорокинщина была явлением, характерным не только для Кубани, но и для других казачьих областей юга России. Представитель казачьего кулачья, Сорокин, как и Миронов на Дону, пошел за пролетарской революцией только потому, что она уничтожила крупное помещичье, офицерское землевладение. Кубанское казачье кулачье непрочь было в свою пользу ограбить «господ офицеров». Приход на Кубань русских помещиков, монархического офицерства с идеей «единой и неделимой» России кубанскому казачьему кулачью, к которому принадлежал и Сорокин, ничего хорошего не сулил. Убедившись, что собственными силами бороться против установившейся советской власти на Кубани они не могут, кубанские политики стали под общие с «добровольческой» армией знамена «единой и неделимой», лишь бы расправиться с ненавистными им большевиками и революцией.

Сорокин, хотя и медленнее, проделал тот же путь. Его окружение — штаб всячески этому способствовал. Ближайшие его друзья были прямыми шпионами белых, были связаны с контрреволюционными подпольными организациями и толкали Сорокина на

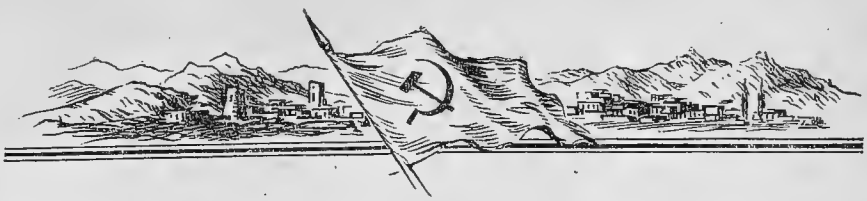
захват власти, на установление военной диктатуры, с тем чтобы, расправившись с большевиками и с советской властью, возродить «самостийную» кулацкую Кубань. Вожди кубанских самостийников — Рябоволы, Бычи, Намитоковы, обивали пороги генерала Деникина, подготавливая через своего агента Сорокина расправу с советской Северокавказской республикой. Они предполагали, что, получив через Сорокина в свои руки крупную вооруженную силу, можно будет скорее договориться с белыми о государственной самостоятельности Кубани и о совместной «союзной» борьбе против Советской России.

Обстановка требовала напряжения всех сил большевистской партии и молодой советской власти. Между тем внутрипартийная борьба всюду на Северном Кавказе, за исключением Терека, была настолько сильной, что часто отвлекала внимание парторганизаций от насущных вопросов. Троцкисты и «левые коммунисты» с ожесточением боролись против большевиков, вступая в блок с «левыми» эсерами. Они поддерживали Сорокина, и Сорокин поддерживал их. Эта внутрипартийная борьба, резко отражавшаяся на общем положении дел и обороне республики, питала сорокинскую банду, давала ей возможность оставаться почти полновластным хозяином на фронте.

Сорокинская измена нанесла сильный удар армии и советской власти на Северном Кавказе. В момент наступления деникинских войск такой удар в спину имел очень серьезное значение. Дезорганизованные сорокинским штабом революционные войска, в течение полугода не выходившие из боев, плохо одетые, без обуви, без медикаментов, испытывая сильнейшую нужду в боеприпасах, были направлены предательской рукой по тяжелому пути отступления к астраханским голодным степям.

Но партия большевиков оказалась сильней, чем предполагал изменник Сорокин, а преданность революционной армии и крестьянско-казачьей бедноты поколебать было невозможно. Это спасло положение. Армия, чувствуя измену на своей собственной спине, давно ненавидела Сорокина и его штаб. Под руководством большевиков армия выступала против изменников и предателей. Сорокин и его банда оказались изолированными и были ликвидированы.

Но последствия хозяйничанья изменника Сорокина не могли не сказаться. В самое тяжелое время военных действий против генерала Деникина революционные войска Северного Кавказа были дезориентированы, направлены предателем Сорокиным по гибельному пути—через астраханские пески. Армия осталась без обмундирования, без снарядов, без патронов, без медикаментов. Противник шел по пятам. Красную Армию косил сыпной тиф. Наступала трагическая для XI Северокавказской армии зима 1918/19 г.



ГЛАВА ПЯТАЯ

БОИ НА ТЕРЕКЕ И В СТАВРОПОЛЬЕ И ОТХОД XI АРМИИ НА АСТРАХАНЬ

☆

ПОСЛЕДНИЕ БОИ XI АРМИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Ликвидация авантюры Сорокина оздоровляюще подействовала на армию. Многие командиры, которые раньше не могли добиться правильного решения ряда важнейших вопросов, получили теперь возможность усилить свои части и закрепиться на боевых участках.

Но начатый путь отступления армии в сторону Ставрополья — Кизляра определил ее дальнейшую судьбу. Деникинская армия усиливалась. После ноябрьских событий 1918 г. в Германии Антанта получила возможность непосредственной связи с Деникиным и немедленно приступила к оказанию ему помощи. Порты Черного моря — Новороссийск и Туапсе стали центрами снабжения деникинской армии. В ноябре в Новороссийске появились представители англо-французского командования. Они по поручению своих правительств фактически возглавили борьбу против Советской России. Обильно снабженная Антантой, деникинская армия начала наступление широким фронтом на Терек. С каждым днем белые все сильнее напирали на части XI армии и заставляли их отходить в глубь Терской области и Ставрополья.

XI армия дралась героически, нанося противнику тяжелые потери. Отдельные ее части достигли крупных успехов, в особенности Таманская армия.

После занятия Армавира Таманской армией перед ней была поставлена задача овладеть Ставрополем. Путь движения таманцев лежал от Невинномысской через Темнолесскую и Татарскую.

Наступление началось 23 октября 1918 г. Оно шло двумя группами: более сильная, левая, группа двигалась через Барсуковскую к Татарской, правая шла через Темнолесскую.

С утра 25 октября у станицы Барсуковской завязался упорный бой левой группы таманцев с противником. Несмотря на сильное сопротивление белых, занявших высоты к югу от станицы, они были сбиты. Сопротивление, которое белые пытались оказать в самой станице, тоже было преодолено. Барсуковская была взята. В это же время правая колонна заняла хутор Темнолесский.

В течение 26—27 октября правая колонна советских войск заняла Темнолесскую и возвышенности Холодную и Острую. Левая колонна дошла до хутора Покурино.

Упорные бои привели к большому расходу боеприпасов. Необходимо было во что бы то ни стало форсировать наступление на Ставрополь. Командование Таманской армии решило произвести ночную атаку. С этой целью были выдвинуты две штурмовые колонны. В ночь на 28 октября по сигналу открыла огонь артиллерия. После получасового обстрела противника артиллерией вперед двинулась пехота. Она почти вплотную подошла к расположению противника, ворвалась в его окопы и ударила в штыки. Противник не выдержал и отступил. Таманская армия преследовала его вплоть до города и к вечеру 28 октября заняла железнодорожную станцию, а затем и город. Белые бежали, оставив большие запасы обмундирования и боевого снаряжения. Были взяты в плен два бронепоезда.

Прекрасно дралась с белыми Ставропольская партизанская красная дивизия под командованием Иосифа Апанасенко.

В районе Большой и Малой Джалги, Кевсалы, Винодельного, Арзгира, Левокумки и других селений формировались новые отряды, которые вливались в дивизию. Партизанская дивизия сражалась на довольно большом фронте и оттягивала на себя значительные силы противника. Вскоре дивизия стала испытывать недостаток в боеприпасах. Особенно тяжелым было отсутствие патронов. Пришлось изыскивать собственные ресурсы для дальнейшей борьбы. Было решено создать свой патронный завод. Один из руководителей партизанской борьбы с белыми, бывший оружейный мастер Ижевского оружейного завода Петр Максимович Ипатов организовал патронный завод в селении Кевсала. Почти во всех селениях Ставропольщины стараниями царских генерал-губернаторов были поставлены памятники Александру II. К заводу свозили большое количество таких памятников. Из них лили пули. В степи после боев собирали гильзы, делали самодельный порох. Ежедневно удавалось выпускать около 4—5 тыс. патронов. Завод был «на колесах»; когда дивизия наступала или отступала, он следовал за ней. Но все-таки кустарный заводик не мог разрешить вопросы боевого снаряжения, поэтому командование решило обратиться за помощью к товарищу Сталину в Царицын.

Зная, какую нужду испытывает Царицын в хлебе, решили послать туда несколько сот пудов хлеба. Для того чтобы собрать

нужное количество хлеба, партизаны организовали обмолот помещичьего хлеба. В обмолоте приняли участие мобилизованные кулаки. Большой транспорт хлеба в 1 000 подвод под усиленным конвоем был отправлен в Царицын в распоряжение товарищей Сталина и Ворошилова. Через месяц те же подводы, которые отвозили хлеб в Царицын, привезли от товарищей Сталина и Ворошилова миллион патронов, несколько сот винтовок, снаряды, пулеметы и две пушки. Связь с Царицыном продолжалась вплоть до отступления северокавказских войск.

Однако эти частичные успехи не могли приостановить наступление противника. Генерал Деникин бросил против XI армии свои лучшие части под командованием генералов Врангеля, Геймана, Улагая, Покровского и др.

Советские войска отступали. Сильные бои под Невинномысской в конце октября и начале ноября 1918 г. с превосходными силами противника заставили красные части отойти в сторону Пятигорска — Георгиевска. Таманская армия, лихим налетом занявшая Ставрополь, должна была через две недели в результате обходного движения белых оставить город и отступить в сторону калмыцких степей.

Началась агония XI Красной армии. Борьба еще продолжалась, но не выходившие из боя около полугода советские войска не смогли задержаться на новом рубеже и продолжали отступать.

Губительную роль в усилившейся деморализации частей XI Красной армии играла нараставшая с каждым днем эпидемия сыпного тифа. Больше трети армии уже в этот момент было поражено тифом. Медикаментов не было, уменьшалось с каждым днем количество боеприпасов, и, наоборот, обоз беженцев и больных все увеличивался и все больше и больше отягощал армию. Попытка уменьшить этот обоз в условиях начавшейся зимы ни к чему не приводила. Наоборот, боязнь потерять своих родных, находившихся в обозе, толкала бойцов к борьбе за сохранение обоза, отвлекала их внимание и тем самым понижала боевое качество частей.

Уже в конце ноября в сторону Астрахани шли большие толпы дезертиров. Шли одиночки. За ними ползли одиночные обозы. Все тянулись в Астрахань, все жаждали отдыха и спасения от пули врага, от злой эпидемии.

Командование XI армии пыталось сдержать этот поток. В сторону Астрахани посылались заслоны, но результаты были ничтожные.

Прибывший после разгрома Бичерахова в конце ноября 1918 г. в Пятигорск чрезвычайный комиссар юга России Серго Орджоникидзе пытался реорганизовать части XI армии. Он несколько раз требовал от Астрахани, где в это время был создан штаб каспийско-кавказского фронта, которому подчинялась XI армия, помощи людьми, боеприпасами, обмундированием и продовольствием. Но во главе фронта стоял небезызвестный Шляпников, будущий орга-

низатор «рабочей оппозиции» и участник многочисленных антипартийных группировок, а командовал фронтом бывший полковник Свешников. Они не знали и не понимали действительного положения вещей на Северном Кавказе.

XII армия, входившая также в состав каспийско-кавказского фронта, была численно слаба (около 6 тыс. штыков) и выполняла роль заслона от банд Лазаря Бичерахова и горского правительства. Она стояла на границе Дагестанской области. Никакой помощи XI армии она не оказывала. Наоборот, неоднократные попытки командования XI армии добиться поддержки на смежных участках фронта почти не имели успеха. Виной этому была политика Реввоенсовета каспийско-кавказского фронта, сеявшая рознь между соседними армиями.

В декабре из Кизляра сообщали в Астрахань:

«Сейчас по прямому проводу говорил Орджоникидзе. Передает, что положение XI армии тяжелое. Больше 60 тыс. солдат больны сыпным тифом. Почти нет средств и патронов. При таких условиях, под давлением противника, армия раздетая почти разбегается. Вероятно, сегодня или завтра оставит Минеральные. Просят помочь обмундированием, патронами, снарядами. Мы дать не можем, но если дадим, то очень мало снарядов и патронов. Нужно скорее и больше помочь из Астрахани. Дело погибло. Сведения эти переданы нам на грузинском языке и завтра выезжает в штаб XI армии наш представитель для информации нас через каждые 6 часов... Орджоникидзе завтра уезжает из Владикавказа в штаб XI армии»[1].

Но штаб каспийско-кавказского фронта не спешил оказать эту помощь. Больше того, присланный из центра для нужд XI армии маршрутный поезд с обмундированием на 40 тыс. красноармейцев, вместо того чтобы быть направленным на Северный Кавказ, был задержан в Астрахани. Реввоенсовет каспийско-кавказского фронта заявил, что теперь он является руководителем и он будет распределять обмундирование так, как найдет нужным. XI армия из этих 40 тыс. комплектов обмундирования не получила ничего.

Автомобили и мотоциклы, посланные через Астрахань на Северный Кавказ, были также задержаны Реввоенсоветом.

На 1 января 1919 г. XI армия численностью в 120 тыс. бойцов получила из Астрахани 5 901 шинель, 5 044 полушубка, 26 272 пары ботинок [2].

Выздоравливающих раненых и больных нельзя было выписать из больниц из-за отсутствия одежды.

Но пораженная тифом, обезоруженная, голодная армия, имея около 100 тыс. беженцев, продолжала упорно обороняться на огромном фронте от Кисловодска до Маныча и астраханских песков.

На 1 декабря 1918 г. в составе XI армии было около 150 тыс.

---

[1] ЦАКА, д. 78324, л. 13.
[2] ЦАКА, д. 50—360, л. 34.

человек, из них на фронте около 80 тыс. К этому времени 40 тыс. бойцов, больных и раненых, находилось на излечении.

К середине декабря 1918 г. XI армия начала вновь переформировываться. По плану командования XI армии она должна была быть переформирована в четыре стрелковых и одну кавалерийскую дивизию. 1-я дивизия была сформирована из шариатской колонны (командовать ею продолжал Мироненко), 2-я дивизия — из девятой колонны, 3-я стрелковая дивизия формировалась из бывших таманских и армавирских войск, составлявших до этого так называемый первый пехотный корпус, и из 3 и 4-го пехотных и 1-го кавалерийского корпусов. Командовал ею Батурин — бывший начальник штаба Таманской армии. 4-я стрелковая дивизия формировалась главным образом из бывших ставропольских войск[1]. На фронте находилось также и несколько бронированных поездов.

Одновременно проходило формирование частей XII армии. К 15 декабря численность XII армии определялась в 7 тыс. штыков, 250 сабель, 210 пулеметов, 18 орудий.

К 15 декабря на фронте протяжением в 250 километров находилось около 80 тыс. боеспособных бойцов.

Силы белых к этому времени превышали силы советских войск. К началу декабря наиболее крупные силы Деникина находились в Ставропольском районе.

Две казачьи конные дивизии занимали фронт Николина балка — Петровская. Южнее, в районе Донская балка — Высоцкая, находилось пять пехотных полков белых. Под Невинномысской у белых было четыре кавалерийских полка и батальон пехоты под командованием полковника Шкуро. В районе Дивное — Вознесенская действовала дивизия генерала Покровского.

Белые сосредоточили свои силы в районе севернее железной дороги.

На правом фланге, в районе Дивное, они также пытались прервать связь между XI и X армиями. Чтобы отбросить белых от района железной дороги, командование XI армии решило начать наступление левым флангом для занятия Баталпашинской, Невинномысской, Темнолесской, чтобы отрезать правый фланг белых от района Ставрополя и Армавира.

16 декабря был отдан приказ о подготовке к началу наступления. Войскам правого боевого участка, севернее Калиновки, предлагалось сдерживать натиск противника. Дивизии Кочубея было приказано совершить набег на Сергиевское с целью ослабить натиск белых в районе Калиновка — Круглолесское; кавалерийскому корпусу Кочергина вслед за набегом Кочубея — перейти в наступление, чтобы занять Бешпагирское — Сергиевское. Главными силами наступления должны были явиться шариатская колонна Мироненко и девятая колонна. Сосредоточившись на фронте Курсавка — Воровсколесская — Железноводск — Ессентуки — Кисловодск, они должны были наступать, чтобы занять Батал-

[1] ЦАКА, д. 192—1251, л. 12.

пашинск — Невинномысскую. В наступлении должны были принять участие и бронепоезда.

2 января 1919 г. XI армия перешла в наступление по всему фронту. 3 января на правом фланге, к северу от Владикавказской железной дороги, были заняты селения Донская балка, Высоцкая, Сухая Буйвола, Грушевка, Медведская, Калиновская; западнее Дивного были взяты Большая и Малая Джалга [1]; на левом фланге — Воровсколесская, Суворовская, Бекешская и Баталпашинск. Белые оказывали упорное сопротивление. Бойцы Красной Армии, не обеспеченные к началу наступления боеприпасами, расходовали в боях последние патроны. Реввоенсовет каспийско-кавказского фронта 5 января выслал на фронт 3 млн. патронов и 8 тыс. артиллерийских снарядов. Но эти боеприпасы, отправленные с большим опозданием, не только не были доставлены XI армии, но вследствие предательства попали в руки белых.

Красные бойцы сражались героически. Они оттягивали на себя большие силы деникинцев, но положение резко ухудшилось. Белые превосходили к этому времени по численности наступавшие силы XI армии. Две трети бойцов XI армии были больны тифом, не было медикаментов, не было врачей. При огромном превосходстве огневых сил противника удержаться на занятых позициях было невозможно. Пришлось отступить и закрепиться на линии Святой Крест — Минеральные Воды — Кисловодск.

От начала наступления, т. е. от 2 до 14 января, командование каспийско-кавказского фронта даже не сумело наладить телеграфную связь с командованием XI армии и находилось в полном неведении о происходящем на фронте. 14 января, после того как командованию XI армии удалось связаться с командованием каспийско-кавказского фронта, была передана просьба оказать немедленную помощь посылкой на фронт некоторых частей XII армии. В этом было отказано. Все это решило судьбу XI армии.

ОТХОД XI АРМИИ НА АСТРАХАНЬ

В середине января 1919 г. XI армии пришлось вернуться к своим исходным позициям, на линию Дербетовская — Высоцкая — Минеральные Воды — Кисловодск.

Белые в свою очередь перешли в наступление. К 10 января им удалось, заняв село Благодарное, разъединить правый фланг армии на две части. Таким образом, 4-я стрелковая дивизия, находившаяся на этом участке, потеряла связь с командованием XI армии и вынуждена была действовать самостоятельно. 3-я стрелковая дивизия (бывшие таманские войска) и 1-я кавдивизия под командованием Кочергина вышли в район Сотниково — Святой Крест — Архангельское. 1 и 2-я стрелковые дивизии вышли в район Минеральные Воды — Георгиевск.

---

[1] ЦАКА, д. 50—224, л. 4.

Против отступавших красных частей действовали отборные войска Деникина. Тут были конные и пешие деникинские и кубанские полки под командованием генералов Золотарева, Станкевича, Улагая. Тут действовали офицерские марковские и корниловские полки, казачьи терские полки.

В середине января белые прорвали фронт 3-й стрелковой дивизии между Святым Крестом и Георгиевском и отрезали город Святой Крест от Георгиевска. Таким образом, 3-я стрелковая дивизия также потеряла связь с командованием XI армии, находившейся в Георгиевске.

18 января командование XI армии отдало приказ об отступлении. 4-й дивизии предлагалось, забрав все, что можно, отойти за Маныч и войти во временное распоряжение командующего X армией. 3-й дивизии предлагалось отойти в Моздок, в резерв армии. 1-й дивизии — отойти на линию станиц Марьинская, Ново-Павловская, Зольская, Георгиевск, Головково, Бекетовское. 2-й дивизии предлагалось отойти в Прохладную, Екатериноградскую, в резерв армии для пополнения и приведения в порядок своих частей. Кавалерийским частям — прикрывать отступление [1].

Отошедшая к Манычу, в район Кресты — Ремонтная, а затем к астраханским степям, 4-я дивизия (из бывших ставропольских частей), после того как она потеряла связь с XI армией, соединилась с некоторыми астраханскими партизанскими отрядами. Из объединенных частей был создан так называемый степной фронт.

Реввоенсовет степного фронта связался со штабом X армии. Впоследствии, в апреле 1919 г., войска степного фронта соединились с X Красной армией и были переименованы в 32-ю стрелковую дивизию и в 6-ю кавдивизию, которой командовал Апанасенко.

Отрезанная от Советской России, лишенная снарядов и патронов, XI армия с тяжелыми боями отступала. Весь декабрь 1918 г. Серго бросался из одного уголка Северного Кавказа в другой, с одного участка фронта на другой. На митингах и сходах в Пятигорске, в Георгиевске, в Назрани Серго призывал и организовывал массы на борьбу против наступавшей белой армии. По его инициативе во Владикавказе в помещении бывшего кадетского корпуса создаются курсы красных командиров. Боевая горская молодежь под руководством преданных военных специалистов учится военному делу.

Шли ожесточенные бои. Деникинские части нажимали. Города, станции переходили к врагу. Орджоникидзе из Владикавказа сообщал Ленину:

«Утром 21 января наши части, пропустив противника далеко к себе в тыл, в районе гор. Георгиевска окружили кавалерийскую дивизию и разбили, захватив более 200 пленных, 4 орудия, 4 пулемета, более ста тысяч патронов, массу обоза и воинского имущества, число которого выясняется. Противником оставлено много раненых и убитых. Особенно отличились броневики «Богатырь»,

[1] ЦАКА, д. 50—564, л. 10.

«Варяг», броневик № 25 и славные бойцы Черноморского, Геринского и Кочубеевского полков...»[1]

В январе 1919 г. деникинские части заняли Минеральные Воды, Пятигорск, Кисловодск. 20 января в Прохладной было устроено совещание, которое должно было решить вопрос, как быть дальше. Группа командиров, видя развал XI армии и стремясь спасти ее остатки, считала, что единственным выходом для нее является отступление на Астрахань. Серго Орджоникидзе и ряд других товарищей категорически выступили против такого предложения. Орджоникидзе считал, что если в первый период отступления армия вследствие предательства Сорокина была направлена не в сторону Царицына, а в сторону голодной калмыцкой степи, то сейчас отступление на Астрахань явится завершением предательского плана Сорокина. Отход на Астрахань в условиях зимы поведет к массовой гибели истощенных непрерывными восьмимесячными боями голодных, полуголых, больных красноармейцев и их семей.

Орджоникидзе считал, что отход на Астрахань недопустим еще потому, что горским населением подобный отход будет квалифицирован, как предательство. Кроме того, отсутствие железной дороги делало отступление едва ли возможным.

Орджоникидзе предлагал сосредоточить у Владикавказа — Грозного остатки XI армии и поднять на борьбу против Деникина горские народы. Не отступать, не прекращать борьбу, а, наоборот, усилить ее, — настаивал Орджоникидзе. Он считал вполне возможным с помощью горских народов выдержать длительную борьбу с частями Деникина, оттянуть главные силы на себя и тем самым дать возможность Красной Армии, двигавшейся с севера, сломить сопротивление Деникина и прорвать фронт. Тогда объединенными усилиями частей Красной Армии, наступавших с севера, XI армии и горских народов—с юга Деникин был бы уничтожен.

Но не так смотрел на судьбу XI армии Реввоенсовет каспийско-кавказского фронта. Вместе с частью командиров XI армии он считал необходимым дальнейшее отступление на Астрахань и фактически ничего не делал, чтобы остановить армию и укрепить ее наиболее боеспособные части. Наоборот, эта часть командиров первая подала пример и вместе со своими штабами срочно отбыла на Кизляр, чтобы оттуда через Черный Рынок, Яндыки скорее пробраться к Астрахани.

24 января Серго Орджоникидзе в телеграмме Ленину сообщал: «XI армии нет. Она окончательно разложилась. Противник занимает города и станицы почти без сопротивления. Ночью вопрос стоял покинуть всю Терскую область и уйти на Астрахань. Мы считаем это политическим дезертирством. Нет снарядов и патронов. Нет денег. Владикавказ, Грозный до сих пор не получали ни патрон, ни копейки денег, шесть месяцев ведем войну, покупая патроны по пяти рублей.

---

[1] ЦАКА, д. 50—224, л. 101.

Владимир Ильич, сообщая Вам об этом, будьте уверены, что мы все погибнем в неравном бою, но честь своей партии не опозорим бегством. Тогда положение может быть спасено, если Вами будет переброшено сюда 15 или 20 тыс. свежих войск. Дайте патроны, снаряды, денег. Без Северного Кавказа взятие Баку и укрепление его — абсурд. Среди рабочих Грозного и Владикавказа непоколебимое решение сражаться, но не уходить. Симпатии горских народов на нашей стороне.

Дорогой Владимир Ильич, в момент смертельной опасности шлем Вам привет и ждем Вашей помощи»[1].

Но XI армия действительно перестала быть боеспособной. Больная, голодная, сопровождаемая десятками тысяч беженцев, она двигалась на Кизляр, к Астрахани. Серго Орджоникидзе не отступил. Он остался во Владикавказе и с группой коммунистов лихорадочно начал усиливать оборону Терской советской республики.

Во Владикавказе был создан Совет обороны Терского края под руководством Серго. По предложению Орджоникидзе рабочие Владикавказских железнодорожных мастерских оборудовали несколько бронепоездов: «Варяг», «Богатырь», «Вперед». Серго сам подбирал для них командиров и бойцов. Эти бронепоезда сыграли большую роль в боях с белыми.

25 января деникинцы взяли Нальчик. Тремя днями ранее, 22 января — город Святой Крест, важный стратегический пункт на Ставропольщине. 27 января разрозненные, голодные, раздетые, усталые части XI армии подтягивались к Моздоку. Противник бросил свои лучшие кавалерийские части в погоню за отступающими.

28 января шли жестокие бои.

Отдельные части героически дрались против численно превосходившего и сильного врага. Так, под станицей Ново-Осетинской небольшой красный отряд оказался в тылу у противника. В результате боя отряду не только удалось прорваться к своим, но и взять некоторое количество пленных[2].

К концу января 1919 г. армия превратилась в массу отдельных, разрозненных, усталых, небоеспособных групп. Не имея патронов и снарядов, эти группы отражали набеги кавалерии противника, отходя к Ищерской. Даже в эти тяжелые дни бойцы делали все возможное, чтобы сохранить оружие.

Попытки командования XI армии после отступления из Моздока задержаться на рубеже станиц Ищерская — Наурская — Мекенская, прикрыть Грозный и Владикавказ не удались. Измотанные части XI армии выполнить эту задачу не могли. Подкрепление, присланное XII армией (один полк), было для этой цели явно недостаточным.

В конце января деникинские части подошли к Владикавказу. В городе было всего несколько тысяч штыков. На Владикавказ

---

[1] *Орджоникидзе*, Избранные статьи и речи 1911—1937 гг., стр. 49, Госполитиздат, 1939 г.

[2] ЦАКА, д. 54—685, л. 22.

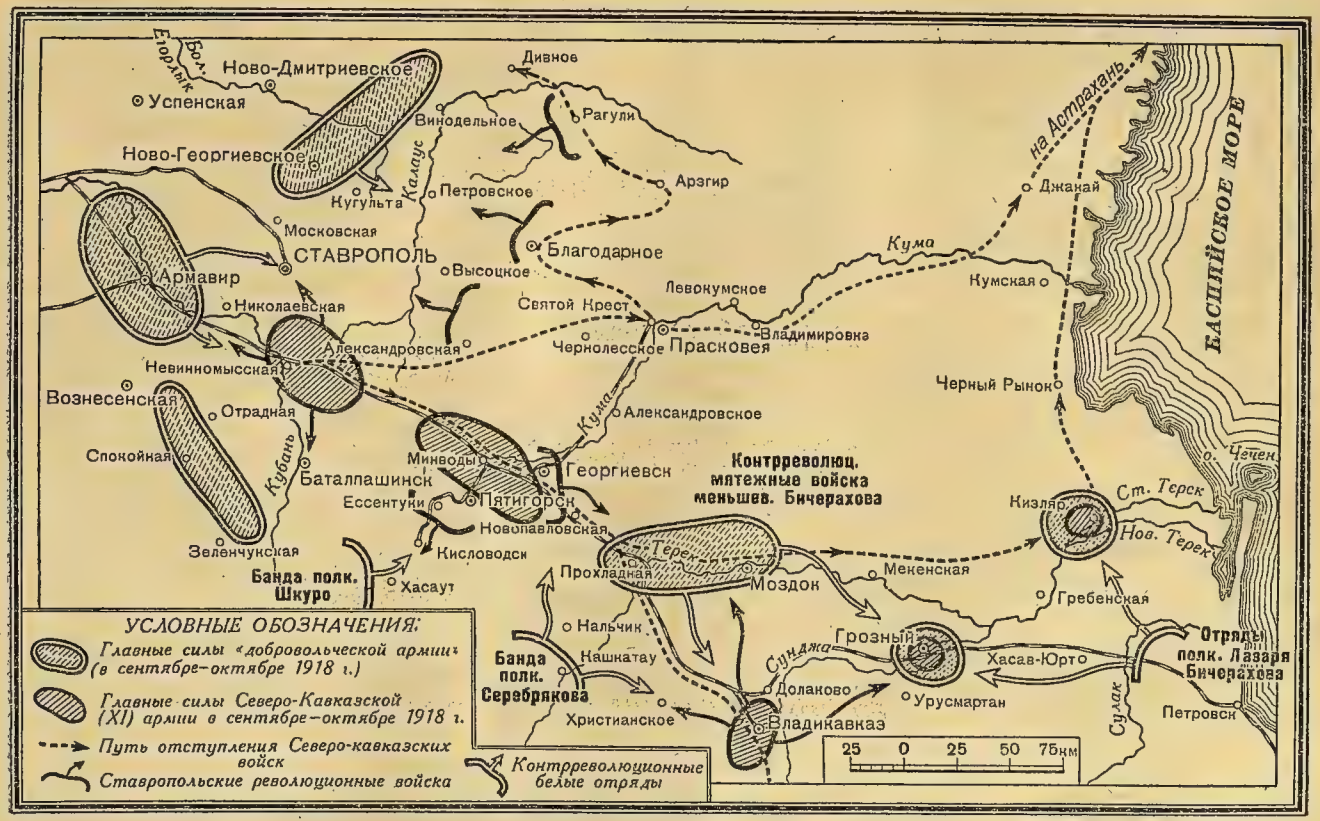


Схема № 3. Борьба с деникинщиной на Северном Кавказе. Сентябрь 1918 г. — февраль 1919 г.

были двинуты отборные части под командованием Шкуро. Части деникинской армии под командованием генерала Геймана подошли к ингушским селениям Кантышево и Далаково и потребовали пропустить войска через Ингушетию. Ингуши отказали им в этом. Начались кровопролитные бои у этих селений и Владикавказа. Четыре дня бешено дрались ингуши, оборонявшие Кантышево и Далаково. Семь дней рабочие батальоны и отряды Красной Армии стойко защищались от наседавших банд. Молодая военная школа красных командиров, созданная Серго, показала на фронте чудеса храбрости; из 180 курсантов в бою под Далаково погибли 131.

Серго перебрался со своим штабом к ингушам в Базоркино, чтобы непосредственно руководить боями. Фронт проходил в 150 шагах от места, где Серго расположил свой штаб. Лучшие красноармейские части, в том числе полк грозненских рабочих, сражались здесь. В дни боев в Базоркино собрались представители ингушского народа, чтобы обсудить вопрос об организации отпора деникинским бандам. Серго обратился к собравшимся с горячей речью. Победа Деникина, говорил он, принесет ингушскому народу прежнюю кабалу, угнетение, издевательства. Вернется царский офицер. Все, чего горец добился за год советской власти, будет уничтожено. Серго призывал ингушский народ объявить священную войну восстановителям царизма. Он призывал к объединению всех горских народов, всех трудящихся для этой священной войны. Орджоникидзе предложил создать Горскую советскую социалистическую республику. Речь Серго вызвала необычайный подъем. Ингушский народ поклялся бороться против Деникина до конца. И свое слово он сдержал.

Орджоникидзе 7 февраля 1919 г. сообщил об этом Ленину. Это была последняя телеграмма, посланная им из Владикавказа.

«Бои вокруг города Владикавказа и Ингушетии продолжаются седьмой день,— телеграфировал Серго.— Все ингуши, как один человек, восстали на защиту советской власти. Красная Армия, Курская и Молоканская слободки героически отражают натиск контрреволюционных казачьих банд. На съезде вооруженного ингушского народа 4 февраля по моему предложению провозглашена независимая Горская советская республика. Чечня совместно с красноармейцами отражает банды вокруг города Грозного. Казаки сунженской линии под командой тов. Дьякова твердо держатся за советскую власть, громя артиллерией контрреволюционные станицы. Среди ингушей небывалый подъем духа» [1].

В Чечню были посланы делегаты от Ингушского съезда с просьбой о помощи. Чеченский народный съезд, собравшийся в селении Гойты, постановил немедленно послать на помощь ингушам отряд. Но сила была на стороне белых. Владикавказ пришлось оставить. Надо было уходить и из Ингушетии. Владикавказская группа коммунистов во главе с Орджоникидзе решила направиться в глубь

---

[1] *Орджоникидзе*, Избранные статьи и речи 1911—1937 гг., стр. 50, Госполитиздат, 1939 г.

горной Ингушетии. Грозненская группа после тяжелых боев отступила в горы Чечни.

XI армия отходила на Астрахань. Кизляр и Черный Рынок были забиты тысячами больных, мечтавших как-нибудь пробраться к спасительным берегам Каспия, к Астрахани.

Зима была неожиданно ранней и холодной. Дожди сменялись сильными морозами, метелями. Отступавших больных заносило снегом. Раненые и больные тысячами замерзали. Без дорог, без всякого руководства, потеряв своих начальников, остатки XI армии двигались по песчаной пустыне, кое-где поросшей редкими колючими, несъедобными для лошадей растениями. По вечерам мокрые, голодные бойцы не могли даже согреться. В пустыне не было ни жилья, ни дерева. Не из чего было разложить костер. Вот как рисует картину отступления один из командиров, отступавший в Астрахань через астраханские пески: «Люди бегут в хвост колонны, останавливаются у бричек с приставшими лошадьми. Стук прикладов — летят щепки, и счастливцы с охапкой щепок от разломанных бричек или же колес артиллерии бегут к своим. Но этого для всех нехватает. Не имеющие дров складывают в кучу ружья и зажигают их. Варят что попало, главным образом конину, убивая лошадей.

У костров — толпы людей. Десятки рук тянутся к пламени согреть окоченелые члены; ближе стоящие к кострам, поворачиваясь по очереди, подставляют под благодатное тепло огня грудь, бока, спину. Ночью при виде этого зрелища мысль невольно переносится в далекие времена прошлого, времена дикого, первобытного человека...»[1]

Из всех боевых частей XI армии, отступивших на Астрахань, только одна часть сохранила свое боевое оружие. Это была бригада Кочубея. Судьба этой бригады и история ее командира — Кочубея характерны для истории классовой борьбы на Северном Кавказе в 1917 — 1918 гг.

Иван Кочубей — кубанский казак-бедняк. Совершенно неграмотный, он показал себя талантливым военным руководителем, блестящим самоучкой-полководцем. Его бригада не знала поражений, бойцы шли за ним в огонь и в воду. Неграмотный комбриг по особым, известным только ему, им начерченным картам прекрасно ориентировался в местности, умел нащупать наиболее уязвимые места белых. Буйный, своевольный, он иногда бывал способен даже на дикие, необузданные поступки. Но Кочубей политически рос на глазах и с каждым днем становился все более сознательным бойцом и командиром. В этом помогали ему его политические комиссары, которые имели на него большое влияние. Не случайно именно его часть, прикрывая отступление и ведя сильные арьергардные бои, сохранила себя и организованно подошла к Астрахани.

---

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», фонд воспоминаний V тома. Неопубликованные воспоминания т. Мокроусова.

И вот почти у самой Астрахани разыгралась трагедия, набросившая тень на славного защитника советской власти, погибшего в борьбе с белыми.

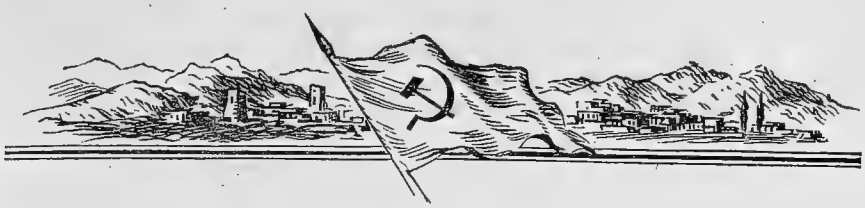
Было решено подходившие и разложившиеся части XI армии на подступах к Астрахани переформировать и создать из них новые боевые части. Когда бригада Кочубея подошла к Промысловке, Реввоенсовет XII армии, начальником штаба которой был бывший полковник царской армии Северин, впоследствии оказавшийся предателем, отдал приказ о немедленном разоружении бригады Кочубея и о расформировании ее по другим частям. Не посчитались ни с особенностями Кочубея и его бойцов, ни с тем, что эта бригада оказалась единственной, дошедшей до Астрахани в боевом виде и не разложившейся. Около Кочубея в это время не было его политического комиссара, который в дороге заболел сыпным тифом. Некому было разъяснить ему, помочь принять правильное решение. Кочубей отказался подчиниться приказу о разоружении и расформировании. Тогда 17 февраля был отдан приказ Реввоенсовета XII армии за подписями Кузнецова и наштарма Северина немедленно разоружиться и расформироваться. В случае неисполнения этого приказа добровольно каждый пятый боец бригады должен был быть расстрелян.

На размышление Кочубею было дано 30 минут. Против Кочубея и его бригады были уже выставлены войска. Кочубей оставил бригаду и в сопровождении нескольких человек уехал обратно в степь, решив пробиться в Царицын к Сталину, а оттуда в Москву к Ленину, чтобы пожаловаться на людей, обидевших его и его боевую бригаду. По дороге, заболев тифом, Кочубей был схвачен белыми. Ему было предложено перейти на службу к белым, обещали чин полковника, но Кочубей остался верен народу и советской власти. В городе Святой Крест Кочубей был белыми повешен.

История с Кочубеем не случайна. В Астрахани и в Реввоенсовете каспийско-кавказского фронта окопались предатели вроде Северина, которые провоцировали недовольство бойцов бывшей XI армии, усиливали муки испытавших и без того тяжелый путь отступления людей. Только вмешательство С. М. Кирова, назначенного 25 февраля 1919 г. председателем Военно-революционного комитета Астрахани и Астраханского края, затем возглавлявшего военно-политическую работу в армии, изменило положение. Киров спас тысячи жизней бойцов и восстановил в дальнейшем боевую мощь вновь воссозданной XI армии (Отдельной), вписавшей в 1919 — 1920 гг. славные страницы в историю героической борьбы против врагов трудового народа на Кавказе.

IV

РАЗГРОМ ДЕНИКИНА И ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ



ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЫ В ТЫЛУ У ДЕНИКИНА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (1919 г.)

☆

ОТСТУПЛЕНИЕ В ГОРЫ ГРУППЫ ОРДЖОНИКИДЗЕ. ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЫ В ЧЕЧНЕ И ИНГУШЕТИИ

Отступив из Владикавказа, группа Орджоникидзе направилась в глубь Ингушетии. Кроме Серго в ней были Бутырин, Автономов, ингушские коммунисты. Орджоникидзе вез деньги, предназначенные для покупки патронов. За каждый патрон платили по 5 руб. В первую же ночь на них напали бандиты и ограбили. Настроение было плохое. Все были мрачны. Только Серго, как всегда бодрый, успокаивал своих товарищей, смешил анекдотами, пел песни. В селении Мужичи к ним присоединилось еще несколько человек. Здесь они узнали, что отряд деникинских войск послан за ними в погоню. Белые генералы мечтали захватить советских комиссаров. Надо было еще глубже забраться в горы. Была зима. В горах дули жестокие ветры. Морозы доходили до 20°, тропинки обледенели. Двигаться по ним было трудно и опасно.

Ночью 11 февраля группа человек в 40 тронулась из селения Мужичи. В группе были женщины и дети. Была здесь и жена Серго — Зинаида Гавриловна, разделявшая с ним все тяготы и опасности боевой жизни. Впереди группы ехали Серго и Хизыр Орцханов — ингуш, до войны крупнейший абрек, ставший после пролетарской революции одним из ее ревностных защитников.

Миновали селение Алкун и пошли по Ассиновскому ущелью. Надо было итти вверх по ущелью по обледеневшей тропе. Была темная ночь. Дул встречный ветер. Впереди шел проводник, держа высоко над головой горящую головню, которая должна была

указывать направление. Белые могли догнать в любой момент. Серго попеременно с товарищами нес на руках пятимесячного ребенка — дочь терского предчека. Кто-то отрезал подол своей шубы и завернул в него ребенка, перевязав его башлыком. Мать ребенка и Зинаида Гавриловна ехали верхом. Серго ухитрился сохранить в кармане немного какао. Не давая будить мать, он сам приготовлял какао на костре и кормил ребенка. По дороге один из путников вместе с лошадью и ребенком сорвался с кручи. Он чудом спасся сам и спас ребенка. Лошадь разбилась насмерть.

Перед рассветом группа прибыла на хутор Ерши. Ингуши встретили Орджоникидзе и его спутников гостеприимно. Переночевали и наутро двинулись дальше по ущелью. Дорога стала еще хуже. Женщины несколько раз падали с лошадей. Мосты, повиснувшие над пропастями, казалось, готовы были обрушиться под ногами усталых путников. Прошли Ассиновское ущелье и двинулись дальше, по направлению к селению Цори.

Неожиданно, когда группа шла по крутой тропе, раздались выстрелы. Это ингуши открыли огонь из старинной сторожевой башни. Орджоникидзе через переводчика удалось убедить горцев прекратить стрельбу. Из Цори через селение Гул группа прибыла в селение Кий, чтобы отсюда через Хевсуретию пробраться в Грузию. По дороге заболел тифом Бутырин, бывший военный комиссар Терской республики. Его отправили обратно в аул Гул.

Через перевал в Хевсуретию пошли Серго, Зинаида Гавриловна, Филипп Махарадзе, Дьяков и несколько других товарищей. Подъем на перевал был очень труден. С опасностью для жизни добрались до первой сакли на перевале. Это была старинная каменная башня — единственное жилье на много верст кругом. На перевале переночевали. Утром двинулись вперед. Вскоре выяснилось, что женщины не смогут одолеть перевал. Решили вернуть женщин обратно, а остальные во главе с Серго пошли дальше. Весь день группа поднималась все выше и выше.

К вечеру пришли в хевсурское селение Шатыль. Орджоникидзе рассказал о том, откуда они идут и куда. Рассказал о кровавой борьбе, которая велась с белыми. Ночью стало известно, что жители хевсурского селения Гудани, через которое шел путь в Грузию, напали на группу большевиков, вышедших днем ранее, и перебили их. Большевиков было 9 человек. Среди них были организаторы и руководители «Кермен» — Андрей Гостиев, Темболат Гибизов, Николай Дзедзиев. Став большевиками, они защищали до конца знамя своей партии, знамя социалистической революции. С оружием в руках в дни августовских боев они дрались против бичераховских банд, в зимние студеные январские дни — против полков генералов Шкуро и Геймана. Спасаясь от жестокой расправы оголтелых деникинских банд, голодные, больные, полузамерзшие, они добрались до границ «демократической» меньшевистской Грузии. На них напали, зверски изрубили и бросили в ров. Так погибли в горах Хевсуретии большевики, замечательные люди, борцы за светлое будущее своего народа. Убийство было спровоцировано

православным священником Циклаури, членом меньшевистского правительства Грузии. В столкновении были убитые и со стороны хевсур. Группе Орджоникидзе также грозила расправа возбужденных антибольшевистской агитацией хевсур.

Серго решил временно остаться в Ингушетии и здесь развернуть работу для организации борьбы с деникинщиной. Он предложил Дьякову во главе небольшой группы попытаться все же пробраться через Хевсуретию в Грузию, чтобы установить связь с Тифлисом. Но и этой группе пробраться в Грузию не удалось, и она вернулась в Ингушетию, в селение Гули.

Здесь умер заболевший ранее Бутырин. Заболел тифом Махарадзе. Были больны и другие товарищи. Из Гули Серго переехал в селение Пуй. Женщин удалось переправить в Грузию. Из селения Пуй Серго со своими товарищами перебрался в Датых, намереваясь связаться оттуда с плоскостной Ингушетией.

Через Хизыра Орцханова, ингуша-большевика, Орджоникидзе обратился с письмом к ингушскому народу. В этом письме, зачитанном на съезде ингушского народа в селении Хамхи, Орджоникидзе учил горские народы борьбе против белых. В письме Орджоникидзе предлагал:

«...1. Держать постоянно твердую связь между всеми горцами.

2. На уход большевиков смотреть как на временное явление и твердо верить в их победное возвращение.

3. Горцы должны сохранить преданность советской власти и остаться крепкими борцами за революцию.

4. Горцы не должны попасть на удочку генералу Деникину и потом должны отказать ему выдать полки и не платить контрибуции.

5. Красноармейцы и все советские люди, оставшиеся на территории горцев, должны получать от последних посильную поддержку.

6. Вознаграждение за эту помощь, а равно за все убытки, причиненные горцам деникинцами во время уничтожения последними целых аулов, будут возмещены советской властью полностью.

7. Нужное оружие и средства для поддержки действующих бойцов против деникинцев горцы будут получать через Хизыра Орцханова, которому всегда известно наше местонахождение» [1].

Чтобы обсудить письмо Орджоникидзе на съезде, в селение Хамхи 20 апреля 1919 г. съехалось 840 человек.

Съезд единогласно постановил: «Крепко верить дорогому Серго Орджоникидзе и все его указания принять к неуклонному руководству и проведению в жизнь» [2].

Вторым вопросом съезда было обсуждение требования генерала Деникина об уплате контрибуции и выставлении полков в помощь

---

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», т. VIII, 124-б, л. 18. Протокол съезда.

[2] *Там же.*

«добровольческой» армии. Съезд постановил категорически отказать ему в выдаче полков и в уплате контрибуции. Ингуши отказывались выполнить требования Деникина.

Серго призывал к особой осторожности в разрешении этого вопроса. Необходимо было во что бы то ни стало помешать разоружению горцев, разгрому Ингушетии белыми. Серго предложил возможно дольше оттягивать выполнение требований белых, готовясь к вооруженному восстанию.

В селении Экажево в начале мая 1919 г. собрались вторично представители ингушских аулов. На совещании вновь обсуждались требования «добровольческой» армии. Было решено просить о продлении срока формирования бригады еще на месяц, а тем временем вооружить ингушский народ для отпора белым. В Тифлис за оружием был послан Хизыр Орцханов.

На этом совещании в Экажево был и Серго. Поездка его в плоскостные аулы была сопряжена с большой опасностью. Можно было попасть в лапы к врагу. Но Серго все же поехал. Он рассказал горцам, что положение Советской республики внутри страны и на международной арене становится гораздо лучше, чем было. Поэтому надежд на скорейшую встречу с Красной Армией сейчас у горцев гораздо больше. Серго говорил, что очень важно сохранить ингушский народ таким, каким он есть, чтобы в нем не сломились настроения в пользу советской власти.

Из Экажево вернулись обратно в Пуй. Серго мечтал о том, чтобы пробраться в Тифлис, а оттуда опять в Советскую Россию.

Прошло еще некоторое время, и он с опасностью для жизни через Хевсуретию пробрался в Тифлис.

ГОРЦЫ ПОД ВЛАДЫЧЕСТВОМ БЕЛЫХ

В феврале 1919 г., после того как генерал Деникин вытеснил большевиков из опорных баз Северного Кавказа — Владикавказа и Грозного, он немедленно начал вводить старые царские порядки.

Национальная буржуазия и местные феодальные элементы всячески помогали ему в этом. Бывшие генералы и офицеры царской армии, вышедшие из местных дворянских верхов, с нетерпением ожидавшие прихода «добровольческой» армии, становились ее агентами и услужливо выполняли директивы командования вооруженных сил юга России, т. е. генерала Деникина. «Добровольческую» армию поддержала и горская национальная буржуазия, боявшаяся большевиков и не находившая собственных сил для борьбы с ними.

Вновь приобщить Кавказ к «русской государственности» Деникин поручил генералу Ляхову. Имя генерала Ляхова было хорошо известно на Кавказе. Еще в 1905—1907 гг. он возглавлял карательную экспедицию и беспощадно подавлял революционные выступления трудящихся горцев.

Деникинские правители начали с ликвидации «горского правительства», состоявшего из национальных буржуазно-феодальных элементов. «Горское правительство» всячески помогало Деникину бороться с Советским Кавказом. Но теперь его роль кончилась, и можно было покончить с ним. 3 февраля 1919 г. генерал Шатилов, командовавший деникинскими частями на Кавказе, писал в письме к председателю совета министров горского правительства Пшемахо Коцеву: «Считаю долгом уведомить, что все горские народы Северного Кавказа добровольно подчинились командованию Добровольческой армии и в настоящее время вводят у себя систему самоуправления, указанную генералом Ляховым» [1]. Эта «система управления», по словам генерала Шатилова, на всем Северном Кавказе встретила противодействие только трех ингушских сел, «почему, к сожалению, они и пострадали», — добавил генерал Шатилов.

При таком «единодушии» населения Северного Кавказа существование «горского правительства» генерал Шатилов считал нецелесообразным. «Положение горского правительства, — писал он,— станет ненормальным, и было бы целесообразно для общего дела и на благо горским народам теперь же устранить получающееся двоевластие и объявить вашим декретом, что с введением новой системы самоуправления надобность в объединенном горском правительстве отпадает, почему правительство и складывает свои полномочия» [2]. «Горское правительство» пыталось протестовать, взывать к своим заслугам по борьбе с большевизмом. Но протесты «горского правительства» не помогли — деникинцы ликвидировали своих союзников, ставших теперь лишними.

Система управления Терско-Дагестанским краем, разработанная генералом Ляховым, заключалась в следующем: единая республика народов Северного Кавказа уничтожалась; каждая народность в рамках своей области получала правителя области и двух помощников по военной и гражданской части, назначаемых генералом Ляховым; при правителях должны были состоять «выборные» органы совещательного характера по вопросам внутреннего управления областью.

Проект самоуправления, предложенный горским народам генералом Ляховым от имени генерала Деникина, предусматривал для всех горских народностей правление, «вполне национальное по своему составу и характеру». Пользоваться самоуправлением горские народности могли лишь «в соответствии с идеей воссоздания великой единой России».

Из наиболее реакционного, преданного контрреволюционным идеям «добровольческой» армии горского генералитета и феодальной знати спешно фабриковались кадры «национальных» правителей. Правителями областей были назначены: в Кабарде — полковник Бекович-Черкасский, в Осетии — полковник Хабаев,

[1] Ростовский облархив, фонд Баева, д. 7, л. 3.
[2] *Там же.*

в Ингушетии — генерал Мальсагов, в Чечне — генерал Алиев, правителем Дагестана был назначен полковник князь Тарковский. Это были помещики, дворяне, столетиями эксплоатировавшие горских крестьян. Облеченные высоким доверием главнокомандующего «вооруженными силами юга России» генерала Деникина и полнотой власти, они еще больше усилили эксплоатацию и угнетение трудящихся горских народностей. Вооруженные силы Горской республики были расформированы, части ее влиты в состав «вооруженных сил юга России». По всему Северному Кавказу усиленно формировались новые войсковые единицы с целью усиления воинской силы деникинщины.

Если верхушка горских народов была заинтересована в приходе деникинской армии и в ее помощи для расправы с народным движением, то горские трудящиеся с первого момента встретили белых в штыки.

В телеграфных сводках деникинского штаба ежедневно сообщалось об обстрелах казачьих разъездов в районах Владикавказа, Грозного, в горных селениях и аулах. Высланные в горы отряды не могли обнаружить стрелявших. Во Владикавказском районе пропадали целые группы казаков, посылаемых за фуражом. Требования командования «добровольческой» армии о выдаче скрывавшихся в горах большевиков, красноармейцев, о мобилизации и реквизициях для нужд белых частей не выполнялись. Шаг за шагом приходилось деникинской «добровольческой» армии и ее союзникам из местных верхов отвоевывать Северный Кавказ у горских народов, отстаивавших свою независимость.

Для усмирения горцев высылались целые дивизии и корпуса. В операции против чеченских аулов 22 февраля 1919 г. (Алхан-Юрт, Гехи, Урус-Мартан, Гойты и др.) участвовала конная дивизия в составе 4 полков и артиллерии с мощными резервами. Чеченцы оказывали упорное сопротивление белым. Деникинцам пришлось оставить занятый с боем аул Гойты и возвратиться в Грозный [1]. Усилив воинские части, действовавшие против чеченцев, конницей и артиллерией, командование «добровольческой» армии вновь начало наступление на некоторые чеченские аулы. Генерал Шатилов, руководивший операцией, обратился к чеченцам аулов Алхан-Юрт, Гехи, Урус-Мартан и др. с приказом о немедленной выдаче большевиков и полном подчинении Чечни генералу Деникину.

Всем другим народностям Северного Кавказа (Ингушетия, Кабарда, Осетия, Дагестан) были предъявлены аналогичные требования. От Ингушетии потребовали подчинения лицам, назначенным деникинским командованием, свободного пропуска через ее территорию белых войск, уплаты казакам всех убытков, причиненных якобы ингушами со дня революции, выдачи всех ингушей, служивших в Красной Армии, и согласия на мобилизацию в ряды

---

[1] ЦАОР, ф. 1486, д. 34, л. 46—49.

«добровольческой» армии всех способных носить оружие в возрасте от 18 до 40 лет.

Кроме того, каждый двор должен был дать винтовку, 200 патронов к ней, револьвер-«наган» с 50 патронами, 25 пудов кукурузы и 2 тыс. руб. николаевских денег. Каждые два двора сверх этого должны были дать лошадь с седлом, одну голову крупного рогатого скота и четырех баранов [1].

Ингушетия на эти условия не согласилась и ответила восстанием, вспыхнувшим в июне 1919 г. Командование «добровольческой» армии пошло по испытанному пути: были посланы карательные отряды, огнем и мечом расправлявшиеся с непокорным народом. Ингушские аулы Сурхохи и Экажево были разгромлены и сожжены дотла. Лишь силой штыка, с помощью артиллерии и угрозой сжечь и уничтожить все живое командованию «добровольческой» армии и ее правителям из местной феодально-помещичьей знати удавалось производить мобилизации. Каждой мобилизации сопутствовали десятки сожженных аулов и сотни убитых.

Пополнения из горцев были неустойчивы и давали большое количество перебежчиков в ряды Красной Армии и партизанских отрядов. Настроение горских народов, как передавали перебежчики, было таково, что «как только в Кизляре услышат первый выстрел из советского орудия, горцы все восстанут» [2].

Судьба чеченцев и ингушей постигла и другие горские народности. В союзе с местной знатью деникинцы расправились с Осетией. Особенно жестока была расправа с керменистами, организовавшими отпор деникинским бандам в Осетии.

Для расправы с керменистами в Осетию были направлены особые карательные отряды. Село Христиановское (место наибольшего влияния и сосредоточения керменистов) было сожжено и разгромлено. Все то, что не успел уничтожить огонь, уничтожили и разграбили деникинцы: сносились дома, разбирались стены, снимались крыши, полы и т. д. Стада домашнего скота, лошади, повозки, домашние вещи, миллионы пудов пшеницы и кукурузы — все было расхищено. В окрестных селах и станицах были мобилизованы тысячи арб и бричек для вывоза имущества двух тысяч дворов селения Христиановского. 20 дней тянулись обозы с награбленным хлебом и имуществом.

Керменистов беспощадно убивали. Кроме повешенных в Христиановском шести керменистов был зверски убит председатель ЦК партии «Кермен» Георгий Цаголов. Озверелые бандиты закололи его штыками, размозжили его голову ударами прикладов. Его тело было превращено в бесформенную массу. Ему было всего 23 года. Вступив в большевистскую партию в Москве, будучи студентом Московского университета, он отдал всю жизнь своему народу. Замечательный оратор, талантливый

---

[1] «Правда» № 255 от 14 ноября 1919 г. Статья т. Микояна.

[2] «Красный воин» № 160 от 19 июня 1919 г. (орган политотдела Астраханского района).

организатор, Георгий Цаголов, большевик-керменист, был особенно ненавистен буржуазно-националистической контрреволюционной осетинской верхушке.

Вслед за Христиановским наступила очередь остальной Дигории. Опьяненные ненавистью к своим жертвам, каратели не жалели ни стариков, ни детей. Дигорская беднота под руководством керменистов оказывала отчаянное сопротивление озверелым деникинским бандам и их союзникам из осетинского кулачья и офицерства. Но противник был сильнее. Виселицы покрыли всю Дигорию. Вешали за малейшее подозрение в сочувствии керменистам.

В Кабарде и Балкарии хозяйничали банды белых кабардинских князей, мстивших за сопротивление, оказанное трудовой Кабардой Деникину при его походе на Северный Кавказ. Кабардинская и балкарская беднота сформировала для борьбы с Деникиным конный отряд (2 700 сабель). Кабардино-балкарский отряд, вытесненный бандами Шкуро в Ингушетию, принимал участие вместе с красноармейцами в защите Владикавказа и позже отступил в горы Чечни и Ингушетии.

ВОССТАНИЕ ПРОТИВ БЕЛЫХ В ГОРАХ КАВКАЗА

К осени 1919 г. весь горный Кавказ был охвачен пламенем революционных восстаний.

Официальные сводки главного штаба «вооруженных сил юга России» с сентября 1919 г. ежедневно пестрят сообщениями о разрушении мостов, железнодорожных линий, о поджогах материальных складов и т. д. Но еще больше таких сообщений в различного рода секретных донесениях белого командования на Кавказе. В секретном рапорте начальника 4-й Терской казачьей дивизии на имя войскового атамана терского казачьего войска (№ 0965 от 7 ноября 1919 г.) мы находим откровенные признания о ходе борьбы с горцами [1].

Настроение в Ингушетии, сообщает начальник дивизии, после разгрома Сурхохи и Экажево сделалось более «ровным». Но это успокоение может быть только временным, «так как осталось много людей без крова, людей, вооруженных и озлобленных, хотя и напуганных нами». С июля 1919 г. активность ингушей резко усиливается. «Почва пропагандистам для вооруженных выступлений стала более подходящей, так как теперь уже многих ингушей ничто не связывает с обязанностью не грабить и мирно сидеть дома», — кончает свой обзор о положении в Ингушетии автор рапорта.

В нагорной Ингушетии и Чечне, где сильно было влияние большевиков, восстания не прекращались. Никакие усилия деникинцев раздавить восстание ни к чему не приводили. Начальник одной из деникинских дивизий, излагая длинный перечень предприня-

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», документы V тома.

тых им попыток забраться в глубь гор, с тем чтобы оттуда «бить Чечню в поле, бить ее живую силу», с прискорбием отмечает, что в конечном итоге каждый раз приходилось возвращаться к своему исходному положению, обратно в Грозный. Заканчивая свой доклад о боевой работе дивизии, он предлагал разгромить и уничтожить аулы Мисхор-Юрт и Шали, поддерживающие большевиков.

В эти тяжелые месяцы упорной и кровавой борьбы трудящихся Кавказа с деникинцами исключительную роль сыграли партизанские отряды, организованные еще весной 1919 г. Орджоникидзе и его соратниками — чеченцем Асланбеком Шериповым и ингушом Хизыром Орцхановым. Имя Орджоникидзе гремело в горах Кавказа. Не только Чечня и Ингушетия, но Осетия, Кабарда, Дагестан знали и повторяли это славное имя. Отовсюду, из всех уголков Кавказа, шли к нему за советом и помощью в борьбе с белыми. Его призыва ждали и по этому призыву шли на борьбу.

Орджоникидзе был подлинным вождем горской бедноты. Уехав с Кавказа, чтобы принять активное участие в дальнейшей борьбе на других фронтах, он оставил организованные отряды, замечательных руководителей, воспитанных им. Партизанские отряды в горах Кавказа связались со штабом XI армии, находившимся в Астрахани. С. М. Киров, руководивший политической работой в армии и в тылу у Деникина, уделял красным партизанским отрядам большое внимание.

Центром организации партизанских отрядов Чечни и Ингушетии была слобода Шатой. Недалеко от нее, в слободе Воздвиженской, из разбросанных по окрестным аулам красноармейцев 15 августа 1919 г. был организован 1-й особый отряд. Этот вначале малочисленный, но крепко дисциплинированный отряд явился ядром, организовавшим массу горской бедноты на борьбу с деникинщиной.

Горцы-партизаны и бывшие красноармейцы, из которых состоял отряд, бесстрашно шли на борьбу с гораздо более сильным и лучше вооруженным противником.

Оружия у отряда было мало. Вооружаться партизанам приходилось, как и всем партизанским отрядам, «с бою»: побеждая противника, они овладевали его оружием [1].

Для разгрома растущего партизанского движения деникинцы посылали свои войска в села Воздвиженское, Шали, Серженьюрт и др. 11 августа село Воздвиженское было занято белыми.

[1] К концу 1919 — началу 1920 г., когда усилился приток повстанцев в партизанские отряды, приходилось оружие, как и продовольствие, закупать. Широко практиковалась тайная и явная закупка оружия и боеприпасов там, где это было возможно: покупали в горских селениях, в казачьих станицах Сунженской линии; занимались этим делом особые уполномоченные. Чтобы достать оружие, проникали даже в слободу Ведено — «столицу» «Северокавказского эмирства», опереточной «шариатской монархии», которая ориентировалась на мусульманскую Турцию и была создана горскими панисламистскими элементами в январе 1920 г. во главе с «эмиром» — шейхом Узун-Хаджи.

Однако в тот же вечер под натиском восставших деникинскому отряду пришлось отступить. 14 августа 1919 г. деникинцы вновь начали наступление. 19 августа ими было занято село Серженъ-Юрт. 20 августа восставшие повели наступление на Шали и Агашты. Дойдя до южных хуторов Шали, они были выбиты и принуждены отступить в горы. Селение Серженъ-Юрт попеременно переходило из рук в руки. 29 августа у села Воздвиженского красным партизанским отрядом Асланбека Шерипова белые были разбиты. Были взяты в плен две добровольческие роты (117 солдат и 11 офицеров). Деникинцам пришлось отступить по всей линии обратно в Грозный.

Но победа над деникинцами дорого обошлась красным партизанам. В этом бою был смертельно ранен руководитель и организатор чеченской Красной Армии Асланбек Шерипов.

Асланбек Шерипов прошел славный путь борьбы. В дни боев с наступавшими деникинскими частями он организовал чеченскую Красную Армию и командовал ею. После отступления из Владикавказа и Грозного в начале 1919 г. Шерипов вступил в коммунистическую партию. Под руководством Орджоникидзе он формировал отряды из горцев-бедняков, пролетариев Грозного и бывших красноармейцев для новой борьбы с деникинщиной. Асланбек Шерипов погиб в борьбе с врагами Советской республики как революционер-коммунист. Смерть этого молодого борца за дело горских трудящихся подняла новые массы бедноты. Отряд красных партизан продолжал борьбу, начатую им под руководством Асланбека Шерипова.

Горские буржуазно-кулацкие феодальные верхи вместе с белым командованием продолжали жестокую борьбу против разраставшегося повстанческого движения. Еще в первые месяцы захвата Деникиным Кавказа (26 марта 1919 г.) Чеченский национальный совет — буржуазно-кулацкая организация во главе с крупнейшим кулаком Ибрагимом Чуликовым «в интересах государства» признала необходимым подчинение Чечни Деникину и одобрила назначение правителем Чечни генерала Алиева.

24 сентября 1919 г. был образован в Грозном «комитет по очищению Чечни от банд большевиков и Узун-Хаджи». Во главе его стоял Ибрагим Чуликов.

Убедившись на опыте разгрома ряда аулов в способностях своих сподвижников из комитета, правитель Чечни генерал Алиев сделал главу чеченской националистической контрреволюции Ибрагима Чуликова своим помощником по гражданским делам.

В октябре 1919 г. генерал Драценко, командующий деникинскими вооруженными силами на Северном Кавказе, предъявил чеченскому народу ряд требований, заявив, что, если Чечня своими средствами не ликвидирует восстания и не выдаст большевиков, пощады не будет никому.

Для объявления этих «непременных и обязательных условий» генерал Драценко и правитель Чечни генерал Алиев послал того же Чуликова. Чеченское кулачье и казачьи сотни начали громить

плоскостную Чечню и аулы, расположенные по линии железной дороги Грозный—Петровск. Аулы Гудермес, Энгель-Юрт, Чечень-Юрт и др. были разгромлены.

С ростом восстаний в Чечне и Ингушетии и беспрерывным пополнением красных партизанских отрядов угроза Грозному — важнейшему стратегическому пункту Кавказа — становилась все более реальной. Красные партизанские отряды подходили к самому городу. Грозный — пролетарский центр со старыми революционными традициями. Все это заставляло командование белой армии держать в Грозном большой гарнизон из наиболее преданных частей. К концу ноября 1919 г. он достигал 12 тыс. штыков и сабель и 30 орудий.

Для поддержания порядка командование принимало жесточайшие репрессивные меры. В тюрьме Грозного к декабрю 1919 г. находилось около 600 человек, половина которых были «смертники», со дня на день ждавшие расстрела. За период пребывания белых в городе было расстреляно до 2 тыс. человек.

У арестованных революционеров возник смелый план: связавшись с партизанским отрядом, находившимся в селении Шатой, организовать массовый побег и поднять восстание в самом Грозном. «Мы решили умереть или же победить совместно с повстанцами, находящимися в пределах Чечни»[1], — писал один из организаторов восстания в Грозном в своем письме красным партизанам.

Восстание было назначено на 3 часа ночи с 22 на 23 декабря 1919 г. по условному сигналу (взрыв двух бомб и поджог небольшого резервуара с нефтью в районе нефтеперегонных заводов). По этому сигналу партизанский отряд должен был обстрелять город. Организаторы восстания предполагали поднять ряд деникинских воинских частей, среди которых предварительно была проведена разъяснительная работа, а также около тысячи военнопленных, бывших красноармейцев. Большинство из них оружия не имело. Решено было вооружить около 500 человек арестованных и военнопленных винтовками распропагандированного грозненского инженерного батальона, а потом вооружиться уже в процессе самого восстания. В восстании должны были принять участие 500 рабочих нефтеперегонных заводов, из которых вооружено было 100 человек. На стороне восставших должна была также выступить 7-я батарея, имевшая 4 орудия и 2 пулемета.

К моменту восстания деникинский гарнизон в Грозном имел свыше 50 пулеметов и большое количество артиллерии, в том числе и тяжелые орудия. Отряд красных партизан имел всего около 250 штыков. При таком соотношении сил восстание было обречено на неудачу. Но, не останавливаясь ни перед чем, горя желанием помочь томившимся в тюрьме революционным бойцам,

---

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», копия, д. 1 штаба терских повстанческих войск.

красный партизанский отряд 20 декабря спустился с гор, направляясь к Грозному.

В это время Узун-Хаджи, отряды которого до сих пор выступали вместе с красными партизанами против колонизаторов-деникинцев, опасаясь, что победа восстания приведет к укреплению революционных сил и, следовательно, к окончательному падению «шариатской монархии», резко изменил политику. Он отдал приказ об обстреле красного партизанского отряда, двигавшегося на Грозный. Но ни предательские пули Узун-Хаджи, ни жестокие морозы и ледяные ветры не остановили партизан, шедших к Грозному. Сбив передовые посты белых, захватив два орудия, отряд подошел к городу и дал условный орудийный сигнал к выступлению. Но город не отозвался. Поздно ночью стало известно, что в городе началось восстание и идет бой.

Восстание было неудачным. Началось оно не во-время. Когда подошедшей группой вооруженных товарищей были открыты двери тюрьмы и арестованные были выпущены, среди них нашелся предатель, бывший офицер, который сообщил белым подробный план восстания. Часть бежавших заключенных успела уйти по направлению к Владикавказу или укрыться в самом городе. Около ста человек добрались до слободы Воздвиженской, где находился отряд красных партизан.

Но с теми, кто попал обратно в руки белых, расправа была ужасна. Один из очевидцев этой расправы, партизан отряда, писал в отряд: «Я приехал ночью в город и увидел чудную картину: кто был привязан за шею, кто был прибитым гвоздями на телефонных столбах, а кто висел кверху ногами»[1].

Несмотря на неудачу, восстание имело большое значение. В отряд партизан влилась большая группа бежавших политических заключенных. Численность красного партизанского отряда увеличилась до 400 человек. Своей революционной твердостью, волей к борьбе, своей пролетарской дисциплинированностью они укрепили отряд и создали условия для дальнейшего расширения зоны повстанчества.

Ширилось повстанческое движение против деникинцев и на Ставропольщине.

После занятия Ставрополя белыми карательные экспедиции и военно-полевые суды начали хозяйничать в селениях. Жертвами белогвардейского террора являлись не только лица, имевшие какое-либо отношение к советской власти или партизанским отрядам, но все те, кто выражал недовольство восстановленными старыми порядками.

Особенно жестоко каратели расправлялись с семьями красных партизан, оставшихся в селениях. Старики, женщины, дети подвергались страшным пыткам, издевательствам, порке, а затем высылке в отдаленные места, занятые белогвардейцами.

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», копия, д. 2 штаба терских повстанческих войск (стиль и орфография сохранены).

Белый террор лишь усилил сопротивление трудящихся. Многие бежали в камыши Терека, Кумы. Под городом Святой Крест, в районах сел Обильное, Урожайное, Величавое, Прасковея, Воронцово-Александровское и др. организуются партизанские отряды. Они растут за счет отставших от своих частей красноармейцев, за счет мобилизованных, убежавших из белой армии, не желавших служить деникинцам. Во главе них становятся большевики, посланные на подпольную работу в деникинский тыл северокавказскими подпольными партийными комитетами и Кировым из Астрахани.

В июле 1919 г. по директиве Кирова разрозненные отряды красно-зеленых объединяются в красно-зеленую армию камышанцев. Киров посылает камышанцам политических и военных руководителей.

Красная повстанческая армия в камышах Терека, Маныча и Кумы наносила чувствительные удары белым. Штаб камышанцев находился в районе Кизляра. Удары камышанцев по белым тылам, так же как удары красных партизан на Тереке и красно-зеленых на Кубани, заставили Деникина издать приказ о «полном прощении» партизанам и красно-зеленым при условии их добровольной явки. Это обращение свидетельствовало только о слабости белых. Партизаны-камышанцы в ответ на обращение писали: «Мы пошли в камыши не из-за боязни смерти, а с клятвой бороться с ненавистной и эксплоататорской белой сволочью»[1]. На Ставропольщину, как и в другие районы, в которых оперировали красные партизаны, Деникину пришлось бросить свои отборные части. Столкновения этих частей с камышанцами всегда кончались разгромом белых.

НАЧАЛО ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЫ НА КУБАНИ И В ЧЕРНОМОРЬЕ

Захватив Кубань и Черноморье и установив старые порядки, «добровольческая» армия вместе с кубанским краевым правительством начали мобилизации в белую армию. С первой мобилизацией появляются и первые «красно-зеленые», как назывались красные партизанские отряды, скрывавшиеся в лесистых горах Закубанья и Причерноморья.

Уже в конце 1918 и начале 1919 г. уходят в лес, в горы, в камыши Кубани не желающие воевать против Советской России. Уходят, надеясь на недолговечный, кратковременный характер деникинщины. Начинаются репрессии, посылаются карательные отряды. Производится насильственная реквизиция лошадей, продуктов у населения Кубани и Черноморья. Все это толкало на активную борьбу против деникинских порядков.

Через несколько месяцев после занятия Кубани на ее территории имелись уже красно-зеленые группы. 6 декабря 1918 г. в селении Левая Щель состоялось первое совещание организаторов

[1] «Ставрополье» № 3, стр. 109, 1926 г.

красно-зеленых групп. Это были партийные и советские работники, оставшиеся в подполье. На совещании было решено развернуть работу среди мобилизуемых Деникиным, агитировать за уклонение от явки, поддерживать убегавших из белой армии, организуя из них группы красно-зеленых.

В марте 1919 г. Деникиным была объявлена по Черноморью всеобщая мобилизация. Явке подлежало 15 возрастов. Население категорически отказалось подчиниться приказу. Красно-зеленые отряды 4 апреля 1919 г. заняли город Адлер на берегу моря, в нескольких десятках километров от Сочи. Деникин вынужден был отменить мобилизацию.

Все население было связано круговой порукой. На сельские общества была возложена ответственность за появление красно-зеленых, за связь с ними. Но повстанческое движение не уменьшалось, а ширилось изо дня в день.

В марте 1919 г. в Екатеринодаре был создан подпольный Северокавказский комитет партии. Он организовал военно-революционный штаб повстанческих красных отрядов.

Представители штаба ездили в красно-зеленые отряды, устанавливали связь с ними, добивались признания руководства со стороны штаба, подчинения ему. Штаб посылал и организовывал центры восстания и в других городах области. Был создан Новороссийский военно-революционный штаб. Развертывалась разведывательная работа. Но основная военно-боевая работа шла по линии объединения и руководства имевшимися красно-зелеными группами и организацией новых групп.

Красно-зеленые группы на Кубани имели свои номера или названия, часто происходившие от названия района, где действовала группа, или от имени своего командира. Основные группы красно-зеленых были расположены следующим образом:

1-я группа — в горах Геленджика.

2-я группа — в горах Фальшивого Геленджика.

3-я группа — у Лысогорской.

4-я группа — около Новороссийска (под Сахарной Головкой), севернее Геленджика, на линии Новороссийск — Анапа.

5-я группа — у Абрау-Дюрсо.

6-я группа, называвшаяся также группой «Террор», одна из наиболее активных групп.

Группа «Гром и молния» действовала в горах, у станицы Абинской. К северу от Туапсе выделялась своей деятельностью группа «Левощельская», действовавшая в горах, в районе Архипо-Осиповка—Джубга—Туапсе. Михайловская группа действовала у перевала. Все эти пункты местопребывания красно-зеленых не были постоянными. Часто под давлением деникинских войск красно-зеленые переходили из одного района в другой.

Разбросанные в горах, скрываясь в лесах, не имея общего командования, красно-зеленые отряды вели жизнь самостоятельных партизанских групп. Вопросы жизни и деятельности отряда разрешались голосованием общего собрания. Командиры также

выбирались решением общего собрания. При наличии в группах партизан — земляков, родственников, близких знакомых, групповые, семейные интересы ослабляли еще далеко не достаточную к этому времени дисциплину. Перед подпольной парторганизацией и ее штабом по руководству красно-зелеными стояла задача объединения красно-зеленых групп, введения твердой дисциплины. Требовалось создать для всех групп красно-зеленых авторитетный единый руководящий центр и авторитетное единое командование.

В десятке километров от Черного моря, в укрытом лесистыми горами селении Левая Щель была созвана конференция всех красно-зеленых групп, находившихся на участке Новороссийск—Туапсе. Конференция открылась 5 июля 1919 г. и продолжалась три дня. Весь фронт Новороссийск—Туапсе был разделен на два района. Первый район — от Новороссийска до Лысых гор, второй район — от Лысых гор до Туапсе и Горячего Ключа. Для руководства ими были организованы районные штабы. Конференция создала Центральный штаб красно-зеленой армии Черноморья с местопребыванием в селении Левая Щель.

Штаб занялся реорганизацией сил красно-зеленых. Группы сводились в роты, взводы. Была уничтожена выборность командиров. Были введены политические комиссары в частях. Руководил ими политотдел. Комиссары занялись политическим воспитанием бойцов. Для улучшения боевой выучки красно-зеленых стали проводить военные занятия.

Во главе красно-зеленых Кубани и Черноморья встали большевики, присланные не только из Екатеринодара, но и из Ростова Ростово-Нахичеванским комитетом, из Закавказья — Кавказским подпольным краевым комитетом. Отдельные разрозненные группы объединяются в Советскую зеленую армию, становящуюся грозной силой в тылу у белых.

Летом 1919 г. красно-зеленые стали все сильнее беспокоить белых.

23 июля 1919 г. распоряжением Деникина все войска, действующие против красно-зеленых на Черноморском побережье, объединяются в особый корпус. Во главе корпуса ставится специально для этого вызванный из Крыма генерал Добровольский, который назначается главнокомандующим Черноморской губернии с передачей ему всех функций военного губернатора. Генералу Добровольскому было предложено немедленно приступить к широким операциям против красно-зеленых и «вести их с полным напряжением». Телеграмма Деникина предлагает кубанскому походному атаману и атаманам отделов оказывать генералу Добровольскому полное содействие в его карательной работе [1].

Несмотря на усиление борьбы с разрастающимся восстанием, организации красно-зеленых все более крепнут.

---

[1] ЦАОР, ф. 1486, д. 2, л. 103.

Организующую и руководящую роль в отрядах красно-зеленых играли рабочие новороссийских и екатеринодарских заводов, рабочие крупнейших черноморских имений. Составляя наиболее сознательную часть повстанцев, основной массой которых являлось местное трудовое крестьянство и казачество, они давали им кадры руководителей, составляли ядро, вокруг которого движение росло и укреплялось.

В конце ноября 1918 г. часть рабочих бывшего винодельческого имения удельного ведомства «Абрау-Дюрсо» ушла в горы и организовала группу красно-зеленых, состоявшую главным образом из рабочих Абрау. Они установили связь с Новороссийском.

Большую роль играли попадавшие к красно-зеленым бывшие красноармейцы. В своем большинстве это были одиночки из бывшей Северокавказской Красной армии, часть которой отступила на Владикавказ и оттуда по Военно-Грузинской дороге в Грузию. Интернированные, принужденные влачить жалкое существование, живя впроголодь, они горели желанием продолжать борьбу с Деникиным, стремясь прорваться через грузинскую границу на Черноморье в тыл Деникина. Меньшевистские правители Грузии поддерживали деникинцев в их борьбе против Советской России, но боялись укрепления белых в Черноморье. К тому же они претендовали на район Сочи—Туапсе, занятый Деникиным. Заинтересованные в ослаблении белых в Черноморье, они надеялись в удобную минуту воспользоваться борьбой красных партизан в своих интересах. Вот почему бывшим красноармейцам Северокавказской Красной армии часто удавалось пробраться через грузинскую границу в район Гагр. Они попадали в красно-зеленые отряды. Вместе с немногочисленными группами рабочих новороссийских и екатеринодарских заводов они являлись цементом в красно-зеленых группах.

Среди красно-зеленых попадались также «французы». Так красно-зеленые называли прибывших в распоряжение Деникина для борьбы с Советской Россией русских солдат из Франции, посланных в мировую войну русским правительством на помощь своим союзникам. Оторванные от родины в течение 3—4 лет, они после Октября требовали отправки в Советскую Россию. Им предложили: или гиблые пески Африки или «возвращение на родину», т. е. отправку в белые деникинские части. Многие пожелали хотя бы таким путем вернутья домой, надеясь на месте разобраться, с кем пойти. Летом 1919 г. Деникину прислали около десяти пароходов с этими бывшими солдатами русского экспедиционного корпуса. По дороге в Россию их продержали в море около двух месяцев. Среди них вели агитацию против большевиков и Советской России, требовали подписку в том, что они будут сражаться против красных. Эти «французы» при высадке из судов группами разбегались и переходили к красно-зеленым. «Французы» были хорошим боевым материалом. Многие из них стали руководителями партизанских отрядов. Бывали случаи перехода к красно-зеленым и другой группы солдат, попавшей

к Деникину также с помощью Франции и Англии. Это были бывшие русские военнопленные из Германии, Австрии. Условием их возвращения на родину поставили вступление в деникинскую белую армию. Предполагалось, что ими будут укомплектованы пополнения для деникинских частей.

В секретном рапорте командиру Одесского полка командир одного из батальонов полка сообщает (рапорт № 15 от 16 ноября 1919 г.), что в связи с предположением пополнить вверенный ему батальон бывшими военнопленными, прибывшими из Франции, он при помощи вполне надежных и преданных людей ознакомился с общим настроением бывших военнопленных. «Мои посланники вынесли очень неутешительное впечатление. Все военнопленные настроены ярко по-большевистски. «Добровольческую» армию считают проводником старого режима со всеми его отрицательными сторонами... офицеров называют «золотопогонниками» и к ним настроены очень недоброжелательно. В зверства большевиков, в их грабежи, беспричинные убийства, в поругание ими православных церквей определенно не верят. Большевистская агитация ведется во-всю и открыто... Ведут самое широкое знакомство с большевистскими организациями, которые обрабатывают этот материал, подготовляя их для своих целей»[1].

Красно-зеленые отряды пополнялись и за счет основных деникинских воинских частей. Часто деникинские полки комплектовались из пленных красноармейцев. Они выбирали первый удобный случай, чтобы перейти вновь на сторону Красной Армии или в повстанческие группы. Переходили к красно-зеленым мобилизованные солдаты и казаки частей, комплектуемых из местного населения. Забираемые в плен красно-зелеными деникинские солдаты изъявляли желание бороться против Деникина и становились в ряды красно-зеленых.

В красно-зеленые группы устремлялись и те, которым удавалось вырваться из цепких лап деникинской контрразведки. Устраивались побеги одиночек из тюрем, их прятали и переправляли в красно-зеленые группы. В Новороссийске, Екатеринодаре и ряде других городов и селений находились конспиративные квартиры. Они являлись передаточными постами до следующей такой квартиры. От города до местопребывания красно-зеленых отрядов тянулась цепочка таких передаточных постов. Переходя из рук в руки, прячась от глаз деникинских стражей, беглец из тюрьмы, «француз» из трюма прибывшего в Новороссийск парохода по этой цепочке попадал в отряд. Таких передаточных пунктов было несколько в каждом крупном городе.

В конце февраля 1920 г. был устроен массовый побег из новороссийской тюрьмы, сильно увеличивший группу партизан «Террор», расположенную недалеко от города. История этого необычайно смелого поступка вкратце такова: красно-зеленые, заключенные в новороссийскую тюрьму, решили организовать

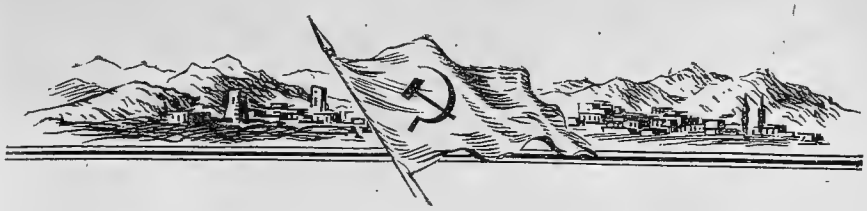
[1] ЦАОР, ф. 1487, оп. 2—93, л. 31—32.

побег из тюрьмы всех арестованных. Для этого они решили захватить тюрьму, захватить караулы и, перебив офицеров, скрыться. Заговорщики имели руководящую группу, которая разработала все детали побега. Снеслись с группой красно-зеленых, центром которой было селение Широкая балка, расположенное в семи верстах от Новороссийска, на берегу моря. Группа красно-зеленых Широкой балки должна была прикрывать их побег, дать проводников для доставки их в красно-зеленые группы. С помощью участвовавших в заговоре надзирателей ночью были открыты камеры тюрьмы. Арестанты захватили внутренний тюремный караул, вооружились винтовками, взятыми из цейхгауза тюрьмы. Затем они захватили внешний караул. Офицеры и помощник начальника тюрьмы были убиты. Солдаты караула не думали сопротивляться. В руки беглецов перешло около 70 винтовок и 2 пулемета. Из тюрьмы убежали все, кроме больных и караульных солдат. Забрали тюремную линейку, запряженную парой лошадей, захватили тюремную кассу с двумя миллионами деникинских денег, драгоценности, радиоприемник — и, сопровождаемая подошедшей группой красно-зеленых из Широкой балки, колонна бежавших (около 500 человек) скрылась в горах. Группа «Террор» сразу выросла до 600 человек. Этот массовый побег из новороссийской тюрьмы пятисот человек на виду всего города, где «главноначальствующими» были наиболее близкие к Деникину генералы, является лучшим свидетельством организованности красно-зеленых и растерянности, слабости деникинской власти.

Таким образом, к лету и осени 1919 г., когда генерал Деникин, получив помощь англичан и французов, двинул белые полки на Москву, в его глубоком тылу — на Северном Кавказе поднялось мощное повстанческое движение, руководимое большевиками. Важнейшие коммуникации белых оказались под ударами красных партизан.

Порты Новороссийск, Туапсе, хлебородные Кубань и Ставрополье, Грозненские и Майкопские нефтяные промысла, важнейшие железнодорожные пути стали объектами нападения красных партизанских отрядов.

Подлинная народная война поднималась в тылу у Деникина. Она превратила всю территорию, захваченную им с помощью интервентов, в сплошное поле битвы трудового народа против реставраторов проклятого прошлого.



ГЛАВА ВТОРАЯ

КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ И РАЗГРОМ ДЕНИКИНА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

☆

СТАЛИНСКИЙ ПЛАН РАЗГРОМА ДЕНИКИНА В ДЕЙСТВИИ

К лету 1919 г. генерал Деникин расположил свои полки широким фронтом от Днепра до Волги. Республика Советов находилась в огненном кольце. Армия Деникина выросла до 100 тыс. человек. Вдоль границ Советской России, в пограничных странах—Польше, Румынии, Эстонии были сосредоточены огромные количества военных припасов. Осенью 1919 г. Антанта начала свой второй поход на Советскую Россию.

«Поход этот был также комбинированный, ибо он предполагал совместное нападение Деникина, Польши и Юденича (Колчак был сброшен со счета). Центр тяжести похода лежит на этот раз на юге в районе Деникина» *(Сталин)*.

К этому времени белой армии генерала Деникина удалось захватить всю Кубань, Терек, Дон, Крым и Левобережную Украину. После долгих и кровопролитных боев 30 июня 1919 г. генерал Деникин занял Царицын и отдал приказ о походе на Москву. Контрреволюционным генералам казалось, что через несколько недель они на белых конях въедут в Москву «первопрестольную». Восстановлена будет «единая и неделимая» Россия, царь снова сядет на трон, помещики вернутся в свои имения, капиталисты получат обратно свои заводы и фабрики.

Поддерживать наступление генерала Деникина на Москву по приказу англо-французских империалистов должен был генерал Юденич, имевший свою базу в Эстонии и Польше. Юденич наступал

на Петроград. Польша двинула свои войска на Советскую Белоруссию. Офицерские дивизии генерала Деникина — алексеевская, корниловская, марковская и дроздовская — двинулись на Москву.

«...Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции, — писал Ленин от имени ЦК партии всем партийным организациям в своем письме «Все на борьбу с Деникиным». — Защитники эксплуататоров, помещиков и капиталистов, русские и иностранные (в первую голову английские и французские) делают отчаянную попытку восстановить власть грабителей народного труда помещиков и эксплуататоров в России, чтобы укрепить падающую их власть во всем мире...

...Все силы рабочих и крестьян, все силы Советской республики должны быть напряжены, чтобы отразить нашествие Деникина и победить его...»[1]

Советская республика должна быть *единым военным лагерем* не на словах, а на деле, — указывал далее Ленин. Необходимо разъяснить всему народу правду о Колчаке и Деникине. Организовать работу среди мобилизованных и усилить борьбу с дезертирством, помочь армии одеждой, обувью, оружием, снарядами, сократить всю невоенную работу, развернуть работу в прифронтовой полосе, провести правильную партийную линию в отношении военных специалистов, усилить борьбу с контрреволюцией в тылу, мобилизовать все население для войны — таковы задачи момента, как определял их Ленин.

ЦК партии звал коммунистов, рабочий класс, всех трудящихся Советской России выполнить задачи, указанные Лениным в его письме «Все на борьбу с Деникиным».

Тысячи коммунистов и комсомольцев пошли на южный фронт. Положение республики к этому времени было очень тяжелое. Деникин развивал свое наступление. В августе он бросил конный корпус генерала Мамонтова в рейд по тылам Красной Армии. Несколько недель Мамонтов гулял в глубоком тылу, захватывая города и зверски расправляясь с трудящимися. Деникинская армия заняла Воронеж, Курск, а 13 октября — Орел. Деникин подходил к Туле — арсеналу революции. До Москвы оставалось двести с небольшим километров. Нужно было принять решительные меры. Главное командование во главе с Троцким преступно не справлялось с задачей борьбы с Деникиным. Победа революции решалась на южном фронте, и ЦК посылает на южный фронт Сталина, поручив ему организацию разгрома Деникина.

«Сталин поставил перед ЦК три главных условия, — писал т. Ворошилов:—

1) Троцкий не должен вмешиваться в дела южного фронта и не должен переходить за его разграничительные линии, 2) с южного фронта должен быть немедленно отозван целый ряд работников, которых товарищ Сталин считал непригодными восстановить

[1] *Ленин*, Все на борьбу с Деникиным, стр. 5, Партиздат, 1933 г.

положение в войсках, и 3) на Южный фронт должны быть немедленно командированы новые работники по выбору Сталина, которые эту задачу могли выполнить...»[1]

ЦК принял условия товарища Сталина. Сталин отправился на южный фронт. Он категорически отверг разработанный главным командованием во главе с Троцким план разгрома Деникина, предусматривавший наступление на Новороссийск через Донские степи.

«...этот сумасбродный (предполагаемый) поход в среде враждебной нам, в условиях абсолютного бездорожья, грозит нам полным крахом, — писал Сталин в записке Ленину. — Не трудно понять, что этот поход на казачьи станицы, как это показала недавняя практика, может лишь сплотить казаков против нас вокруг Деникина для защиты своих станиц, может лишь выставить Деникина спасителем Дона, может лишь создать армию казаков для Деникина, т. е. может лишь усилить Деникина. Именно поэтому необходимо теперь же, не теряя времени, изменить уже отмененный практикой старый план, заменив его планом основного удара через Харьков—Донецкий бассейн на Ростов: во-первых, здесь мы будем иметь среду не враждебную, наоборот, — симпатизирующую нам, что облегчит наше продвижение; во-вторых, мы получаем важнейшую железнодорожную сеть (донецкую) и основную артерию, питающую армию Деникина, — линию Воронеж—Ростов... в-третьих, этим продвижением мы рассекаем армию Деникина на две части, из коих добровольческую оставляем на съедение Махно, а казачьи армии ставим под угрозу захода им в тыл; в-четвертых, мы получаем возможность поссорить казаков с Деникиным, который (Деникин) в случае нашего успешного продвижения постарается передвинуть казачьи части на запад, на что большинство казаков не пойдет... В-пятых, мы получаем уголь, а Деникин остается без угля. С принятием этого плана нельзя медлить...»[2]

Сталинский план был принят. Началась подготовка к его осуществлению, которой непосредственно руководил товарищ Сталин. На южный фронт был переброшен и Орджоникидзе. После своего ухода из Ингушетии Орджоникидзе через Хевсуретию пробрался в Тифлис, где хозяйничали меньшевики. Из Тифлиса он поехал в Баку. Здесь Орджоникидзе провел совещание о работе партии в подполье, о подготовке к вооруженному свержению господства интервентов и их слуг — грузинских меньшевиков, азербайджанских муссаватистов и армянских дашнаков в Закавказье. Из Баку на утлой рыбачьей лодке, снаряженной бакинскими бельшевиками для связи с Кировым, Орджоникидзе после тяжелого тринадцатидневного плавания прибыл в Астрахань. Через некоторое время он был назначен членом Реввоенсовета XVI армии западного фронта.

---

[1] *Ворошилов*, Сталин и Красная Армия, стр. 48, Воениздат, 1937 г.
[2] *Там же*, стр. 51—52.

На южный фронт Орджоникидзе по распоряжению Сталина привел с западного фронта латышскую дивизию. Это было в начале октября 1919 г. Латышская дивизия вошла в состав ударной группы, куда также входили стрелковая бригада и бригада червонных казаков. Ударная группа подчинялась в оперативном отношении XIV армии. Она была сосредоточена на стыке XIV и XIII армий, на юго-востоке от Брянска. 10 октября в Брянске Реввоенсовет XIV армии отдал приказ о наступлении на линию Кромы—Орел—Фатеж—Малоархангельск.

Ударная группа перешла в наступление. Белым удалось сбить ударную группу с намеченного направления. В районе Кром и Орла шли кровопролитные бои. Серго все время был на фронте, непосредственно руководя начавшимся наступлением. Необходимо было добиться решительного перелома. Орджоникидзе все время держал связь со штабом южного фронта — со Сталиным и непосредственно с Москвой — с Лениным. Ленин лично следил за подготовкой к наступлению.

15 октября Орджоникидзе в очередном письме Ленину сообщал о положении дел на фронте, в районе XIV и XIII армий. На этом письме Ленин сделал приписку, где он отзывался об Орджоникидзе, как о превосходном военном работнике, вернейшем революционере. XIV армия во главе с Орджоникидзе напрягала все силы, чтобы обеспечить разгром противника. 20 октября 3-я бригада латышской дивизии, части 9-й дивизии и эстонская дивизия с боем заняли Орел. Во главе этих частей был Серго. В тот же день он по телеграфу передал в штаб южного фронта Сталину и в Москву Ленину «привет из Орла».

Занять Орел не значило еще разбить и уничтожить противника. Это было лишь началом перелома. Белые на отдельных участках фронта перешли в наступление. 23 октября им удалось занять Кромы. Задача, поставленная перед ударной группой, — разбить противника, уничтожить его живую силу—не была еще осуществлена.

Товарищ Орджоникидзе в ночь с 24 на 25 октября докладывал Сталину о ходе борьбы на фронте. Выслушав сообщение, Сталин дал ему следующие указания:

«Обстановка последние дни сложилась на фронте так, что противнику удалось искусным маневром растолкать ударную группу в отдельные полки и бить их поодиночке. Смысл нашей последней директивы в том, чтобы дать вам возможность вновь собрать эти полки в одну группу и истребить лучшие полки Деникина, повторяю, истребить, ибо речь идет об истреблении. Взятие Кром противником — эпизод, который всегда можно исправить; основная же задача — не пускать полки ударной группы поодиночке, а бить противника единой и массивной группой в одном определенном направлении; остальные части, идущие с юга, окажут вам посильную помощь» [1].

[1] Проф. *В. Меликов*, Сталинский план разгрома Деникина, стр. 19, Воениздат, 1938 г.

Выполняя директиву Сталина, ударная группа вновь перешла в наступление и 27 октября вернула Кромы. В боях были разбиты лучшие деникинские части — офицерские дивизии. Белые начали отступать. За ними ринулся конный корпус т. Буденного, который разбил их под Воронежем и нанес им сокрушительный удар у Касторной.

2 ноября был отдан приказ об общем переходе в наступление. В исполнение этого приказа латышская дивизия, червонные казаки и Кубанский кавалерийский полк разгромили белых в этом направлении. Червонные казаки, переодевшись в белогвардейскую форму, сделали два рейда в тыл противника на Поныри и на Фатеж. Белые бежали к Курску.

В этот же день Орджоникидзе по телеграфу сообщил Ленину о разгроме красной конницей лучших полков генерала Деникина между Льговом и Дмитриевым. При занятии Льгова красная конница захватила огромное количество военного снаряжения. К этому времени, громя белых, красные армии южного фронта заняли Курск. XIV армии по заданию командования южного фронта была дана задача совместно с XII армией освободить Украину от белых. Развивая свое наступление, XIV армия наносила белым удар за ударом. Белые отчаянно сопротивлялись. Особенно сильные бои произошли у Харькова.

4 декабря 1919 г. за подписью Орджоникидзе был отдан по войскам армии приказ № 041. Приказ ставил задачей не позднее 11 декабря овладеть районом Харькова. Каждой дивизии было дано конкретное задание. Приказ был выполнен точно и в срок. К вечеру 11 декабря латышская дивизия и червонные казаки освободили Харьков.

На других участках южного фронта, в районе действий Первой Конной армии, XIII и XII армий, успех был также на стороне красных войск. План Сталина претворялся в жизнь. Опираясь на мощную поддержку восстающего против Деникина пролетариата и руководимого им трудового крестьянства, Красная Армия гнала деникинские полки на юг, на Кубань, к морю. Там, где закреплялась Красная Армия, большевики немедленно создавали органы советской власти — ревкомы, приводили в порядок железнодорожные пути, восстанавливали заводы, уделяли много внимания деревне.

В декабре 1919 г. Орджоникидзе сообщал Ленину и ЦК РКП(б) о своих впечатлениях от многочисленных бесед с крестьянством прифронтовой полосы. На обывательских подводах Серго объехал фронт на протяжении около 500 верст; он много видел и слышал. «Крестьяне будут бороться за власть Советов, — сообщал он Ленину. — Необходимо срочно мобилизовать коммунистов-рабочих для деревни».

В этом письме проявилось замечательное качество большевика, присущее Серго Орджоникидзе. Будучи, как это отмечал Ленин, превосходным военным работником, решительным, смелым, идущим впереди войск, он во время самых тяжелых боев

на фронте уделял много внимания завтрашнему дню. Еще не изгнаны белые с занимаемых позиций, а Орджоникидзе уже изучает людей, местные условия, запрашивает о присылке коммунистов-рабочих, чтобы назавтра же после разгрома белых закрепить победу Красной Армии.

Красная Армия только подходила к границам Северного Кавказа, а Серго уже ставит перед ЦК РКП(б) вопрос о партийном и советском руководстве на Северном Кавказе. Он ищет людей, собирает старые, разбросанные по фронту кадры местных работников. Он создает костяк советского аппарата на Северном Кавказе.

Наступление советских войск неуклонно продолжалось. 3 января 1920 г. был освобожден Царицын, 8 января — Ростов-на-Дону. Красная Армия находилась на подступах к Кавказу. Создается новый фронт — кавказский.

С. М. КИРОВ — РУКОВОДИТЕЛЬ ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ АСТРАХАНИ в 1919 г.

Немалую роль в разгроме интервентов и белогвардейцев на Северном Кавказе сыграла XI (Отдельная) Красная Армия, воссозданная С. М. Кировым в Астрахани главным образом из частей северокавказских войск, отошедших в начале 1919 г. с Северного Кавказа на Астрахань.

Чтобы превратить переболевших тифом, прошедших страшный зимний путь по голодной, безводной, заснеженной пустыне бывших бойцов XI армии в боеспособных красноармейцев, Кирову и его помощникам пришлось проделать большую работу.

Прошло несколько месяцев, и в советской крепости на Волге, глубоко врезавшейся в тыл врага, появились замечательные защитники. Астрахань стала неприступна. Она превратилась в центр руководства гигантской борьбой красных партизан Кавказа и Ставропольщины против деникинщины.

Деникин и Колчак, поддерживаемые с моря английскими военными кораблями, много раз пытались взять Астрахань. Советская крепость на Волге очень мешала интервентам и белогвардейцам.

Астрахань, названная Кировым «воротами к богатым нефтью и хлебом местам», была одним из важнейших стратегических пунктов южного фронта. Находясь на рубеже двух фронтов: восточного — колчаковского и южного — деникинского, она вклинивалась в расположение антисоветских сил, разрывая их надвое, мешая объединению сил Колчака и Деникина. Огромное значение Астрахани усиливалось еще тем, что она служила связующим звеном между Советской Россией, Закаспием и Северным Кавказом.

Летом 1919 г. Астрахань находилась в исключительно тяжелом положении. Со стороны Каспийского моря она была блокирована военными судами интервентов-англичан. Со стороны Северного

Кавказа наступали деникинские части генерала Драценко. С востока, со стороны Гурьева, наступал на Астрахань колчаковский генерал Толстов с частями уральского и астраханского казачества. Внутри города гнездилась контрреволюция.

Мещанско-купеческая Астрахань, крупный торговый город на Волге и центр астраханского казачьего войска, приютила у себя много бежавших из Советской России бывших офицеров, помещиков, капиталистов. Астраханские купцы, попы, разжиревшие торговцы объединились для борьбы с властью советов. Промышленного пролетариата в Астрахани почти не было. Советский аппарат работал еще плохо. Эсеры, меньшевики проникали в советские органы, в профсоюзные организации, на предприятия и вели здесь свою разлагающую контрреволюционную работу.

С. М. Киров, поставленный в феврале 1919 г. партией и правительством во главе обороны Астрахани, раздавил контрреволюционный мятеж, организованный агентами английской разведки в марте 1919 г. Он навел большевистский порядок в штабе обороны Астрахани и всего края. Он вдохнул новую жизнь в сердца усталых бойцов.

Много внимания и сил уделял С. М. Киров продовольственному и санитарному положению города. Все продовольствие было взято на строгий учет. Развернулась борьба с тифом, захлестнувшим город и превратившим его в сплошную больницу.

Единственной связью с Советской Россией осталась линия железной дороги Астрахань—Саратов. Она все время находилась под угрозой быть перерезанной деникинскими бандами. Это могло окончательно лишить Астрахань продовольствия, оружия—средств борьбы. Деникинские части прорывались к находящимся недалеко от Астрахани селениям Владимировке и Ахтубе. Опасность полного окружения нависла над городом. Под Астраханью, у Ахтубы, под Владимировкой, на Каспийском море шли кровопролитные бои.

«Пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист, — устье реки Волги было, есть и будет советским», — твердо заявил Киров.

В конце апреля под руководством Кирова несколько военных кораблей Волжско-Каспийской флотилии захватили на полуострове Мангышлаке форт Александровский. До этого форт был в руках деникинцев. Радиостанция форта служила главным средством связи между адмиралом Колчаком, хозяйничавшим в Сибири, и генералом Деникиным, захватившим юг России.

Из перехваченной радиограммы Киров узнал, что из Порт-Петровска на корабле «Лейла» генерал Гришин-Алмазов направляется через Гурьев с важным поручением Деникина к адмиралу Колчаку.

Советский миноносец «Карл Либкнехт» по приказу Кирова помчался настречу «Лейле». В море корабли встретились, и «Лейла» была захвачена. Генерал Гришин-Алмазов застрелился. Среди бумаг у него нашли собственноручное письмо генерала Деникина

к Колчаку. Это был план похода объединенных контрреволюционных сил на Москву. В письме генерал Деникин писал Колчаку: «Главное не останавливаться на Волге, а бить дальше, на сердце большевизма, на Москву. Я надеюсь встретиться с вами в Саратове...»

Письмо это дало возможность разгадать планы Деникина и Колчака и помешать намеченной встрече белых генералов.

Значительную роль в борьбе с деникинскими частями в низовье Волги играл городок Черный Яр. Расположенный на Волге, на пути между Царицыном и Астраханью, он после занятия Деникиным 30 июня 1919 г. Царицына являлся ключом к Астрахани.

Город был почти полностью окружен отборными частями Деникина. Конница деникинских генералов Улагая, Бабиева, Мамонтова, испытанные офицерские пехотные полки, английские самолеты были брошены генералом Деникиным под Черный Яр. Черный Яр ни в коем случае нельзя было сдать противнику. Героические защитники Черного Яра, в большинстве своем бывшие бойцы Северокавказской армии, упорно защищались, часто переходя в наступление, громя отдельные части противника.

Рано утром 5 сентября к пристани Черного Яра подошел небольшой пароход. По шатким мосткам на берег сошли прибывшие на фронт товарищи Киров, Куйбышев и Фрунзе. М. В. Фрунзе командовал туркестанским фронтом, в состав которого входила тогда XI армия. В. В. Куйбышев с августа 1919 г. находился в Астрахани как представитель Реввоенсовета туркестанского фронта и вместе с Кировым руководил теперь обороной края.

Они поехали на передовые позиции, посетили боевой участок. Яркое солнце освещало степь. Впереди окопавшиеся части советских войск вели бой с противником. В воздухе разрывается неприятельская шрапнель. Трещат пулеметы. В резерве за холмом стоит красная кавалерия, готовящаяся к атаке. В 700—800 метрах от наших красноармейцев видны окопы противника. Еще дальше, влево, за мелким кустарником, противник расположил свои кавалерийские части.

Киров, Куйбышев и Фрунзе смотрят в бинокли. Над ними разрывается шрапнель, пули зарываются у ног. Противник бросил в атаку свою кавалерию. Стремительной лавой, с гиканьем, воем, сверкая шашками, летят белые кубанские казаки на красные окопы. Киров, Куйбышев, Фрунзе с винтовками в руках залегли вместе с красноармейцами и яростно отбивают атаку белых.

В сентябре белым удалось прорвать фронт под Владимировкой — селением, находящимся недалеко от Черного Яра. Красные части были оттеснены к Волге. Белые в упор расстреливали отступавших в панике красноармейцев.

И вдруг со стороны Черного Яра на реке показались два судна. Это Киров привел на подмогу нашим частям вооруженные баркасы: «Коммунистка» и «Товарищ Маркин». Они немедленно открыли

артиллерийский огонь по противнику. Под градом пуль Киров собрал на берегу разбегавшихся красноармейцев:

«Товарищи бойцы, вы славные, несравненные герои. Вы устали, измучились... Враг силен, но и труслив. Стоит вам сделать еще одно решительное наступление — и победа за нами... Позицию отдать врагу — это подобно смерти!..»

Красноармейцы бросились к оружию. Бесформенная толпа отступавших вновь превратилась в боевые воинские части. С энтузиазмом бойцы пошли в бой. Киров был на передовой позиции, непосредственно руководил наступлением. Белых удалось выбить из Владимировки и Ахтубы и отогнать к Капустину Яру. В кровопролитной борьбе были уничтожены лучшие белые полки.

Астрахань часто подвергалась налету английских самолетов, которые находились в распоряжении Деникина и могли беспрепятственно бомбить не защищенный с воздуха город. Базой вражеских самолетов был остров Чечень.

Советское командование имело всего несколько старых машин. На этих «летающих гробах», как иронически их называли красные летчики, совершались героические полеты и выдерживались бои с неравными силами противника.

В связи с начавшимся наступлением Деникина на Москву пришлось одну из лучших частей XI армии — 33-ю Кубанскую дивизию отправить на южный фронт. Несмотря на огромное значение Астрахани — опоры советской власти на юго-востоке России, Троцкий под предлогом «выравнять фронт» отдал приказ об оставлении Астрахани.

Но резкий протест Кирова и его обращение непосредственно к Ленину, который приказал Астрахань «защищать до конца», помешали выполнению предательского замысла.

Троцкий несколько раз в течение 1919 г. пытался добиться отозвания Кирова из Астрахани, но это ему не удавалось. Осенью 1919 г., когда Киров и Куйбышев привели в порядок воинские части и разработали план разгрома войск белых генералов Толстого, Покровского и Улагая, окруживших Астрахань, Троцкий отдал распоряжение о переброске Кирова в X армию, а Куйбышева—на восточный фронт. В Астрахань же в XI армию на должность начальника штаба был направлен бывший царский генерал Люнденквист, оказавшийся предателем и врагом советской власти. Но этот предатель до Астрахани не доехал. Он был арестован и расстрелян, как организатор контрреволюционного заговора в Петрограде, подготавливавшего сдачу города генералу Юденичу.

Троцкому не удалось привести в исполнение свой предательский план. Киров остался в Астрахани и выполнил приказ Ленина о защите города. Он развернул гигантскую работу по обороне этого важнейшего пункта от наступавших войск Деникина и Колчака. В тяжелые минуты он обращался к рабочей и красноармейской массе. Почти ежедневно Сергей Миронович выступал на различных собраниях, поднимая дух и боевое

настроение защитников Астрахани. Под его руководством формировались новые части. На ответственные участки фронта направлялись коммунистические отряды, красные курсанты. Велась борьба с продолжавшимися попытками контрреволюции взорвать Астрахань изнутри.

Белым взять Астрахань не удалось. Астрахань осталась твердыней советов у устья Волги.

Когда началось генеральное наступление советских войск против Деникина по всему фронту, двинулась в наступление и XI армия. Под руководством Кирова был разработан и осуществлен план разгрома колчаковского генерала Толстого и контрреволюционного астраханского казачества. Части XI армии во главе с Кировым и Куйбышевым начали наступление на главные силы белых, сосредоточенные в районе Ганюшкино.

Одна колонна советских войск, состоявшая из курсантов командных курсов, двинулась берегом Каспия. Бесчисленное количество «ериков» (мелких протоков Волги), осенняя распутица, непролазная грязь не остановили движения колонны. Спешно наводя мосты, на лодках, а где и вброд, по пояс в воде красные бойцы шли вперед. Развернулись сильные бои. Части XI армии начали теснить белых к берегу Каспийского моря. Другая колонна состояла из красных моряков героического Балтийского флота, пришедших на помощь Астрахани.

В тяжелых условиях осенней распутицы, пройдя за два дня около ста километров, отряд зашел в тыл белым. Моряки нанесли сокрушительный удар белым частям. Соединившись с первой колонной, они погнали белых к морю. Не помогла белым и помощь интервентов. Они были разбиты.

В телеграмме ЦК партии и Ленину Киров сообщал об этом радостном событии:

«Части XI армии спешат поделиться с Вами революционной радостью по случаю полной ликвидации белого астраханского казачества. Свыше полугода назад по устью Волги и по побережью Каспия сбилось контрреволюционное казачество. Прекрасно снабженное всем необходимым господствовавшими в Каспии бандитами английского империализма, оно представило весьма серьезную угрозу красной Астрахани и получило задачу запереть великую советскую реку и взять Астрахань.

Нужно было положить раз и навсегда предел такой дерзости, и ныне это выполнено. После основательной подготовки 18 ноября части нашей армии повели решительное наступление в указанных районах. Чрезвычайно тяжелая географическая обстановка не могла явиться препятствием для самоотверженных красноармейцев и военных моряков. После непрерывных боев противник в районе Ганюшкино был крепко прижат к Каспию, а сегодня ему был нанесен окончательный удар, смертельно сокрушивший белое астраханское казачество. Части его, бившиеся против социалистической России в районе Царева, исчезли бесследно, похоронив свои остатки в хут. Букатино (против Царицына).

В течение 10-дневных боев нами взято: свыше 5 000 пленных, около шести тысяч винтовок, 117 офицеров, 128 пулеметов, 23 орудия, 2 миллиона патронов, несколько тысяч снарядов, радиостанция, 6 гидропланов, громадные обозы и прочее. Таким образом, враги рабоче-крестьянской России потеряли еще одно звено — астраханское казачество. Передовые части XI армии стоят уже на рубеже Терской области и скоро подадут свою мощную братскую руку горящему революционным пламенем Северному Кавказу»[1].

После разгрома остатков колчаковских банд под Ганюшкино началось наступление XI армии на Северный Кавказ. Бойцы XI армии шли победителями там, где год назад они отступали. Теперь окрепшая, вновь созданная XI армия громила белых.

Одновременно части XI армии совместно с частями X армии наступали на Царицын, и город был взят 3 января 1920 г.

В эти дни при неблагоприятной погоде Киров вылетает на старом, заплатанном аэроплане «Фарсале» в Святой Крест, чтобы оттуда непосредственно руководить наступлением. В пути, пролетая над калмыцкой степью, аэроплан потерял ориентир и вынужден был сделать посадку. Наступала ночь. Вокруг самолета простиралась бескрайняя пустыня. Вдруг за бугром показались какие-то люди. Это были жившие неподалеку в юртах кочевые калмыки, испуганные появлением в степи странной птицы, которую они видели впервые в жизни. Всю ночь беседовал с ними Киров, рассказывая о советской власти, объясняя причины гражданской войны, говоря о будущем калмыцкого народа. И на другое утро калмыки тепло провожали Кирова, принятого ими вначале за шайтана. Аэроплан вылетел в дальнейший путь, и в тот же день Киров был уже в Святом Кресте, среди бойцов наступавшей армии, за 400 километров от Астрахани.

ВОССТАНИЕ В ГОРАХ КАВКАЗА ПРОТИВ ДЕНИКИНА

4 февраля 1920 г. по постановлению Центрального Комитета партии создается центр по восстановлению советской власти на Северном Кавказе. Председателем его назначается Орджоникидзе, его заместителем — Киров. Одновременно Орджоникидзе назначается членом Реввоенсовета вновь образовавшегося кавказского фронта.

Реввоенсовет кавказского фронта отдает приказ VIII, IX, X, XI армиям и Первой Конной армии о перегруппировке и общем наступлении против белых. Армиям дается задание разбить и отбросить противника к Азовскому морю. Первая Конная пошла в обход белым, к Тихорецкой. Боевые полки Первой Конной, в рядах которой сражались бывшие сальские и ставропольские партизаны, освобождали Северный Кавказ от интервентов и белогвардейщины. С. К. Тимошенко, И. Р. Апанасенко, О. И. Городовиков и другие боевые командиры, выполняя приказ Ворошилова и Буденного,

[1] *Киров*, Статьи, речи и документы, стр. 150—151, Партиздат, 1936 г.

нанесли деникинцам сокрушительный удар. В боях под Торговой и Егорлыкской Первая Конная разгромила конницу белых. 27 февраля 1920 г. красные войска кавказского фронта заняли Тихорецкую, 29 февраля—Ставрополь.

Ленин следил за ликвидацией противника и требовал скорейшего и полного разгрома Деникина ввиду угрозы войны с белой Польшей. Особое значение Ленин придавал фабрикам и заводам, нефтяным источникам, переходящим с разгромом белых в руки Советского государства. Он опасался уничтожения их белыми при отступлении.

28 февраля Ленин писал Орджоникидзе о необходимости издать особое обращение к населению Майкопа и Грозного о сохранении и бережном отношении к нефтяным промыслам. Майкоп и Грозный были еще в руках белых, а Ленин уже заботился, чтобы советская власть получила нефтяные промысла в сохранности.

Март 1920 г. — месяц окончательного и полного разгрома войск Деникина на Кубани и Тереке. Победные полки Красной Армии гнали белых на Кубани к Черному морю, на Тереке — к границе Грузии. В тылу у Деникина поднимались восстания рабочих и крестьян, помогавших Красной Армии окончательно уничтожить белых.

Восстанием в горах Кавказа против Деникина руководили Кавказский краевой комитет РКП(б), находившийся в Тифлисе, и политотдел XI армии из Астрахани, во главе которого стоял Киров. На Терек, на Черноморье, в Дагестан отправляли людей, деньги, оружие. Руководители отрядов держали связь с Астраханью. По директиве Кирова все красные повстанческие части на Тереке были объединены.

21 января 1920 г. была создана терская областная группа красных повстанческих войск. Был сформирован штаб группы, начальником которого назначен прибывший представитель XI армии большевик ингуш Дудаев. По постановлению Кавказского краевого комитета все ревкомы и повстанческие части на территории Терской области подчинялись вновь организованному штабу группы.

Партизанские отряды были сведены в ротные и батальонные соединения, к которым были прикреплены для политического руководства политруки и политкомиссары. Вместо старых наименований отрядов появляются новые, как, например, «1-й отдельный сводный красноармейский батальон», подчеркивающие непосредственную связь отрядов с советской Красной Армией.

Красная повстанческая армия Терской области становится частицей Красной Армии Советской России. Приказом от 26 января 1920 г. за № 4 вводится общеармейский дисциплинарный устав, утвержденный ВЦИК. Командование группы завязывает непосредственные связи с Красной Армией Астраханского района. 25 января 1920 г. из слободы Воздвиженской в распоряжение командира красного Кавказского корпуса был отправлен чеченский красный партизанский отряд из бывших чеченцев-абреков

для участия в борьбе за освобождение Терской области. Командиру отряда Абдул-Рашиду Исаеву дается задание — связаться с главным штабом войск Астраханского района[1].

В конце января 1920 г. командование «добровольческой» армии, стремясь ликвидировать большевистский центр повстанчества, находившийся в слободе Воздвиженской, послало туда отряд в 6 тыс. штыков, с большим количеством пулеметов, артиллерией и конницей. Небольшой отряд красных партизан в 400 человек, находившийся в слободе Воздвиженской, был окружен со всех сторон.

31 января 1920 г. белые начали наступление. Восемь часов бился отряд с наступающими белогвардейцами. Деникинское командование не жалело людей, бросая в бой цепь за цепью. Меткий огонь партизан бил их, но на стороне белых была артиллерия, против которой партизаны были бессильны. Еще немного — и, дорвавшись до небольшой группы партизан, дивизия белых в рукопашной схватке уничтожила бы ее, если бы не подоспела помощь со стороны группы горцев селения Шатой и узун-хаджинцев, которые вопреки приказу Дышнинского, командующего вооруженными силами Узун-Хаджи, напали на белых, ударив им в тыл. Деникинцы потерпели поражение. Потеряв около тысячи человек убитыми и ранеными, они зажгли слободу Воздвиженскую и отступили к Грозному. В отряде красных партизан было убито 27 человек и 30 ранено. В бою был убит начальник штаба группы Султан Дудаев. Отряд отступил из слободы Воздвиженской в селение Шатой.

Этот бой сыграл большую роль в дальнейшем развертывании восстания против белых в горах Кавказа. Отряд вырос в боевом и политическом отношении, положение его упрочилось.

Воздвиженский бой способствовал также классовому расслоению горцев. Если раньше наряду с кулацкими и торговыми элементами в отряды Узун-Хаджи была частично втянута и горская беднота, ослепленная религиозно-национальным фанатизмом, то предательская политика «эмирства», уклонявшегося от помощи отряду красных партизан, открыла глаза бедноте. С этого времени горская беднота активно борется против своей помещичье-офицерской верхушки. Национально-религиозный дурман начинает рассеиваться. Партизанские отряды растут, вовлекая в свои ряды прежних узун-хаджинцев.

После боя под слободой Воздвиженской штаб группы, перейдя в селение Шатой, налаживает регулярную связь с командованием XI армии. Связь эта поддерживалась через ставропольских партизан-камышанцев, среди которых находился уполномоченный XI армии. От штаба терской областной группы красных повстанческих войск до района действий камышанцев связь организовал штаб группы, от района действия камышанцев до Астрахани

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», копия, д. 1 штаба терских повстанческих войск, л. 20.

связь поддерживали камышанцы. Через них терская группа получала денежные средства и инструкции. Реввоенсовет XI армии регулярно получал донесения о ходе восстания. Киров непосредственно руководил военно-политической работой штаба терских повстанческих войск. Приказом Реввоенсовета XI армии 5 февраля 1920 г. штабу терской группы было предложено:

«...§ 3. Вести самую энергичную работу по разложению частей противника и внесению дезорганизации в его ряды (порча железной дороги, средств связи и пр.).

§ 4. Организовать повстанческие отряды и переформировать уже существующие по принципу строительства рабоче-крестьянской Красной армии.

§ 5. Организовать в районах, занятых повстанческими отрядами, органы советской власти, согласно конституции РСФСР, и вести политическую работу среди населения»[1].

Выполнение этой директивы потребовало большой и упорной работы штаба повстанческих групп. Прежде всего необходимо было выкорчевать «партизанщину», которая мешала объединению и реорганизации боевых сил на принципах строительства Красной Армии. Для борьбы с нарушением воинской дисциплины во всех ротах были созданы товарищеские суды, а при штабе группы — военно-полевой суд. Нарушения воинской дисциплины членами партии военно-полевой суд карал строго. Особенности борьбы многонационального, многоплеменного Кавказа с «добровольческой» армией приводили к тому, что в отдельных случаях из общепартизанских, а впоследствии общевойсковых соединений выделялись национальные группы, которые иногда, не считаясь с общими условиями борьбы, стремились поскорее уйти в свой район для того, чтобы там принять непосредственное участие в борьбе с деникинцами. С этими тенденциями, распылявшими силы восставших, приходилось бороться. Усиливалась политическая работа в группах, оформлялись коммунистические организации. Крепла связь с Грозным и Астраханью. Первая партийная конференция терской повстанческой группы констатировала, что в Чечне «идет определенно раскол в пользу советской власти».

Развертыванию партийной работы несколько мешали религиозно-бытовые особенности горцев: отсталость, низкий культурный уровень, религиозный фанатизм. Требовались особые формы партийной работы среди горцев. С этой целью по предложению Кирова были созданы своеобразные массовые политические организации, которые организовывали горскую бедноту и трудящихся горцев под руководством коммунистической партии. Ими руководил политотдел штаба группы. Организации эти назывались «ячейками революционных горцев».

Эти ячейки широко охватили Чечню, Кабарду, Ингушетию, Осетию.

---

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», копия, д. 3 штаба терских повстанческих войск, л. 13.

Схема № 4. Расположение красных партизанских частей в тылу у Деникина в 1919—1920 гг.

Членами ячейки могли быть все горцы:

«а) Активно боровшиеся и борющиеся за дело советской власти.

б) Сознательно относящиеся к современным событиям.

в) Не запятнавшие себя грабежами красноармейцев.

г) Не состоявшие ранее и в настоящее время на службе у казаков»[1].

В обязанности ячейки входили:

«...а) Усиленная агитация и пропаганда за утверждение советской власти среди горских народов.

б) Организация и подготовка активного выступления широких чеченских трудовых масс против Добрармии.

в) Энергичная борьба с провокацией реакционных агентов.

г) Привлечение всех активных и сознательных чеченцев в ряды революционной чеченской организации»[2].

В районах, откуда деникинцы изгнаны, ячейки революционных горцев должны были революционным порядком немедленно утвердить власть трудового народа, создать революционные комитеты, которым и должна была передаваться вся полнота власти впредь до распоряжения от политотдела группы.

Ячейки объединялись между собой в виде районных делегатских собраний. Делегатские собрания выбирали районные комитеты ячеек революционных горцев. В ячейке имелся президиум, который и руководил работой.

Значение ячеек революционных горцев было огромно. На всей территории горских народов велась интенсивная партийная работа — подготовлялось всеобщее восстание.

Идея ячеек революционных горцев безусловно была навеяна опытом работы массовой революционной организации осетинской бедноты «Кермен» в период 1917—1918 гг. до ее вступления в большевистскую партию. «Кермен» тогда работал под руководством большевиков. Через «Кермен» большевики укрепляли свое влияние среди осетинской бедноты, вели ее на борьбу за власть советов. Позже наиболее преданные делу социалистической революции керменисты вступили в большевистскую партию. Ячейки революционных горцев дали возможность распространить полностью оправдавший себя опыт «Кермен» не только на Осетию, но и на все горские народы.

В Ингушетии, Осетии, Кабарде и Балкарии по решению Кавказского краевого комитета партии были образованы революционные комитеты, которые в военном отношении подчинялись штабу терской группы повстанческих войск. Для непосредственного руководства готовящимся восстанием в Ингушетии было организовано отделение штаба красных повстанческих войск, которое руководило и объединяло действия Ингушетии, Осетии и Кабарды. Руководителем отделения был назначен помощник командую-

---

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», документы V тома.

[2] *Там же.*

щего терской областной группы красных повстанческих войск т. Мордовцев. Тов. Мордовцеву были даны следующие директивы:

1. Закрыть Военно-Грузинскую дорогу, чтобы отрезать сообщение деникинцев с Грузией.

2. Прекратить увоз в Тифлис продуктов с Северного Кавказа.

3. Задержать волну беженцев — буржуазии и помещиков, которая хлынула с Северного Кавказа в Грузию.

4. Подготовить восстание против белых во Владикавказе.

5. Перерезать основную железнодорожную линию, соединяющую Северный Кавказ и Закавказье на участке Прохладная — Беслан — Карабулак. В числе других задач т. Мордовцеву предлагалось установить регулярную связь с отдельными отрядами создаваемой Ингушской Красной армии, организациями Владикавказа, с Сунженской линией, с ревкомами Кабарды и Осетии.

Штаб вел также работу и среди казачества Сунженской линии. В результате этой работы фронтовики-казаки отказывались воевать с Красной Армией и организовывали отряды по охране станиц и хуторов Сунженской линии от деникинцев. Штаб организовал на Сунженской линии ударную группу, которая должна была явиться ядром восстания терского казачества против деникинщины.

В селениях Чечни, Ингушетии были организованы подпольные комитеты из сторонников советской власти. Они занимались пропагандой, боролись с грабежами и разбоями, выступали против взаимной межнациональной травли, которая провоцировалась контрреволюционной верхушкой Ингушетии и Осетии. Комитеты агитировали за идею объединения всех трудящихся Терека под руководством большевиков. В Ингушетии велась подготовка к захвату на местах власти по сигналу организованного окружного Ингушского ревкома.

В начале марта 1920 г. почва была подготовлена и были созданы организующие и руководящие центры общего выступления горцев против деникинщины. Кавказский краевой комитет партии послал из Тифлиса людей. В Кабарду двигался отряд, организованный из бывших бойцов XI армии — кабардинцев.

Поход из Тифлиса в Кабарду по горным тропкам, зимой, в стужу, был очень труден.

По дороге к отряду присоединились кабардинцы, прятавшиеся в горах. Подходя к границам Чечни, отряд насчитывал уже свыше 100 человек. Штаб оказывал кабардинцам большую поддержку и передал в распоряжение отряда кабардино-балкарскую роту, насчитывавшую около 200 человек. Трудящиеся Кавказа оказывали братскую помощь кабардинцам, идущим на родину для последней борьбы с помещичье-офицерским гнетом.

Беднота Ингушетии радостно встретила кабардинский отряд. 15 марта 1920 г. отряд занял первое кабардинское селение — Исланово.

Штабом терских повстанческих войск перед кабардинским

отрядом была поставлена основная задача: «Пробираться в Малую Кабарду, поднять массовое восстание Кабарды» [1].

В Осетии также к этому времени был организован революционный центр готовящегося восстания. Еще к концу августа 1919 г. по решению Кавказского краевого комитета партии отдельные коммунисты-кермениcты начали переходить из Грузии обратно в Дигорию.

К началу 1920 г. большое количество коммунистов собралось в Черном лесу горной Дигории.

Много кермениcтов вернулось в аулы и селения, где была развернута подпольная работа. Как и раньше, особенно значительной была подпольная работа в Дигории. Руководил партийной подпольной работой в Осетии окружной комитет РКП(б) (бывший ЦК «Кермен»), организовавший ревком. Приказ о всеобщем выступлении был дан 17 марта 1920 г. К этому времени, громя деникинцев, XI армия заняла Ставропольщину и двинулась к Кизляру. Ночью 17 марта конные части штаба красных партизан заняли Грозный. Реввоенсовет XI армии за подписью командарма и члена РВС Кирова отдал приказ красным партизанам о преследовании белых. Киров предлагал партизанам решительным ударом занять Гудермес и прервать связь Владикавказа с Кизляром и Петровском.

Белые из Грозного отошли на Петровск. 22 марта они были изгнаны из Владикавказа.

Так совместной борьбой трудящихся горцев, организованных коммунистической партией в повстанческие отряды, и Красной Армией Советской России Терек был освобожден от белых.

ВОССТАНИЕ НА КУБАНИ И В ЧЕРНОМОРЬЕ ПРОТИВ ДЕНИКИНА

Отступая, белая армия пыталась задержаться в казачьих областях. Особые надежды деникинцы возлагали на Кубань. Здесь была их житница, отсюда они черпали свои людские резервы для борьбы с большевиками, находя помощь и поддержку со стороны кубанской «самостийной» контрреволюции.

Территория белых «вооруженных сил юга России» сужалась все больше. Вслед за очищением от белых Донецкого бассейна конница Буденного 6 января 1920 г. захватила Таганрог, 8 января—Ростов-на-Дону. Красная Армия вышла к побережью Азовского моря. Фронт вплотную подходил к границам Кубани—последнему оплоту деникинщины. Сюда, на Кубань, устремились наиболее крупные силы остатков разбитых Красной Армией «вооруженных сил юга России», в составе Донской, остатков Кубанской армии и «добровольческого» корпуса.

Надежды белого командования найти на Кубани опору и начать новое наступление на этот раз не оправдались.

---

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», копия, д. 1 штаба терских повстанческих войск, л. 60.

Великодержавная помещичья политика Деникина заставила верхушку кубанского казачества в лице Кубанской рады повести борьбу против Деникина, за «самостийную» кулацкую Кубань. Кубанская армия распадалась. Рядовое казачество бросало свои полки, уходило домой, в станицы. Казачья и «иногородняя» крестьянская беднота уходила в красно-зеленые отряды, скрывалась в горах, лесах, камышах, чтобы с оружием в руках бороться против помещичье-буржуазной контрреволюции.

Борьба против деникинщины и местной контрреволюции, которую вели кубанская казачья и «иногородняя» беднота и черноморское крестьянство под руководством большевиков, сыграла громадную роль в окончательном разгроме контрреволюции. Красно-зеленые отряды оттягивали силы белых с фронта. Вся территория деникинщины превратилась в сплошной фронт. И это облегчало задачу Красной Армии.

В повстанческом движении на Кубани и Черноморье в 1919—1920 гг. партия вела борьбу на два фронта: против русской помещичье-буржуазной контрреволюции в лице генерала Деникина и против местной «самостийной» кулацкой контрреволюции в лице кубанской казачьей верхушки — Быча, Макаренко и др. На Черноморье активно пытались действовать укрепившиеся на побережье правые эсеры. Меньшевистское правительство Грузии оказывало эсерам, выгнанным из Советской России, помощь, рассчитывая использовать их в борьбе с большевиками. Обстановка на Черноморье, особенно в южной его части, благоприятствовала их замыслам. Пролетарская база южной части побережья была ничтожна. На участке Туапсе — грузинская граница (район Гагр), кроме портовых рабочих Туапсе да нескольких десятков рабочих полуремесленного типа в Сочи и Адлере, пролетариата не было. Партийная организация была слаба. Эсеры пытались использовать начавшееся в Черноморье массовое движение трудового крестьянства против деникинщины. Они надеялись придать ему с помощью Грузии не только антиденикинский, но и антисоветский характер, превратив Черноморье в плацдарм новой Учредилки.

В ноябре 1919 г. был проведен нелегальный съезд представителей крестьян Черноморья. Решением съезда был создан «Комитет освобождения Черноморья» (КОЧ). Центральной фигурой КОЧ был В. Н. Самарин-Филипповский, эсер, один из руководителей эсеро-меньшевистского ВЦИК первого созыва в 1917 г., бывший председатель совета министров уфимского белогвардейского правительства. Вокруг него собрались его единомышленники: Чайкин—эсер, бывший комиссар Временного правительства в Туркестане, Рябов—член ЦК эсеров и полковник Н. В. Воронович—бывший член Учредительного собрания. Воронович стал организатором военной работы КОЧ. Съезд постановил начать борьбу против Деникина, за образование «Черноморской народной республики», бороться «до полной победы демократии», за подлинное «народовластие». Эсеровское руководство съезда добилось того, что было послано

обращение в Москву Совету Народных Комиссаров и партии коммунистов с требованием отказаться от «партийной диктатуры» и образовать коалиционное «социалистическое» правительство («от большевиков до народных социалистов»).

Перед большевиками стояла двойная задача: разоблачить действительную сущность эсеров из «Комитета освобождения Черноморья» и возглавить борьбу трудящихся против деникинщины, за власть советов.

Непосредственное руководство выполнением этих задач взял на себя Кавказский краевой комитет партии, находившийся в Тифлисе. Комитету удалось послать на подпольную работу в районы движения и в «Комитет освобождения Черноморья» под видом эсеров и им сочувствующих группу коммунистов и вполне преданных партии и советской власти проверенных беспартийных товарищей. В большинстве своем это были военные работники, прошедшие школу империалистической и гражданской войн и подпольной работы. В Грузию они попали, отступив с Северного Кавказа в феврале 1919 г. Они взяли фактически все руководство восстанием в свои руки, предоставив КОЧ заниматься «высшей» политикой.

Придя в непосредственное соприкосновение с партизанами-бойцами, они повели усиленную борьбу с антисоветскими и антибольшевистскими стремлениями эсеров из КОЧ. Они стремились придать восстанию против деникинщины советский характер.

В начале января 1920 г. началась усиленная подготовка к вооруженному восстанию. Исходным пунктом восстания была намечена «нейтральная зона» между грузинской границей и границей белых — район Пиленково — Ермоловское.

Активные действия повстанцев Черноморья против деникинских воинских частей начались в конце января 1920 г.

26 января был отдан приказ о выступлении черноморского крестьянского ополчения против 52-й отдельной бригады «добровольческой» армии в районе Веселое — Адлер. Вследствие плохой погоды и большого снегопада, затруднившего передвижение частей ополчения, выступление было отложено на 28 января. Главные силы ополчения были сосредоточены против левого фланга белых в районе села Мехадырь. Силы белых, в десять раз превышавшие силы ополчения, расположились на берегу реки Псоу.

В ночь на 28 января началось наступление. К 15 часам 29 января, смяв левый фланг противника, части черноморского крестьянского ополчения заняли селения Ахштырь, Молдаванку, отрезав белым путь к отступлению — мост через реку Мзымту, у села Молдаванки. Солдаты 52-й бригады частью сдались и были разоружены, частью рассеялись. Небольшая группа офицеров, казачья сотня и артиллерия противника отступили к Сочи. 30 января был занят город Адлер, к вечеру того же дня — местечко Хоста. У Мацесты, в 13 верстах от Сочи, белые оказали упорное сопротивление. Обходным движением отряд партизан зашел белым в тыл, и 1 февраля в тылу у белых, в самом городе, завязался бой. В тот же день черноморское крестьянское ополчение, вытеснив против-

ника из Сочи, продолжает его теснить в направлении Туапсе. 13 февраля противник, укрепившийся на реке Шахе, после упорного сражения был разбит. 24 февраля был занят город Туапсе. Первый этап борьбы повстанцев против белых на Черноморье закончился.

Захватив в Туапсе большое количество пленных, богатые трофеи, выросшие части черноморского крестьянского ополчения выступили по двум направлениям. Один отряд пошел на Новороссийск для соединения с Советской зеленой армией, второй — двинулся в сторону Белореченской по линии железной дороги Туапсе — Армавир. Этот отряд вскоре занял Гойтинский перевал и там остановился.

Черноморское крестьянское ополчение и Советская зеленая армия встретились у Туапсе. Это сыграло большую роль в открытом выявлении советского характера движения. Советская зеленая армия была организована из многочисленных красно-зеленых групп, созданных подпольными Северокавказским комитетом партии, находившимся в Екатеринодаре, и Ростово-Нахичеванским комитетом, находившимся в Ростове-на-Дону. Деятельность Советской зеленой армии проходила все время под руководством коммунистов и под советскими лозунгами.

Вступив в соприкосновение с Советской зеленой армией, фактические руководители черноморского крестьянского ополчения — коммунисты сразу получили опору в борьбе с эсеровскими руководителями КОЧ. Появилась прямая возможность разрыва с ними, открытого выступления под лозунгом борьбы за советскую власть.

В начале марта 1920 г. состоялось объединение Советской зеленой армии с черноморским крестьянским ополчением. Из объединившихся партизанских отрядов была создана Красная Армия Черноморья. Отдельные группы партизан и отряды сводятся в батальоны трехротного состава численностью в 400 штыков при 6 пулеметах [1]. Был создан Революционный военный совет армии.

Командование Красной Армией Черноморья создало в кратчайший срок сильную боевую организацию, насчитывавшую до 12 тыс. бойцов. Были организованы необходимые аппараты снабжения, связи, санитарная часть и хорошо поставлена политическая работа в армии и в тылу.

Однако ряд обстоятельств не позволил произвести немедленное свержение КОЧ. Красная Армия Черноморья действовала в тылу Деникина, имея ближайшим своим соседом на юге «демократическую» меньшевистскую Грузию, на севере — Деникина. Красная Армия Советской России находилась еще далеко от Черноморья. Не было никакого сомнения в том, что меньшевистские правители Грузии не допустили бы появления большевистских отрядов у своих границ. С помощью тех же эсеров они повторили бы опыт 1918 г., когда грузинские меньшевики оккупировали Сочинский округ. Красная Армия Черноморья, имевшая уже два фронта

[1] ЦАКА, фонд Красной Армии Черноморья, д. 60530, л. 9.

(по направлению Новороссийска и Кубани), не могла образовать третий фронт — грузинский. Нужно было выждать приближения Красной Армии Советской России, приложив все усилия для успешной борьбы с деникинщиной. Поэтому надо было пойти на компромисс — использовать КОЧ, как ширму, скрывавшую действительное положение дел на фронте и в тылу, а с другой стороны, обезвредить мероприятия КОЧ по организации «демократической» новой власти по образу и подобию Учредилки.

9 марта 1920 г. в Туапсе (местопребывание Реввоенсовета Красной Армии Черноморья) состоялось совещание с представителями КОЧ. В результате совещания были установлены «сферы влияния» Реввоенсовета и КОЧ. Фронт и вся прифронтовая полоса, до селения Лазаревского включительно, переходили в ведение Реввоенсовета. Последнему предоставлялось полное, самостоятельное руководство вопросами обороны и наступления, вопросами дальнейшей борьбы с Деникиным. «Комитету освобождения Черноморья» передавалась для управления территория Сочинского округа (от станции Лазаревской до грузинской границы) при условии немедленной организации советской власти путем созыва съезда советов в Сочинском округе.

Насколько фронт не доверял КОЧ и с ним совершенно не считался, признавая своими руководителями только коммунистов, показывает совещание фронтовиков Красной Армии Черноморья с делегатами от повстанцев Кубанской области и сочинского гарнизона. Совещание происходило в Туапсе 11 марта 1920 г. На нем присутствовали также и представители Туапсинского окружного комитета РКП(б). Представитель северного (кубанского) фронта в своем выступлении требовал аннулирования «Комитета освобождения Черноморья», «предоставления неограниченных прав фракции большевиков в строительстве государственности», «отказа от блока с Грузией»[1] и т. д.

Представитель южного фронта (новороссийского) присоединился к этим требованиям.

Представитель 1-го Железного советского полка, недавно влившегося в Красную Армию Черноморья (перешел из состава деникинских войск), заявил, что полк решил во что бы то ни стало сломить деникинскую свору и восстановить советскую власть [2]. В этом же духе выступил и представитель сочинского гарнизона. Совещание показало, что КОЧ окончательно лишился своей вооруженной силы.

Совещание решило считать Красную Армию Черноморья частью советской Красной Армии и выразило свое желание осуществить «настоящую советскую власть». Приветствуя организовавшийся Реввоенсовет, совещание выразило надежду, что Реввоенсовет

---

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», документы VIII тома. Протокол совещания фронтовиков Красной Армии Черноморья, стр. 2.

[2] *Там же.*

установит в рядах войск железную дисциплину, что он приведет борьбу с контрреволюцией «к желанному победоносному концу и соединению Красной Армии Черноморья с Красной Армией Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» [1]. Резолюция кончалась словами: «Да здравствует советская власть!», «Да здравствует рабоче-крестьянское правительство в лице Совета Народных Комиссаров!» Она была принята единогласно. Эсерам и Учредилке здесь места не оказалось. Так окончилась история еще одного учредиловского комитета.

К этому времени на фронте дела белых становились все хуже. Армии кавказского фронта сбивали их со всех позиций. Первая Конная во главе с тт. Буденным, Ворошиловым и Тимошенко гналась по пятам белых. Белая конница генерала Павлова пыталась выйти в тыл Первой Конной, но, атакованная ею у станицы Егорлык, была разбита, потеряв большое количество орудий, пулеметов и людей. Белые отступили на Кубань. Одна из групп белых продвигалась на Екатеринодар — Новороссийск, вторая — на Майкоп — Туапсе и третья — к низовьям реки Кубани через станицу Тимошевскую.

План Реввоенсовета Красной Армии Черноморья состоял в том, чтобы облегчить наступление Красной Армии Советской республики на Екатеринодар и не дать возможности деникинцам эвакуироваться через Новороссийск и Туапсе. Соответственно этому и были образованы два фронта: новороссийский и северный. Части северного фронта двигались на Белореченскую, расширяя фронт по обе стороны железной дороги Туапсе — Армавир, стремясь захватить Майкопский и часть Лабинского отделов. Части черноморского фронта шли на Геленджик — Новороссийск.

Реввоенсовет предложил гарнизонам отдельных селений всячески помогать восстающим против Деникина казакам и «иногородним». Всех перебежчиков, число которых с каждым днем возрастало, всех взятых в плен бывших деникинских солдат распределили по батальонам черноморского (новороссийского) и северного (кубанского) фронтов. Многочисленные трофеи, боевое военное снаряжение также распределялось по батальонам. Были созданы интендантские базы. Фронт делился на боевые участки, начальники которых руководили военно-оперативной работой. Как и армия, отдельные фронты и боевые участки имели политкомов. К 15 марта Красная Армия Черноморья имела 15 батальонов.

В качестве командиров и комиссаров отдельных боевых участков и частей привлекались также проверенные командиры и политработники из бывших командиров черноморского крестьянского ополчения. Были созданы особые рабочие отряды. Так, после взятия Сочи из сочинских рабочих было сформировано два батальона. Организованы были также коммунистические части (ЧОН).

---

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», документы VIII тома. Протокол совещания фронтовиков Красной Армии Черноморья, стр. 4.

Переформирование, соединение отдельных частей Советской зеленой армии и крестьянского ополчения не всегда шли гладко. Был ряд случаев сопротивления мероприятиям Реввоенсовета. Так, отдельные отряды выносили постановления, что они не желают быть под начальством кого-либо другого, кроме своего старого командира. Были случаи, когда бойцы просили, чтобы «никто не касался в наш отряд и не наводил провокации» [1].

Командование Красной Армии Черноморья боролось за укрепление дисциплины. Была отменена выборность командного состава. Все, что относилось к руководству боевыми операциями, к дисциплине, перешло исключительно к назначенным командирам. Созданы были товарищеские суды.

Велась борьба с азартными играми. Приказ предлагал, не считаясь с положением, предавать суду любителей азартных игр, а деньги конфисковать в пользу армии. Усилилась боевая подготовка бойцов. Командование боролось за правильную организацию и несение караульных служб.

Рассматривая себя как часть регулярной Красной Армии, командование ввело в районах, освобожденных от белых, всеобщую воинскую повинность для граждан в возрасте от 19 до 45 лет.

Все эти мероприятия говорили об огромной организационной и политико-воспитательной работе, которую проводило командование Красной Армии Черноморья, чтобы превратить ее в образцовую часть Красной Армии Советской страны.

Командование решило в числе своих вооруженных сил иметь и флот. Условия и боевые операции армии вынуждали к этому. Морские суда белых и их союзников — Антанты — подходили близко к берегу, обстреливая города, селения, шоссе, горы. Все это требовало организации сторожевой службы.

Не малую помощь в создании «морской флотилии» оказала подпольная работа большевиков среди моряков в Новороссийске и Туапсе.

Работа среди матросов Черноморского флота в Новороссийском и Туапсинском портах была начата еще красно-зелеными с осени 1919 г. Она проходила успешно. Этому способствовало тяжелое положение матросов на судах «добровольческой» армии, разложение командного состава и всего офицерства. Под руководством группы коммунистов матросы приняли участие во взятии черноморским крестьянским ополчением 24 февраля 1920 г. города Туапсе. По заранее разработанному плану матросы в начале наступления на город спустили пары на паровых судах, а на судах с двигателями внутреннего сгорания разъединили трубы, соединяющие горючее с мотором, спрятали части двигателей. Команды судов ушли на берег. Матросы, влившись в наступающие на белых части черноморского крестьянского ополчения, арестовывали офицеров, солдат и т. д. [2]

[1] ЦАКА, фонд Красной Армии Черноморья, д. 257052, л. 59.

[2] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», т. VIII. Воспоминания Спинова-Кубанского.

Флот был организован из захваченных у белых судов (около 15 моторных и паровых единиц). Особое значение флот приобрел, когда отступающие деникинские полки пробились к морю. Имея на борту десант, флоту пришлось в районе Туапсе — Джубга вынести бой с англо-французской эскадрой. Эскадра отступила благодаря совместному огню флота, Красной Армии Черноморья и артиллерии 50-й Таманской дивизии, подошедшей с севера и обстреливавшей ее с берега.

Политотдел Красной Армии Черноморья проводил свою работу в тяжелых условиях. Нехватало людей, партийные организации в занимаемых городах и селениях были слабы, они еще не оправились от террора деникинщины. Политотдел имел около полусотни партийных и политических работников. Часть из них была политическими комиссарами в Красной Армии Черноморья. В тылу фронта создавались временные советы и коммунистические ячейки. Политотдел организовал группу артистов для обслуживания фронта и тыла, выпускал газету «Фронтовик» и воззвания к населению Черноморья, к казакам.

По мере продвижения красных отрядов на Кубань в тылу у белых росли восстания кубанских казаков. Восставшие связывались с Красной Армией Черноморья.

12 марта 1920 г. Реввоенсовет Красной Армии Черноморья издал приказ (№ 31) революционным войскам казачьих станиц Ходженской, Нефтяной, Ширванской, Прусской, Дагестанской, Кабардинской и др. о подчинении всех революционных отрядов казаков и «иногородних» Реввоенсовету и штабу Красной Армии Черноморья. Отрядам каждой станицы давались конкретные указания, ставились задачи нападения на тыл противника. Из числа известных Реввоенсовету своей преданностью советской власти местных казаков организовался штаб революционных повстанческих отрядов.

Реввоенсовет принимал меры к скорейшему соединению частей Красной Армии Черноморья с восставшим казачеством. 13 марта 1920 г. был издан приказ о наступлении частей черноморского фронта (южного) на Геленджик и о занятии его 15 марта. Кубанскому (северному) фронту к 15 марта было предложено очистить все заваленные при занятии Гойтинского перевала тоннели и начать движение по линии железной дороги и шоссе Туапсе — Армавир с целью занятия и закрепления за собой станции и станиц Ходженской, Апшеронской, Нефтяной. Несмотря на превосходство сил белых, имевших в Геленджике 3 тыс. штыков и сабель, 6 орудий (из них два дальнобойных), 2 броневика, несмотря на помощь, оказанную белым огнем артиллерии с моря, Геленджик 15 марта, после шестичасового боя, был взят. Полностью были захвачены 1-й Кавказский полк противника, пулеметы, снаряды, орудия, большие запасы продовольствия и другая военная добыча.

Немедленно после занятия Геленджика командование Красной Армии Черноморья сформировало из частей Черноморского флота ударную группу в составе тысячи штыков при 10 пулеметах, 2 орудиях для действия на Кубани в районе станиц Шапсугской,

Эриванской, Крымской и Бакинской. Командованию ударной группы было предложено занять указанные станицы, влить в свою группу все отряды красно-зеленых, оперирующих в этих районах, в частности красно-зеленые группы «Гром и молния», группу Абрау-Дюрсо и отряды повстанцев-казаков. Все приказы командования о действиях на Кубани были связаны с возможностью использовать все более революционизирующуюся массу кубанского казачества. Но в казачьей среде было и много контрреволюционного элемента, поддерживавшего Кубанскую раду и ее союз с деникинщиной. Были и отдельные станицы, враждебно настроенные к приближавшимся советским войскам. Такие станицы обезоруживались. Но большинство кубанского казачества с нетерпением ожидало советскую власть, обезоруживало белых, захватывало их обозы.

«Настроение казаков и офицеров шаткое, массы остаются в занимаемых красными местностях и дезертируют»[1], — сообщала наша разведка о настроении казачьей станицы к середине марта 1920 г.

17 марта в 10 часов утра была занята советскими частями станция и станица Ходженская. Главные силы кубанского (северного) фронта пошли дальше, в направлении Белореченской. На другой день были заняты станицы Нефтяная, Апшеронская. Рабочие Майкопских нефтяных промыслов организовали отряду торжественный прием.

19 марта в майкопском направлении были заняты станицы Прусская, Дагестанская, Севастопольская, в белореченском направлении — станция Николенко и станица Покровская, где захвачено много технического имущества, в том числе 10 грузовых и 3 легковых автомобиля. В екатеринодарском направлении части Красной Армии Черноморья совместно с отрядами восставшего казачества разгромили и выбили карательный отряд из станицы Саратовской, отступивший на Екатеринодар.

20 марта маленький отряд повстанческой Красной Армии Черноморья взял Майкоп, где в это время находились части «добровольческой» армии и Кубанской рады. В городе была восстановлена советская власть. Отряд удержал город до прихода частей Первой Конной армии, подошедшей к Майкопу только 22 марта 1920 г.

В ночь с 26 на 27 марта частями Черноморского (южного) фронта, Красной Армией Черноморья и 22-й стрелковой дивизией Красной Армии Советской России был освобожден Новороссийск.

Единственным путем эвакуации для белых остался Туапсе: морем — в Крым, а сухопутным путем — в Грузию. Поэтому понятно, с какой силой, теснимые советскими войсками с Кубани, отступающие деникинские части и казачья кубанская армия обрушились на небольшие заслоны Красной Армии Черноморья, стремясь во что бы то ни стало через горы пробраться в Туапсе. Превосходя в двадцать раз численностью, имея огромнейшее техни-

[1] ЦАКА, фонд Красной Армии Черноморья, д. 257051, л. 97.

ческое превосходство (бронепоезда с тяжелыми орудиями), белые под Белореченской разбили слабые и малочисленные части кубанского (северного) фронта Красной Армии Черноморья.

24 и 25 марта происходили героические бои небольшой горсточки храбрецов с многотысячной массой белых войск у Гойтинского перевала. Для защиты Гойтинского перевала три тоннеля перевального участка железной дороги из шести были завалены. В нескольких местах был разобран путь, но офицерские полки «добровольческой» армии, «волки» генерала Шкуро, шестидесятитысячная армия генерала Морозова, не останавливаясь перед огромными потерями, пробивались к морю.

Туапсе пришлось эвакуировать, а частям Красной Армии Черноморья пришлось отступить в сторону Новороссийска. Белые, заняв Туапсе, пытались начать наступление на Новороссийск. Вновь сформированные части Красной Армии Черноморья в составе трех батальонов (10, 12 и 14-го), из которых один был сформирован из рабочих Туапсе, и коммунистический отряд оказывали белым упорное сопротивление. Наступление белых на Новороссийск было приостановлено подошедшей 29 марта 1920 г. к селению Джубга 50-й Таманской дивизией Красной Армии Советской России. Туапсе вторично был освобожден. Часть деникинской армии эвакуировалась в Крым и Турцию, часть успела перейти грузинскую границу в районе Сочи. Главные силы белых, шестидесятитысячная кубанская казачья армия генерала Морозова, прижатая к грузинской границе, в конце апреля сдалась.

Надобность в существовании самостоятельной Красной Армии Черноморья отпала. Красная Армия Черноморья дала свои лучшие боевые части на пополнение IX армии, оперировавшей в этом районе. Крестьяне-партизаны расходились по домам, унося с собой боевой опыт борьбы с деникинщиной для того, чтобы и в дальнейшем использовать его для борьбы с бело-зелеными бандами, организовавшимися из остатков разгромленных деникинских и кубанских белых войск.

30 марта прекратил свою работу расформированный Реввоенсовет Красной Армии Черноморья.

Гигантская полуторагодовая борьба красно-зеленых под руководством коммунистической партии против деникинщины окончилась полной победой.

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ ИНТЕРВЕНТЫ И ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА КУБАНИ И В ЧЕРНОМОРЬЕ

Поддерживая материально и морально российскую контрреволюцию, организуя интервенцию против Советской России, снабжая Колчака, Деникина, Юденича, Миллера и других белых генералов средствами борьбы, англо-французские империалисты надеялись разгромом Советской России, первого социалистического государства, окончательно уничтожить очаг «большевистской заразы» во всем мире.

Понятно, что против повстанческого движения, широко разлившегося в тылу у Деникина, англо-французские интервенты принимали ряд мер. Представители англичан при Деникине требовали сурового подавления движения. Они боялись ослабления Деникина.

«Если бы добровольцы вас на моих глазах резали, я и тогда бы не имел права заступаться за вас, ибо генерал Деникин и его армия являются законной властью, признанной правительством короля Англии»[1], — заявил в апреле 1919 г. представителям сельских обществ Черноморья полковник английской службы Файн в ответ на протесты и жалобы о действиях деникинцев.

Англичане энергично помогали генералу Деникину в разгроме повстанческого движения. Они участвовали в разведках расположения красно-зеленых, уговаривали их «помириться» с Деникиным. Так, деникинцами была организована экспедиция якобы для обследования и исправления кабеля индо-европейского телеграфа, проходящего по Черноморью. Во главе экспедиции стояло четыре английских офицера. Экспедиция для «исправления кабеля» направилась в район расположения красно-зеленых. Она была окружена, частью перебита, частью взята в плен, куда попали и англичане-офицеры. При допросе они показали, что под видом обследования индо-европейского телеграфа они намеревались разведать местоположение красно-зеленых отрядов.

По мере успехов и продвижения красно-зеленых вперед, к основным базам Деникина на Кубани и Черноморье — Туапсе и Новороссийску, беспокойство представителей Антанты возросло еще больше. Занятие повстанцами Сочи заставило английских генералов снизойти к «изучению» причин красно-зеленого движения.

На другой день после занятия Сочи туда прибыл английский миноносец Ф-78, высадивший английского офицера и матросов, чтобы узнать, что за люди заняли Сочи, с какой целью и т. д. Английский представитель интересовался причинами, вызвавшими движение крестьянства, выразил удивление, когда узнал о насилиях, зверских расправах деникинцев. Раньше об этом, оказывается, он не знал, хотя КОЧ успел до этого времени трижды «протестовать» перед союзными миссиями в Тифлисе, куда посылались документы с точным перечислением сожженных деревень, подсчетом убитых карательными отрядами крестьян.

7 февраля 1920 г. в Сочи прибыл из Новороссийска главный представитель великобританского правительства и союзных держав — Франции и Италии — на юге России генерал Киз. Основная цель приезда генерала Киза в Сочи и переговоры его с руководящей верхушкой КОЧ касалась вопросов о помощи Англии КОЧ при условии его борьбы с большевиками.

Генерал Киз предложил заключить мир между КОЧ и Деникиным, который, по его мнению, дал Дону, Кубани, Тереку «представительный строй». Такой же «представительный строй» англичане обещали установить и в Черноморье при условии борьбы

[1] Архив русской революции, т. VII, стр. 107, Берлин, 1922 г.

с большевиками. Наличие в повстанческой среде коммунистов, завоевывавших с каждым днем доверие партизан, мешало эсеровской верхушке КОЧ принять в том или ином виде посредничество представителей «демократических» стран.

Представители Антанты, однако, не теряли надежды добиться успеха. Они знали истинную роль эсеров в революции. Их путешествия из Новороссийска в Сочи, в район красно-зеленых, с «мирными» целями не прекращались. 27 февраля 1920 г. в Сочи, где в этот момент происходил окружной съезд повстанцев, прибыл генерал Коттон — представитель уполномоченного английского правительства при Деникине. Он заявил, что его приезд, как и в прошлый раз, имеет целью уговорить повстанцев помириться с Деникиным.

В этот момент деникинские войска под ударами Красной Армии терпели поражение за поражением и откатывались на юг, на Кубань. Генерал Коттон прямо поставил вопрос: «Будут ли прекращены вами военные действия, если войска генерала Деникина будут оттянуты до Новороссийска?» [1] Он заявил, что не Деникин, а Англия заинтересована в Новороссийске, так как в городе находится много принадлежащего Англии имущества. Дальнейшее продвижение красных частей на Новороссийск, заявил генерал Коттон, Англия будет расценивать, как движение против английского правительства, и при этом условии «английские войска не смогут остаться нейтральными». Можно подумать, что до этого англичане были нейтральны и равнодушно лицезрели гражданскую войну в России, не вмешиваясь в нее! В эту тяжелую для Деникина минуту, чтобы успокоить его тыл, английские «спасители» пошли на такой маневр: они предложили Деникину согласиться на передачу «Комитету освобождения Черноморья» управления Сочинским округом (конечно, до лучших времен), лишь бы остановить победоносное шествие повстанцев вперед. Генерал Коттон даже пытался апеллировать к восставшим. Он выступил на окружном съезде повстанцев в Сочи с предложением прекратить «братоубийственную войну» и послать делегацию к Деникину. Он давал гарантию, что Деникин ее примет и сама делегация не подвергнется никаким преследованиям. Официальный руководитель КОЧ — эсер Филипповский-Самарин на предложения генерала Коттона заявил, что на Новороссийск повстанцы наступать будут, но посоветовал генералу Коттону вывезти английское имущество из Новороссийска [2].

По-другому ответил зарвавшемуся английскому генералу представитель фронта на съезде повстанцев в Сочи. «Никаких переговоров с «его превосходительством» генералом Деникиным, уничтожить врага» — вот чего требовали красные бойцы фронта.

Попытка Деникина через англичан заговорить о мире была вызвана смертельной опасностью, создавшейся для него наступлением

---

[1] *Воронович*, Зеленая книга. Сборник материалов и документов, стр. 95, Прага, 1921 г.

[2] Архив русской революции, т. VII, стр. 145, Берлин, 1922 г.

Красной Армии и войной в тылу с повстанцами. Повстанцы и слушать не хотели о мире с Деникиным. Они убедились на собственном опыте, что значат обещания белых генералов. На угрозы англичан они ответили: «Мы не побоялись ваших пулеметов и пушек, которыми вы снабжали Деникина для борьбы с безоружными крестьянами, — так неужели вы думаете, что теперь, завладев этими вашими пушками и пулеметами, побоимся ваших угроз»[1].

Поражение войск Деникина на фронте, упорное несогласие восставших итти на сговор с ним привели к новым маневрам со стороны англичан. Теряя веру в Деникина, они ищут новых союзников для борьбы против большевиков. «Союзная миссия» во главе с англичанами на этот раз старается использовать неоднократные заявления эсеровской верхушки КОЧ о союзе с «демократическим» казачеством.

7 марта 1920 г. на английском миноносце прибыли в Сочи товарищ председателя Объединенного верховного круга Дона, Кубани и Терека П. Агеев, министр торговли новообразованного (вместо деникинского «Особого совещания») южнорусского правительства Леонтович. Вместе с ними вновь прибыл сам «особоуполномоченный» Англии при ставке Деникина генерал Киз.

Основным вопросом, которым они интересовались, был вопрос о дальнейшем движении повстанцев и о прекращении похода их на Новороссийск. Узнав, что, согласно решению съезда повстанцев в Сочи, наступление на Новороссийск будет продолжаться, представители «казачьей демократии» и южнорусского правительства пригрозили, что казачество Дона, Кубани и Терека будет защищать Новороссийск, как важную базу для борьбы с большевиками.

17 марта в занятый несколькими днями раньше Геленджик опять приезжали представители английской миссии и предупреждали, «чтобы зеленые не брали Новороссийск, так как он принадлежит англичанам». Они заявили, что с этой же целью поедут в другие группы красно-зеленых, находящихся в районе Анапы и Абрау-Дюрсо. В случае наступления на Новороссийск англичане будут его защищать, для чего кроме имеющихся там войск прибыл также и шотландский полк [2].

Но окрепшая и сильно выросшая к этому времени Красная Армия Черноморья во главе с Реввоенсоветом вела упорную борьбу за Новороссийск. 27 марта совместно с подошедшей Красной Армией Советской России Новороссийск был взят. «Миссии союзников» пришлось спасать остатки деникинских войск от полнейшего уничтожения. На своих кораблях «союзники» перевезли их в Крым и в Константинополь.

---

[1] Архив русской революции, т. VII, стр. 141, Берлин, 1922 г.
[2] ЦАКА, д. 457051 штаба Красной Армии Черноморья, л. 100, 102.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

ЛИКВИДАЦИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ ХОЗЯЙНИЧАНЬЯ БЕЛЫХ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Окончательный разгром генерала Деникина и восстановление советской власти на Северном Кавказе теснейшим образом связаны с именами Орджоникидзе и Кирова.

31 марта 1920 г. Орджоникидзе и Киров приехали в освобожденный Владикавказ.

В тот же день приказом по фронту был создан Северокавказский ревком. В воззвании ревкома, подписанном Орджоникидзе и Кировым, на весь Кавказ прозвучал голос великой коммунистической партии, освободительницы горцев. Она звала их к новым победам.

«Первая задача советской власти, — говорилось в воззвании к горцам, — помочь вам восстановить ваши жилища и хозяйства. Необходимо каждому честному другу советской власти дать возможность работать на благо трудящихся классов. И Красная Армия обеспечит им это... Горе всем, кто еще раз осмелится сделать попытку воспрепятствовать устройству новой жизни. А вам, честным горцам, глубоко запечатлевшим в сердцах своих ненависть к угнетателям и с открытой душой встречающим нашу Красную Армию и советскую власть, мы шлем наш горячий привет!» [1]

В первые дни советской власти на Северном Кавказе Красная Армия помогает залечивать тяжелые раны, нанесенные хозяйству

[1] Материалы секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны в СССР», документы V тома. Воззвание к горцам от 31 марта 1920 г.

края белыми. Восстанавливаются железнодорожные пути, железнодорожные мосты. Много времени отнимает у Орджоникидзе и Кирова организация вывоза нефти из Грозного в центр. 1 апреля Орджоникидзе телеграфирует Ленину:

«Освобождение от белых всего Северного Кавказа, Кубани, Ставрополья и Черноморья, Терской, Дагестанской областей стало совершившимся фактом. Осетины, ингуши, кабардинцы, дагестанцы, балкарцы проникнуты полным сознанием могущественности соввласти и безграничным доверием к ней. Революционное настроение масс во многих местах достигает такого напряжения, что еще задолго до прихода к ним Красной Армии население по собственной инициативе сбрасывает власть белых, избирает ревкомы, всегда состоящие исключительно из одних коммунистов. Владикавказ, Грозный, Дербент изгнали белогвардейцев, создав свои повстанческие ревкомы ранее прихода Красной Армии. Старые работники выходят из подполья и руководят повстанческим движением. Население жаждет прибытия представителей центральной соввласти, требуя распоряжений и инструкций от центра и только центра» [1].

2 апреля 1920 г. Орджоникидзе и Киров приехали в Грозный, освобожденный Красной Армией за несколько дней до этого. Встретившись у здания Грозненского ревкома со старыми товарищами по борьбе за власть советов на Северном Кавказе — с грозненскими рабочими и горской беднотой, Орджоникидзе произнес яркую речь о тяжелой борьбе с врагом, о победе советской власти. От имени рабоче-крестьянского правительства он отметил выдающиеся заслуги партизан в восстановлении советской власти.

3 апреля в Грозном состоялся съезд чеченского народа, на котором Орджоникидзе и Киров делали доклады. Неутомимый Орджоникидзе собирался в Дагестан. Дагестанские красные войска еще 23 марта заняли Темир-Хан-Шуру, 24 марта — Порт-Петровск, 25 марта — Дербент. В тот же день Орджоникидзе связался по прямому проводу с большевиками Дагестана. Сделав им ряд указаний, связанных с работой Дагестанского ревкома, он призывал к осторожной и гибкой тактике в отношении горских масс. Он категорически требовал не разоружать горцев, так как для них кинжал—символ зрелости и мужества. Так, уже в первые дни очищения Дагестана от белых Орджоникидзе предостерегал большевиков Дагестана о возможной опасности появления нового внутреннего фронта в Дагестане. Дагестанское кулачье — приверженцы деникинского агента имама Нажмуддина Гоцинского — не прекращало контрреволюционной подпольной работы в горных округах Дагестана. Империалистские агенты провоцировали горцев на борьбу с советской властью. Нужно было быть осторожными и всегда готовыми к борьбе.

Орджоникидзе и Киров в первые же дни приезда на Терек зажгли всех энтузиазмом строительства, жаждой восстановления разру-

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 19, д. 44, 1920 г., л. 2—23.

шенного белыми хозяйства края. Они установили связь со всеми уголками Северного Кавказа, собирали людей, инструктировали их, ездили по всему краю.

4 апреля в Назрани открылся съезд ингушского народа. Орджоникидзе и Киров поехали на съезд в Ингушетию. Больше пятнадцати тысяч ингушей восторженно приветствовали Орджоникидзе и Кирова — своих освободителей. Выступив на съезде, Орджоникидзе и Киров поехали посмотреть Сурхохи и Экажево. Эти два ингушских селения в июле 1919 г. были сожжены деникинцами за отказ выдать красноармейцев и произвести мобилизацию в «добровольческую» армию. В Экажеве Орджоникидзе и Киров вновь говорили о прошедшей жестокой борьбе и о прекрасной новой жизни, которую несет с собой власть советов.

Пребывание Орджоникидзе и Кирова в Ингушетии превратилось в подлинно народное празднество. Ингушский народ праздновал свое освобождение от деникинщины, от проклятого прошлого.

6 апреля Орджоникидзе сообщал в Москву Ленину:

«3 апреля в Грозном был созван съезд чеченцев со всех аулов... Настроение революционное и определенно советское. Заслушав мои и Кирова приветствия, доклад о текущем моменте и задачах советской власти на Северном Кавказе, съезд единогласно высказался за восстановление в Чечне советской власти и порядка и выразил желание скорейшего разрешения земельного вопроса... Быстрая ликвидация векового угнетения горцев казаками парализует в корне пропаганду последователей Узун-Хаджи, сторонников бывшего горско-дагестанского правительства и Нури-паши [1].

...Искренне революционным, сильным подъемом масс и красными знаменами мы были встречены на ст. Назрани. Представителями всей Ингушетии, так же как и в Чечне, назначен ревком из пяти лиц, ингушей. Мы объехали разрушенные казаками крупные аулы Сурхохи и Экажево. Настоятельно необходимо оказать им помощь как финансовую, так и строительными материалами для восстановления этих аулов» [2].

Ленин распорядился выдать от имени Совета Народных Комиссаров денежную помощь горцам. Совет Народных Комиссаров предоставил Орджоникидзе право разрешать все спорные земельные вопросы.

В эти первые дни советской власти Орджоникидзе и Киров уделяли много внимания разрешению земельного вопроса на Тереке. Земельный вопрос был самым острым, самым запутанным. Орджоникидзе смело продолжал мероприятие, начатое им в 1918 г.: выселение казачьих станиц, расположившихся на захваченных

---

[1] *Нури-паша* — турецкий генерал, наемник азербайджанской и горской буржуазии, пытавшийся в 1919—1920 гг. под маской борьбы против белых организовать в Дагестане и на Северном Кавказе борьбу против большевиков и советской власти.

[2] *Орджоникидзе*, Избранные статьи и речи 1911—1937 гг., стр. 80, Госполитиздат, 1939 г.

у горцев землях. Это было единственно правильным разрешением аграрного вопроса. Отдать горцам их земли, переселить казаков на свободные земли, разрешить земельные споры между ингушами и осетинами, осетинами и кабардинцами — все это было первоочередной задачей. Серго и Киров собирали совещания терских казаков, ингушей, осетин, разъясняли им необходимость проведения намеченных мероприятий. Все мероприятия по переселению казаков, наделению землей горцев были осуществлены в 1920 г.

21 апреля Орджоникидзе отдал директиву командующему XI армией о дальнейшем продвижении на Баку.

28 апреля 1920 г. с бронепоездом имени III Интернационала в Баку вступили красные войска. Накануне, в ночь с 27 на 28 апреля, восставшие бакинские рабочие захватили власть в свои руки. В Азербайджане была провозглашена советская республика. 30 апреля Орджоникидзе и Киров приехали в Баку.

В приказе войскам кавказского фронта, отданном в Баку 11 мая 1920 г. в связи со смотром войск, Орджоникидзе писал:

«...С глубоким удовлетворением констатирую высокие боевые качества виденных мною войск. Несмотря на грандиозный переход с боями от Астрахани до Баку, части поражали своим бодрым видом и выправкой. Бойцы Красной Армии, покрывшие себя неувядаемой славой на поле брани, на смотру показали себя прекрасно дисциплинированными и организованными боевыми единицами.

Солдаты Красной XI армии! Кровью вы запечатлели свою верность делу революции и советской власти. Вашими тяжкими боевыми трудами достигнута блестящая победа и положен один из основных устоев здания хозяйственной мощи нашей страны. Ваши подвиги бессмертны. Они войдут в историю. Сегодня же пусть будут вашей наградой приветственные клики ликующих граждан родной нам Азербайджанской советской республики, видящих в вас друзей и братьев...» [1]

Взятием Баку было закончено освобождение Северного Кавказа и Азербайджана от власти интервентов, буржуазных националистов и белых генералов. Полностью был завершен гениальный план товарища Сталина по разгрому и уничтожению белой армии генерала Деникина. Посланцы Ленина и Сталина — Орджоникидзе и Киров приступили к строительству советской власти в национальных областях Кавказа.

Орджоникидзе летом 1920 г. в течение нескольких месяцев объехал почти весь Северный Кавказ. Указаниями, личным примером помогал он пролетариям Баку, Грозного, Ставрополя, горцам и казакам Терека и Кубани строить новую жизнь. Всей этой гигантской работой руководили лично Ленин и народный комиссар по делам национальностей Сталин. О каждом шаге своей деятельности Орджоникидзе и Киров информировали Ленина и Сталина, получая от них директивы, какими путями в сложнейшей

[1] «Красная звезда» № 250 от 29 октября 1936 г.

обстановке многонационального Кавказа нужно строить органы советской власти.

Наряду с работой на Северном Кавказе Орджоникидзе и Киров выполняли и другие задания партии и правительства. Орджоникидзе летом 1920 г. по поручению Ленина организует борьбу с врангелевскими десантами на Кубани и успешно их ликвидирует. Попытка деникинского последыша — англо-французского наймита барона Врангеля вновь раздуть пламя гражданской войны на Кубани была бита. Киров в это время был полпредом советского правительства при меньшевистском правительстве в Грузии.

На протяжении всей гражданской войны грузинские меньшевики, захватившие власть в Грузии, боролись против Советской России и фактически поддерживали Деникина. После разгрома Деникина, когда Красная Армия, освободив Северный Кавказ, подошла к границам Грузии, меньшевистское правительство Грузии принуждено было заключить мир с Советской Россией. Оно обязалось легализовать деятельность компартии Грузии и выпустить из тюрем грузинских коммунистов.

Для человека, привыкшего всю жизнь открыто бороться с врагами революции, громить их с оружием в руках, дипломатическая деятельность была трудной. Кирову пришлось сменить боевое оружие на корректный язык дипломатии. Рабочие Тифлиса, узнав, что к ним прибыл советский полпред, пришли приветствовать посла Советской страны, посла Ленина. Киров вышел на балкон и, приветствуемый восторженной толпой, передал горячий привет рабочим и крестьянам Грузии от трудящихся Советской России, от Ленина.

Меньшевистские правители были шокированы. Советский посол, вместо того чтобы поспешить вручить правительству Ноя Жордания свои верительные грамоты, первым шагом своей деятельности избрал непосредственное обращение к грузинскому народу.

Встретив Кирова при въезде в город почетным караулом, меньшевистское правительство окружило полпредство шпиками, полицейскими и охранниками, пыталось терроризировать советского полпреда, производило аресты сотрудников, обыскивало дипкурьеров. Всякого, кто осмеливался заходить в советское посольство, сажали в тюрьму. Но Кирова нельзя было запугать. Он оставался на посту, разоблачая в своих дипломатических нотах и телеграммах деятельность меньшевистской контрреволюции.

Киров проявил себя прекрасным дипломатом. В Тифлисе он вошел в сношения с итальянским представителем и подготовил почву для восстановления дипломатических отношений между Советской страной и Италией.

Партия использовала в полной мере дипломатические способности Кирова. В сентябре 1920 г. ему была поручена важнейшая дипломатическая работа: Сергей Миронович выехал в Ригу в составе делегации для заключения мирного договора с Польшей. С успехом выполнив эту работу, Киров снова направляется на Северный Кавказ, где в качестве члена Кавказского бюро

Центрального Комитета партии вместе с Орджоникидзе продолжает вести работу по организации братского содружества многочисленных национальностей Кавказа.

Товарищ Сталин, руководя работой по строительству советской власти на Кавказе, несколько раз приезжал туда. Так, в июле 1920 г. он приехал в Ростов, где совместно с Серго Орджоникидзе провел совещания руководящих работников и дал установки, как проводить подготовку к созданию автономных советских республик на Кавказе.

Через товарища Сталина Серго Орджоникидзе передал героическим руководителям Первой Конной армии Буденному и Ворошилову подарки Бакинского совета и следующую сопроводительную телеграмму:

«Командарму Первой Конной т. Буденному и члену РВС Первой Конной т. Ворошилову: копия члену РВС зап. фронта товарищу Сталину. 9 июля 1920 г.

На первом торжественном заседании Бакинского совета рабочих, красноармейских, матросских депутатов 13 июня 1920 г., узнав о вашей первой блестящей победе над польской шляхтой, бакинский пролетариат поручил мне передать братский привет славной Конной Армии и вручить тт. Буденному и Ворошилову золотые кинжалы. Не имея возможности лично выполнить поручение бакинского пролетариата, пересылаю подарок бакинских рабочих дорогим товарищам через нашего друга, вождя товарища Сталина. Привет славным конноармейцам.

Член Реввоенсовета Кавфронта *Орджоникидзе*» [1].

Под руководством Орджоникидзе и Кирова велась большая подготовительная работа по созданию автономной Горской республики.

Буржуазные националисты, православное и мусульманское духовенство, кулаки и контрреволюционное офицерство тайно пытались продолжать на Кавказе старую политику царизма: натравливать одну народность на другую. Только что восстановленные органы власти советов принимали все меры, чтобы не дать вновь вспыхнуть межнациональной войне. В этой трудной и сложной обстановке Орджоникидзе и Киров, преодолевая все происки врагов, укрепляют дружбу кавказских народов. Киров разъезжает по аулам и станицам, беседует со стариками — горцами и казаками. На сотнях собраний и митингов в самых глухих уголках Северного Кавказа раздавался его голос. Десятки газет на местных национальных языках, множество листовок, брошюр и книг пропагандировали идеи Ленина — Сталина о дружбе национальностей в аулах и станицах Северного Кавказа.

Сергей Миронович сумел найти дорогу к сердцам самых отсталых, обманутых муллами и кулаками людей. Он организовал празднества-братания народностей Кавказа с Красной Армией.

---

[1] *Орджоникидзе*, Избранные статьи и речи 1911—1937 гг., стр. 84, Госполитиздат, 1939 г.

Киров знал, какую силу и значение имеют в горах красные джигиты-партизаны, борцы за власть советов. Этих лучших людей гор он объединил и сделал из них блестящих агитаторов и пропагандистов за дружбу народов. До сих пор в горах свежи воспоминания о «кировских праздниках», «кировских братаниях». На этих народных праздниках крепла дружба и союз трудящихся Кавказа.

Имена Орджоникидзе и Кирова стали на Кавказе знаменем большевистской дружбы народов, знаменем советской власти. В аулах горцы, желая выразить свою любовь и уважение к большевикам Орджоникидзе и Кирову, выбирают их «почетными стариками». Так назывались в горах самые уважаемые и почитаемые люди.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ТОВАРИЩЕМ СТАЛИНЫМ АВТОНОМИИ ГОРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Вся громадная созидательная работа Григория Константиновича Орджоникидзе и Сергея Мироновича Кирова нашла свое завершение в исторический для народов Северного Кавказа день 17 ноября 1920 г. В этот день во Владикавказе открылся съезд народов Терской области.

Съезд трудящихся Северного Кавказа проходил под руководством товарища Сталина.

Товарищ Сталин приехал во Владикавказ 21 октября 1920 г. По его предложению было созвано краевое совещание руководящих работников партии. Совещание, продолжавшееся несколько дней, под руководством товарища Сталина выработало конкретные мероприятия по проведению в жизнь директив центральной советской власти о создании на Кавказе автономных республик. Были намечены сроки созыва съездов советов, выработаны нормы представительства и т. д.

30 октября Сталин вместе с Орджоникидзе выехал из Владикавказа в Баку. Во Владикавказе остался Киров, который продолжал подготовительную работу к созыву съезда. Владикавказский исполком разослал всем окружным исполкомам следующую телеграмму:

«По распоряжению народного комиссара по национальным делам т. Сталина 15 ноября с. г. созывается всенародный съезд Теробласти. Предлагаю вам немедленно приступить к подготовительной работе и провести выборы по округу и отделу обязательно к указанному сроку; причем наблюдать за тем, чтобы на съезде народов были возможно шире представлены широкие массы населения, не стесняя рамками конституции, допуская к выборам всех, кроме явно контрреволюционных элементов» [1].

На партийном собрании владикавказской большевистской организации 12 ноября 1920 г. С. М. Киров в докладе о предстоящем

[1] «Коммунист» № 173 от 31 октября 1920 г., Владикавказ.

объявлении автономии горцев Северного Кавказа говорил о политике партии и правительства в национальном вопросе в отсталых национальных районах — бывших колониях царской России.

«Власть в руках керенщины, как и власть старой монархии, не могли оценить национальные движения на окраинах иначе, как силой своего штыка, полагая, что эти движения являются предательскими по отношению к русской государственности.

Советская власть, которая на знамени своем несет действительное освобождение угнетенных, не может осуществить свои задачи, пока широкая масса горской бедноты, явно сочувствующая советской власти, но еще совершенно не разбирающаяся в принципах коммунистического производства, еще не приспособленная к общественной жизни, не понимающая революции дальше улучшения своего экономического положения сегодня, пока эти массы, еще верующие в авторитет своих старцев и корана, на их же собственном языке не поднимут несколько свое развитие. Задача революции на Тереке была бы легче разрешима, если все горцы понимали бы русский язык или обратно — все коммунисты и советские работники владели бы горскими языками. В Азербайджане коммунисты обязаны изучить тюркский язык. На Тереке это проделать невозможно, а потому, организовав горскую республику на автономных началах, наша обязанность притти на помощь горской бедноте своей коммунистической работой» [1].

Товарищи Сталин и Орджоникидзе из Баку выехали в Дагестан, где 13 ноября в Темир-Хан-Шуре (ныне Буйнакск) собрался съезд народов Дагестана. Тысячи вооруженных горцев из отдаленных и глухих аулов приехали в свою столицу, чтобы приветствовать дорогого вождя, привезшего им ту свободу, за которую они столетие проливали кровь, очищая Дагестан от ханов и беков, от англичан и турок, от царских войск и русских белогвардейцев.

«Это было время, когда все народы проклинали Россию... Это время ушло в прошлое. Оно похоронено, и ему не воскреснуть никогда» [2], — под гром аплодисментов заявил товарищ Сталин в своем докладе-декларации о советской автономии Дагестана 13 ноября 1920 г.

Товарищ Сталин рассказал народам Дагестана о предоставленной им советской властью автономии, о задачах, стоящих перед трудовыми народами Дагестана. Высоко оценивая героическую борьбу горцев с врагами советской власти, товарищ Сталин говорил:

«Я должен заявить, что дагестанский народ в этих боях с Гоцинским в лице красных партизан защищал свою советскую власть, доказал тем свою постоянную преданность красному знамени.

Если вы прогоните Гоцинского, врага трудящихся Дагестана, то тем самым оправдаете доверие, которое оказывает высшая советская власть, давая Дагестану автономию.

---

[1] «Коммунист» № 185 от 14 ноября 1920 г., Владикавказ.
[2] «Жизнь национальностей» № 40(96) от 15 декабря 1920 г.

Советское правительство — первое в мире правительство, которое дает само автономию.

Мы надеемся, что народы Дагестана оправдают доверие, оказанное им» [1].

В выступлениях делегатов звучал голос всего Дагестана, благодарившего советскую власть за оказанное горцам доверие.

Общие чувства делегатов выразил выступивший на съезде Орджоникидзе:

«Наш товарищ Сталин привез нам решение советского правительства об автономии Дагестана. Разрешите же вас, все дагестанские народы, поздравить с автономией, с новой эрой вашей жизни и вашего развития. Да здравствует Дагестанская советская республика! Ура!» [2]

В среду 17 ноября 1920 г. в помещении театра во Владикавказе открылся съезд представителей народов Терской области. В президиуме съезда — Сталин, Орджоникидзе, Киров. С докладом об автономии Горской советской социалистической республики выступил встреченный бурными аплодисментами товарищ Сталин.

Подробно остановившись на вопросах жизни горцев и казаков Терской области, товарищ Сталин, обращаясь к горцам Северного Кавказа, сказал:

«Товарищи горцы! Старый период в истории России, когда цари и генералы попирали ваши права, уничтожали ваши вольности, этот период угнетения и рабства канул в вечность.

Теперь, когда власть в России перешла в руки рабочих и крестьян, в России не должно быть больше угнетенных.

Давая вам автономию, Россия тем самым возвращает вам те вольности, которые украли у вас кровопийцы цари и угнетатели генералы. Это значит, что ваша внутренняя жизнь должна быть построена на основе вашего быта, нравов и обычаев, конечно, в рамках общей конституции России.

У каждого народа, у чеченцев, у ингушей, осетин, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, а также у оставшихся на автономной территории казаков должен быть свой национальный Совет, управляющий соответствующей народностью, применительно к быту и особенностям последней. Я уже не говорю об иногородних, которые были и остаются верными сынами Советской России и за которых последняя всегда будет стоять горой...

Во главе национальных советов должен быть Совнарком Горской Республики, избираемый съездом советов последней и непосредственно связанный с Москвой.

Значит ли это, что горцы будут тем самым отделены от России, что Россия покидает их, что Красная армия будет уведена в Россию, как спрашивают об этом с тревогой горцы? Нет, не значит. Россия понимает, что предоставленные самим себе малые

---

[1] «Жизнь национальностей» № 40(96) от 15 декабря 1920 г.
[2] «Дагестанская правда» от 24 июня 1935 г., Махач-Кала.

народности Терека не смогут отстоять свою свободу против мировых хищников и их агентов — горских помещиков, сбежавших в Грузию и интригующих оттуда против трудовых горцев. Автономия означает не отделение, а союз самоуправляющихся горских народов с народами России. Этот союз есть основа горской советской автономии.

Товарищи, в прошлом дело обстояло обычно так, что правительства соглашались на те или иные реформы, уступки в пользу народов лишь в трудные минуты, когда они, ослабленные, нуждались в сочувствии своих народов. Так поступают всегда царские и вообще буржуазные правительства. В отличие от них Советское правительство действует по иному. Советское правительство дает вам автономию не в трудную минуту, а в минуту громких успехов на полях сражения, в минуту полного торжества над последним оплотом империализма в Крыму. Жизнь показывает, что то, что дается правительствами в критическую минуту, — непрочно, ненадежно, ибо оно всегда может быть отобрано, когда пройдет критическая минута. Реформы и вольности могут быть прочными лишь в том случае, если они даются не под давлением временной, минутной необходимости, а в полном сознании полезности реформы, в расцвете сил и могущества правительства. Именно так и поступает теперь Советское правительство, возвращая вам ваши вольности. Делая так, советская власть хочет сказать, что она вполне доверяет вам, товарищи горцы, что она доверяет вашим способностям самоуправляться. Будем надеяться, что вы сумеете оправдать это доверие Рабоче-Крестьянской России.

Да здравствует союз народов Терской области с народами России, на страх врагам нашим и вашим!» [1] — закончил свою речь товарищ Сталин.

Бурное ликование собравшихся представителей всех народов Терека было ответом на речь вождя.

Выступавший после Сталина Сергей Миронович Киров как бы продолжил его речь.

«Мы нащупаем те пути, — говорил Киров, — которые поведут горские народы к социалистическому и затем к коммунистическому обществу.

Но прежде мы должны дать клятву, что, чем бы ни прикрывалась контрреволюция, мы ее беспощадно раздавим» [2].

Выступивший на съезде Орджоникидзе от имени всех делегатов благодарил советскую власть и коммунистическую партию за освобождение народов Терека.

«С первых же дней правления советской власти, — говорил Серго, — наша коммунистическая партия ставила задачу раскрепощения угнетенных народов всего мира. Это — цель ее с самого начала. И советская власть знала, что наша партия не выявит

---

[1] «Жизнь национальностей» № 39(95) от 8 декабря 1920 г.
[2] «Коммунист» № 189 от 19 ноября 1920 г., Владикавказ.

здесь своей миссии, если она не даст горцам самоуправления, не возвратит им их земли» [1].

Серго говорил, что горские народы счастливы признанием Горской советской республики и приветствуют советскую власть «в лице своего любимого Народного комиссара товарища Сталина *(Шумные аплодисменты)*... Красная Россия,—продолжал Серго,— не преподносит вам, товарищи, подарок. Она считает этот факт только справедливостью. Центр считает, что, вручая осетинам, чеченцам, кабардинцам и т. д. красное знамя руками любимого комиссара, оно будет возглавлять вашу республику навеки и вы удержите его, это знамя, таким же незапятнанным, как оно передается вам...» [2]

В заключительном слове товарищ Сталин развернул перед трудящимися горцами ближайшие перспективы их работы.

«Основное зло, — говорил товарищ Сталин, — которое угнетало горцев всю жизнь, это их отсталость, их невежество. Только искоренение этого зла, только широкое просвещение масс может спасти горцев от вымирания, может приобщать их к высшей культуре. Вот почему в своей автономной республике горцы должны начать прежде всего с устройства школ и культурно-просветительных учреждений.

Весь смысл автономии в том, чтобы она втянула горцев в управление своей страной... Автономия должна вас научить ходить на своих собственных ногах, в этом цель автономии» [3].

Созданием автономной Горской Советской Социалистической республики и автономной Дагестанской Советской Социалистической республики был завершен период борьбы за советскую власть на Северном Кавказе. Наступил другой период — период укрепления советской власти и строительства социализма. Вдохновителями, организаторами и руководителями борьбы трудящихся Северного Кавказа за победу социалистического строительства были, как и раньше, великий вождь народов товарищ Сталин и его ближайшие соратники — Орджоникидзе и Киров.

[1] «Коммунист» № 190 от 20 ноября 1920 г., Владикавказ.
[2] *Там же.*
[3] «Жизнь национальностей» № 40(96) от 15 декабря 1920 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 5
Введение 7

I. Борьба за установление власти советов на Северном Кавказе под руководством Орджоникидзе и Кирова

Глава I. Разгром калединщины и установление советской власти на Дону 13
Глава II. Борьба за победу социалистической революции на Тереке под руководством С. М. Кирова 54
Глава III. Победа социалистической революции на Кубани и в Ставрополье 79

II. Гражданская война на Северном Кавказе в первой половине 1918 г.

Глава I. Борьба за укрепление власти советов на Северном Кавказе и разгром «добровольческой» армии под Екатеринодаром 107
Глава II. Общая обстановка на юго-востоке России к лету 1918 г. Приезд товарища Сталина в Царицын 144
Глава III. Потопление Черноморского флота в Новороссийске 156

III. Гражданская война на Северном Кавказе во второй половине 1918 г.

Глава I. Борьба с «добровольческой» армией на Кубани летом 1918 г. 173
Глава II. Борьба против бичераховского мятежа на Тереке 188
Глава III. Разгром бичераховского мятежа 220
Глава IV. Ликвидация сорокинщины 242
Глава V. Бои на Тереке и в Ставрополье и отход XI армии на Астрахань. 258

IV. Разгром Деникина и восстановление советской власти на Северном Кавказе

Глава I. Первый период партизанской борьбы в тылу у Деникина на Северном Кавказе (1919 г.) 273
Глава II. Красные партизаны и разгром Деникина на Северном Кавказе 291
Глава III. Восстановление советской власти на Северном Кавказе . . 321

Редактор проф. *Э. Генкина*. Тираж 30 тыс. Подписано к печати 8 марта 1941 г. А 32845. 20³/₄ печ. листов. 21,2 авт. листов. 40,9 тыс. зн. в 1 печ. л. Цена книги в переплете 6 руб. Зак. № 1503.

3-я типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Краснопролетарская, 16.